

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ
СЕМАНТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Редколлегия

И. Ф. ВАРДУЛЬ, Н. А. ДВОРЯНКОВ,
Л. В. МАЛАХОВСКИЙ, Ю. Я. ПЛАМ, Г. Д. САНЖЕЕВ
А. Е. СУПРУН, Б. Г. ТАЙЕРБЕКОВ, В. С. ХРАКОВСКИЙ

Ответственный редактор
В. М. СОЛНЦЕВ

Сборник составлен на основе материалов дискуссии по актуальным проблемам семантики, происходившей в Институте востоковедения АН СССР в 1971 г. В сборнике представлены статьи по широкому кругу вопросов лингвистической семантики. Часть статей посвящена общим проблемам семантики, другая часть затрагивает конкретные семантические проблемы на материале отдельных языков, преимущественно восточных. Большинство статей посвящено малоизученным и дискуссионным проблемам.

П $\frac{70101-106}{013(02)-74}$ 229-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ, ИЛИ ЯЗЫКОВОМ ЗНАЧЕНИИ

(вместо предисловия)

Термин *семантика* в лингвистике имеет, как известно, два основных значения. Во-первых, семантикой называют раздел языковедческой науки — то же, что и «семасиология». Это, согласно словарю О. С. Ахмановой, «раздел языкознания, изучающий значение (содержание, внутреннюю сторону) языковых единиц»¹. Во-вторых, термином *семантика* обозначают собственно содержание, внутреннюю сторону языковых единиц. В этом случае термин *семантика* эквивалентен термину *значение*. Использование термина *семантика* в первом значении, по-видимому, особых разногласий и споров не вызывает. Что касается второго значения этого термина, то здесь дело обстоит иначе. В этом случае понятие *семантика*, или его эквивалент *значение*, делит судьбу многих научных понятий, которыми пользуются в исследовательской работе без достаточных определений. Нельзя сказать, чтобы в лингвистике не было определений этого понятия. Их более, чем достаточно². Однако определений, которые устраивали бы лингвистов даже в рамках одной школы или одного направления, фактически нет. Тем не менее каждый языковед так или иначе знает, что такое семантика, или значение, но знает это прежде всего «для себя» и «про себя». К понятию *семантика*, или *значение*, можно применить слова Ф. де Соссюра, сказанные им по поводу другого, не менее важного лингвистического понятия *слово*: значение есть нечто неотступно представляющееся нашему уму. Однако вся сложность состоит в том, что это нечто представляется нашему уму по-разному. Трудности и разногласия в определении того, что такое *значение*³, во многом обусловлены тем, что *значение* относится к сфере явлений, не поддающихся прямому наблюдению и измерению. Поэтому лингвист должен, говоря словами И. А. Бодуэна де Куртенэ, сказанными им по поводу языка как целого, «только через сопоставление и разные научные соображения составить себе о нем понятие»⁴. Научные же

¹ О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 401.

² См., например, одно из удачных, хотя и не полных, с моей точки зрения, определений значения в «Словаре лингвистических терминов»: «Отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется... (стр. 160).

³ Ниже я буду пользоваться термином *значение*, когда речь будет идти о «содержании, внутренней стороне языковых единиц».

⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, — Избранные труды по общему языкознанию, М., 1963, стр. 63.

соображения непременно включают определенные теоретические установки и то или иное представление об онтологическом статусе языка вообще и того, что именуют значением, в частности. Это, пожалуй, решающим образом влияет на понимание того, что есть *значение*.

Какое-то время тому назад некоторые направления лингвистики, в частности американский дескриптивизм, отказывались, как известно, от рассмотрения понятия *значения* и учета в лингвистическом анализе того, что именуют значением. Развитие лингвистики за последние годы показало, однако, что опыты лингвистических исследований без учета смысловой стороны языковых единиц практически дают очень мало и ведут в тупик. Более того, можно сказать, что исключение категории значения из исследовательского процесса было скорее декларативным, чем реальным. Фактически без учета смысловой стороны языка не обходились направления, даже самые радикальные с точки зрения изгнания значения из лингвистического рассмотрения. Иначе не могло и быть. Язык потому и есть язык, а не простые комбинации звуков, что его единицы *осмыслены*, включают в себя различные значения, способны выражать те или иные идеи и мысли. Семантика, или значение,—это душа языка. Язык без значений составляющих его единиц низводится на положение обычного физического явления и перестает быть средством общения людей.

Необходимость изучения и исследования того, что называют значением, сейчас, по-видимому, осознается всеми направлениями языкознания, а в понимании термина *значение* царит тем больший разнобой.

* * *

Статьи, представленные в настоящем сборнике, посвящены самым различным проблемам лингвистической семантики, в том числе вопросам так называемой лексической и грамматической семантики. В этих статьях содержится ряд новых оригинальных идей как в отношении общих вопросов семантики, так и ряда частных семантических проблем. Кроме того, в статьях сборника много интересных данных о семантических явлениях в конкретных языках. Некоторые статьи посвящены методическим и методологическим вопросам семантического исследования. Важной особенностью сборника является то, что многие авторы — исследователи восточных языков, материал которых до сего времени недостаточно учитывался общим языкознанием. Статьи сборника написаны лингвистами, принадлежащими к различным направлениям советского языкознания, и отражают воззрения на семантику, характерные для этих направлений. Всех авторов объединяет признание безусловной необходимости изучения семантической стороны языка. Однако в понимании природы и сущности языкового значения многие авторы в достаточной мере расходятся между собой. С рядом трактовок значения, предложенных в работах сборника, согласиться вряд ли возможно. Так, вызывает возражения, например, сведение того, что называется семантикой, или значением, исключительно к понятию переводимости (переводимость по сути дела означает соответствие ряда лингвистических единиц друг другу), а также трактовки значения, связанные с онтологизацией исследовательских приемов (неразличение или недостаточное различение операционных понятий и реалий языка при так называемом компонентном анализе). Спорными представляются и решения теоретических вопросов семантики на основе концепции глубинных и поверхностных структур. Словом, в статьях сборника содержится много дискуссионных положений. По-видимому, и позиция автора настоящих строк покажется спорной или неприемлемой некоторым авторам сборника. Все это отражает те споры и дискуссии, которые имеют место в советском языкознании по вопросу о природе и характере языкового значения и которые, надо надеяться, будут способствовать в конечном итоге решению дискутируемых вопросов с материалистических научных позиций.

В соответствии с дискуссионным духом настоящего сборника, я попытаюсь изложить, также в порядке дискуссии, некоторые соображения о языковом значении⁵.

Прежде всего, то, что называют значением есть нечто, относящееся к сфере идеального, к сфере человеческого сознания. Проблема значения возникает в науке при исследовании одного из видов деятельности людей, а именно процесса их общения между собой с помощью языка. Процесс общения с помощью языка внешне выступает в форме производства особым образом упорядоченных звуковых комплексов. Один из общающихся производит («делает») с помощью органов речи определенные звуковые комплексы и тем самым *выражает* какую-либо мысль или идею⁶. Другой воспринимает с помощью органов чувств эти звуковые комплексы и *понимает* данную мысль или идею.

Что значит *выразить* мысль и что значит *понять* выраженную кем-то мысль? Мысль, как известно, продукт процесса мышления, являющегося особой функцией или свойством человеческого мозга, есть факт сознания, есть идеальное. Ее нельзя «отделить» от мыслящего мозга, нельзя «вынуть» из головы, «прикрепить» к звуковому комплексу и «перенести» по воздуху или какой-либо другой среде к слушающему и поместить в его голову. В самом звуковом комплексе, о котором говорят, что он выражает и сообщает (передает) мысль, никакой мысли обнаружить невозможно. Любые исследования могут показать только одно: данный звуковой комплекс есть набор упорядоченных звуковых сигналов, есть колебание звуковых волн определенной длины, не более. Тем не менее акт выражения и понимания мысли имеет место. Чем обеспечивается этот акт? Он обеспечивается тем, что звуковой комплекс, с помощью которого осуществляется этот акт, выступает как знак, как некоторый материальный предмет, служащий для обозначения чего-либо другого. Свойство предмета быть знаком не есть его природное свойство. Это есть социально приписанное и социально закрепленное за ним свойство. Это значит, что общающиеся с помощью знака лица (минимум два человека) должны знать, что данный материальный предмет (в языке — некоторый звуковой комплекс) используется для указания на что-то определенное (находящееся вне этого предмета). При наличии такого знания материальный предмет становится знаком и может выступать как средство общения. Выражение мысли с помощью звукового комплекса — знака означает, что говорящий использует физический сигнал для указания на наличие в его голове какой-либо идеи или мысли. Поскольку этот физический сигнал — знак есть средство указания именно на данную идею или мысль (и это известно слушающему), постольку в голове лица, воспринявшего этот сигнал, или знак, «возбуждается» идея или мысль, аналогичная той, которая имела в голове производителя этого сигнала. Идея или мысль не передается через пространство. В голове слушающего появляется не переданная ему мысль извне, а своя собственная, но аналогичная мысли говорящего. Понимание, таким образом, есть своего рода резонансная мысль⁷. Степень ее адекватности мысли говорящего может быть различной. В соответствии с этим

⁵ Эта точка зрения на сущность и природу значения подробно изложена в книге «Язык как системно-структурное образование» (М., 1971 г.). Здесь будут приведены некоторые дополнительные соображения по этому вопросу.

⁶ Здесь и ниже термины *мысль* и *идея* используются для обозначения любого мыслительного содержания и любой формы мысли (понятие, суждение и т. п.).

⁷ Из сказанного между прочим, следует, что широко распространенное в лингвистике выражение «передача мысли» есть не что иное, как метафора. Мысль не передается буквально, она лишь резонансно возбуждается.

имеет место либо полное понимание, либо частичное, либо вообще непонимание. Последнее имеет место в том случае, если слушающий плохо знает или совсем не знает, сигналом какой идеи или мысли является воспринятый им звуковой комплекс⁸. Известное и говорящему и слушающему некоторое мыслительное содержание (идея, понятие), средством указания на которое выступает данный звуковой комплекс, и является значением этого звукового комплекса, или значением данного знака.

Что же представляет собой это мыслительное содержание, определяемое как значение? Как оно образуется в голове человека? Сознание человека, как известно, есть результат взаимодействия человека с внешним миром. В истоке сознания, как это устанавливает марксистская гносеология, лежит отображение внешнего мира в голове человека⁹. Факты внешнего мира отражаются и перерабатываются в факты сознания, в идеальное. В результате познающей деятельности человека (это познание может быть научным и может быть стихийно-практическим, необходимым для правильной ориентации во внешнем мире) бесконечная конкретность опытных данных обобщается в категориях сознания — представлениях, понятиях, идеях. В условиях совместной жизни и деятельности людей (непременным условием взаимодействия людей является процесс их общения друг с другом, который называют «обмен мыслями») в головах людей образуются сходные, аналогичные понятия и идеи, в которых одинаковым образом отображаются и перерабатываются в абстрактной, обобщенной форме данные познания внешнего мира (непрестанное общение вносит коррективу в процесс отображения опытных данных и создает единообразие результатов отображения). Возникают некоторые мыслительные константы в сознании людей, принадлежащих определенному социуму. Эти константы сознания с момента возникновения оказываются закрепленными общественной практикой за определенными звуковыми комплексами — знаками в виде их значений. Являясь фактами сознания, значения, закрепленные за звуковыми комплексами — знаками, становятся одновременно и фактами языка значения образуют, как принято говорить, внутреннюю сторону единиц языка. Внешней стороной единиц языка являются звуковые комплексы. Они же представляют собой знаки, указывающие на данные значения. Таким образом, единство звукового комплекса — знака и того значения, на которое он указывает, есть единица языка, в частности слово. Значение слова является, с одной стороны, некоторой константой сознания, итогом или результатом познания человеком внешнего мира, с другой стороны, есть языковая величина — семантическая единица языка.

Эта константа сознания по своей природе соответствует той форме мысли, которую называют понятием. Можно сказать, что значение языко-

⁸ Неполное понимание может быть связано с различием жизненного опыта говорящих. Даже простейшая идея или понятие *дом* может иметь разное осмысление для говорящего и слушающего. Произведя сигнал «дом», соответствующий понятию *дома* в голове говорящего, говорящий пробуждает данную идею в голове слушающего, но у слушающего с этой идеей могут ассоциироваться несколько иные представления, чем у лица, произведшего сигнал. Данный пример есть пример простейшего вида общения. Люди общаются обычно не изолированными знаками, а комбинациями знаков, выражая ими «относительно законченные мысли» и резонансно возбуждая в голове слушающего аналогичные «относительно законченные мысли». При этом создается еще больше возможностей для недопонимания или неполного понимания в силу ряда причин, в том числе и того различия, которое имеется между значением (или суммой значений) и смыслом (см. ниже).

⁹ «...в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове...» (В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, — Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 5).

вой единицы, и в частности слова, есть понятие. В словах обиходного языка в качестве значений выступают не научные понятия, а стихийно-практические. Так, мы можем сказать, что значением слова «дом» является понятие о классе предметов, предназначенных для жилья, т. е. о классе реальных домов.

Между *понятием* и *значением* иногда нет необходимости проводить различие. Иногда же различие все же проводить нужно, в особенности между научным понятием и значением слова. Понятия «не статичны, не окончательны, не абсолютны, а находятся в состоянии развития, изменения, прогрессируя в сторону адекватного отражения действительности»¹⁰. Значения представляют собой нечто стабильное в понятии.

Значение, как некоторая константа сознания, как постоянное, стабильное в понятии, содержит тот минимум признаков понятия, который известен всем лицам, говорящим на данном языке. Именно наличие таких значений в сознании людей данного социума и связанных с одним и тем же звуковым комплексом — знаком, делает возможным процесс общения, позволяет говорящим выражать свои мысли при помощи знаков (или комбинаций знаков) и пробуждать (возбуждать) резонансно аналогичные мысли у слушающих.

Если понятие *стол* и есть значение слова «стол», то значение слова «движение» явно отлично от терминологического понятия *движение*. В этом случае разграничение категорий *значения* и *понятия* имеет смысл: значение слова «движение» известно всем, говорящим на русском языке, что касается научного понятия *движения*, то оно известно далеко не всем и различно, например, для физика и биолога.

В силу того что знаки языка указывают на некоторое обобщенное мыслительное содержание — значение, они могут быть соотнесены с любым предметом, свойством, процессом, явлением и т. п., обобщенно отраженным в этом мыслительном содержании — значении. В качестве факта сознания значения выступают своего рода посредниками между знаком и теми предметами (в широком смысле), которые этот знак замещает, поскольку соотнесение знака с предметом замещения всегда опосредствуется сознанием, есть результат осознанной человеческой деятельности. В этом состоит одна из важнейших функций значения — делать знак применимым к бесчисленному количеству реальных предметов, процессов и т. п., которые приходится «называть» в процессе общения. Эту функцию значение может реализовать только в силу своего отражательного характера. Звукоряд *с-т-о-л*, используемый в качестве знака в русском языке, поэтому и может быть средством обозначения любого стола, что в сопряженном с ним значении, т. е. в том значении, которое в русском языке закреплено за ним, отражены общие свойства и признаки всех реальных столов.

Здесь излагаются (в специально упрощенном виде для обнажения существа дела) некоторые исходные представления о том, что такое значение в языке, ясности ради на примере значения слова. Такое понимание значения несовместимо с пониманием значения как вида отношения; ни как отношения звучания к понятию, ни как отношения знака к предмету замещения; ни как чего-то возникающего из отношений знаков языка друг к другу, ни как отношения значений друг к другу. Такое понимание значения может вызывать критику за его «атомарность» и «несистемность». Кроме того, пониманию значения как отражательной категории как будто бы противоречат факты переносного, метафорического употребления слов, когда слово по своему прямому значению «значит» одно, а употребляется для обозначения совсем другого. (Например, «эх, ты — дубина» — о человеке.)

Но обоснована ли такая критика? Расчлененность значений, их дискретность и, если угодно, «атомарность» отражают лишь расчлененность и дискретность внешнего мира. Расчлененность и дискретность вовсе не

¹⁰ Философский словарь, М., 1968, стр. 282.

противоречат системности. Более того, дискретность чего-либо есть условие возможности вхождения этого «чего-либо» в некоторую систему на правах элементов. В составе же системы, вступая в разнообразные системные связи и отношения, эти элементы образуют сложные взаимодействия, приобретают особые системные свойства, которые нельзя у них обнаружить при рассмотрении их вне системы¹¹.

Системность значений языка, по-видимому, складывается под влиянием двух факторов — во-первых, объективной системности и упорядоченности внешнего мира, отображением которого в конечном счете они являются, и, во-вторых, под влиянием их собственного взаимодействия и взаимовлияния. Если взять лексическую систему языка, то с известной долей упрощения можно сказать, что системность лексики (= системность лексических значений) — это в известном смысле отображенная системность внешнего мира. В самой же лексической системе кроме складываются специфические системные отношения, обусловленные свойствами лексических единиц и их взаимодействием между собой. Таковыми, например, являются отношения синонимии, омонимии, антонимии и т. д. и т. п. В лексической системе обнаруживаются различные «семантические поля» и другие группировки лексики, которые складываются как в результате отображения в лексических системах внешнего мира, так и благодаря внутрисистемному взаимодействию лексических значений. В языковой системе слова группируются в классы, именуемые частями речи, в соответствии с их грамматическими свойствами. Эти классы слов в свою очередь находятся в разнообразных системных отношениях, специфических для каждого языка. Процессы словообразования ведут к появлению так называемых родственных слов, имеющих общие компоненты, или части. Роль чисто языковых, внутрисистемных факторов в складывании лексической системы исключительно велика. Но все это не противоречит дискретности и отдельности лексических значений как отражательных категорий. Все это не должно застилать того простого и достаточно очевидного факта, что в значениях слов любого языка заключены *знания* того или иного народа о том мире, в котором он живет; причем знания в целом не искаженные, а достаточно адекватно отображающие объективное устройство внешнего мира, что обусловлено практической деятельностью людей.

Коснемся далее вопроса «переносных» значений. Исходное значение слова не является ни переносным, ни метафорическим. Явление переносных и метафорических значений не противоречит отражательному по своей исходной природе характеру значений. Ведь переносное значение слова в своем истоке является прямым. Слово «дубина» имеет прямое значение как обобщенное наименование некоторого класса предметов определенного вида и типа. Использование этого слова является и остается прямым до тех пор, пока мы применяем это слово для обозначения любого из предметов, относящихся к данному реальному классу (к классу дубовых палок). Когда же мы используем это слово переносно, то мы фактически мысленно включаем в класс предметов данного вида предмет, относящийся к классу других предметов. Этим самым мы как бы подравниваем по свойствам этот новый предмет к предметам данного класса. (Например, «человека» относим к классу «дубин» и тем самым как бы наделяем его соответствующими свойствами.) Это создает определенный выразительный и эмоциональный эффект. Таким образом, в основе переносного, метафорического использования слов (и их значений) лежит не что иное, как искусственное, нарочитое нарушение правила номинации. Когда, при:

¹¹ Не следует полагать, что сначала изолированно сложились отдельные значения (и единицы языка), а затем кто-то объединил их в систему. Складывание значений языка и системы языка можно представить себе лишь как единовременный процесс. Значения единиц языка и сами единицы с самого начала несут на себе печать системности и обладают системными свойствами.

определенных условиях, исходное значение часто употребляемого слова забывается, его «испорченное», «неправильное» значение становится основным, и его, конечно, в этом случае трудно считать отражением или отображением данного реального класса предметов. Оно возникло как отображение совсем другого класса предметов. В силу этого все виды переносных, метафорических употреблений слов (а их в языке неисчислимо количество) отнюдь не противоречат пониманию значения как *отражательной категории* в своем исток е.

Значения лексических единиц — слов позволяют уяснить отражательную природу языкового значения как некоторых фактов сознания гораздо проще, чем значения грамматических элементов языка, значения разных конструкций, предложений и т. д. в силу того, что значения лексических единиц, как принято говорить — предметно ориентированы, имеют отчетливые экстралингвистические корреляты. Но и различные виды так называемого грамматического значения также представляют собой некоторые факты сознания, хотя и не столь явно (а иногда вообще неявно) предметно ориентированные. Элементарным и хорошо известным примером отражательного характера грамматического значения могут служить значения грамматического рода, например в индоевропейских языках, отражающие в истоке деление живых существ по полу, или грамматическое значение одушевленности — неодушевленности. Грамматические значения — значения высокой степени абстрактности. Многие из них прошли через различные зигзаги абстрагирующей деятельности сознания, и до их отражательной первоосновы докопаться действительно трудно, а то и невозможно вообще. Грамматические значения, видимо, гораздо в большей степени, чем лексические, испытывают в своем формировании внутрисистемные влияния, поскольку именно они прежде всего формируют внутреннюю упорядоченность, т. е. структуру языка как некоторой системы, которая используется в качестве средства общения. Некоторые виды грамматических значений, по-видимому, являются абстракциями. В них отображаются внутриязыковые отношения и связи. В последнем случае искать какие-либо внеязыковые реалии, им соответствующие, — дело совершенно бесполезное. Но грамматические значения, так же как и лексические, представляют собой некоторые факты человеческого сознания.

Эти факты сознания, однако, в своем большинстве настолько отвлечены от каких-либо реалий, что они не осознаются лицами, пользующимися языком. Значения, например, классов слов как частей речи представляют собой классификационные значения, сопутствующие так называемому вещественному значению. Они позволяют отнести то или иное слово к определенному разряду или классу, но их содержание не «переживается» сознанием говорящих, как может переживаться значение любого «предметно» ориентированного слова.

Известно, что между так называемыми лексическими и грамматическими значениями нет абсолютной границы. Историки языка прослеживают переход и трансформацию лексических значений в грамматические¹². Связь лексических и грамматических значений подтверждает возможность говорить о грамматических значениях именно как о фактах сознания. Во многих языках (в китайском, тайском, вьетнамском, кхмерском и т. д.) имеются слова, значение которых двойственно: оно проявляется то как лексическое, то как грамматическое (так называемые глаголы-предлоги, существительные-послелogi), причем исходным является именно лексическое, «вещественное» значение.

Предельно абстрактный и обобщенный характер различных моделей, или конструкций предложений, делает их соотносимыми (при наполнении

¹² Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, — Избранные труды, т. 1, М., 1956, стр. 148.

их реальными словами, обладающими лексическими значениями) с бесконечным количеством реальных и мыслимых ситуаций, мысль о которых выражает или может выразить говорящий. Этим модели, или конструкции предложений, напоминают математические формулы.

Как факты сознания, как отражательные в своем истоке категории значения языка глобальны и не членятся на реально составляющие их части¹³. Поскольку в значениях отображены свойства и признаки классов предметов, процессов, явлений и т. п., постольку в содержании самого значения мы можем в ходе анализа обнаружить те или иные признаки, которые являются отображением реальных свойств и признаков. Фактически выявлением и описанием этих признаков занимается так называемый компонентный анализ. Этот анализ представляет собой одну из методик исследования содержания значений и в качестве такой методики, безусловно, имеет право на существование в науке, как и многие другие методики. Вызывает, однако, возражение проскальзывающее в компонентном анализе гипостазирование выделяемых признаков значения, тенденция рассматривать эти признаки как части или компоненты значений, которые можно тасовать, «перекомпоновывать», прибавлять, убавлять и т. д., что ведет якобы к получению новых значений. Это — иллюзия и заблуждение, связанные с тем, что при этом не учитывают отражательного характера значений как фактов сознания. «Убирая» или «прибавляя» какой-либо «компонент», еще ни один лингвист не получил нового значения. Значения складываются исторически, совершенно независимо от воли или желания исследователя. Единственное, что может сделать лингвист, — это, сравнив два имеющихся в языке значения по их признакам, одинаковым образом выделенным, констатировать, что эти значения различаются тем или иным признаком, не более. По-видимому, при достаточно осторожном использовании «компонентный анализ» может быть вполне полезен для исследования, группировки, классификации и т. п. значений единиц языка.

Выше языковые значения были определены как некоторые константы сознания. Это вовсе не значит, что значения абсолютно неподвижны, статичны, неизменяемы. Они лишь относительно стабильны, относительно неподвижны. Они стабильны на каждый данный период существования языка как средства общения. Их относительная стабильность обеспечивает бесперебойное общение посредством языка, обеспечивает адекватное понимание того, что говорится или пишется на данном языке. С развитием языка изменяются и его значения. Изменение значений и есть важнейшая форма процесса изменения и развития языка. (Я не касаюсь сейчас процесса изменения звуковой стороны языка.) Так обстоит дело с точки зрения исторической перспективы.

В каждый данный временной срез — в синхронном плане — стабильные значения обеспечивают образование непрерывно изменяющихся, текущих, развивающихся по своему содержанию мыслей, имеющих логическую форму суждений, различных видов умозаключений и т. д. В качестве смысловой стороны единиц языка (и комбинаций единиц языка) значения влетены как константы сознания в структуру мысли. Они служат опорами, вехами при формировании мысли. Сама мысль есть нечто большее, чем сумма языковых значений, хотя языковые значения органически в нее входят. Некоторые лингвистические работы стремятся провести различие между значением и смыслом. Смысл порождается с помощью значений, но не сводится ни к отдельным значениям, ни к их сумме. Такое различие, по-видимому, отражает реальные процессы использования языка (и языковых значений) примыслеобразовании. Здесь нет ни места, ни возможности разбирать сложнейший вопрос взаимоотношения языковых значений и образуемой с их помощью и в значительной мере на их базе

¹³ Подробнее см. В. М. Солнцев, *Язык как системно-структурное образование*, М., 1971, стр. 136, 199, 200, 236.

мысли. Я ограничусь здесь констатацией того, что языковые значения как некоторые мыслительные константы непосредственно участвуют в формировании мысли.

Одна из важнейших особенностей человеческой мысли — это ее творческий характер. Работа мысли, в конечном итоге, творит языковые значения, которые фиксируются в материальных знаках (звуковых комплексах) того языка, которым пользуется данный коллектив людей. Мысль, порождая мыслительные константы — языковые значения, в то же время опирается на них в процессе своего образования. Язык, состоящий из двусторонних единиц и набора правил (в широком смысле) комбинирования единиц, в определенном отношении является порождением мысли и в то же время своего рода техническим средством для формирования и внешнего выражения мысли с целью сообщения ее другим людям. (О существе процесса сообщения или «передачи» мысли говорилось выше.) Когда говорят о творческой, порождающей силе языка, то часто не учитывают, что творческой, порождающей силой обладает не сам язык, а мышление, создающее язык для своих нужд и использующее его в процессе самого себя.

В. Солнцев

И. Ф. ВАРДУЛЬ

МЕСТО СЕМАНТИКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Знаковые системы, или — сокращенно — ЗС (по крайней мере те, разновидностью которых являются естественные языки), можно разделить на простые и сложные. Простые ЗС имеют в своем составе:

(1) множество низших единиц, или Н-единиц, неделимых в пределах данной системы¹;

(2) множество высших единиц, или В-единиц, представляющих собой отдельно взятые конечные последовательности Н-единиц (не исключено, что эти последовательности могут состоять и из одной Н-единицы);

(3) правила построения, т. е. правила, регламентирующие построение В-единиц системы из ее Н-единиц безотносительно к тем ограничениям, которые могут накладываться правилами (5). В модели правила построения рационально разделить на правила построения формул В-единиц и правила замещения переменных Н-единицами. Применение правил замещения преобразует формулы В-единиц в правильно построенные В-единицы;

(4) правила обозначения, указывающие, что обозначают Н- и В-единицы, какую информацию они несут;

(5) правила коррекции, ограничивающие действие правил (3) с учетом правил обозначения. Применение этих правил выделяет среди правильно построенных В-единиц скорректированные правильно построенные В-единицы. Строго говоря, В-единицами системы признаются только последние.

Примером простой знаковой системы может служить система, принятая в цифровых часах (в этой системе, например, «без четверти десять» обозначается набором из четырех цифр — 0945).

¹ Выражения «единица знаковой системы» и «знак» понимаются в статье как синонимы.

Н-единицами в этой ЗС являются символы 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

Формула В-единиц — PQRS.

Правила замещения предусматривают, что каждая переменная в формуле замещается одной из Н-единиц. Накладывается только одно ограничение: все Н-единицы одной В-единицы не могут быть равны 0.

Правильно построенными В-единицами являются 0001, 0002 и т. д. (в том числе такие четверки, как 0060 или 2401).

Правила обозначения определяют, что Н-единицы из области значения Р несут информацию о десятках часов, Н-единицы из области значения Q несут информацию о единицах часов, Н-единицы из области значения R несут информацию о десятках минут, Н-единицы из области значения S несут информацию о единицах минут. В-единицы обозначают время суток с точностью до минуты.

В соответствии с правилами обозначения правила коррекции устанавливают:

- а) на место Р подставляются только 0, 1 и 2;
- б) на место Q подставляется любая Н-единица; но если $P = 2$, то на место Q подставляются только Н-единицы от 0 до 4;
- в) на место R подставляются только Н-единицы от 0 до 5, но если $P = 2$ и $Q = 4$, R всегда равно 0;
- г) на место S подставляется любая Н-единица, но если $P = 2$ и $Q = 4$, S всегда равно 0.

Скорректированными правильно построенными В-единицами, т. е. В-единицами в строгом смысле, являются 0001, 0002, ..., 0059, 0100, ..., 0959, 1000, ..., 2359, 2400 (в число скорректированных правильно построенных В-единиц такие последовательности, как 0060 и 2401, не входят).

Знаковые системы, подобные только что описанной, относятся к классу интерпретированных. Знаковые системы, в которых отсутствуют правила обозначения, а следовательно, и правила коррекции, называются неинтерпретированными. О единицах последних известно только, что они есть знаки. Но что именно эти знаки обозначают — остается неопределенным. Так, можно говорить о некоторой знаковой системе, Н-единицами которой являются символы от 0 до 9, а В-единицами — знаки-четверки 0001, 0002 и т. д. Можно подсчитать, сколько В-единиц включает эта система, можно вычислить количество информации, приходящееся на каждую Н- и В-единицу. Но до тех пор пока не введены правила обозначения и коррекции — те, которые определяют, что В-единицы несут информацию о времени суток, и соответственно сокращают число В-единиц, — в этой ЗС нельзя признать систему цифровых часов.

Таким образом, чтобы превратить неинтерпретированную знаковую систему в интерпретированную, надо дополнить ее правилами обозначения и коррекции. Такое дополнение ЗС называется ее интерпретацией.

Сложные знаковые системы отличаются от простых тем, что они состоят из иерархически соположенных подсистем, каждая из которых аналогична по своему составу простой знаковой системе — интерпретированной или неинтерпретированной. Эти подсистемы удобно называть ярусами. Обратимся к примерам.

В шахматных соревнованиях по переписке применяется цифровая нотация. Поле шахматной доски в этой нотации обозначается двумя цифрами. Первая ориентирует поле по горизонтали, вторая — по вертикали. Ход обозначается четырьмя цифрами. Из них первые две указывают на исходное поле, вторые две — на поле, куда перемещается фигура в результате хода. Например, ход e2—e4 обозначается в этой нотации 5254.

Если бы эта знаковая система была неинтерпретированной, ее можно было бы рассматривать как простую, в которой Н-единицами являются символы от 1 до 8, а В-единицами — четверки Н-единиц. Но она интерпретирована, и интерпретация не позволяет считать ее простой, поскольку знаки шахматных ходов непосредственно не сводимы к координатным характеристикам полей. В этой ЗС должно быть признано наличие двух ярусов — нижнего и верхнего.

Нижний ярус. Имеется два вида Н-единиц, совпадающих по выражению: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

Формула В-единиц — PQ.

Правило замещения для P: на место P подставляется любая Н-единица первого вида от 1 до 8. Правило замещения для Q: на место Q подставляется любая Н-единица второго вида от 1 до 8. (Таким образом, Н-единицы первого вида препозиционны, Н-единицы второго вида постпозиционны. Именно это их и различает.)

Правильно построенными В-единицами являются 11, 12, ..., 18, 21, ..., 88.

Правила обозначения устанавливают, что Н-единицы первого вида ориентируют шахматные поля по горизонтали, Н-единицы второго вида — по вертикали, а В-единицы являются знаками этих полей.

Правила коррекции не накладывают никаких дополнительных ограничений. Поэтому все правильно построенные В-единицы являются скорректированными.

Верхний ярус. Н-единицы этого яруса в плане выражения совпадают с В-единицами нижнего яруса и делятся на два вида, тоже совпадающих друг с другом по выражению: 11, 12, ..., 18, 21, ..., 88.

Формула В-единиц — RSTU, где R и T равно P, а S и U равно Q.

Правила замещения переменных: на место RS подставляются Н-единицы первого вида, на место TU подставляется любая Н-единица второго вида.

Правильно построенными В-единицами являются 1111, 1112 и т. д.

Правила обозначения интерпретируют Н-единицы первого вида как знаки исходного поля, Н-единицы второго вида — как знаки поля, на которое переходит фигура, а В-единицы — как знаки шахматных ходов.

Правила коррекции вводят следующие ограничения:

- а) RS не может быть равно TU;
- б) должно быть $R = T$ или $S = U$;
- в) если R не равно T и S не равно U, то должно быть $R - T = S - U$ или $T - R = U - S$;
- г) если R не равно T, S не равно U, $R - T$ не равно $S - U$ и $T - R$ не равно $U - S$, то должно быть либо $R - T = 1$ (или $T - R = 1$) и $S - U = 2$ (или $U - S = 2$), либо $R - T = 2$ (или $T - R = 2$) и $S - U = 1$ (или $U - S = 1$).

Скорректированными правильно построенными В-единицами являются 1112, 1113 и т. д. (такие правильно построенные В-единицы, как 1111 или 1124, не относятся к скорректированным).

В качестве другого примера можно взять систему обозначения телефонных абонентов с четырехзначными номерами. Если бы это была неинтерпретированная ЗС, ее можно было бы представить как простую (Н-единицы: от 0 до 9; В-единицы: любые четверки Н-единиц, кроме 0000). Но если принять во внимание интерпретацию, учесть, что исходные символы системы ничего не значат, а их четверки обозначают номера телефонов, надо заключить, что содержание четверок как телефонных номеров не составляется из содержаний исходных символов и что, следовательно, эта знаковая система является сложной. В ней два яруса.

Нижний ярус. Н-единицами являются символы 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

Формула В-единиц — PQRS.

Правила замещения переменных допускают подстановку на место любой переменной любой Н-единицы. Оговаривается лишь одно ограничение: все Н-единицы одной В-единицы не могут быть равны нулю.

Правильно построенными В-единицами являются 0001, 0002, ..., 9999.

Правило обозначения дает интерпретацию, которую можно назвать негативной: Н- и В-единицы этого яруса ничего не обозначают. (А в том, что они интерпретированы, не мо-

жет быть сомнений. Неинтерпретированные системы и подсистемы позволяют ввести в них правила обозначения, т. е. позволяют интерпретировать их. Здесь же никаких других правил обозначения, кроме названного, нет, и введение их невозможно.)

Негативная интерпретация нейтрализует действие правил коррекции; все правильно построенные В-единицы признаются скорректированными.

Верхний ярус. Н-единицы этого яруса совпадают по выражению с В-единицами нижнего яруса: 0001, 0002, ..., 9999.

Формула В-единиц — Т.

Правило замещения устанавливает, что на место Т может быть поставлена любая Н-единица без ограничений.

Правильно построенные В-единицы совпадают по выражению с Н-единицами: 0001, 0002, ..., 9999.

Правило обозначения интерпретирует Н-единицы, а вместе с ними и В-единицы как номера телефонов.

Правила коррекции признают скорректированными все правильно построенные В-единицы.

В связи с описанными выше ЗС следует подчеркнуть две вещи.

(1) Чтобы раскрыть внутреннее строение интерпретированной знаковой системы, надо непременно учитывать ее интерпретацию. Это требование вытекает уже из того, что такие ЗС имеют в своем составе правила коррекции, ограничивающие применение правил построения и вместе с тем входящие в интерпретирующую часть ЗС. Правда, при описании формализованных систем, каковыми являются все рассмотренные выше ЗС, эти правила поддаются в модели включению в правила построения, что можно показать, например, на ЗС цифровых часов. Но в случае неформализованных систем такой способ описания невозможен. А это доказывает, что он не правомерен вообще, ибо очевидно, что семиотическое описание в основе своей не должно зависеть от формализованности или неформализованности его объекта. Есть и еще одно свидетельство в пользу сформулированного требования. Существуют такие сложные (и притом формализованные) ЗС, которые, если отвлечься от их интерпретации, легко принять за простые (ср. шахматную нотацию или ЗС номеров телефона). Следовательно, пренебрежение интерпретацией может привести к искаженному представлению об описываемой системе. Это не означает, что интерпретированные ЗС нельзя анализировать в отвлечении от интерпретации. Такой подход тоже возможен (и для полного охвата системы необходим), но только после описания ЗС в единстве с интерпретацией.

(2) Наряду с позитивной возможна негативная интерпретация. При такой интерпретации единственное правило обо-

значения гласит, что единицы данного яруса ничего не обозначают, несут асемантическую [1, 39] информацию, а правила коррекции подтверждают правила замещения. Надо только иметь в виду, что негативная интерпретация допустима лишь в отношении самого нижнего яруса (или нескольких нижних ярусов) сложной ЗС. Сказать обо всех единицах некоторой знаковой системы, что они ничего не обозначают, все равно что сказать, что данная система не является знаковой.

* * *

С тех же позиций можно подойти к естественному языку, если под «естественным языком» понимать то, что в [2, 24—28] было названо языковой системой (ЯС). Языковая система статична (не изменяется), хотя на уровне реализации (ЯС^р) она способна к вариативности. Конкретный язык — русский, английский или японский — представляет собой множество реализованных в нем ЯС. История конкретного языка есть процесс смены одних ЯС другими, минимально отличными от предыдущих. ЯС не совпадает с синхронным состоянием языка. В каждом синхронном состоянии реализуется много ЯС, различающихся между собой по линии «общность—диалектность», «современность—устарелость», «узуальность—неузуальность». ЯС не совпадает и с идиолектом. Число идиолектов зависит от числа носителей языка, число же ЯС зависит от числа языковых фактов, не совмещающихся в одной системе.

ЯС есть сложная система, образуемая восьмью ярусами — фонологическим, морфонологическим, супрафонологическим, морфологическим, морфосинтаксическим, синтаксическим, интерсинтаксическим и супрасинтаксическим. Из них фонологический, морфонологический и супрафонологический ярусы интерпретированы негативно, остальные — позитивно. Подробнее о ярусном строении ЯС см.: [3] и [4].

Но описание ЯС затруднено не только их многоярусностью. Существуют и другие трудности, обусловленные особым положением естественного языка в ряду знаковых систем. Одна из них — факт неформализованности ЯС, следствием которого является наличие многочисленных омонимов во всех позитивно интерпретированных языковых ярусах (подробнее см. [5]). Эта особенность ЯС — а именно к ней сводятся все отличия ЯС от формализованных систем — требует, чтобы в ходе лингвистического описания прежде всего были различены омонимы, так как широкая омонимия скрывает действительное строение ЯС. Пока не снята омонимия, описание ЯС не может быть адекватным.

Омонимия понимается здесь в предельно широком смысле, в том смысле, в каком иногда употребляется термин «омофо-

ния». Понятие омонима распространяется на все единицы ЯС — от морфемы в морфологическом ярусе до предложения и периода в синтаксическом и сообщения и фразы в супрасинтаксическом ярусе, — совпадающие по выражению, но различающиеся по содержанию (разумеется, с учетом возможной вариативности соответствующих единиц как в плане выражения, так и в плане содержания). Такое понимание омонимии предполагает, например, отнесение к омонимам не только (а) *ключ* (бьющий из земли) — *ключ* (от замка), но также (б) *ключ* (от замка) — *ключ* (к шифру) и (в) *ключ* (им. пад.) — *ключ* (вин. пад.). Омонимия, следовательно, покрывает полисемию. Однако полисемия от этого не исчезает. Если, как предлагается в [6], различать глоссем (словоформы, взятые в одном лексическом значении), лексем (слова, взятые в одном лексическом значении) и вокабулы (слова, взятые в совокупности их лексических значений)², о парах (а), (б) и (в) можно сказать так. В (а) имеются омонимичные вокабулы. В (б) имеются омонимичные лексем, принадлежащие одной (лексически) многозначной вокабуле. В (в) имеются омонимичные глоссем, принадлежащие одной (грамматически) многозначной лексеме (поскольку каждая входящая в лексему глоссема несет свое грамматическое значение). Таким образом, только в (а) омонимия не соотносится с полисемией. В (б) омонимии на уровне лексем соответствует (лексическая) полисемия на уровне вокабул, а в (в) омонимии на уровне глоссем соответствует (грамматическая) полисемия на уровне лексем.

Хотя исследовательская практика давно выработала приемы, позволяющие различать омонимы, проблема снятия омонимии в лингвистике все еще не решена. Это связано с распространенной среди лингвистов склонностью сокращать сферу омонимии за счет расширения полисемии. Например, принято считать, что существительные, глаголы и т. д. способны быть лексически многозначными. Между тем элементами классов «существительные», «глаголы» и т. д. должны быть признаны лексем, не вокабулы [6], и, следовательно, *ключ* (от замка) и *ключ* (от шифра) есть не одно существительное, а два омонимичных. Многие полагают, что в случаях типа *Flying planes can be dangerous* 'Летающие самолеты могут быть опасными' и 'Вожделение самолетов может быть опасным' (известный пример Н. Хомского) представлено одно-двузначное предложение, хотя должно быть очевидно, что здесь не одно предложение, а два омонимичных. В последнем примере проявляется наблюдаемое в некоторых концепциях (особенно синтаксических) безразличие к проблеме «омони-

² Пояснения к терминам «глоссема», «лексема» и «вокабула» есть именно пояснения, не определения.

мия — полисемия» (ср. также статью Фр. Данеша [7], в которой автор считает возможным понимать термины «омонимия» и «полисемия» как синонимы).

* * *

Принято различать три аспекта знаковых систем и соответственно три части семиотики — синтаксис, семантику и прагматику. Согласно Ч. Моррису [8, 6—7]; [9, 217—219], который ввел это различие, синтаксис (у него — синтактика) изучает отношения между знаками, семантика — отношения между знаками и их референтами, прагматика — отношения между знаками и тем, кто ими пользуется.

Обычно эти аспекты трактуются отвлеченно от аспектов незнаковых систем, хотя закономерности знаковых и незнаковых систем во многом совпадают. Если же взглянуть на дело шире, легко обнаружить, что каждая система, и знаковая и незнаковая, будучи сложным объектом, имеет то или иное внутреннее строение. И каждая система, будучи взаимосвязанной с другими объектами действительности, обладает некоторой совокупностью внешних связей, в которых она актуально существует (понятно, что к внешним связям в этом смысле может быть отнесена любая внешняя связь, кроме той, которая существует между знаковой системой и областью ее референтов). Учитывая это, под аспектом, изучаемым в синтаксисе, или, лучше — тектонике (чтобы не путать с устоявшимся лингвистическим термином), можно понимать внутреннее строение ЗС. Таким образом, тектоническое исследование принципиально подобно изучению внутреннего строения незнаковой системы. Под аспектом, изучаемым в прагматике, можно понимать внешние связи знаковых систем с другими объектами (системами) действительности, аналогичные тем, которые существуют между незнаковыми системами. Характерно, что все внешние связи ЗС идут через тех, кто пользуется этими ЗС. В отличие от тектонического и прагматического аспектов, имеющих соответствия в незнаковых системах, аспект, изучаемый в семантике, уникален: есть только у ЗС. Это объясняется уникальностью отношения между знаком и референтом. Как видим, одна лишь семантика занимается собственно знаковостью знаковых систем, тем, что отличает эти системы от незнаковых. А это отличие покрывается понятием интерпретации, ибо неинтерпретированные системы есть, в сущности, вырожденные случаи [10, 54—55] знаковых систем³. Отсюда следует, что семантический аспект ЗС формируется ее интерпретацией.

³ О знаковых системах, которые «в данное время ни к чему не относятся», т. е. являются неинтерпретированными, Моррис пишет, что их можно называть знаковыми системами (у него — «языками») в том смысле, в каком «незаселенный дом можно называть домом» [8, 10].

Остановимся подробнее на тектонике и семантике (прагматика нас более интересовать не будет⁴). Если исходить из принятого в начале статьи представления о составе ЗС (яруса ЗС), можно сказать, что тектонический аспект образуют знаки в их отношении к ярусному строению ЗС и правилам построения. Семантический аспект образуют те же знаки, но в их отношении к правилам обозначения (и следовательно, референтам) и правилам коррекции. Тектоника занимается интерпретированными и неинтерпретированными ЗС, семантика — только интерпретированными. Задача тектоники — выделить ярусы (или констатировать, что описываемая система является простой), представить в упорядоченном (посредством классификации или отсылки к нижележащему ярусу) виде Н-единицы и выявить правила построения В-единиц (для каждого яруса отдельно). Задача семантики — выявить правила обозначения и правила коррекции (тоже по ярусно). Знаки, отвечающие правилам построения В-единиц данной системы (яруса), а также знаки, принадлежащие к соответствующему множеству Н-единиц, являются тектонически правильными. Тектонически правильные знаки, отвечающие правилам обозначения и коррекции данной системы (яруса), являются семантически правильными. Стало быть, семантическая правильность предполагает тектоническую правильность, но не наоборот. Неинтерпретированные ЗС состоят из тектонически правильных знаков, интерпретированные ЗС — из семантически (и следовательно, тектонически) правильных знаков.

Из сказанного должно быть ясно, что тектоника предшествует семантике. Прежде чем семантически характеризовать какой-либо класс знаков, этот класс надо выделить, т. е. решить тектоническую задачу.

Но тектоника и семантика не представляют собой обособленные дисциплины или обособленные отделы одной дисциплины (в отличие от прагматики, которая сама делится на ряд дисциплин). Об этом свидетельствуют два обстоятельства. (1) Тектоническое исследование логически недостаточно: описывать (интерпретированные) знаковые системы только в тектоническом аспекте — значит упускать из виду то, что составляет специфику этих систем. (2) Семантическое исследование логически несамостоятельно: описание знаковых систем только в семантическом аспекте неосуществимо. Поскольку семантика следует за тектоникой, описывать ЗС семантически можно лишь в той мере, в какой они уже описаны тектонически. Поэтому тектоника и семантика должны пониматься как две неразрывные составляющие одной дисциплины, одного

⁴ Скажем только, что к лингвистической прагматике относятся также дисциплины, как психолингвистика, социоллингвистика и др.

описания. В этой их неразрывности отражается органическая двойственность семиотического объекта — знака.

При разграничении тектоники и семантики допускается одна неточность. Еще Ч. Моррис определил тектонику как изучение «отношений знаков друг к другу в отвлечении от отношений знаков к объектам и интерпретатору» [8, 13]. Ср. также у Р. Карнапа: «Если мы отвлекаемся от того, кто пользуется языком, и анализируем только выражения и их деизигнаты, мы находимся в сфере семантики», если же «мы отвлекаемся также и от деизигната и анализируем только отношения между выражениями, мы попадаем в (логический) синтаксис» [11, 9]. То, что тектоника должна абстрагироваться от референтов, бесспорно. В противном случае она поглотила бы семантику. Но дело в том, что обычно отвлечение от референтов принимает форму отвлечения от интерпретации или даже от содержания. Логическая тектоника (= логический синтаксис) постоянно абстрагируется от интерпретации. Она оперирует с исчислениями, т. е. с системами, взятыми безотносительно к их интерпретации. И этот принцип распространяется на тектонику вообще. Моррис, например, под отношением в тектоническом аспекте ЗС понимает «формальное (разрядка наша.—И. В.) отношение между знаками» [8, 6].

Думается, что такая трактовка тектоники нерациональна.

Полностью абстрагироваться от содержания или выражения знака в семиотике вообще невозможно. Результат такого абстрагирования, строго говоря, не принадлежит к объекту семиотики (а следовательно, и лингвистики). Отвлечься от содержания — значит отвлечься от знаковости, ибо содержание (= информация) — это и есть то, что делает материальный объект знаком. Отвлечься от выражения — значит брать информацию безотносительно к знаку, ее содержащему (безотносительно к языку, на котором она передается). По мере надобности единицы ЗС могут, конечно, сопоставляться друг с другом и в плане содержания, и в плане выражения. Однако это лишь вспомогательные приемы, используемые и в тектонике и в семантике. Они никак не влияют на размежевание аспектов знаковых систем или их изучение.

Абстрагироваться от интерпретации не то же, что абстрагироваться от содержания. При отвлечении от содержания знак делается неотличимым от незнака (просто вещи), отвлечение же от интерпретации всего лишь переводит знак из разряда интерпретированных в разряд неинтерпретированных, но тоже знаков. И все же такое абстрагирование не может быть обязательным для тектоники. То, что логический синтаксис занимается исчислениями, — не аргумент. Языки исчислений в логике намеренно строятся с таким расчетом, чтобы их тектонический аспект был полностью независим от на-

личия или отсутствия интерпретации. Существенно другое. Как было установлено выше, описание интерпретированных ЗС в тектонике абстрагированно от интерпретации может привести к чрезмерно упрощенному и в этом смысле неадекватному отображению описываемой системы (ввиду неразличения правил построения и правил коррекции, простых ЗС и сложных). Следовательно, понимать тектонику как изучение знаковых систем в отвлечении от интерпретации — значит с самого начала неправомерно ограничивать ее различительную способность.

Но вместе с тем нельзя и исключать возможность двойного рассмотрения знаковых систем — с учетом интерпретации и без учета интерпретации. Первый подход можно назвать *плерематикой*, второй — *кенематикой*⁵. Если различение тектоники и семантики обусловлено существованием двух разных сторон в самих ЗС, то различение плерематики и кенематики базируется только на различии исследовательского подхода. Плерематика имеет дело с одними интерпретированными ЗС и предусматривает их как тектоническое, так и семантическое описание. Кенематика имеет дело и с интерпретированными и с неинтерпретированными системами, но к интерпретированным ЗС она подходит так, как если бы они были неинтерпретированными, и предусматривает только тектоническое описание (поскольку для нее интерпретация безразлична, постольку семантический аспект остается вне поля зрения). Таким образом, тектоника может быть и плерематической и кенематической (примером последней является логический синтаксис). Семантика же всегда плерематична.

Плерематика предшествует кенематике. К чему ведет их обратная последовательность, было показано на примере шахматной нотации и системы обозначения телефонных абонентов.

* * *

Из принятого выше различения плерематики и кенематики, тектоники и семантики вытекает ряд следствий для лингвистического описания языковых систем. Перечислим некоторые из них.

(1) Если плерематика предваряет кенематику при изучении формализованных систем, то это тем более относится к неформализованным ЯС. Обилие омонимов искажает дей-

⁵ Согласно Л. Ельмслеву [12, 62], плеремами («полными знаками») являются единицы формы содержания, а кенемами («пустыми знаками») — единицы формы выражения. Думается, однако, что эти термины более подходят для интерпретированных и неинтерпретированных знаков соответственно.

ствительное соотношение между языковыми знаками. Поэтому, как говорилось выше, описание большинства ярусов ЯС может быть осуществлено только постольку, поскольку снята омонимия. А чтобы снять омонимию, надо обратиться к интерпретации, т. е. стать на позиции плерематики. Однако и после завершения плерематического описания ЯС собственно лингвистика не занимается кенематикой. Она лишь стремится сделать кенематическое рассмотрение ЯС эффективным. Сама же кенематика языковых систем имеет прикладное значение (например, для целей машинного перевода). При собственно лингвистическом описании ЯС кенематический подход находит применение только в различного рода операциональных процедурах (типа трансформаций), используемых для размежевания омонимов. И это понятно: в той мере, в какой описание ЯС оценивается по тому, насколько оно делает эффективным кенематическое рассмотрение этой ЯС, проверка описания должна базироваться на кенематической основе.

(2) В каждом ярусе ЯС имеются свой тектонический и семантический аспекты, которые должны строго различаться. Нельзя, например, считать, что у фонологического яруса нет семантического аспекта. Он есть. Но в специальном выделении фонологической семантики нет необходимости, так как вся фонологическая семантика исчерпывается двумя утверждениями: а) единицы фонологического яруса — фонемы и слоги — интерпретированы негативно (в этом смысле все они синонимичны друг другу⁶); б) негативная интерпретация нейтрализует действие правил коррекции (все тектонически правильные слоги правильны и семантически). Также неправомерно истолковывать все синтаксические отношения как семантические. Ср., например, у В. Г. Гака: «...в естественных языках и синтаксические отношения предстают как отношения к внешним объектам, т. е. семантически» [13, 78], хотя очевидно, что синтаксические единицы — синтаксемы, предложения, периоды — обнаруживают свои качества и в отношениях друг к другу (тектонический аспект), и в отношениях к своим референтам (семантический аспект). Неточность здесь возникает в результате невнимания к синтаксической тектонике, что чревато такими нежелательными последствиями, как приписывание синтаксическим единицам свойств, присущих не им, а их идеальным референтам.

(3) Лингвистическая тектоника предшествует лингвистической семантике. Поэтому прав Н. Хомский, считающий, что «грамматика» (= тектоника) может быть определена как

⁶ С точки зрения содержания фонемы (слоги) различаются только по количеству информации, но эта сторона информации лингвистику не интересует. Ее интересует лишь сам факт наличия или отсутствия количественного параметра, и только у семантической информации (на этом основывается противопоставление «новое — данное» в актуальном членении).

«самостоятельное исследование, не зависящее от семантики» [14, 518]. Однако из этого не вытекает, что «грамматика» полностью «независима от значения» [14, 412]. И было бы ошибкой понимать «формальность» теории, о которой не раз говорит Хомский, как кенематичность. Тектоника в собственно лингвистике не может не быть плерематичной, не может не учитывать интерпретацию описываемой ЯС. Предшествование тектоники семантике находит выражение, во-первых, в том, что языковые единицы всех рангов определяются тектонически, не семантически (неправильно, например, определять предложение через предикативность, поскольку предикативность есть не тектоническое, а семантическое свойство, хотя и выражаемое грамматически, не лексически [15]). Во-вторых, в семантике рассматриваются только тектонически уже описанные единицы (в этом смысле следует согласиться с У. Вейнрейхом, который считает нужным подвергать «семантическому анализу лишь грамматически правильные высказывания, и притом такие, для которых указана их грамматическая структура» [16, 167]).

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ф. Вардудль, О семантике и ее месте в лингвистическом описании, — «Вопросы семантики. Тезисы докладов», М., 1971.
2. И. Ф. Вардудль, Понятие универсалии в лингвистической типологии, — «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969.
3. I. F. Vardul, Syntactic Strata of the Language (в печати).
4. I. F. Vardul, Stratification of the Japanese Language (в печати).
5. И. Ф. Вардудль, Таксономическая лингвистика как объяснительная дисциплина, — «Проблемы языкознания», М., 1967.
6. И. Ф. Вардудль, Слово как часть речи, — «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов», Л., 1965.
7. Фр. Данеш, Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии, — «Вопросы языкознания», 1964, № 6.
8. Ch. Morris, Foundations of the Theory of Signs, Chicago, 1938.
9. Ch. Morris, Signs, Language and Behavior, New York, 1946.
10. А. И. Уемов, Вещи, свойства и отношения, М., 1963.
11. R. Carnap, Introduction to Semantics, Cambridge (Mass.), 1946.
12. L. Hjelmslev, Essais linguistiques, Copenhagen, 1959.
13. В. Г. Гак, К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур), — «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
14. Н. Хомский, Синтаксические структуры, — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.
15. И. Ф. Вардудль, О предикативности и предложении, — «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов», Л., 1971.
16. У. Вейнрейх, О семантической структуре языка, — «Новое в лингвистике», вып. V, М., 1970.

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

ТИПЫ ОЗНАЧАЕМЫХ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА И ДЕТЕРМИНАНТА ЯЗЫКА

В данной работе предпринята попытка не только высказать определенные соображения по основному вопросу семантики — что есть значение языкового знака, — но и «инвентаризировать» те психические единицы, которые выступают в роли означаемых языкового знака хотя бы в ситуации уникального коммуникативного акта. Далее, после уточнения понятия детерминанты языка как того специфического ограничения, которое накладывается на условия осуществления языком коммуникативной функции, показывается вытекающая из различий детерминант принципиальная неизбежность различий в системах языковых означаемых и в способах языкового мышления, которые, однако, возможны лишь потому, что мыслительные механизмы вообще не имеют прямого отношения к специфике языкового мышления.

1. Попытаемся сначала представить, хотя бы очень упрощенно, из каких элементов состоит язык как «церебральный», «насквозь психичный» механизм коммуникации.

В сознании членов одного языкового коллектива должен храниться «словарь» автоматически воспроизводимых и легко распознаваемых единиц. Чтобы удовлетворять этим требованиям, каждая из таких «словарных» единиц должна состоять из хранящегося в памяти набора последовательно и параллельно включаемых элементарных команд на органы артикуляции, а слуховой аппарат должен быть натренирован на опознавание того, какие команды были поданы при артикуляции той или иной «словарной» единицы. Естественно, что по чисто физическим причинам объем «словаря» имеет вполне конкретные границы. Эта часть языка как психического механизма представляет собой план выражения языка, включающего уровень дифференциальных признаков, фонем и «акустических образов», т. е. «материальных оболочек» единиц, которые могут быть выразителями значений.

Но какова онтология означаемого при таком толковании сущности плана выражения языка? Чтобы ответить на этот вопрос, придется рассмотреть некоторые важнейшие стороны проблемы взаимосвязи языка с психикой и мышлением.

Используя терминологию общей теории систем, можно сказать, что психика человека есть структурная динамическая прогнозирующая модель внешней действительности. Основная масса единиц этой модели (назовем их условно «понятийными») состоит из конкретных образов — отражений индивидуальных денотатов (явлений и объектов), с которыми человек практически имеет дело. Но кроме этих индивидуальных структурных моделей в сознании формируются «обобщения» (по терминологии Л. С. Выготского), т. е. самостоятельные абстрактные понятийные единицы, являющиеся обобщенными образами — структурными моделями того общего, что присуще целым классам конкретных образов, объединяемых по тем или иным релевантным признакам.

Абстрактные единицы, являясь структурными моделями классов денотатов, в свою очередь, как обобщенные образы классифицируются по релевантным признакам, и структурные модели тех признаков, которые присущи классу абстрактных единиц, представляют собой абстракции еще более высокого яруса. Существование такого многоярусного абстрагирования, во-первых, обеспечивает быстрое опознание вновь встречающихся индивидуальных объектов и явлений по их отражениям в сознании, что позволяет, в частности, легко получить информацию о наиболее характерных свойствах этих объектов, и, во-вторых, дает возможность, наоборот, по требуемым свойствам быстро найти в осознании образ объекта, который этими свойствами обладает.

Следовательно, несмотря на практическую безграничность числа индивидуальных понятийных единиц в сознании каждого человека, набор абстракций, выделенных по релевантным признакам определенного типа, у всех людей, для которых этот тип признаков релевантен, довольно устойчив и имеет весьма близкий состав.

Ясно, что сеть связей и отношений между конкретными и абстрактными структурными образами явлений внешнего мира весьма сложна и многообразна. Но для начала важно выделить хотя бы три вида отношений между понятийными единицами: связи, прямые ассоциации и переносные ассоциации. Связь двух понятийных единиц выражается в наличии «жесткой», закрепленной физиологически «перемычки» между этими единицами, распространяющей возбуждение от одной из них к другой независимо от того, какова конкретная структура связанных единиц. При ассоциации, в отличие от связи, такого физического контакта

между единицами не существует. Эти единицы вступают во взаимодействие лишь благодаря наличию подобия между структурами этих единиц, обнаруживаемого в конкретной ситуации целенаправленной деятельности. Если одна из единиц абстрактна и функционирует как «чистое олицетворение» подструктуры той структуры любой конкретной единицы, входящей в данный класс, которая является изоморфной у всех единиц класса, то ассоциацию между абстрактной и конкретной единицей можно назвать прямой. Кроме того, некоторое частичное подобие может обнаружиться между двумя понятийными единицами (образами), входящими в различные классы. Такие ассоциации мы назовем переносными.

2. Изменение внешнего мира отражается в сознании человека, наблюдающего за этим изменением, прежде всего в форме изменения структуры связей между конкретными образами. Чтобы другой человек, не наблюдавший за этими изменениями, мог тем не менее внести «поправку» в структурную модель мира, представленную его личным сознанием, нужно, чтобы структура связей его образов стала подобной структуре связей между образами в сознании наблюдателя. Для этого наблюдатель должен по крайней мере так или иначе указать, между какими единицами произошло изменение связи, т. е. хотя бы представить их в виде условного заместителя, знака. В частности, если вспомнить об упоминавшихся выше «материальных оболочках», хранящихся в памяти в виде набора артикуляционных команд (мы назовем эти «оболочки» языковыми знаками в отличие от речевых знаков, возникающих как результат исполнения команд органами артикуляции), то станет ясно следующее.

Если бы одна из понятийных единиц, причастная к изменению структуры представлений о внешнем мире в сознании человека, наблюдавшего за этим изменением, оказалась в непосредственной связи с одним из языковых знаков, то возбуждение этого знака привело бы к артикуляции соответствующей «словарной единицы», т. е. речевого знака, ставшего вследствие этого внешним представителем, заместителем понятийной единицы, ее именем. Однако, поскольку, как уже отмечено, при языковом общении называть приходится в основном конкретные индивидуальные понятийные единицы, а число их практически безгранично, то присвоить им, т. е. жестко «привязать» к ним, тот относительно небольшой запас языковых знаков, которые хранятся в памяти членов языкового коллектива, было бы нецелесообразно, так как в основной массе случаев конкретная понятийная единица все равно оставалась бы неназванной: ей «не хватило» бы языкового знака.

Поэтому естественно установить связи языковых знаков с

самими абстрактными единицами, так как эти абстрактные образы являются представителями классов, видов и типов конкретных образов, число абстрактных образов практически уже ограничено, и, как указывалось, структура их весьма сходна у всех членов одного коллектива.

Те понятийные единицы, которые непосредственно связаны с языковыми знаками (а это, как мы видели, должны быть единицы абстрактные), и являются онтологически одним из видов означаемых, а именно «опорными значениями» или просто значениями языковых знаков. Так мы пришли к языковым единицам плана содержания. Связь языкового знака с его значением является минимальной двусторонней (но трехкомпонентной: языковой знак, значение и «перемычка», т. е. связь между ними) единицей языка, которую можно назвать монемой. Важно подчеркнуть, что одна сторона монемы — значение, — являясь хотя и абстрактным, но все-таки образом объектов внешнего мира, имеет структуру, мотивированную внешним миром, «навязанную» его свойствами. Вторая сторона — языковой знак, т. е. перечень артикуляционных команд для воспроизведения речевого знака, — отражает специфику только артикуляции и звучания и, следовательно, не имеет к структуре называемых значений прямого отношения. В этом смысле структура языкового знака, в отличие от его значения, произвольна.

Ф. де Соссюр, настаивая на произвольности языкового знака, вероятно, подразумевал лишь одну сторону монемы — ту, которая входит в план выражения. Обращая же внимание на неразрывность означаемого и означающего, он, по-видимому, имел в виду то, что мы назвали монемой как отдельной единицей. Но тогда тезис о произвольности неточен, так как вторая, означаемая сторона монемы, т. е. значение языкового знака, как уже отмечалось, есть образ, мотивированный внешней действительностью. Однако некоторый произвол и со стороны означаемого, т. е. произвол в выборе того, что сделать значением, связать с языковым знаком непосредственно, все-таки имеет место, хотя причины этого станут более ясными после введения понятия смысла знака и детерминанты языка. Но и без этого изложенная нами картина еще не полна.

Осталось неясным, как же могут обозначаться конкретные индивидные понятийные единицы, т. е. конкретные образы в конкретных ситуациях, если все языковые знаки связаны только со значениями, т. е. по природе абстрактными понятийными единицами, обобщенными образами.

По-видимому, процесс обозначения, т. е. названия конкретных понятийных единиц, выступающих в роли «актуальных значений», может осуществляться в несколько ступеней (не менее двух). Сначала рассмотрим простейший, двухсту-

пенчатый случай. Благодаря прямой или косвенной ассоциации (о которой говорилось выше), возникающей в контексте общения, конкретная понятийная единица начинает взаимодействовать со своим абстрактным представителем, и он становится промежуточным означающим для конкретной единицы. И если эта абстрактная единица имеет непосредственную связь с языковым знаком, т. е. является для него значением, то такой знак используется как косвенное означающее для конкретной понятийной единицы. Ту понятийную единицу, тот образ, то актуальное значение, ради названия которого возбудился языковой и появился речевой знак, будем называть смыслом. Следовательно, значения являются означающими для смыслов, причем связь конкретного смысла со значением всегда обусловлена ситуативно и всегда временна, основана на ассоциациях. Языковые знаки служат означающими для значений, и их связь закреплена узуально, до акта говорения, причем одинаково для всех членов языкового коллектива. Она постоянна, хотя возбуждается лишь в конкретном акте коммуникации (если отставить в стороне вопрос о формировании и изменении системы значений каждого конкретного человека и языкового коллектива в целом).

Речевой, т. е. артикулируемый и воспринимаемый на слух, знак служит означающим для языкового знака и, следовательно, через него означающим как для значения, так и для смысла. При этом важно подчеркнуть, что если структура языкового знака практически произвольна по отношению к непосредственно связанной с ним абстракции, т. е. по отношению к значению, то речевой знак в высокой степени изоморфен языковому, хотя и отличается от него субстанциально¹.

Если отвлечься от вопроса о механизме выработки абстракций, то изложенное понимание сущности языка как онтологической данности мало чем отличается от психологической концепции В. М. Павлова [7]. Внимательный читатель не может не заметить также, что описываемая картина связи смысла со значением не противоречит как терминологически, так и по существу основным положениям Л. С. Выготского [2] и практически полностью согласуется с психологическими экспериментальными данными (и полученными на их основе выводами) Н. И. Жинкина [3]. И наконец, весьма близкое понимание соотношения между означаемым и означающим языкового знака излагается в собственно лингвистических работах [6].

¹ Это позволяет при некоторых аспектах рассмотрения онтологии языка называть языковым знаком его артикуляционно-акустическую реализацию, ибо наличие психического коррелята у такого знака не может не подразумеваться [7].

Однако даже расщепление означаемого на значение и на смысл, а означающего — на языковой знак и речевой знак еще не исчерпывает многих чрезвычайно важных сторон проблемы классификации означаемых языкового знака. Остается неясным механизм отбора тех абстракций, которые «получают» свое означающее, т. е. становятся значениями. Чаще всего предполагается, что сам процесс выработки мыслительной деятельности человека протекает на основе распределения конкретных образов вокруг языковых знаков и, следовательно, до того, пока абстракция не «вербализовалась», она не является полноценной мыслительной единицей. В данной работе, как и в ряде предшествующих [5], описывается несколько иное представление проблемы.

3. Как уже было отмечено, те критерии, те релевантности, которые становятся основанием для классификации исходных психических отражений реальных объектов, т. е. исходных конкретных образов денотатов, могут быть различными в зависимости от того, под углом зрения какой типовой целенаправленной деятельности рассматриваются конкретные денотаты и, следовательно, их исходные образы. Из этого утверждения с необходимостью вытекает, что для наиболее жизненно важных типовых видов деятельности не только человек, но и животные должны иметь специализированные абстракции, хотя исходным материалом для абстрагирования служит один и тот же, непрерывно пополняемый массив образов конкретных денотатов и ситуаций, а также уже полученных абстракций. Следовательно, поскольку коммуникативная деятельность является одним из видов деятельности, важной для членов человеческого коллектива, то независимо от того, как были раньше расклассифицированы и в виде какой иерархии абстракций отражены в сознании классы конкретных образов денотатов в связи с тем или иным видом человеческой деятельности, эти образы и все уже имеющиеся абстракции должны расцениваться и классифицироваться и под углом зрения коммуникативной деятельности. А это значит, что в сознании человека должны сформироваться совершенно специфические, специализированные именно для коммуникативной деятельности абстракции различного уровня обобщения. Вот именно эти собственно коммуникативные абстракции и связываются непосредственно с языковыми знаками, становясь значениями и образуя вместе со знаками и связующими «перемычками» монемы данного языка.

Если принять эту гипотезу о специфике абстракций, являющихся значениями, то становится, во-первых, естественным тезис о единстве способов мышления всех людей земли: поскольку близки основные типы практической деятельности всех людей, то близки и типы абстракций, вырабаты-

ваемых в процессе этих типов деятельности, близки мыслительные операции, так как они основаны на взаимодействии весьма близких абстрактных единиц. Во-вторых, не кажется больше удивительным факт довольно сильных различий в строе человеческих языков: ограничения, накладываемые на реализацию коммуникативной деятельности разных народов, могут оказаться весьма специфичными, и тогда естественно возникают различия и в «запросах» на способы коммуникативно ориентированного членения как конкретных образов конкретных денотатов, так и абстрактных единиц, принимающих участие в мыслительных операциях самой различной целевой направленности.

Следовательно, различие в строе языков приводит лишь к различию «коммуникативного членения» передаваемого средствами языка содержания, к различию того, какие абстракции становятся значениями, а какие — смыслами, выражаемыми через сложившуюся систему значений; сами же мыслительные операции, если они не вызваны потребностью в коммуникации, могут основываться на взаимодействии абстракций, не имеющих никакого отношения к «языковому видению мира». Коммуникативная деятельность — это, конечно, специфическая целенаправленная мыслительная деятельность, но не всякая мыслительная деятельность ориентирована на достижение коммуникации. Поэтому нельзя отождествлять мышление вообще с языковым мышлением².

4. Итак, мыслительные процессы у всех людей протекают одинаково, и, следовательно: 1) нет принципиальных различий в формах содержания, выражаемого средствами любого языка; 2) практически равноценны антропофонические резервы языковой субстанции у представителей различных рас; 3) тождественны функции всех естественных языков — быть средством коммуникации между членами языкового коллектива. Поэтому необходимо признать, что единственной причиной различия строя языков является специфика тех «граничных условий» (как говорят математики), тех ограничений, которые наложены на реализацию коммуникативной функции языка, на способ его функционирования. Эта чрезвычайно важная, определяющая черта языковой системы, называвшаяся нами ранее «алгоритмом», «оптимизирующим параметром», «доминантой», а в последних работах — «детерминантой» языка, как уже было показано [4], накладывает отпечаток на синтаксис, морфологию, фонологию и фонетику языкового строя.

² В связи с этим уместно напомнить, что не «язык есть непосредственная действительность мысли», а «непосредственной действительностью мысли является язык». На эту ошибку переводчика, искажающую смысл широко цитируемого высказывания К. Маркса, указала недавно К. Г. Крушельницкая [6, 373].

Поскольку в данной работе нас интересуют прежде всего вопросы семантики, то следует подчеркнуть еще раз, что различия в детерминантах языков приводят к различию в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов и, следовательно, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания. Однако в конечном счете это содержание остается одним и тем же независимо от того, на «каком языке» думают участники коммуникативного акта, ибо собственно языковое «думание» осуществляется лишь тогда, когда в связи с поставленной целью говорящий выявил границы передаваемого смысла и начал его перекодировать в значения, а слушающий, наоборот, включился в процесс перехода от воспринятых значений к восстановлению смысла, подразумевавшегося говорящим. После того как смысл передан и воспринят, он может быть включен в мыслительные операции, не связанные с коммуникативной деятельностью и поэтому не содержащие в себе никаких признаков специфики «языкового видения мира».

Можно ли считать после всего сказанного, что означаемыми языкового знака могут быть только значения и смыслы? По-видимому, можно. Но для полноты картины с учетом того, что значения формируются «под давлением» детерминанты, необходимо еще добавить, что смыслы в коммуникативном отношении также оказываются неравноценными и поэтому нуждаются в дальнейшей дифференциации. К сожалению, за недостатком места придется остановиться лишь на одном, наиболее важном для вопроса о специфике языкового мышления аспекте различия смыслов.

5. Поскольку смыслы, в нашем понимании,— это конкретные или абстрактные образы, то на основе тех или иных черт сходства эти образы могут вступать в ассоциации точно так же, как и смыслы со значениями. Следовательно, процесс обозначения того смыслового содержания, ради передачи которого люди вступают в общение, может быть не двухступенчатым, как было рассмотрено выше, а трехступенчатым: исходный смысл, ассоциированный с ним промежуточный смысл, значение, ассоциированное с этим промежуточным смыслом, и, наконец, языковой знак, связанный с этим значением.

Очевидно, что в этом случае слушающий на основе анализа воспринятых значений поймет прежде всего промежуточный смысл. На этом этап собственно языкового мышления заканчивается. Но коммуникативное мышление не прекращается. Если говорящий правильно оценил ситуацию, контекст и осведомленность слушающего, то слушающий учтет и ассоциацию смысла, воспринятого через значения, со смыслом, который подразумевается говорящим, хотя он и

не был «закодирован» средствами языка непосредственно. Следовательно, смыслы необходимо расщепить на две разновидности: эксплицитные, т. е. представленные непосредственно через значения, выраженные в речи, и имплицитные, ради которых предпринималась коммуникация и по отношению к которым эксплицитные смыслы являются лишь дополнительным звеном в цепи использованных означающих.

При наличной системе значений, сложившейся с учетом конкретной детерминанты, для одних типов смыслов оказывается наиболее естественным вступать в ассоциации со значениями непосредственно; для другого типа смыслов члены языкового коллектива предпочитают использовать посредники — эксплицитные смыслы, так что фактический замысел оказывается выраженным лишь имплицитно. Но при иной детерминанте именно этот тип смыслов может попасть в число тех, которые естественнее выражаются эксплицитно, тогда как имплицитного выражения потребуют те смыслы, которые в языке другого строя выражаются непосредственно через значения³.

Таким образом, если даже последовательно отличать систему значений языковых знаков данного языка от тех смыслов, которые ими выражаются, но не проводить грани между эксплицитными и имплицитными смыслами, мы обнаружим при сравнении способов выражения одной и той же мысли средствами разных языков различие в «видении мира», вытекающее из различия языкового строя. На самом же деле мы будем наблюдать лишь различие в системе значений и обусловленное им различие между тем, что мы привыкли выражать эксплицитно и что представитель другого языка выражает имплицитно, и наоборот.

6. Подведем итог. Непосредственным означаемым речевого знака является его психический коррелят — языковой знак. Типы означаемых языкового знака многообразны, и в первую очередь среди них необходимо выделить следующие: а) значение — коммуникативно ориентированная абстракция, связанная с языковым знаком непосредственно и образующая вместе с этим знаком и связью монему языка; б) эксплицитный смысл — та мыслительная единица, которая представлена языковым знаком в акте речи благодаря наличию ситуативной ассоциации этой единицы со значением данного знака; в) кроме того, эксплицитный смысл может оказаться лишь посредником для привязки данного значения к другому смыслу — имплицитному. В этом случае языковой знак будет иметь еще один уровень означаемых. Видимо, необхо-

³ Исходя из трактовки сущности эллипсиса, предлагаемой И. Ф. Вардулем, следует признать, что узуально закрепленные в языке средства имплицитного выражения определенных типов смыслов соотносимы с «нулевыми синтаксемами», не подвергнутыми эллипсису [1, 68—69].

димо выделить специфическую разновидность и среди эксплицитных смыслов. Их специфика заключается в том, что связь значения со смыслом закреплена до акта речи и поэтому лишь воспроизводится в речи. Такие смыслы названы узуальными в отличие от всех остальных как окказиональных [10].

Введение понятия детерминанты языка как того набора ограничений, которые накладываются на условия (и отсюда — на предпочтительную технику) коммуникации, позволяет увидеть причины различия строя языков и языкового мышления, не отождествляя языковое мышление с мышлением вообще. При таком подходе тезис о равноценности мыслительных возможностей всех народов мира не вступает в противоречие с тезисом о возможности и даже необходимости различий в языковом мышлении [8]; [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ф. Вардуль, К вопросу о явлении эллипсиса, — сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
2. Л. С. Выготский, Избранные психологические исследования, М., 1956.
3. Н. И. Жинкин, О кодовых переходах во внутренней речи, — «Вопросы языкознания», 1964, № 6.
4. Г. П. Мельников, Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка, — сб. «Фонетика, фонология, грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского», М., 1971. Там же указан ряд более ранних работ автора на эту тему, начиная с 1964 г.
5. Г. П. Мельников, Речевая деятельность при билингвизме, — сб. «Четвертый семинар по вопросам теории и практики перевода научной и технической литературы. Тезисы докладов», М.—Тбилиси, 1970.
6. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970. Особенно разделы, написанные Б. А. Серебренниковым, К. Г. Крушельницкой, А. А. Леонтьевым. (А. А. Леонтьев предлагает свою трактовку принципов различения значения и смысла).
7. В. М. Павлов, К разработке психолингвистической теории языкового знака, 1966 г. (рукопись). Его же: Проблема языка и мышления в трудах В. Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании, — сб. «Язык и мышление», М., 1967.
8. Г. П. Мельников, Семантика и системная типология, — «Вопросы семантики. Тезисы докладов», 1971.
9. Г. П. Мельников, Лингвистика, антропология и проблема интеллектуальных потенций, — «Abstracts of Communications», presented at the XVth World Congress of Philosophy, Varna, Sept. 17—22, 1973.
10. Г. П. Мельников, Семантика и проблемы тюркологии, — «Советская тюркология», 1971, № 6.

АБСТРАКТНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ И ГЕНОТИПИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ

Начнем с понятия предложения. Широко распространены такие определения предложения: «Предложение — это мысль, выраженная словами», или: «Предложение — это законченная мысль, выраженная словами», или: «Предложение — это лингвистическая единица, выражающая мысль» и т. п.

Все это не определения предложения в строгом смысле, а скорее некоторые пояснения того, что мы интуитивно понимаем под понятием предложения. При таких определениях предложения сразу возникает вопрос: что такое мысль и как она воплощается в предложении?

Мысль не существует в чистом виде, а всегда заключена в языковую оболочку, точно так же как стоимость не существует в чистом виде, а всегда заключена в товарную оболочку. Подобно тому как стоимость данного товара обнаруживается только в его соотношении с другими товарами, эквивалентными ему по стоимости, точно так же и мысль, заключенная в данное предложение, обнаруживается только в соотношении данного предложения с другими предложениями, эквивалентными ему по заключенной в них мысли. Подобно тому как эквивалентность товаров определяется по возможности обменивать их друг на друга, точно так же эквивалентность предложений определяется по возможности заменять одно предложение другим в данной ситуации.

Всякий товар может быть принят за эталон стоимости, т. е. за объект, непосредственно представляющий стоимость, остальные же товары рассматриваются как воплощение стоимости. Точно так же в данном классе предложений любое из этих предложений может быть принято за эталон мысли, т. е. за предложение, непосредственно представляющее мысль; остальные же предложения должны в этом случае рассмат-

риваться как лингвистическая форма выражения мысли. Возьмем, например, предложения:

Отец дает деньги сыну; Деньги даются отцом сыну; Сын получает деньги от отца; Деньги получаются сыном от отца; Отец обеспечивает сына деньгами; Сын обеспечивается отцом деньгами.

Каждое из этих шести предложений может быть произвольно принято за эталон мысли, т. е. за непосредственное представление мысли, остальные же пять предложений должны рассматриваться как лингвистические формы выражения мысли.

Теперь мы следующим образом можем ответить на поставленный вопрос, что такое мысль и как она воплощается в предложении.

С лингвистической точки зрения мысль — это любое предложение, условно принимаемое за непосредственное представление мысли. Воплощение мысли в предложении — это перефразирование предложения, условно принятого за непосредственное представление мысли, посредством какого-либо другого предложения. Поскольку одно и то же предложение может быть перефразировано многими способами, то мы говорим, что одна и та же мысль воплощается во многих предложениях, служащих ее разными формами.

Таким образом, задавая на предложениях языка отношение «быть эталоном мысли», мы разбиваем все предложения языка на классы, в каждом из которых одно предложение принимается за чистую мысль, другие предложения — за разные формы, разные воплощения данной мысли.

В дальнейшем изложении мы будем пользоваться наряду с термином «эталон мысли» такими терминами, как «эталон значения предложения», «эталон смысла предложения» в качестве терминов, синонимичных первому.

Нашу аналогию понятия мысли с понятием стоимости можно продолжить. Подобно тому как всеобщей мерой стоимости служат деньги, точно так же должна существовать всеобщая мера смысла. Разумно предположить, что для каждого языка всеобщей мерой смысла должны служить наиболее простые в грамматическом отношении предложения. Именно такого рода предложения должны приниматься в качестве «эталонов мысли», в качестве «эталонов значения предложения». Например, среди приведенных выше шести предложений наиболее простым в грамматическом отношении является первое, и поэтому естественно закрепить за ним роль эталона. Идя по этому пути, мы можем выделить в каждом языке некоторый эталонный подъязык, состоящий из грамматически наиболее простых предложений. Таким образом, возникает раздвоение каждого языка на эталонный подъязык, рассматриваемый в качестве непосредственного пред-

ставления мышления, и производный подъязык, рассматриваемый в качестве формы мышления, в качестве воплощения мышления в лингвистическую оболочку.

Итак, всякое предложение обладает двойственной природой: оно может выступать либо в виде эталона значения предложения, либо в виде лингвистической формы, воплощающей значение предложения. То же самое можно утверждать и о лингвистических единицах, входящих в состав предложения, т. е. о словах и морфемах. Всякая лингвистическая единица обладает двойственной природой: она может выступать либо в качестве эталона значения данного класса лингвистических единиц, либо в качестве лингвистической формы, воплощающей значение лингвистической единицы.

На основании изложенного мы можем определить понятие значения лингвистической единицы. Значение лингвистической единицы есть класс лингвистических единиц, служащих ее переводами. Таким образом, понятие значения сводится к понятию переводимости. Указать значение данной лингвистической единицы — это указать правила перевода данной лингвистической единицы на другие лингвистические единицы. Ясно, что это не единственное решение проблемы значения, но для целей семантического исследования языка в рамках порождающей грамматики только такое решение плодотворно. Настоящая статья должна рассматриваться в качестве обоснования плодотворности такого решения проблемы значения.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ И ПОНЯТИЕ ГЕНОТИПИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Перейдем к определению семантической теории языка. Семантическая теория языка — это лингвистическая теория, имеющая задачей: 1) определение эталонного подъязыка, рассматриваемого в качестве непосредственного представления мышления; 2) определение правил преобразования эталонного подъязыка в производный подъязык, рассматриваемый в качестве формы мышления, в качестве лингвистической оболочки мышления.

Если принять только что приведенное определение семантической теории, то отсюда следует, что, во-первых, для каждого языка должна существовать своя семантическая теория, а во-вторых, существует столько разных непосредственных представлений мышления, сколько существует языков.

Начнем с рассмотрения второго следствия из приведенного определения семантической теории. К эталонным подъязыкам, рассматриваемым в качестве непосредственных представлений мышления, применимы те же соображения, которые были высказаны выше при рассмотрении эквивалентных

по смыслу предложений в одном языке. Если сравнить эквивалентные по смыслу предложения разных эталонных подъязыков, то проблема соотношения мысли и лингвистической оболочки мысли возникает вновь. Сравним, например, русское предложение *Я обучаю детей грамматике* с эквивалентным ему по смыслу латинским предложением *Docceo pueros grammaticam* и французским предложением *J'enseigne la grammaire deux enfants*.

Каждое из этих предложений может быть произвольно принято за эталон мысли, т. е. за непосредственное представление мысли; остальные же предложения должны рассматриваться как лингвистические формы выражения мысли. Теперь мы должны искать всеобщую меру смысла уже не внутри отдельного языка, а на уровне сопоставления языков мира. В связи с этим разумно предположить, что существует некоторый не данный в прямом наблюдении язык, выражения которого служат эталонами смысла; выражения же русского и других естественных языков должны рассматриваться при этом как разные лингвистические формы воплощения смысла. Такой идеальный язык я называю генотипическим языком, а конкретные естественные языки — фенотипическими языками.

Генотипический язык служит абстрактной моделью естественных языков. В качестве абстрактной модели естественных языков генотипический язык должен моделировать семантические процессы в естественных языках. Поскольку в каждом естественном языке выделяются эталонный подъязык, рассматриваемый в качестве непосредственного представления мышления, и производный подъязык, рассматриваемый в качестве формы мышления, в качестве лингвистической оболочки мышления, то соответственное разграничение должно быть произведено и в генотипическом языке. Мы выделяем эталонный подъязык и производный подъязык также и в генотипическом языке. Семантические процессы в естественных языках моделируются правилами преобразования эталонного подъязыка в производный подъязык генотипического языка.

В связи с только что сказанным мы должны обобщить понятие семантической теории применительно к естественным языкам мира. Мы будем называть семантической теорией естественных языков теорию, моделирующую семантические процессы в естественных языках с помощью генотипического языка. Семантическая теория естественных языков имеет задачи: 1) определение эталонного подъязыка в генотипическом языке, рассматриваемого в качестве непосредственного представления мышлений; 2) определение правил преобразования эталонного подъязыка в производный подъязык генотипического языка, рассматриваемый в качестве формы мышления, в качестве лингвистической оболочки мышления.

В связи с введением понятия семантической теории естественных языков мы должны отказаться от приведенного выше определения семантической теории для каждого отдельного естественного языка. Теперь целесообразно говорить о семантической теории естественных языков и семантическом описании каждого отдельного естественного языка в соответствии с семантической теорией естественных языков. Между семантической теорией естественных языков и семантическими описаниями отдельных естественных языков должна существовать, так сказать, обратная связь: семантическая теория естественных языков есть абстрактная имитация конкретных семантических описаний; в свою очередь конкретные семантические описания служат конкретными имитациями семантической теории. В зависимости от процесса научного исследования должны совершенствоваться и семантическая теория, и конкретные семантические описания.

Заметим мимоходом, не вдаваясь в философскую сторону вопроса, что понятие генотипического языка позволяет по-новому рассматривать концепцию лингвистической относительности. В свое время в науке о языке была выдвинута концепция лингвистической относительности, наиболее четко сформулированная в трудах Э. Сепира и Б. Л. Уорфа. Сущность этой концепции заключается в том, что языковое расчленение и представление мира относительны. Что язык дает относительную картину мира—это бесспорный факт. Но это только одна сторона дела. Другая сторона состоит в том, что всякая относительная картина мира, заключенная в лингвистической оболочке конкретного языка, должна рассматриваться как проекция некоторого инварианта картин мира, которым и служит генотипический язык. Фенотипические языки—это разные проекции генотипического языка. Таким образом, в относительных картинах мира, представленных фенотипическими, т. е. конкретными естественными языками, содержится также и нечто безотносительное, некий инвариант, представленный генотипическим языком.

Семантическая теория естественных языков должна иметь дедуктивную форму. Как показывает опыт автора настоящей работы, для этого целесообразно использовать формальный аппарат аппликативной грамматики. Таким образом, в качестве семантической теории естественных языков может выступать аппликативная грамматика, включающая в себя правила семантических преобразований в генотипическом языке.

Поставленная проблема и предложенное решение приводят нас к выводу, имеющему фундаментальную важность. Если мы хотим подняться с эмпирического уровня на теоретический уровень, то задача состоит в том, чтобы рассматривать язык не сам по себе, а в соотношении с мышлением. Язык и мышление—многоаспектная проблема, которая вол-

нует представителей разных специальностей: логиков, психологов, философов. Издавна волновала эта проблема и лингвистов. Что касается лингвистов, то рассуждения о соотношении языка и мышления носили маргинальный характер. Эти рассуждения, как бы интересны они ни были, всегда считались не частью лингвистики, а относились к области так называемой философии языка. Рассмотрение только что поставленной проблемы резко меняет дело: оказывается, что соотношение языка и мышления — это не некая философская проблема, а центральная, собственно лингвистическая проблема, захватывающая сердце лингвистики.

МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ ГЕНОТИПИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Генотипический язык представляет собой гипотезу об общей семиотической основе языков мира. В качестве этой гипотезы генотипический язык служит системой универсальных лингвистических категорий. В связи с этим возникает вопрос: каким путем получают универсальные лингвистические категории?

Универсальные лингвистические категории могут быть получены двояким путем. Первый путь заключается в систематическом обследовании большого числа (в идеале всех) языков мира и выделении через генерализацию общих лингвистических категорий. Второй путь заключается в определении основных свойств объекта, который мы называем естественным языком, и в дедуктивном выводе из этого определения всех вытекающих из него следствий.

Первый путь широко применяется в современной лингвистике. На этом пути уже получены интересные результаты, свидетельствующие о его плодотворности. Но для построения абстрактной лингвистической теории мы должны выбрать второй путь. С точки зрения абстрактной лингвистической теории система универсальных лингвистических категорий сама по себе не является ни истинной, ни ложной: она просто задается по определению. Однако это не означает, что нас устраивает любая система универсальных лингвистических категорий. Нас может устраивать только такая система, которая успешно предсказывает возможные лингвистические категории в реальных языках. Таким образом, все дело заключается в предсказуемости силы системы универсальных лингвистических категорий. Если предсказуемая сила такой системы велика, значит, эта система может служить эффективным инструментом исследования реальных естественных языков, и в этом ее оправдание.

Применяемый нами метод построения генотипического языка является частным случаем гипотетико-дедуктивного метода, которым пользуются современные теоретические науки.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СЕМАНТИКИ

В статье рассматриваются некоторые семантические проблемы, решение которых, по-видимому, открывает перспективы для исследования синтаксической структуры языка.

Прежде всего следует остановиться на нерешенных вопросах семантического описания языка в рамках трансформационной грамматики (ТГ). В наиболее популярной версии (Хомский—Катц—Постал—Фодор) ТГ подразделяется на три основных компонента — синтаксический, семантический и фонологический. Синтаксический компонент порождает абстрактные структуры, лежащие в основе актуальных высказываний, — цепочки минимально синтаксически функционирующих элементов и их структурные описания. Семантический компонент, работающий на выходе порождающего синтаксического устройства, обеспечивает генерированные формальные цепочки семантическим описанием. Фонологический компонент обеспечивает цепочки фонологической репрезентацией.

Интересующий нас семантический компонент состоит из словаря, который снабжает значением лексические единицы, и из правил проекции, которые дают семантическую интерпретацию цепочкам, порожденным синтаксическим компонентом. Семантическая интерпретация является полным аналогом значения этих цепочек. Словарь семантического компонента представляет собой конечный ряд последовательностей символов; каждая последовательность символов состоит из начальной подпоследовательности синтаксических маркеров; синтаксические маркеры сопровождаются семантическими маркерами; наконец, в словарь включаются селективные ограничения, которые осуществляют для данной цепочки «выбор некоторых смыслов лексической единицы и соответствующее исключение других смыслов» [6, 15]. Синтаксические маркеры, появляясь на словарном входе, дифференци-

руют значения лексических единиц, которые различаются сначала как единицы, выполняющие роль какой-либо определенной части речи. Семантические маркеры есть формальные элементы, которые используются для выражения общих семантических свойств. Они представляют собой атомарные понятия, из которых синтезируются значения лексических единиц. Селективные ограничения формулируются как функция синтаксических и семантических маркеров. Значения единиц низшего уровня по правилам проекции объединяются в значения доминирующих узлов; процесс длится до тех пор, пока не будет получено значение всего предложения.

В литературе, по сути дела, имеются лишь фрагментарные иллюстрации процесса, доведенного до появления на выходе семантического компонента семантически интерпретированных маркеров фразовой структуры. Но вопрос в данном случае не сводится к проблеме доказательности. Вопрос заключается в ином — какого рода информацию можно получить на выходе такого семантического компонента? Будет ли выработанная семантическим компонентом интерпретация полностью раскрывать значение предложения? Очевидно, что эти вопросы являются частью более общей проблемы: могут ли значения языка описываться языковыми же формами? Возможно ли вообще определить какое-либо языковое значение в терминах того же языка? То, что должно получиться на выходе семантического компонента, будет, по-видимому, набором синонимических выражений для каждого генерированного предложения, лишенных какой-либо объяснительной силы. Но в таком случае подключение подобного семантического компонента к ТГ вряд ли целесообразно.

В рассмотренной модели семантического описания отношения между единицами языка рассматриваются с точки зрения их вхождения друг в друга — от слова к предложению. Одним из нерешенных вопросов ТГ является вопрос о совмещении такой «вертикальной» семантики с семантикой «горизонтальной», т. е. с таким подходом, при котором составляющие предложения рассматриваются не с точки зрения их иерархии, а с точки зрения их взаимной соотношенности — реляции. Категории, которыми мы оперируем при «вертикальном» подходе, описывают формальную структуру предложения (предложение — именная группа — глагольная группа — имя существительное и т. д.; лексические единицы классифицируются по этим же группам с большей или меньшей степенью детализации). Категории, которыми мы оперируем при «горизонтальном» подходе, описывают функциональную структуру предложения (подлежащее — сказуемое, сказуемое — дополнение и т. д.).

Количество таких категорий может быть различным в зависимости от того, с какой степенью подробности описываются

отношения между синтаксически значимыми компонентами предложения.

Н. Хомский, не отрицая лингвистической релевантности для описания языка функционального подхода, настаивает на его строгом отграничении от формального анализа — во избежание нежелательной избыточности — и, по существу, исключает «горизонтальную» семантику из ТГ [5, 63, 74]. Функциональные понятия (S, P, O) применяются Хомским только при описании глубинных структур. Но S, P, O, извлеченные из семантически интерпретированного маркера фразовой структуры, лишены семантической характеристики именно как реляционные составляющие. Далее, понятия S, P, O при описании глубинных структур соотнесены Н. Хомским с общелогическим содержанием предложения — «underlying proposition» [5, 31] — и не содержат информации о функционально-семантической организации поверхностной структуры.

Вернемся теперь к утверждению Н. Хомского об избыточности описания предложения через реляционные составляющие. Эта избыточность, по мнению Н. Хомского, определяется тем, что введение описания реляционных отношений между составляющими предложения «не влечет чего-либо существенно нового сверх того, что уже содержится в правилах порождения цепочек и в фразовых маркерах» [6, 74]¹, следовательно, информация о реляционных понятиях «может быть получена прямо из фразовых маркеров, полученных из простых правил порождения», ибо она «содержится имплицитно в системе элементарных правил порождения» [6, 74].

Но на самом деле информация о реляционных составляющих не может быть извлечена из одних только правил порождения. Это доказывается, в частности, отсутствием изоморфизма между моделью предложения в терминах категориальных (вертикальных) составляющих и моделью предложения в терминах реляционных составляющих. Так, вопрос о построении исчислимой модели структуры предложения и связанный с ним вопрос о структурной неравноценности различных составляющих предложения (выделение интенционала и экстенционала структуры) решается именно в терминах реляционных составляющих². Кроме того, как указывалось выше, реляционная структура может прорабатываться с различной степенью подробности, набор же категорий, применяемых для описания формальной структуры, для каждого язы-

¹ Аналогичное решение можно найти у Дж. Катца и П. Посталя, которые полагают, что реляционные составляющие могут быть определены в терминах конфигураций маркеров фразовой структуры [6, 33].

² Ср. [1], где такая модель построена на наиболее абстрактном функциональном уровне.

ка постоянен. Таким образом, исключение «горизонтальной» семантики из ТГ нельзя признать обоснованным.

Более разумным представляется другой путь: при строгом различении категориальных и реляционных составляющих использовать последние не только для описания глубинной структуры, но и рассматривать их как элементы, участвующие в образовании предложения. Это, помимо упрощения базового и трансформационного компонентов, позволит решить сразу несколько вопросов: (1) более четко разграничить глубинные субъект, предикат и т. д. и поверхностные — грамматические — субъект, предикат и т. д.; (2) использовать понятия реляционных составляющих для описания поверхностных структур; (3) установить, как отражаются глубинные реляционные составляющие в поверхностных структурах, иными словами, исследовать соотношение глубинных и поверхностных реляционных составляющих, интерпретируя расхождения между ними как семантические и синтаксические трансформации.

Решение этих вопросов связано с переинтерпретацией значения глубинных реляционных составляющих. По-видимому, их следует рассматривать не в смысле Хомского, но как обобщенные отражения реальных объектов и отношений в реальных ситуациях, как «идеальные референты» И. Ф. Вардуля [2, 42—44]. Очевидно, что идеальные референты, ориентированные у И. Ф. Вардуля на семантику частей речи, т. е. на семантику поверхностных лексико-морфологических структур, могут быть ориентированы и на семантику поверхностных синтаксических структур. На морфологическом уровне совпадение категориальных значений лексических единиц с модусами идеальных референтов может рассматриваться как признак глубинной структуры (например, действие — читать), а несовпадение — как признак семантической трансформации (например, действие — чтение). То же самое имеет место и на синтаксическом уровне.

Подводя итог, можно сказать, что принятие «горизонтальной» семантики открывает возможности для построения не только структурных, но функционально-структурных и функционально-семантических моделей различных уровней абстракции, т. е. занимающих различное положение между глубинными и поверхностными структурами³, а также для решения в рамках статических моделей антиномии формальной незамкнутости и функциональной ограниченности структуры предложения.

³ Здесь уместно вспомнить замечание Хэллидея о том, что функциональные понятия, различающиеся степенью абстрактности, т. е. соотносимые с явлениями различных уровней «глубины», одинаково релевантны для описания лингвистической структуры [4, 165].

Следующий круг трудностей связан с недостаточной разработанностью самой гипотезы глубинной структуры. Выше уже было показано, что мы получаем бесспорные преимущества, рассматривая глубинную структуру как семантический генератор, а не просто как генератор лишённых значения цепочек, поступающих на вход устройства семантической интерпретации; ср. [10, 166]. Но здесь мы сталкиваемся с одной принципиальной трудностью современной лингвистической теории. До сих пор остается не вполне ясным, каким образом бесконечное разнообразие реальных внеязыковых ситуаций покрывается ограниченным числом семантических категорий. В рамках ТГ усилия исследователей направлены в основном на то, чтобы решить эту проблему на «глубинном уровне» путем расширения глубинной структуры «семантической репрезентацией» [9], добавлением референциальных индексов [3], введением, в рамках порождающей семантики, такого компонента, как пресуппозиция [8]. Не отрицая пользы разработки вопроса в этом направлении, укажем и на возможность другого подхода.

«Согласование» синтаксических структур с реальными ситуациями осуществляется, очевидно, не только на глубинном, но и на поверхностном уровне. В семантической структуре предложения в составе актуального высказывания имеют место некоторые процессы адаптивного по отношению к описываемой ситуации характера, такие, как актуализация и нейтрализация грамматических значений лексических единиц и функциональных значений реляционных составляющих. Обратимся к явлению речевой нейтрализации (не смешивать с понятием морфологической нейтрализации Б. Трнки [11, 21—23]).

При реализации системы обязательных грамматических значений в речи некоторые из них оказываются безразличными для общего смысла сообщения с точки зрения данной ситуации. Однако, поскольку в плане выражения соответствующий элемент (морфема) не может опускаться, реальная потеря его значения (его речевая нейтрализация) выявляется лишь в результате специального анализа. Рассмотрим пример. По законам русского языка каждый глагол (за исключением небольшого числа так называемых одновидовых глаголов) должен быть употреблен в одной из двух видовых форм, хотя в реальном сообщении эти формы часто оказываются нейтрализованными. Так, в следующем отрывке из научной прозы выделенные курсивом формы могут быть заменены формами противоположного вида (они даны в скобках) без изменения общей смысловой структуры высказывания: «Ф. де Соссюр... *выдвинул (выдвигал)* тезис „Язык есть форма, а не субстанция“. Вместо термина „форма“, которым *пользовался (воспользовался)* Ф. де Соссюр, впоследствии

получил (стал получать) распространение термин „структура“, которому структурная лингвистика обязана своим названием. Термины „структура“ и „структурная лингвистика“ утвердились (стали утверждаться) в науке о языке после появления программной статьи В. Брендаля...» Однако в следующей фразе из этой же работы: «В современной науке о языке укоренилось мнение, будто бы изучение процессов в языке относится только к области истории языка, и поэтому объяснительной дисциплиной считается именно история языка» — значение совершенного вида глагола «укореняться» не может рассматриваться как нейтральное для смыслового содержания высказывания. С точки зрения смыслового содержания чрезвычайно важным является указание на исчерпанность действия, доведение его до своего внутреннего предела, косвенное указание на результат действия. Здесь значение вида актуализировано. Что касается актуализации и нейтрализации функциональных значений реляционных составляющих, то эти процессы лежат в основе так называемого актуального членения предложения.

Явления речевой актуализации и нейтрализации irrelevantны для лингвистической интерпретации соответствующих глубинных структур. Их следует рассматривать как семантические мутации поверхностной структуры, создающие речевые семантические варианты предложения. Описание различных схем речевой актуализации и нейтрализации позволит раскрыть механизм семантической фокусировки предложения и внести вклад в решение общего вопроса о семантике предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. В. Ванников, Полная синтагматическая модель предложения и типы ее реализации в тексте, — «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
2. И. Ф. Вардоль, Семантике должна предшествовать предсемантика, — «Вопросы семантики. Тезисы докладов», М., 1971.
3. M. Bierwisch, Semantics, — «New Horizons in Linguistics», ed. by J. Lyons, Penguin Books, 1970.
4. M. A. K. Halliday, Language Structure and Language Function, — «New Horizons in Linguistics», Penguin Books, 1970.
5. N. Chomsky, Language and Mind, New York, Harcourt, Brace, 1968.
6. N. Chomsky, Aspects of the Theory of Syntax, Cambridge (Mass.), 1966.
7. J. Katz, P. Postal, An Integrated Theory of Linguistic Description, Cambridge (Mass.), 1965.
8. G. Lakoff, Presuppositions and Relative Grammaticality, — «Studies in Philosophical Linguistics», ed. by W. Todd, series I.
9. J. D. McCawly, The Role of Semantics in a Grammar, — «Universals in Linguistic Theory», ed. by E. Bach and R. T. Harms, New York, Holt, Rinehart, 1968.
10. P. A. M. Seuren, Operators and Nucleus. A Contribution to the Theory of Grammar, Cambridge (Mass.), 1969.
11. B. Trnka, Principles of Morphological Analysis, — «Philologica Pragensia», IV, Praga, 1961, № 3.

Ю. К. ЛЕКОМЦЕВ

ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИНХРОНИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье выделяются из литературы по семантике или на основе размышлений автора над материалом некоторые положения, показавшиеся автору существенными для дальнейшего построения теории лингвистической семантики. Автор не претендует на то, чтобы в статье выявить все положения, необходимые для такого построения. Не претендует он и на то, чтобы выявленные принципы были независимы.

Понимание термина «семантика» должно сложиться по прочтении статьи. Предварительно скажем, что семантика есть лингвистическая дисциплина, изучающая непосредственно невоспринимаемые объекты — значения (или смыслы) на основе их косвенного проявления в текстах.

Начнем с рассмотрения эпистемологической структуры лингвистической семантики, что позволит читателю правильно локализовать отдельные принципы в составе целого.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА

Эпистемологическая структура семантики может быть представлена следующим образом.

(1) Семантика включает непосредственный объект и пространство осмысления.

Примечание. Под непосредственным объектом понимается совокупность воспринимаемых явлений, которые изучаются некоторой наукой. Под пространством осмысления понимается набор предложений на некотором языке, описывающих непосредственный объект, т. е. фиксирующих определенные регулярности в непосредственном объекте или содержащих некоторые гипотетические суждения о непосредственном объекте.

(2) Непосредственный объект семантики сложен: он состоит из: 1) текста T на некотором языке L ; 2) множества фрагментов перцептивного мира (это множество бесконечно) и 3) информанта, говорящего на языке L . Информант может по требованию исследователя устанавливать соответствие между определенными частями текста и некоторыми фрагментами. Он может также ответить на определенные вопросы стандартного типа.

Примечание. Предполагается, что для анализа текста разработаны различные техники, такие, как дистрибутивный или трансформационный анализ. Техника может быть рассчитана как на проведение анализа без привлечения информанта, так и на комбинацию анализа текста с использованием информанта. Точно так же могут разрабатываться техники анализа фрагментов перцептивного мира (ср. методы компонентного анализа).

Непосредственный объект семантики может быть представлен еще в одном варианте. В последнем случае он включает: 1) текст T на некотором языке L ; 2) перевод текста T на некоторый язык L^1 , т. е. текст T^1 на языке L^1 , приблизительно эквивалентный тексту T .

При этом подразумевается, что исследователь владеет языком L^1 и должен обращаться с языком L как с неизвестным ему языком. В обоих вариантах приходится сталкиваться с трудноконтролируемым фактором: либо с информантом, либо с неадекватностью перевода.

(3) Пространство осмысления разделяется на следующие области:

- а) область единичных констатаций;
- б) область генерализаций;
- в) область гипотетических суждений.

Каждая из этих областей оперирует соответствующими терминами: констатирующими терминами, генерализующими терминами, гипотетическими терминами.

(4) Предложения пространства осмысления записаны на некотором языке, называемом объектным языком (L_0). Объектный язык не следует смешивать с языками L и L' , входящими в непосредственный объект. Объектный язык является либо естественным языком, например русским, английским и т. д., либо представляет собой формальный язык, т. е. язык, подчиняющийся регулярным правилам и использующий вместо слов специальные сократительные символы.

По-видимому, на определенном этапе изучения объекта переход к формальному объектному языку становится неизбежным в силу сложности логической структуры, выявившейся при изучении объекта. Формальный язык эффективнее применять в виде дедуктивной системы. Введение дедуктивной системы резко разделяет пространство осмысления на две

части: на предложения дедуктивной системы, записанные на формальном языке, в число которых входят, в частности, все гипотетические предложения, и на интерпретационные предложения, язык которых не обязательно формальный и которые включают, в частности, все единичные констатации.

(5) Для обсуждения технических вопросов объектного языка (особенно формального объектного языка) применяется еще один язык, называемый метаязыком, обычно не формальный.

К сказанному следует добавить, что основной функцией формального объектного языка считается объяснение фактов (или предложений — констатаций и генерализаций) и предсказание новых фактов (или предложений). Эти функции объектного языка предполагают градальное рассмотрение текста *T*, при котором переходят от изучения некоторого фрагмента текста к его расширению.

На этом закончим краткий эпистемологический экскурс¹.

ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Формулировки нижеследующих принципов принадлежат автору.

1. Принцип дублирования

Строение семантических единиц повторяет, по крайней мере в основных чертах, строение фрагментов перцептивного мира.

Этот принцип неоднократно формулировался в истории философии. В современной лингвистике на него опираются все те работы по семантике, в которых идет речь о выделении семантических признаков на основе анализа референтов. Сказанное относится прежде всего к работам по компонентному анализу, см., например, [9]; [18].

2. Принцип сокращения (принцип Потебни)

Семантические единицы не передают всей информации, содержащейся в соответствующих фрагментах перцептивного мира [4, 19].

3. Принцип Хольта

Число семантических компонентов, входящих в план содержания некоторого знака, определяется набором противопоставлений, в которых участвует этот знак [11].

Принцип дается здесь в несколько обобщенном виде.

¹ Ср. также [1]; [6]; [8].

4. Принцип семантических полей

Сложные семантические единицы — семантемы — группируются на основе семантического сходства в особые коллективные единицы — поля по принципу парадигматического (поле Трира) и синтагматического (поле Порцига) отношений [19]; [20]; [22].

5. Принцип дискретности

Семантические единицы (особенно элементарные) могут описываться как дискретные (т. е. отдельные, несвязанные, выделяемые):

Этому принципу следуют большинство исследователей, начиная от М. Бреая до А. Греймаса и последующих авторов.

6. Принцип знаковой функции

Нарушение взаимной однозначности знаковой функции в языке, т. е. полисемия (синонимия) и омонимия, связано (опосредствованно) с такими характеристиками строя языка, как аналитизм или синтетизм, т. е. со степенью относительной мотивированности знака [5]; [14].

7. Принцип маркированности

Часто при противопоставлении двух грамматических форм X и Y за одной из них (допустим, за X) закрепляется некоторое категориальное значение A (т. е. существует знак $\frac{X}{A}$), в то время как другая форма (Y) не имеет устойчивой связи с A ($\frac{Y}{A \text{ или не-}A}$).

Этот принцип был выдвинут Р. Якобсоном в 1932 г.; см. [13]. Р. Якобсон перенес в морфологию фонологические понятия *merkmalhaft* и *merkmallos*, введенные Н. С. Трубецким. Данный принцип получил дальнейшее развитие в глоссематике, приведя к понятию партиципативных оппозиций.

8. Принцип распространения (extension)

Если X и Y — два противопоставленных знака, то значение A знака X либо может быть сконцентрировано в пределах X , либо оно может распространяться на другие знаки (например, W , Z). В первом случае говорят, что A интенсивно, во втором — что A экстенсивно. Принцип распространения фор-

мулируется следующим образом: интенсивный член противопоставления обладает ограниченной сочетаемостью, а экстенсивный член — более широкой сочетаемостью. Принцип пространства был выдвинут глоссематиками; см. [21].

9. Принцип изоморфизма

Уровень знаков и уровни каждого из планов языка (т. е. плана выражения и плана содержания) организованы существенно сходным образом; см. [15].

Достаточно напомнить, что развитие структурной лингвистики происходило в значительной степени благодаря переносу понятий и методов из фонологии в семантику или в область знаковых явлений (морфологию, синтаксис).

10. Принцип одноязычного перевода

Разложимость семантических единиц проявляется в структуре определения слова через другие слова того же языка (т. е. в переводе слова последовательностями слов того же языка); см. [12, 51—56]; [23].

11. Принцип ядра и периферии семантемы (принцип Греймаса)

Семантема (набор сем) обладает следующим внутренним строением: она содержит инвариантную часть, называемую ядром, и часть, зависящую от контекста и называемую периферией семантемы. Периферийные семы имплицитуют ядро; см. [10].

Добавим к приведенным выше принципам еще два положения, которые, насколько нам известно, не выдвигались ранее.

12. Принцип неоднородности сем

Элементарные семы (в частности, грамматические категории) в принципе неоднородны — одни из них имеют характер свойств (унарных отношений), например: одушевленность, род, число; другие имеют характер -арных отношений (бинарных, тернарных). Например, притяжательность предполагает обладателя и предмет обладания (т. е. семе соответствует множество пар слов, одно из которых обозначает обладателя, а другое — предмет обладания), переходность предполагает объект, действие и субъект, инструментальность предполагает орудие, субъект, действие и объект и т. д. Более того, некоторые категории связаны более чем с одной

описываемой ситуацией, например категория условности, уступительности, причинности; см. [3].

Загадка синтеза фигур

В пределах отдельного речевого акта происходит синтез текста говорящим. Память говорящего хранит, очевидно, сведения о том, что цепочка звукопредставлений *девочка* ассоциируется с языковым значением «девочка». Языковой механизм не смог бы функционировать без фиксации в памяти знаковой функции (в частности, без фиксации отдельных пар звучаний и значений, подобных приведенной выше). Однако исследователи часто говорят о синтезе фигур, т. е. единиц, принадлежащих одной из сторон знака. Примером такого синтеза может служить построение звучания *девочка* из слогов *де+воч+ка*, или из фонем, или из дифференциальных фонологических признаков, с одной стороны, и построение значения «девочка» из сем (семантических множителей): «женский» + «невзрослый» (или «детеныш») + «человек» = «девочка» — с другой.

Но тогда возникает вопрос: если в пределах отдельного речевого акта наша память хранит готовый двусторонний знак $\frac{A}{B}$, то в чем мог бы состоять смысл синтеза фигур *A* и *B*?

Зачем составлять из частей то, что должно храниться в готовом виде? Загадка синтеза фигур в единичном речевом акте представляется важной проблемой, с решением которой связан вопрос о природе и механизме действия семантических признаков.

Перейдем теперь к обсуждению (по необходимости очень сжато) приведенных выше принципов и их взаимосвязей.

КОММЕНТАРИИ К ПРИНЦИПАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Комментарии к сформулированным выше принципам придется свести к нескольким наиболее существенным вопросам.

Принципы 1, 2, 3, 4 образуют цепь, в которой каждый последующий элемент ограничивает предыдущий. Принцип 2 указывает на специфичность семантической единицы, принцип 3 указывает на ее признаковый объем и задает верхнюю границу для числа признаков. Принцип поля Трира указывает, вероятно, на дальнейшее ограничение признакового состава семантемы. Остановимся на этом пункте.

Возможно задать контекст (или окружение), в котором может быть употреблена значительная часть словаря. Напри-

мер, контекст «...это здорово!» способен включить любое существительное или инфинитив русского языка: «абажур — это здорово!», «телефон — это здорово!», «учиться — это здорово!» и т. д.

Допустим, что в данную относительную парадигму входит 5000 слов ($n = 5000$). Тогда число различительных признаков (сем) равно

$$C \frac{2}{n} = \frac{n(n-1)}{2}$$

Если считать, что признаки распределяются по словам равномерно, то на одно слово придется в среднем

$$\frac{n(n-1)}{2n} = \frac{4999}{2} = 2499,5 \text{ признаков!}$$

Многовато. По-видимому, поле Трира ограничивает число «непосредственно взаимодействующих» противопоставлений.

Можно предположить, что поле Трира есть часть некоторой парадигмы, содержащая семантемы с общим признаковым пересечением. Например, пусть $(A//B//C)$ есть поле Трира, где каждой семантеме сопоставляются наборы сем: $A = (\alpha\beta\gamma)$, $B = (\alpha\beta\delta)$ и $C = (\alpha\gamma\delta)$. Здесь пересечение состоит из α , являющегося признаком данного поля. Можно предположить, что при противопоставлении слов из разных полей эти слова различаются только признаками полей, в то время как «внутренние» признаки в различении не участвуют.

Принципы 5, 6 и 9 являются довольно абстрактными и носят скорее методологический характер. С принципом 9 (принцип изоморфизма) связан, по-видимому, принцип одноязычного перевода (10). Принцип маркированности и принцип распространения (7 и 8) связаны с принципом знаковой функции (6) и принципом Хольта (3): все три говорят о соотношении семантической единицы с планом выражения.

Остановимся на принципах 7 и 8. Эти принципы важны потому, что, в случае если они окажутся справедливыми, они могут послужить критериями для автоматического приписывания неинтерпретированных признаков противопоставленным знаковым выражениям, и тогда основная часть семантики стала бы частью формального синтаксиса. В этой связи можно доказать следующую теорему.

Теорема. Пусть имеется множество пар элементов. Относительно каждой пары известно, различается ли она по некоторому признаку α или нет. Тогда, сколь большое число таких пар мы ни взяли бы, нам никогда не узнать, каким именно элементам приписан признак α .

Но если указано хотя бы одно вхождение признака *α* в некоторый элемент, мы узнаем все его вхождения в элементы пар.

Доказательство проводится по индукции.

Вернемся к принципам маркированности и распространения. Принцип маркированности обещает локализацию некоторого категориального признака на основе наличия устойчивого и в каком-то смысле «яркого» форманта. Чтобы понятие «яркости» приобрело более точный характер, принцип маркированности часто комбинируют с принципом распространения, считая, что маркированный член одновременно интенсивен и, следовательно, ограничен в дистрибуции. Подробнее см. [2].

В качестве примера маркированного интенсивного члена противопоставления приводят французский *Subjonctif*, противопоставленный экстенсивному *Indicatif*, где критерием может служить распределение относительно времен — ограниченное у первого и более свободное у второго.

Нетрудно, однако, дать контрпример: русская форма прошедшего времени на *-л* «яркая» (может быть, в том смысле, что фонема *л* не участвует в других глагольных формантах), значение прошедшего времени классически интенсивное (ср. Р. Якобсон), но если сочетаемость этой морфемы ограничена по отношению к лицу в сравнении с настоящим временем, то последнее не принимает показателей рода, с которыми сочетается *-л*.

Форма существительных на *-а* в некоторых индоевропейских языках «яркая» и преимущественно женского рода, но ср. русск. «он — умница». Строго говоря, это уже экстенсивность.

Кроме того, если разобрать внимательно определение маркированности, то оказывается, что маркированный член скорее экстенсивен (ведь его значение встречается и у противоположного члена), чем интенсивен, как считали глоссематики.

Сказанное выше должно показать, насколько еще не разработана операциональная сторона обоих принципов. Подчеркнем, что ее разработка является одной из наиболее существенных лингвистических задач.

Принципы 11, 12 и загадка синтеза фигур связаны с раскрытием внутренней структуры семантемы. Рассмотрим их детальнее. Что касается принципа Греймаса (11), то обнаруживается его любопытная связь с принципом поля Порцига.

Поле Порцига включает синтагматически связанные значения. При этом ядром поля считается глагол или прилагательное, так как они точнее предсказывают существительное,

чем существительное предсказывает любое другое слово. Например: «идти» → «ноги», «хватать» → «рука», «видеть» → → «глаза» и т. д. (Знак стрелки можно читать «предсказывает» или «имплицитует».) В обратном направлении однозначность предсказания теряется: «рука» может «хватать», «ломать», «бить», «ласкать» и т. д.

Ядро поля имплицитует некоторый набор синтагматически связанных значений, например: «писать» → «рука» (как субъект), «перо» (как инструмент), «бумага» (как место).

Сам Порциг дает следующую формулировку, определяющую поле: «Alles was innerhalb einer notwendigen Beziehung austauschbar ist, gehört zum gleichen Feld.» [20, 84].

В силу принципа дискретности нам необходимо перевести понятие поля Порцига на язык дискретных семантических признаков (или сем). Прежде всего предположим, что значения *A* и *B* принадлежат одному полю в том случае, если они содержат некоторую общую сему α . Но этого недостаточно. Рассмотрим для начала пример: *Человек рубит топором дерево*. Пусть сема α означает «рубить» (является главным компонентом семантемы слова *рубить*). Как распределена α по другим словам предложения? Рассмотрим пары слов: *человек* — *рубит*; очевидно, что α не является ядерным признаком семантемы (*человек*) — ядро понимается здесь уже по Греймасу (ядро по Порцигу удобнее было бы называть антецедентом поля, а то, что предсказывается, — консеквентом поля): человек может рубить, но это одна из очень многих век может рубить, но это одна из очень многих возможностей. Итак, α входит в периферию семантемы (*человек*). Символически:

(человек)	(рубит)
$(\alpha)_{\text{пер}}$	$(\alpha)_{\text{пис}}$

Точно так же найдем:

(рубит)	(дерево)
$(\alpha)_{\text{пис}}$	$(\alpha)_{\text{пер}}$

Но для пары *рубит* и *топором* оказывается:

(рубит)	(топором)
$(\alpha)_{\text{пис}}$	$(\alpha)_{\text{пис}}$

т. е. в данном случае α принадлежит ядру семантемы (*топором*), так как α есть существенный признак (*топора*). Сделаем следующий вывод.

Если некоторая сема принадлежит ядру семантемы какого-либо слова в предложении, то в семантемы других слов

она входит либо как периферийная (т. е. как потенциальный признак), либо как ядерная сема².

Этого уточнения недостаточно для перевода понятия поля Порцига на язык дискретных признаков. Изложенные выше идеи Порцига уже содержат намек на то, что значения, входящие в поле, выполняют различные роли: субъекта, объекта, места, инструмента и т. д. Если вернуться к нашему примеру, это значит, что *а* в (человек) выступает как предикатная сема в первичном субъекте, в (дерево) — как предикатная сема в объекте, а в (топором) — как предикатная сема во вторичном субъекте или инструменте.

Итак, мы имеем дело с различными «позиционными» вариантами сем! Вопрос категорий типа субъект, объект и т. д., которые иногда неправильно считают логическими, мы рассматриваем в других работах [16].

Можно предположить, что в поле Порцига входят семантемы, содержащие в составе ядра или периферии общие семы и являющиеся компонентами одной ситуации.

Принцип 12, загадка синтеза фигур и выводы относительно поля Порцига приводят к мысли о существовании связанной семантической единицы, лежащей в основе смысла предложения, которую мы называем внутренней ситуацией. «Дискретные» семы являются производными от внутренних ситуаций. Это те фрагменты, которыми ситуации различаются. Этим объясняется неоднородность элементарных сем (принцип 12). Понятно также, что структура поля Порцига определяется ситуативными категориями. Что касается загадки синтеза фигур, то можно предположить, что семантемы хранятся в готовом виде в составе знаков в памяти элементарных знаков. С другой стороны, ситуации существуют в ситуативной памяти. Когда из морфем и слов синтезируются предложения, ситуации служат смысловыми эталонами, а семы суть проекции различных ситуаций на отдельные семантемы. Естественно, что здесь очень много неясного. Подробнее см. [3]; [16]; [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Р. Карнап, *Философские основания физики*, М., 1971.
2. Ю. К. Лекомцев, *Глоссематическая теория лингвистических оппозиций и теория различения в семантике и дескриптивной семиотике*, — «Труды по знаковым системам», вып. IV, Тарту, 1969.
3. Ю. К. Лекомцев, *Психическая ситуация, предложение и семантический признак*, — «Труды по знаковым системам», вып. VI, Тарту, 1973.
4. А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, т. III, М., 1958.

² Более формальный аспект вопроса затрагивается в статье автора; см. [17].

5. С. Ульманн, Дескриптивная семантика и лингвистическая типология,— «Новое в лингвистике», вып. II, 1962.
6. Ф. Франк, Философия науки. Связь между наукой и философией, М., 1960.
7. Д. Юм, Трактат о человеческой природе, т. I, М., 1965.
8. R. B. Braithwaite, Scientific Explanation, New York, 1960.
9. K. J. Franklin, Kewa Ethnolinguistic Concepts of Body Parts,— «Southeastern Journal of Anthropology», 1963, vol. 19, No. 1.
10. A. Greimas, Semantique structurale, recherche à la methode, Paris, 1966.
11. J. Holt, Beiträge zur sprachlichen Inhaltanalyse, Innsbruck, 1964.
12. R. Jakobson, Vorbemerkung in «Zeichen und System», Bd II, Berlin, 1962.
13. R. Jakobson, Zur Structur der russischen Verbuns, Charisteria V. Mathesio, Praha, 1932.
14. S. Karcevskij, Du dualisme asymetrique du signe linguistics,— «A Prague School Reader in Linguistics», ed. by J. Vachek, Bloomington, 1964.
15. J. Kurilowicz, La notion de l'isomorphisme,— TCLC, vol. 5 (Recherches structurales), Copenhagen, 1949.
16. Ju. Lecomtsev, On Inner Situation as a Unit in Linguistical Semantics (в печати).
17. Yu. Lecomtsev, On Models for a Syntax with Explicitely Differentiated Elements (D-syntax) (в печати).
18. Motoko Sakai, An Attempt to Describe Semantic Features, «Gengo no kagaku:», 1970, vol. I, No. 1.
19. S. Ohman, Wortinhalt und Weltbild, Stockholm, 1951.
20. W. Porzig, Das Wunder der Sprache, Bern, 1950.
21. K. Togeby, Structure immanente de la langue française, Copenhagen, 1949.
22. J. Trier, Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes, I, Heidelberg, 1931.
23. U. Weinreich, Lexicographic Definition in Descriptive Semantics,— «Problems of Lexicography», 1962, vol. 2, pt I.

ГЛУБИННЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Многие современные языковеды употребляют термины «синтаксис» и «семантика» (соответственно «синтаксический» и «семантический») таким образом, что за этими употреблением чувствуется тенденция противопоставить друг другу два взаимоисключающих множества языковых явлений, причем одно множество — синтаксическая система — характеризуется исключительно набором формальных, асемантических признаков, а другое множество — семантические правила — содержит только смысловые интерпретации, которые могут приписываться синтаксическим построениям. С противопоставлением синтаксиса и семантики мы можем встретиться буквально на каждом шагу. Так, Ю. Д. Апресян в своей широко известной книге о семантике русского глагола дает одному из разделов название «Синтаксис и семантика» и говорит в нем о таких явлениях, как связь между синтаксическими и семантическими признаками слов, унификация синтаксиса под давлением семантики и давление синтаксиса на семантику [1, 23 и сл.]. Внимательный читатель сможет заметить, что здесь, во-первых, за дихотомией синтаксиса и семантики стоит дихотомия синтаксической формы и лексического значения и, во-вторых, семантика понимается как дисциплина, которая занимается по преимуществу только значениями слов.

В наиболее явном виде противопоставление синтаксиса и семантики выступает в теории порождающей грамматики у Н. Хомского. Первоначально оно было, правда, непрямым, опосредованным, поскольку семантика выводилась вообще за рамки грамматики [9, 421, 514 и сл.] и синтаксис естественного человеческого языка строился целиком и полностью по подобию синтаксических систем в математической логике. Впоследствии в порождающую грамматику был включен наряду с синтаксическим и семантический компонент. Первый

должен породить цепочки формативов, т. е. минимальных в синтаксическом отношении элементов, и снабжать их структурными характеристиками в виде НС-маркеров, а второй должен приписывать этим цепочкам смысловые интерпретации, т. е. строить значения предложений путем связывания в единое целое лексических значений исходных элементов в той последовательности, которая задана НС-маркерами [11]; [13]; [15]; [16]. (Об эволюции взглядов Н. Хомского и его сторонников см. [4]; [12]; [14]; [19].)

Однако распределение функций между обоими компонентами, связанное с разделением формального и семантического процессов, оказалось таким, что синтаксис и семантика вновь противопоставлены друг другу и исключают друг друга. Подобный подход сохраняется и в работах некоторых европейских представителей порождающей грамматики [12]; [17]; [18]. Снятие же разграничения между синтаксисом и семантикой иногда ведет лишь к большему смещению синтаксиса и лексики; см. [20].

Отграничение синтаксиса от семантики и сведение последней к описанию значений слов привели к тому, что под значением предложения стало пониматься некое смысловое построение, восходящее в конечном итоге к лексическим значениям исходных элементов предложения (и лишь отчасти к категориальным значениям этих элементов как представителей определенных частей речи). Между тем семантическая структура предложения не может быть сведена целиком к совокупности (пусть и соотношенных друг с другом синтагматически) лексических значений.

Предложение как языковая единица обладает и своей собственной семантикой, в принципе не зависящей от его лексического наполнения. Это значение присуще предложению как особой языковой форме, взятой в отвлечении от возможностей ее сочетания с определенным интонационным контуром и конкретным лексическим составом. В дальнейшем можно будет данное значение называть синтаксическим значением предложения, отличая его от коммуникативного значения предложения как конкретного высказывания.

2. Синтаксическое значение предложения имеет сложное, многоуровневое строение (об иерархии уровней см. [3]). В основании иерархии выделяется уровень семантической структуры предложения, характеризующийся своей направленностью на объективную действительность, обладающий денотативной отнесенностью. Однако здесь приходится говорить о денотатах иного рода, чем в случае лексического значения.

Дело в том, что денотатами синтаксических выражений являются не отдельные предметы, качества, свойства, отношения, процессы сами по себе, а разыгрывающиеся в реаль-

ной действительности ситуации и объективно существующие системы отношений или же мысленно конструируемые их аналоги, т. е. абстрактные ситуации и абстрактные объекты-системы. Комплексный характер денотатов отражается соответственно в комплексных значениях, например, в таких смысловых структурах, как «производитель действия (агенс) — действие — предмет действия (пациенс)», и находит в конечном счете выражение в сложном комплексном характере синтаксических построений.

Денотатами синтаксических построений являются не сами по себе конкретные, единичные ситуации или конкретные системы отношений, а обобщенные, типовые ситуации и системы. В этом плане между лексическими и синтаксическими значениями есть много общего. Так, например, слово *дерево* соотносится с каждым отдельным представителем класса деревьев независимо от того, к какому подклассу деревьев (береза, ель, сосна, дуб, ясень) принадлежит данное конкретное дерево, где оно растет, какого оно размера и возраста, и тем самым соотносится с понятием дерева вообще как классом. Точно так же и семантический комплекс «агенс — действие — пациенс» соотносится со множеством конкретных ситуаций или систем отношений, где имеет место подобное распределение ролей, и соответственно со схемой распределения ролей вообще, с ситуацией *in abstracto*, когда предполагается отвлечение от того, какой предмет выступает в роли агенса, какой — в роли пациенса и какое конкретное действие их связывает.

Так, один и тот же семантический комплекс (в дальнейшем мы будем называть его реляционной структурой, поскольку он отражает систему отношений; ср. лат. *relatio* 'отношение') «агенс — действие — пациенс» находит свое выражение в бесконечном множестве высказываний следующего вида: *Все халупы позаняли красноармейцы* (Дм. Фурманов); *Огонь больших костров лизал черные ротные копны* (А. Серафимович); *Павел прикрыл дверь* (Н. Островский); *Разбудил меня Семенов...* (К. Паустовский); *Могилевский комендант взял документы Синцова...* (К. Симон).

В данной реляционной структуре вычленяются три элементарные синтаксико-семантические единицы, которые мы называем релятемами. Термины «агенс», «пациенс», «орудие действия (инструмент)», «адресат действия» и т. п. являются, по сути дела, обозначениями отдельных релятем, и предполагаемый термин оказывается удобным, поскольку он служит родовым именем по отношению к именам «агенс», «пациенс» и т. д.

Сущность релятемы заключается в ее соотносительности с одним из моментов в строении ситуации или системы отно-

шений, отображаемой в целом в реляционной структуре. Эта соотнесенность опосредствована реляционной структурой. Поэтому мы и должны говорить в этом случае не о лексическом, а именно о синтаксическом значении релятем, не соглашаясь, например, с мнением Э. Агриколы о первоначально лексическом характере значения подобных единиц [10, 58]. Э. Агрикола считает, что всякая отнесенность значения к внеязыковой действительности делает его лексическим, а отсутствие внеязыковой отнесенности является существенным признаком синтаксического значения [10, 11, 55 и сл.].

На самом же деле мы можем убедиться, во-первых, что синтаксическое значение на реляционном уровне автономно и свободно от конкретного лексического наполнения и, во-вторых, что невозможно вывести коммуникативное значение предложения только из совокупности лексических значений входящих в него слов. Проведем для этого несложные эксперименты следующего рода.

Так, если в высказывании *Волк зарезал ягненка* употребить в роли релятемы агенса не *волк*, а другие конкретные существительные, например *стол*, *рассказ*, *ящик*, то получившиеся в результате подстановки высказывания — *Стол зарезал ягненка*, *Рассказ зарезал ягненка*, *Ящик зарезал ягненка* — будут неприемлемыми только в том плане, что конкретные ситуации подобного рода невозможны в действительности, т. е. они будут бессмысленными только в аспекте коммуникативного значения. То же произойдет, если поменять ролями слова *волк* и *ягненок*: *Ягненок зарезал волка*. Но реляционная структура не будет разрушена при этом и будет понята слушателем вполне правильно. Понимание ее как раз и обеспечивает такое приписывание ролей, с одной стороны, словам *стол*, *рассказ*, *ящик* относительно слова *ягненок*, а с другой стороны, слову *ягненок* относительно слова *волк*, что «здравый смысл» отказывается воспринимать высказывания, в которых наблюдается противоречие между совокупным значением лексического ряда и реляционной структурой как одним из компонентов семантической структуры синтаксического построения.

Обобщенное лексическое значение деятеля, особенно отчетливо выступающее в именах лиц при их противопоставлении именам неодушевленным, а также в производных существительных, образованных с определенными суффиксами (*nomina agentis*), тяготеет к соединению с синтаксическим значением агенса. Возможно, на какой-то первоначальной ступени развития языка эти два значения и не были отдельными. Но для современного состояния вряд ли характерно такое диффузное значение. Имена деятеля далеко не всегда выступают в роли агенса, эту роль могут играть также и имена неодушевленные, например: *Эти слова разозлили Син-*

цова... (К. Симонов); *Меня поразило это слово «рассеяться»* (К. Паустовский); *Дождь обновил молодую, но старчески серую от пыли листву* (М. Шолохов).

Реляционные структуры и выделяемые в их составе релятемы являются единицами самого глубинного уровня синтаксической семантики. Выбор той или иной реляционной структуры обуславливается объективным строением отображаемой ситуации или ее субъективным членением, осуществляемым говорящим по образцу иных ситуаций. Реляционная структура, будучи выбранной в соответствии с намерением говорящего сообщить о какой-то конкретной ситуации, предопределяет в основном состав необходимых для ее выражения членов синтаксического построения (конфигурации); о понятии конфигурации см. [5, 116]; [8, 144]. Так, ситуация, отображаемая реляционной структурой «носитель процесса — процесс», требует для своего обозначения наличия двух членов, один из которых соответствует релятеме «носитель процесса», а другой — релятеме «процесс», например: *Шел дождь, падал снег, трещал мороз, выла и посвистывала метель* (М. Горький).

Реляционная структура «агенса — действие — пациенс — место, куда перемещается пациенс в результате действия (директив)» находит свое выражение в четырехчленной конфигурации, например: *Кухарка совала в печь чугуны...* (М. Шолохов).

Но одна и та же реляционная структура имеет для своего выражения, как правило, ряд конфигураций. Так, высказывание *Он предъявил отпускную бумажку...* (М. Шолохов) выражает ту же самую реляционную структуру «агенса — действие — пациенс», что и выражения: *Им была предъявлена отпускная бумажка; Предъявление им отпускной бумажки; Предъявленная им отпускная бумажка; Он, предъявивший отпускную бумажку.*

Все эти выражения синонимичны на реляционном уровне. Различия между ними имеют место на других уровнях, из которых прежде всего наше внимание должен привлечь предикационный уровень. Он непосредственно накладывается на реляционный уровень, обуславливая выбор конкретных форм для выражения реляционных структур.

3. Предикационный уровень синтаксической семантики не направлен на объективные или мысленно конструируемые ситуации. Он отражает отношение к ним со стороны автора высказывания, заключающееся в том, что автор совершает выбор одного из способов представления данной ситуации, делая одну из предметных релятем исходным пунктом грамматической предикации и относя все другие релятемы выражаемой реляционной структуры в их совокупности к ядру грамматической предикации. В результате такого членения

возникает бинарная структура, которую мы называем предикационной.

Например, в высказывании *Я разрезал мокрое платье* (К. Паустовский) исходным пунктом грамматической предикации выступает агенс (ср. *Мной было разрезано мокрое платье*), а в высказывании *Острая маленькая грудь была разорвана осколком ниже соска* (К. Паустовский) исходным пунктом предикации служит пациенс (ср. *Осколок разорвал острую маленькую грудь*).

Реляционная структура может остаться предикационно не расчлененной, что имеет место в тех случаях, когда она не служит непосредственной опорой для построения предложения и лишь «включается» в опорную реляционную структуру. Так, реляционная структура «агенс — действие — пациенс» дважды включается в опорную реляционную структуру в высказывании *Подожженные снарядами деревни чадили без огня, пропитанные сыростью* (К. Паустовский), ср. *Снаряды подожгли деревни, Сырость пропитала деревни*.

Ни исходный пункт, ни ядро грамматической предикации не имеют непосредственной отнесенности к объективной действительности. Предикационная структура предполагает наличие реляционной, а не наоборот. Поэтому и следует считать реляционный уровень семантической структуры предложения самым глубинным, первичным, а предикационный уровень — вторичным, более «поверхностным».

Взаимоотношения между реляционной и предикационной структурами¹ представляют сложную картину. Так, можно наблюдать в ряде языков, что предикационное членение наличествует там, где в реляционном плане нет членения и ситуация отображается как неделимое целое; ср. русск. *Светает; Морозит*; исп. *Nieva* 'Идет снег', *Amanece* 'Светает'; ит. *Piove* 'Идет дождь'; порт. *Alvorece* 'Светает', *Anoitece* 'Смеркается, наступают сумерки'; татар. *Салкынайты* 'Похолодало', но нем. *Es regnet* 'Идет дождь', *Es dämmert* 'Смеркается'; англ. *It rains* 'Идет дождь'; франц. *Il neige* 'Идет снег', *Il gèle* 'Морозит'. В результате нем. *es*, англ. *it*, франц. *il* не представляют какой-либо релятемы; они «пусты» в плане денотативной отнесенности, хотя и выступают в роли исходного пункта грамматической предикации.

Возможно и обратное явление. Так, в некоторых языках релятема агенса получает регулярное выражение посредством нуля на предикационном уровне; ср. русск. *Его попросили спеть*; нем. *Man bat ihn zu singen*.

Сопоставление реляционной и предикационной структур весьма полезно в целом ряде отношений. В частности, оно может послужить ключом к адекватному пониманию разли-

¹ Одним из первых на данное различие явно указал Ш. Балли [2, 122].

чия в семантике между действительным и страдательным залогами, ибо явно свидетельствует, что никакого изменения в направлении действия при переходе от активной конструкции к пассивной не происходит, а меняется лишь языковой способ представления одной и той же ситуации.

Далее, это сопоставление может помочь осознанию того, что разграничение подлежащего и сказуемого, с одной стороны, и выделение второстепенных членов — с другой, фактически базируются на различных основаниях. Первое имеет свои истоки в предикационной структуре, второе — в реляционной. Традиционное учение о членах предложения располагает, однако, как главные, так и второстепенные члены в одной плоскости. Особенно серьезные противоречия возникают при этом в вопросе об установлении границ сказуемого [7].

Указанное сопоставление позволяет также поставить вопрос о сущности падежа как морфологической категории имени, связанной в своих истоках с реляционной структурой [6].

Таким образом, в основании семантической структуры предложения в соответствии со своей разной направленностью разграничиваются два уровня — реляционный и предикационный. Первый имеет объективную соотнесенность (разумеется, опосредованную сознанием носителей языка), второй отражает субъективный подход говорящего к описываемой им ситуации. Анализ взаимоотношений между реляционными и предикационными структурами в языках разных типов — одна из актуальных задач синтаксической теории.

В заключение можно отметить, что предикационная и реляционная структуры имеют своего рода аналоги в логических схемах, отображающих структуру суждения. Первой отвечает двучленная схема «субъект — предикат», разработанная аристотелевской логикой. Второй соответствует схема «предикат — аргумент (или аргументы)», предложенная К. Айдукевичем. Есть основания полагать, что эти две схемы отражают разные стороны анализа логического суждения, подобно тому как понятия реляционной и предикационной структур соответствуют разным аспектам семантической структуры предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967.
2. Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.
3. И. П. Сусов, Аспекты предложения как уровни его семантической структуры, — «Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Тезисы докладов», Л., 1971.

4. И. П. Су сов, К взаимоотношению синтаксиса и семантики,— сб. «Вопросы английской и французской филологии», Тула, 1971.
5. И. П. Су сов, Одноместные финитные конфигурации в немецком языке,— сб. «Лингвистические исследования», Тула, 1969.
6. И. П. Су сов, Падеж и реляционность (к постановке вопроса о сущности категории падежа),— «День Артура Озола. Категория падежа в структуре и системе падежа. Материалы научной конференции», Рига, 1971.
7. I. П. Су сов, Про межі присудка в німецькому реченні,— «Іноземна філологія», вып. 27, Львів, 1971.
8. И. П. Су сов, Финитные конфигурации немецкого языка, выражающие двухместные синтаксические отношения,— сб. «Проблемы немецкого языкознания и методики преподавания немецкого языка», Тула, 1970.
9. Н. Хомский, Синтаксические структуры,— «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962.
10. E. Agricola, Syntaktische Mehrdeutigkeit (Polysyntaktizität) bei der Analyse des Deutschen und des Englischen, Berlin, 1968.
11. N. Chomsky, Aspects of the Theory of Syntax, Cambridge (Mass.), 1965.
12. Fr. Daneš, A Three-Level Approach to Syntax,— «Travaux linguistiques de Prague», I, Prague, 1966.
13. J. A. Fodor, J. J. Katz, The Structure of a Semantic Theory,— «Language», 1963, vol. 39.
14. G. Helbig, Zu neueren Entwicklungen in der generativen Grammatik,— «Deutsch als Fremdsprache», 1969, H. 5.
15. J. J. Katz, The Semantic Component of a Linguistic Description,— «Zeichen und System der Sprache», Bd III, Berlin, 1966.
16. J. J. Katz, P. M. Postal, An Integrated Theory of Linguistic Description, Cambridge (Mass.), 1964.
17. P. Sgall, Zur Frage der Ebenen im Sprachsystem,— «Travaux linguistiques de Prague», I, Prague, 1966.
18. P. Sgall, Generative Beschreibung und die Ebenen des Sprachsystems,— «Zeichen und System der Sprache», Bd III, Berlin, 1966.
19. E. M. Uhlenbeck, Nové výsledky vývoje transformační generativní gramatiky,— «Slovo a slovesnost», 1971, č. 1.
20. U. Weinreich, Explorations in Semantic Theory,— «Current Trends in Linguistics», vol. III, The Hague — Paris, 1966.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ФУНКЦИИ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ СЛОВЕСНОГО ЗНАЧЕНИЯ

0. Положение о том, что содержание языковых единиц, в том числе и слов, определяется их предназначенностью, или функциями, открывает благоприятные перспективы для создания функциональной модели «внутреннего содержания» слова, которое понимается как двусторонняя единица языка, характеризующаяся формальной и семантической целостностью, единством означаемого и означающего при их «неоднозначном соответствии», «неустойчивом равновесии».

1.0. Для наименования означаемого в слове как «цельноспаянной семантики» предлагается термин «словесное значение» вместо термина «лексическое значение», отклоняемого прежде всего по причине его многозначности. Термин «словесное значение» обладает и тем преимуществом, что позволяет при необходимости избежать противопоставления в целостном содержании слова «лексического» (отождествляемого с «вещественным», «понятийно-предметным», что связывается фактически с семантикой основы слова, а иногда с семантикой только его корневой морфемы) и «грамматического» (соотносимого с семантикой служебных морфем) значений. Последнее оправдывается, в частности, тем, что расчлененное изучение «лексического» и «грамматического» значений, предпринимаемое из стремления лучше изучить части для более углубленного познания целого — целостной семантики слова, по справедливому замечанию А. А. Уфимцевой, «заходит так далеко, что порождает иллюзию», будто бы словесного значения как единого целого в языке не существует (см. «Слово в лексико-семантической системе языка», М., 1968).

Между тем понимание слова как знака, что при всем различии трактовок лингвистического знака признают многие

языковеды, необходимо предполагает понимание содержания слова как единства составляющих его семантических компонентов, являющегося результатом обобщения и общения.

1.1. Противопоставление «лексического» и «грамматического» в слове, возникшее в глубинах традиционной лингвистики,— это первый шаг от анализа слова на уровне знаков к его анализу на уровне «фигур содержания» Л. Ельмслева, или, по другой терминологии, на уровне расчленения целостной семантики слова на семы, или составляющие семантические компоненты, или семантические множители (т. е. на уровне компонентного анализа, или комбинаторной методики).

1.2. Более глубокий уровень компонентного анализа содержания слова имеет место в традиционной лингвистике при разложении на семантические множители (семы) грамматического значения (граммемы, или формемы В. Скалички), правомерность чего в лингвистической литературе не оспаривалась и не оспаривается. В то же время возможность применения компонентного анализа к так называемому лексическому значению (приравняемому в подобном случае к семантике основы или корня), хотя и имеющего менее длительную историю, тем не менее стремительно развивающегося, признается далеко не всеми лингвистами по причине его интуитивизма, отсутствия надежных, объективных критериев.

Функциональный подход к трактовке словесного значения позволяет выдвинуть единый критерий членения целостного содержания слова (словесного значения) на семантические компоненты, критерий, как представляется, в известной мере ограничивающий произвол интуиции исследователя.

2.0. Под функциями языка понимается вслед за Пражской лингвистической школой предназначенность, потенциальная целенаправленность языковой системы для удовлетворения потребностей общения (коммуникации) и потребностей психической деятельности (разных видов мышления, познания и др.), которые предстают как образующие язык.

2.1. Функции языка образуют единство, представляющее собой структуру и систему. Структурные отношения проявляются в иерархии ярусов функций, их асимметричном (или инклюзивном) отношении и субординации. Системные отношения обнаруживаются в относительной равноправности взаимодействия и взаимосвязи функций одного и того же яруса, определяющей их несводимость друг к другу.

2.2. Ярус I конституируют коммуникативная функция (или функция общения, обмена языковой информацией) и мыслительная (или функция оформления и выражения мысли, чувства, воли), находящиеся в органической взаимосвязи (как и соответствующие потребности вербальной коммуника-

ции и психической деятельности) и представляющие собой двуединство.

Эти функции на функциональном ярусе II¹ предстают в виде информативной функции (или функции сообщения, передачи языковой информации, доведения ее до сведения адресата) и прагматической (или функции регуляции, воздействия), которые также связаны между собой системными отношениями взаимообусловленности и противопоставленности.

Каждая из двух последних функций на следующем функциональном ярусе — ярусе III — расчленяется на разновидности, также объединенные системными связями: информативная — на номинативную, дейктическую и релятивную, а прагматическая — на побудительную, эмоциональную, эмоционально-оценочную, экспрессивную, эстетическую и контактную.

В свою очередь, каждая из функций яруса III на более «глубоких» функциональных ярусах — IV, V, VI — может быть расчленена на более мелкие (частные) функции, выявление которых с большей надежностью можно осуществить индуктивным путем (посредством анализа языковых средств, которые объединены общей семьей, порожденной той или иной функцией).

3.0. Коммуникативная и мыслительная функции как двуединство в качестве средств реализации имеют в своем распоряжении весь язык, в том числе и его лексическую систему, в целом. Поэтому все слова на функциональном ярусе I предстают как знаки с целостной семантикой, не расчлененной на семантические компоненты.

Каждая из функций на всех нижестоящих ярусах (начиная со II) располагает собственными средствами реализации, смысловое содержание которых и детерминировано соответствующими функциями. Языковые средства, закрепленные за какой-либо одной функцией, образуют особую систему языковых средств (особое языковое «поле»).

3.1. Функциональная интерпретация словесного значения исходит из предположения, что каждая из сем, конституирующих словесное значение, соотносится с какой-либо «семообразующей» функцией. При этом наблюдается сложная взаимосвязь и взаимодействие между языковыми функциями и семантическими компонентами слова: та или иная языковая функция порождает некоторую сему словесного значения; когда же эта сема становится принадлежностью семантиче-

¹ На основе функций яруса I — мыслительной и коммуникативной — возникают функции более высокого яруса — яруса I^в (высшего), — которые имеют место на высшей ступени фило- и онтогенетического владения языком: функция познания, национально-культурная и владения общественно-историческим опытом человечества.

ской системы словесного значения, тогда она, в свою очередь, определяет «способность» слова к выполнению данной языковой функции. Так, общественная потребность в отрицательной эмоциональной оценке известных общественных явлений вызвала необходимость употребления слов типа *мещанин, обыватель, барин* в эмоционально-оценочной функции; узуальная «впаянность» семы отрицательной эмоциональной оценки в семантическую систему переносного значения данных слов предопределяет в настоящее время их закрепленность за эмоционально-оценочной функцией, а следовательно, и за эмоционально-оценочным языковым полем, что обуславливает их парадигматические и синтагматические связи.

3.2. Функциональное моделирование словесного значения основывается на допущении: существует изоморфизм между иерархической системой языковых функций и семантическим строением словесного значения. Языковые функции, связанные между собой структурными и системными отношениями, порождают изоморфную иерархическую систему семантических компонентов словесного значения.

3.3. Сложность семантического строения словесного значения, характер семантического выражения сем и их соотношение друг с другом находятся в зависимости от функциональной «заданности» слова, от его предназначенности к выполнению языковых функций.

Изоморфность иерархической системы языковых функций и иерархической системы семантических компонентов словесного значения непосредственно связана с полифункциональностью слова: чем более полифункционально слово, тем сложнее иерархическая система компонентов словесного значения.

3.4. Из признания изоморфности иерархической системы языковых функций и семантического строения словесного значения (при моносемии) с необходимостью следует, что семы в словесном значении образуют не «пучок», не «набор», не простую совокупность, как это иногда указывается в лингвистических работах, а систему и структуру, что обуславливает применение при рассмотрении функциональной модели словесного значения системных характеристик.

4.0. Таким образом, если на функциональном ярусе I слово анализируется как знак с цельноспаянной семантикой, то на всех стоящих ниже ярусах анализ словесного значения направлен на расчленение целостной семантики слова на семантические компоненты.

4.1. Семантическую систему словесного значения можно раскрывать с разной степенью широты каждый раз на каком-либо одном функциональном ярусе, как бы при «горизонтальном срезе», в зависимости от большего или меньшего

охвата функций одного яруса, конституирующих системные связи семантических компонентов.

4.2. Структурные связи между семантическими компонентами, проявляющиеся в иерархии сем, вскрываются при «вертикальном срезе», при сопоставлении семантических компонентов разных ярусов. Глубина (или детальность, конкретность) анализа семантической структуры словесного значения зависит от функционального яруса, на котором производится компонентное семантическое членение: чем ниже функциональный ярус, тем глубже, детальнее, конкретнее анализ семантической структуры словесного значения.

5.0 При «горизонтальном срезе» в словесном значении обнаруживаются на каждом из функциональных ярусов семы, объединенные системными отношениями взаимосвязи и относительно равноправного взаимодействия.

Так, на функциональном ярусе II — информативном и прагматическом — в словесном значении единиц типа *донос*, *оборванец*, *фарисейство* и т. п. вычленяются две взаимосвязанные, но относительно равноправные семы — информативная и прагматическая, — соответствующие одноименным семообразующим функциям. Об относительном равноправии этих сем при их взаимодействии свидетельствует, например, то, что модификация одного из указанных семантических компонентов влечет за собой модификацию другого компонента (явление, хорошо известное в исторической лексикологии).

5.1. Однако, говоря о равноправии сем в системе словесного значения, следует подчеркнуть относительность этого равноправия, так как в системе словесного значения не может не быть свойственна одна из характерных черт организации любой системы — централизация, предполагающая наличие «ведущей части» системы — ядра (центра), а также околоядерной сферы и периферии.

5.2. К дифференцирующим признакам ядерных и периферийных сем можно отнести следующие:

1) ядерная (и околоядерная) сема (семы) детерминирована доминирующей функцией слова, тогда как периферийная (периферийные) обусловлена периферийной функцией слова;

2) ядерная (и околоядерная) сема обладает способностью создавать (следовательно, и менять) целостное словесное значение. Поэтому к ядерным (или околоядерным) семам (на функциональном ярусе III) можно отнести, например, не только номинативную (понятийно-предметную, «вещественную») и дейктическую семы, но и релятивную сему, образующую категориальный семантический признак части речи (предметность, процессность и др.), так как данная релятивная сема играет существенную роль в формировании

целостного словесного значения. Ср.: *смел* — *смелый* — *смелость* — *осмелеть*.

Периферийные семы не меняют целостного словесного значения, дополняя его лишь некоторыми оттенками. С этой точки зрения релятивные семы, вычленяемые на функциональном ярусе IV, такие, например, как семы рода, числа, падежа, одушевленности—неодушевленности и другие, являющиеся разновидностями релятивной семы (яруса III), а именно категориальной семы имени существительного, относятся к периферийным семам, так как они конституируют не особое значение слова, а лишь оттенки словесного значения словоформ той же лексической единицы. Если же какая-либо из указанных сем играет определяющую роль в создании нового словесного значения, тогда ее правомерно относить в системе данного словесного значения к ядерной сфере. Такова, например, сема числа, дифференцирующая разные словесные значения лексических единиц: *грязь* и *грязи*, *вода* и *воды* и др.

Таким образом, граница между ядерными и периферийными семами подвижна: одна и та же сема в содержании одних слов может быть ядерной, а в содержании других — периферийной.

5.3. Соотношение между ядерными и периферийными семами, обусловленное соотношением между ведущими или периферийными функциями, которые свойственны слову, создает тот или иной тип строения словесного значения. Чем ниже функциональный ярус, на котором производится семантическое членение, тем сложнее соотношение между ядерными и периферийными семами, следовательно, тем сложнее типы строения словесных значений.

Так, на функциональном ярусе II — информативном и прагматическом — имеют место такие типы строения словесного значения — 1-й тип: ядерная информативная сема + нулевая периферийная, наблюдается у таких слов, как *телевизор*, *электричество*, *там*, *здесь*, *какой-либо*, *над*, *вследствие* и др.; 2-й тип: ядерная сема информативная + ядерная сема прагматическая (периферии нет) — у таких слов, как *мошенничество*, *иуда*, *проходимец*, *растяпа* и др.; 3-й тип: ядерная прагматическая сема + периферийная информативная сема — у таких слов, как *отвратительный*, *скверный*, *великолепный*, *восхитительный* и т. п. Если у слов типа *телевизор* ведущей является информативная функция, у слов типа *растяпа* информативная и прагматическая функции эквивалентны, то у слов типа *отвратительный* ведущей предстает прагматическая функция: подобные слова предназначены (имеют «заданность») не для информирования, а прежде всего для воздействия (посредством эмоциональной оценки), что подтверждают характер и широта их дистрибуции.

5.4. Наряду с приведенными основными структурными типами существуют промежуточные типы, сопоставление которых обнаруживает как бы конкуренцию между информативной и прагматической семемами из-за ведущего, «ядерного» положения в системе словесного значения. Это достаточно наглядно представлено, например, в следующем синонимическом ряду: *незаметный — маленький — захудалый — несчастный — жалкий — ничтожный — скверный*. В направлении слева направо здесь ослабляется ведущая роль информативной семы и возрастает роль прагматической семы: в крайнем слева члене *незаметный* информативная сема ядерная, а прагматическая не имеет отчетливого семантического выражения (она нулевая, как значащее отсутствие); в словах *маленький, захудалый, несчастный* постепенно возрастает роль прагматической семы, вытесняющей из ядра информативную сему; в словах *жалкий* и *ничтожный* прагматическая сема уравнилась в положении с информативной семой, став ядерной; в крайнем справа члене *скверный* конкуренция сем завершена в пользу прагматической семы, занявшей положение ядра словесного значения и вытеснившей на периферию информативную сему.

6.0. Системный анализ словесного значения, направленный на обнаружение между его семантическими компонентами отношений взаимосвязи и взаимодействия, предполагает равное внимание как к дифференциации и дифференциальным (или дифференцирующим) признакам, так и к интеграции и интегрирующим семантическим компонентам.

Интегрирующие семы — общие семантические компоненты в словесном значении разных лексических единиц — осуществляют такой важный вид системных отношений, как отношения подобия, объединяющие слова в те или иные парадигматические макро- и микросистемы, или «поля» (вплоть до двучленных микросистем, например синонимических или антонимических).

Известно, что дифференцирующие (дифференциальные) семантические признаки организуют другой не менее важный вид системных отношений — отношения различия. Дифференциальные семантические компоненты выступают как различители, или спецификаторы, словесного значения, противопоставляющие или / и члены одной парадигмы членам другой парадигмы, или / и отдельные члены внутри одной парадигмы, детерминируя отдельность данной парадигмы или / и отдельность слова.

6.1. Интегрирующие и дифференцирующие семы конституируют такие важные виды парадигматических отношений,

как синонимия, паронимия² и антонимия, а следовательно, и соответствующие типы парадигм.

Общим для трех указанных видов парадигматических связей является то, что они базируются на наличии общих, интегрирующих семантических компонентов в словесном значении синонимов, паронимов, антонимов. Именно интегрирующие признаки служат основой парадигматического соотношения разных слов. Различие между синонимией, паронимией и антонимией, их «отдельность», обусловлено спецификой соотношений интегрирующих и дифференцирующих семантических компонентов при каждой из указанного вида парадигматических связей.

При синонимии интегрирующие семантические признаки по сравнению с дифференцирующими занимают доминирующее (ядерное) положение в словесном значении синонимов, обуславливая их семантическую общность; дифференцирующие признаки находятся на периферии их словесного значения, создавая различительные оттенки и определяя особенности дистрибуции членов синонимического ряда.

При паронимии ядерную сферу словесного значения паронимов (например, *слушать* — *слышать*, *мирный* — *мировой*, *доверие* — *доверчивость*) образуют дифференцирующие семантические компоненты, тогда как интегрирующие семы конституируют периферию словесного значения паронимов, создавая их семантическую общность, объединяющую их в системе одной парадигмы.

При антонимии, так же как и при паронимии, в ядре словесного значения антонимов доминируют дифференцирующие семы, которые (в отличие от паронимов) имеют здесь полярный характер, обуславливая антонимичность словесного значения членов парадигмы; интегрирующие семы, закрепленные за периферией словесного значения антонимов, служат основой их парадигматической связи.

6.2. Одна и та же сема может одновременно выступать и в качестве интегрирующей, и в качестве дифференцирующей. Так, интегрирующие семы «соответствие требованиям общественной нравственности» и «положительная эмоциональная оценка», объединяющие в синонимический ряд слова *порядочный* — *честный* — *высоконравственный*, предстают как дифференцирующие антонимические семантические признаки, создающие антонимическую противопоставленность данного синонимического ряда другому синонимическому ряду: *непо-*

² С точки зрения предлагаемой здесь функциональной модели паронимия предстает как промежуточный вид связей на парадигматической оси с крайними членами — синонимией и антонимией (при восходящей градации различий) — между паронимами, под которыми понимаются однокоренные слова с разным словесным значением (*жилой* — *жилищный*, *пробытие* — *пробывание*, *представить* — *предоставить*).

рядочный — бесчестный — низкий — подлый — безнравственный, члены которого объединены интегрирующими семантическими компонентами «несоответствующий требованиям общественной нравственности» и «отрицательная эмоциональная оценка», антонимически противопоставляющими члены последнего синонимического ряда членам первого ряда.

7.0. Отношения различия в словесном значении лексических единиц предстают в виде трех типов оппозиций, выделенных Н. С. Трубецким на материале фонем: привативных, градуальных и эквиполентных.

На функциональном ярусе III привативная оппозиция наблюдается, например, между словами, содержащими номинативную (понятийно-предметную, «вещественную») сему, и словами, включающими помимо номинативной еще и эмоционально-оценочную сему, создающую маркированность члена привативной оппозиции: *лицо — морда, лицо — лик, глаза — очи, глаза — буркалы, солдат — вояка, солдат — воин, врач — эскулап, врач — лекарь* и др.

Градуальная оппозиция имеет место, например, между словами с эмоционально-оценочной семой, различающимися степенью интенсивности эмоциональной оценки. Так, оппозиция с восходящей градацией представлена в следующем случае: *праздношатающийся — бездельник — лодырь — лентяй — лоботряс — шалопай — оболтус*.

Эквиполентная оппозиция наблюдается, например, между словами с номинативной ядерной семой и дейктической ядерной семой: *человек — я; старик — ты; предмет — он* и др. Эквиполентная оппозиция характерна также для а) идеографических антонимов и б) эмоционально-оценочных антонимов: а) *верх — низ, открыть — закрыть*; б) *очи — буркалы, лик — морда, чело — лбина, воин — вояка, бабуся — ведьма, старичок — старикашка, девчурка — девчонка* и др.

8.0. При исследовании иерархической системы, или структуры, словесного значения, т. е. как бы при «вертикальном срезе», обнаруживается эквипотенциальность, или инклюзивность, сем каждого более высокого функционального яруса, на котором производится членение на семантические компоненты: сема каждого более высокого яруса предстает как множество, включающее подмножества, которые вычлениваются на более глубоком функциональном ярусе.

Субординационные отношения наблюдаются между семами данного функционального яруса и стоящего ниже яруса, что эксплицирует семы разных рангов, характеризующиеся разной степенью обобщения. При этом обнаруживается следующая зависимость: чем выше функциональный ярус, к которому принадлежит данная сема, тем выше ее ранг, так как тем выше уровень, степень ее обобщения. Так, на функциональном ярусе II в словесном значении лексических единиц

лоботряс, разиня, буркалы вычленяются две семы — информативная и прагматическая, — являющиеся семами самого высокого ранга и характеризующиеся самой высокой степенью обобщения. На глубине функционального яруса III каждая из данных сем предстает как множество, расчленяющееся на подмножества, на семы более низкого ранга, менее высокой степени обобщения. Например, семы, характерные для значения слова *лоботряс* на функциональном ярусе II, распадаются так: информативная сема на функциональном ярусе III распадается на номинативную («вещественную») сему и релятивную (граммему), а прагматическая сема расчленяется на сему эмоциональной оценки и сему экспрессивности. На функциональном ярусе IV номинативная сема предстает в виде более конкретной семы «человек», релятивная — в виде семы «предметность», эмоционально-оценочная — в виде семы «отрицательная эмоциональная оценка», экспрессивная — в виде семы «интенсивность обозначаемого качества — свойства». На функциональном ярусе V сема «человек» обретает конкретность в виде семы «человек, не любящий работать», сема «предметность» реализуется в виде таких релятивных сем, как «одушевленность», «нарицательность», «принадлежность лицу», «род», «число», «падеж», сема «отрицательная эмоциональная оценка» конкретизируется в виде семы «пренебрежение».

При синтезе, органическом слиянии сем, выделяемых на разных функциональных ярусах, словесное значение предстает как единое целое, как новое качество на функциональном ярусе I — мыслительном и коммуникативном, — где слово как знак имеет двустороннюю предназначенность, как и язык в целом, — быть орудием мышления и орудием общения.

Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СЕМАНТИКЕ

1. Специальный методологический анализ развитых естественных наук показывает, что работа в них характеризуется постоянным вниманием и интересом не только к *объекту изучения*, но и к тем *средствам анализа*, которые дают возможность этот объект «ухватить» и воспроизвести в знании; см. [1]; [2, 5—14]. В силу этого мысль исследователя поляризуется и как бы фокусируется в двух разных «точках» — на *объекте*, фиксированном в знании, и на *понятии*, которое задает *схему знания* и реализуется в ней.

В абстрактном плане этот тезис принимается как достаточно очевидный. И точно так же не вызывает особых затруднений чисто теоретическое различение и противопоставление объекта изучения и средств анализа. Но в реальной практике работы исследователь всегда имеет дело не с объектами изучения, как таковыми, и не со средствами их анализа в чистом виде, а с *конкретными знаниями*, фиксирующими то или иное *объективное содержание*, и в знании эти два аспекта — аспект объекта и аспект средств — не просто теснейшим образом связаны между собой, а можно даже сказать — склеены, существуют как нечто одно, и разделить их как в вопросах, так и в ответах очень трудно, а без специальной техники анализа и просто невозможно. Поэтому в развитых естественных науках противопоставление объектов изучения и средств анализа может существовать и существует только благодаря сложной *иерархизированной организации* этих наук (см. [2, 5—19, 22—30, 39—46]; [3, 116—189]; [4]; [5, 102—119]) и специальной *логической культуре* самих исследователей.

2. Склеенность и нераздельность аспектов объекта и аспектов средств, характеризующая знание, отчетливо проявляется и в языковедении. Когда, к примеру, мы спрашиваем,

что представляет собой лексическая система того или иного языка, каковы лексические значения одной или другой группы слов и как эти значения относятся к смыслу этих же слов в тексте, то это всегда вопросы не только по поводу объекта — каков он есть, но вместе с тем и вопросы по поводу используемых нами средств-понятий — что они собой представляют и могут ли они употребляться в анализе и описании этих объектов. Можно сказать, что в каждом из подобных вопросов содержится, по сути дела, два разных вопроса: один относится к этой лексической системе, а другой — к понятию лексической системы, один — к значению этого слова, а другой — к понятиям значения и смысла, ибо в языковедческом исследовании именно общие понятия значения, смысла, лексической системы и т. п. являются теми средствами, которые дают нам возможность получать конкретные лингвистические знания.

Но эта двойственность всякого подобного вопроса и необходимых на него ответов отнюдь не всегда осознается и учитывается. Более того, на практике очень часто получается, что в своем стремлении «как можно скорее» познать и описать объект мы отодвигаем на второй план или вовсе не учитываем все, что касается наших собственных средств. Стремясь получить ответы на вопросы о строении лексической системы выбранного нами языка или лексическом значении определенного слова, мы мало размышляем над тем, откуда взялись сами понятия «лексическая система», «значение» и «лексическое значение», каково их *содержание* и *непременная категориальная форма*, забывая, что именно эти моменты предопределили наши вопросы в отношении изучаемых объектов и характер возможных на них ответов. В итоге мы слишком часто обращаем наши вопросы непосредственно на объекты, в то время как их нужно было бы сначала направить на наши средства, на используемые нами понятия, и лишь после этого обратиться к испытаниям самих объектов.

3. Другая типичная ошибка, обусловленная той же самой наивно-онтологической ориентацией, состоит в том, что даже свои обращения к средствам, к чистым *понятийным конструкциям*, когда такое случается, мы часто осознаем и трактуем как *эмпирическое изучение* объекта.

Очень характерен в этом плане упрек, брошенный Л. Вайсгербером в адрес традиционной семантики: она, по его мнению, изучала изменения значений отдельных слов, но не изучала значение, как таковое; см. [6, 18—19]. Само по себе это — неоспоримое суждение, и оно заставляет задуматься, но выводы из него должны быть, на наш взгляд, значительно более радикальными, нежели те, которые сделал Л. Вайсгербер (во всяком случае — в методологическом плане): если мы в определенной ситуации «изучаем» изменения значений отдельных

слов, то не можем «изучать» значение вообще, значение, как таковое; последнее выступает в этой ситуации как *общий шаблон*, как *средство*, которое нужно нам, чтобы единообразным способом организовать изучение значений отдельных слов (и именно в этой функции должно осознаваться и присваиваться исследователем).

Если же ставить вопрос о происхождении подобных «общих шаблонов» и средств исследования, то придется сказать, что чаще всего они возникают в качестве *методологических схем* или *методологических понятий*, создаваемых нами в совсем ином *слое мыслительной работы* и по иным логическим нормам, нежели те, которые характерны для описания конкретных значений.

В ряде работ мы обсуждали, используя разнообразный материал, различные аспекты отношения между «знанием» и «методологической схемой», превращающейся в «понятие-средство»: в уже названной выше работе [1] было показано, как ситуация парадокса, т. е. противоречия между двумя знаниями об одном и том же объекте, заставляет исследователя обращаться к понятиям, на основе которых были получены эти знания, и трансформировать их таким образом, чтобы снять и преодолеть зафиксированную парадоксальность; в работе [5] мы рассматривали, с одной стороны, условия образования собственно *методических положений* и *инженерных средств* (см. также [7, 78—92]), а с другой стороны — условия и механизмы *инженерной* и *естественнонаучной объективации* этих средств (во многих случаях связанные также с «оестественлением», или «натурализацией» соответствующих предметов мысли); наконец, в работе [8] были проанализированы *связи методических средств с научными и историческими знаниями* в системе кооперации методологической работы*.

4. Столь резкое и бескомпромиссное противопоставление знаний, всегда отнесенных к тем или иным объектам (конкретно-эмпирическим или идеальным), и средств исследования, в частности методологических схем, организующих нашу исследовательскую деятельность, но не имеющих непосредственной связи с объектами изучения, с необходимостью приводит к вопросу: за счет каких мыслительных процедур получают или вырабатываются эти средства, методологические схемы и относящиеся к ним методологические знания, например в языковедении, и каким образом обеспечивается их познавательная мощь и эффективность.

Если оставаться в рамках указанных выше ситуаций *предметной исследовательской деятельности* (ср. [2, 12, 14—19]; [3, 116—173]), то ответ может быть только один: все эти схемы конструируются в языковедении соответственно их функции быть средствами получения знаний о конкретных рече-языковых явлениях. Следовательно, нель-

* Уже после того как эта статья была написана, мы познакомились с очень интересной и тонкой работой Б. С. Дынина, в которой демонстрируется специфически методологическая и конструктивная природа галилеевского закона инерции и показывается, что первоначально по своему происхождению этот закон не мог иметь никаких эмпирических референций; см. [9, 45—53].

зя говорить, что методологические схемы, а дальше понятия, к примеру «смысл» и «значение», не связаны с эмпирическим материалом, характеризующим отдельные смыслы и значения; такое утверждение было бы неверным. Но точно так же нельзя говорить, что понятия «смысл» и «значение», выступающие в этой ситуации в роли средств, позволяющих строить конкретные знания об отдельных смыслах и значениях, получают путем абстрагирования или обобщения чего-то заключенного в эмпирическом материале, характеризующем эти смыслы и значения. Связь схем и понятий «смысл» и «значение» с этим материалом является телеологической, она подобна той связи с материалом, которая имеется у всех орудий: колесо является круглым не потому, что оно выражает свойство, абстрагированное у какого-либо предмета, а для того, чтобы оно могло катиться по дороге. И точно таким же образом детерминируются свойства всех инженерных конструкций; вопрос «почему» является для них вторичным, а главным и определяющим являются вопросы «зачем» и «для чего». Именно в этом плане мы можем говорить, что методологические понятия «смысл» и «значение» являются *конструктами*, что они нами конструируются в соответствии с их функцией в познавательной деятельности.

В наглядной форме это отношение между методологическими схемами, знаниями и эмпирическим материалом, характеризующим жизнь отдельных значений, представлено на рис. 1. Самым важным здесь является то, что знания о кон-

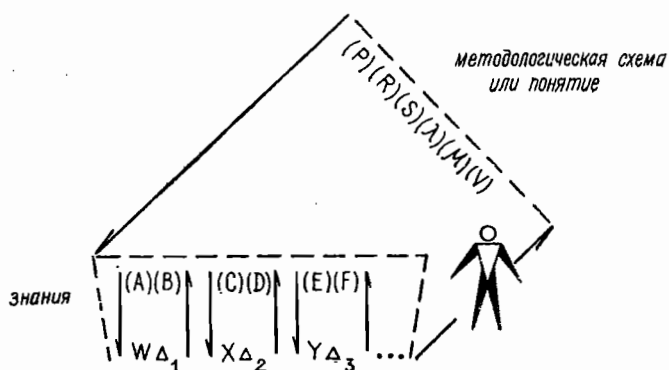

Рис. 1

кретных смыслах или значениях определяются не только и не столько эмпирическим материалом лингвистики, сколько методологическими схемами анализа этого материала: можно сказать, что эти схемы-средства (а дальше понятия) «смысл» и «значение» управляют образованием знаний о конкретных смыслах и значениях.

5. Другим не менее важным моментом является то, что

изучение и описание конкретных смыслов и значений на базе и с помощью методологических схем (а затем понятий) «смысл» и «значение» само по себе не делает и не может сделать каких-либо вкладов в развитие и совершенствование самих этих схем и понятий. Единственное, чего мы здесь можем достичь, это *опровержения* используемых нами схем и понятий, если значительная часть наших конкретных описаний окажется неудовлетворительной и если к тому же мы сами будем настолько прозорливыми, что увидим за этим неудовлетворительность используемых нами средств; ср. [1, 59—64]¹. Именно в этой (и именно таким образом понимаемой) ситуации в полной мере действует *принцип фальсификации* К. Поппера; см. [12], а также [11] и [13]. Но нам сейчас важен другой поворот, другое, чуть ли не обратное употребление этого принципа: чтобы мы ни делали в анализе конкретных смыслов и значений (повторяем, именно в такой упрощенной ситуации), это ровно ничего не прибавит к нашим понятиям «смысл» и «значение».

6. Все сказанное выше ни в коем случае нельзя понимать так, что конструктивное происхождение понятий «смысл» и «значение» обрекает их и дальше всегда быть *безобъектными* и совершенно исключает возможность собственно научного изучения смысла и значения вообще и их эмпирического изу-

¹ Ту объективную структурную связь всякого научного мышления и исследования, которую мы выражаем в оппозиции «знания» (всегда ориентированного на тот или иной объект) и «средства», Т. Кун частично схватил и выразил (к сожалению, в синкретической склейке со многими другими моментами социологического и психологического порядка) в понятии *парадигмы*, или *образца*; см. [10]. Используя это понятие, Т. Кун различил научное исследование, осуществляемое при фиксированной парадигме и не затрагивающее ее, — *нормальная наука*, и работу, приводящую к свержению существующей парадигмы, к замене ее новой, — *революционная наука*. Такая постановка вопроса привела к дискуссии: можно ли, не нарушая реальности исторических фактов, провести четкую грань между «нормальными» и «революционными» процессами в науке, «нормальной» и «революционной» исследовательской работой; см. [11]. Недостатком дискуссии, на наш взгляд, было то, что в ней не различались в достаточной мере (1) *исторические процессы в науке*, (2) *ситуации отдельного научного исследования*, и это привело к нечеткости в постановке исходной проблемы; кроме того, над многими исследователями по-прежнему довлела классическая схема линейного развертывания истории и они хотели упорядочить нормальные состояния и революции в науке по этапам или фазам исторического потока. Но даже если мы отвергнем возможность четкого разделения «нормальных» и «революционных» процессов в истории науки, это не помешает нам выделять две разные ориентации в организации и проведении конкретных научных исследований: одну — направленную на получение знания об объекте при фиксированных средствах и другую — направленную на критику и изменение самих средств. Выбор той или иной ориентации будет определяться ценностями каждого отдельного ученого, его научной идеологией и философскими воззрениями. А в науке как целом эти два типа исследований будут развертываться и идти параллельно (часто на одном и том же материале, хотя и в разном историческом времени).

чения в частности. Утверждается лишь, что смысл вообще и значение вообще не могут выявляться и изучаться на том самом эмпирическом материале и в той самой действительности, в которой существуют и изучаются отдельные конкретные смыслы и значения. Нельзя забывать, что понятие средства является *функциональным* и характеризует лишь способ существования каких-то содержательных выражений в более широкой системе. Поэтому понятия «смысл» и «значение» могут рассматриваться в качестве средств анализа лишь в отношении к конкретным смыслам и значениям, и точно так же лишь на этом этапе конструктивного порождения их содержание задается употреблением их как средств, т. е. инструментальным отношением к эмпирическому материалу и к знаниям, характеризующим конкретные смыслы и значения. Но затем, когда понятия «смысл» и «значение» уже созданы как методологические схемы, когда они начинают употребляться и в связи с этим употреблением конструктивно развертываются в логике *средств описания* конкретных смыслов и значений, неизбежно встает вопрос об их *онтологическом статусе*, о форме и способе объектного существования того содержания, которое в них зафиксировано и непрерывно подтверждается и умножается в каждом новом употреблении схемы или понятия при образовании знания.

Так, к примеру, «скорость движения тела» первоначально — лишь отношение численных значений пути и времени, средство сравнить между собой два движения, совершавшихся в разных местах и в разное время (см. [1]), но затем мы ставим вопрос, в чем сущность «скорости», что именно в объекте она фиксирует и выражает. И точно так же «масса тела» возникает первоначально как отношение численных значений силы и ускорения тела, вызванного действием этой силы, как средство сравнения «сопротивления» разных тел действию силы, но затем мы ставим вопрос об объективной сущности этой характеристики и находим ее в таком свойстве тел, как их «инерциальность»; см. [14]; [15]; [16, 56—65]. Но нечто подобное происходит и со всеми другими средствами-понятиями: эффективное употребление их в какой-то определенной предметной области вызывает соблазн — и он вполне оправдывается успехами существующих наук — *объективировать* их, сделать *моделями*, найти или на худой конец сконструировать для них *идеальные объекты* и этим объектам приписать «естественные» (или «псевдоестественные») законы жизни, чтобы они могли существовать подобно эмпирическим объектам нашей практики, и таким образом превратить методологические схемы и предписания в *описания* и тем самым в *знания* (в прямом и точном смысле этого слова). И если это удалось сделать естественным наукам с понятиями «движение», «абота», «теплота», «энергия»

и т. д., то почему, спрашивается, нельзя надеяться на успех этой же процедуры с понятиями «смысл» и «значение». Важно только уяснить, что этими объектами будут *идеальные объекты* и их *действительность* первоначально будет лежать совсем в ином плане, нежели действительность конкретных смыслов и значений — на нашей схеме (рис. 2) она лежит пер-

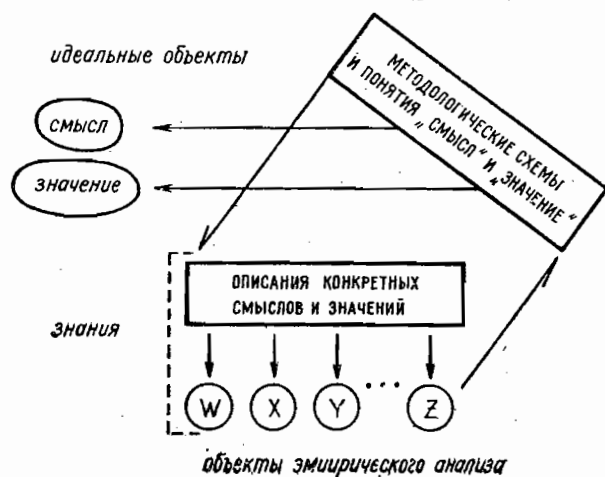

Рис. 2

пендикулярно к последней — и эта новая действительность потребует для своего описания совсем особого научного предмета (ср. [17, 84—92]), характеризующегося среди прочего также и своим особым эмпирическим материалом.

7. В этом месте мы подошли к одному из наших важнейших утверждений. Задание особой идеальной действительности, в которой существуют смыслы и значения вообще, конструирование модельных изображений этих сущностей, трактуемых теперь в качестве объектов особого рода, установка на эмпирическую проверку этих изображений, а значит, и на исследование самих этих объектов — все это, как и в других областях инженерии и науки, приводит к тому, что средства языковедческого анализа конкретных смыслов и значений выделяются из исходного *языковедческого предмета* и начинают разворачиваться (теперь уже как знания) в рамках другого (*методологического или собственно научного*) предмета.

Непосредственным стимулом к выделению и оформлению новых предметов такого рода служат «метафизические» вопросы: что такое смысл вообще и что такое значение вообще, где и по каким законам они существуют, — к ним в конце концов приводит всякое языковедческое изучение семантики различных языков независимо от рамок выбранной концепции. Но так как все эти вопросы встают непосредственно в контексте лексикографического и синтаксического анализа и

ответы на них, как представляется, могли бы оказать существенную помощь в организации и проведении этой работы, то обычно не выделяют тот момент, что по своему характеру эти вопросы таковы, что выталкивают исследование, отвечающее на них, далеко за пределы не только лексикографии, лексикологии и синтаксиса, но и вообще за пределы лингвистики.

Но положение именно таково: все эти вопросы могут быть поставлены в рамках традиционной языковедческой, и в частности лексикографической или синтаксической, работы, и они там были поставлены, но получить на них ответ в предмете лингвистики в принципе невозможно; для этого нужна другая дисциплина, с иным подходом к предмету, с иными средствами и методами анализа. Так в области того, что традиционно называлось «семантикой», появляются две существенно разные дисциплины — «*лингвистическая семантика*» и «*семиотическая семантика*», — которые жестко разделены между собой если не китайской стеной, то, во всяком случае, весьма отчетливой границей, и всякий переход через эту границу должен четко фиксироваться и осознаваться, ибо жизнь и работа в каждой из этих дисциплин требуют своих особых средств и особых методов². И до тех пор пока это не будет понято, нам не удастся организовать эффективных разработок, отвечающих на вопросы общего порядка: что такое «смысл», «значение», «знак», каковы основные типы значений, как они функционируют в речевой деятельности людей и каким законам подчинено их развитие.

Именно по этому пути разделения и иерархизации своих научных дисциплин идет сейчас или, во всяком случае, пытаются идти наука о речи-языке. Но ее развитие затрудняется и во многом сковывается тем, что в идеологии и методологии самого языковедения до сих пор не было выработано и не сформировалось отчетливого понимания различия между *действительностью знаний* и *действительностью средств-понятий*. До сих пор ведущие лингвисты — как теоретики, так и методологи — не понимают и не хотят признать того, что ес-

² Возникая и складываясь первоначально как *система методологических средств* языковедческого предмета, семиотика, и после того как она оформляется в *самостоятельный предмет*, сохраняет по отношению к языковедению эту функцию средства и управляющей системы. Но то обстоятельство, что теперь она выступает в качестве особого научного или методологического предмета, ориентированного на определенный объект, ставит ее в один ряд с языковедением и заставляет соотносить эти два предмета не только через отношение управления, но также через их объекты и эмпирический материал. Вся проблема переводится в чисто онтологический план — отсюда вопрос, является ли речь-язык *знаковой системой* (см. [18]), а после положительного решения ее, когда речь-язык объявляется *особым видом знаковых систем*, начинается работа по интегрированию и объединению обоих предметов в рамках одного, более широкого предмета, и происходит «сплющивание» понятий со знаниями (являвшимися первоначально лишь *продуктами* этих понятий) на базе *единой онтологии* и в рамках одной *теоретической системы*.

ли мы хотим строго научно исследовать системы лексических значений различных языков, если мы хотим разделить, к примеру, семантические и синтаксические компоненты лексических значений, если мы хотим провести какой угодно анализ смысла или значения какого-либо слова, то во всех этих случаях должны предварительно сконструировать — именно сконструировать, а не исследовать — методологические схемы и понятия «смысл», «значение», «семантическое значение» и т. п., а это значит также (и притом в первую очередь) построить и задать те онтологические картины и модели, в рамках которых могут быть развернуты эти схемы и понятия.

Именно этой установкой, осознанной и возведенной в принцип, отличается наш подход к проблеме смысла и значения; если в других семиотических и собственно лингвистических работах ставится задача исследовать на эмпирическом материале разнообразные лексические и синтактико-морфологические значения, то мы, наоборот, подчеркиваем необходимость предварительно сконструировать *понятия смысла и значения*, причем сконструировать их так, чтобы они могли служить средствами при анализе и описании конкретных смыслов и значений, а из этого следует, что на передний план мы выдвигаем саму *конструктивную процедуру*, составляющую ядро научного исследования, и настаиваем на правильном и последовательном осуществлении ее³.

³ В этом, собственно, и состоит суть разногласий между двумя семиотическими направлениями, развивающимися в нашей стране (если принять членение на два направления, декларированное Ю. В. Рождественским [19]). Представители так называемого «структурального» направления (см. [20]; [21]; [22]) почти совсем не рефлектируют по поводу используемых ими понятий-средств и совсем в принципе не допускают того, что разработка и развитие средств могут вылиться в особое научное исследование и породить свои особые научные предметы. Именно поэтому в поиске средств и метода семиотических исследований они обращаются к тому единственному, что им хорошо известно и чем они владеют, — к лингвистике <«Бесспорно, что всякая знаковая система (в том числе и вторичная) может рассматриваться как особого рода язык... Отсюда вытекает убеждение, что любая знаковая система в принципе может изучаться лингвистическими методами, а также особая роль современного языкознания как методологической дисциплины» [21, 6]> и просто не могут понять методологической трактовки семиотики как конструктивно разрабатываемой системы средств <«...каждое конкретное описание той или иной знаковой системы обогащает наше представление о сущности знаковости, — сказано в программном заявлении структуралистского направления. — В этом смысле можно высказать сомнение в плодотворности противопоставления некоей „чистой“ семиотики (мыслимой недостаточно конкретизировано как синтез лингво-логико-психологических представлений о знаке) — описаниям и изучением знаковых систем, реально данных в истории человеческих взаимоотношений» [21, 5]>. Нетрудно заметить, что возражения против «чистой» семиотики основываются на одном-единственном постулате: конкретные описания знаковых систем сами собой приводят к развитию средств описания («обогащают наше представление о сущности знаковости»), и поэтому достаточно усомниться в его очевидности, чтобы в корне подорвать подобный способ аргументации.

ДВЕ ОРИЕНТАЦИИ В АНАЛИЗЕ СМЫСЛА
И ЗНАЧЕНИЙ ЗНАКОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ —
«НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ» И «ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ»

1. Изложенная выше установка, критическая и весьма радикальная по отношению к языковедческой традиции, не является чем-то совершенно новым для философии и логики. «Логос» Аристотеля, «лекта» стоиков, «интенции» и «суппозиции» средневековых схоластов, «концепт» Абельяра и «понятие» Гегеля — все это, по сути дела, разные попытки ввести ту *идеальную действительность*, в которой могли бы существовать, изменяться и преобразовываться «смыслы» и «значения». И позднее многие исследователи, в рамках этих действительностей и вне их, пытались создать такую рациональную конструкцию «смысла» и «значений», которая представила бы их в виде особых идеальных объектов и позволила бы нам изучать их строго научно. Но ни одному из них (в том числе Г. Фреге, Д. Гильберту и Ч. Морису) не удалось решить эту проблему, и поэтому до сих пор ни в логике, ни в эпистемологии, ни в семиотике не существует *понятий* смысла и значения несмотря на то, что все признают их исключительную важность и даже ключевую роль во всех названных дисциплинах; ср. [6, 43]⁴.

2. Такой результат вряд ли можно считать случайным. Но если он, наоборот, закономерен, нужно перевернуть всю проблему и искать основные причины и источники столь устойчивых, постоянно повторяющихся злосключений анализа, нужно найти тот *слой мыслительных средств*, которые их вызывают и изменение которых, напротив, могло бы сдвинуть дело с мертвой точки.

На наш взгляд, эта причина и источник заключены прежде всего в бедности того *категориального аппарата*, с которым мы подходим к исследованию знаков. А она, в свою очередь, обусловлена той онтологией и теми формами видения мира, которые принято называть «*натурализмом*», и не-

⁴ Конечно, чтобы сделать эти утверждения убедительными, нужно систематически изложить и детально проанализировать все основные попытки ввести понятия смысла и значения, зафиксированные в истории, описать *приемы и схемы абстракции*, лежащие в их основе и далее — показать те *парадоксы*, к которым приводит пользование этими понятиями, и объяснить их, описав *несоответствия* между самим объектом и применяемыми к нему средствами анализа; весь этот материал оправдывал бы затем те принципы методологии и конкретные представления об объекте, которые мы выдвигаем взамен существующих. Но вместить все это в рамки одной статьи невозможно физически и поэтому в этой части статьи мы ограничились предельно кратким и совершенно догматическим изложением некоторых основных идей и принципов нашего подхода, рассчитывая в дальнейшем, когда представится возможность, опубликовать и всю критическую часть нашего исследования.

достаточной разработанностью альтернативной, «*деятельностной*» картины мира.

В других словах, основной недостаток всех предложенных до сих пор подходов в исследовании знаков (в частности, их смыслов, значений, значимостей и «содержаний») заключается, по нашему убеждению, в том, что не учитывается принципиальное отличие их как объектов и предметов изучения от всех других предметов, в исследовании которых естественные науки достигли к настоящему времени известных успехов; в результате все существующие концепции знака и речи-языка как знаковой системы дают недопустимо переупрощенное представление о них и делают невозможной разработку новых эффективных методов исследования.

3. В частности, во всех теоретических подходах к знаку до сих пор совершенно отсутствовал анализ *конструктивно-нормативной работы*, порожденной специфическими условиями и механизмами *воспроизводства деятельности*, и ее влияния на различные аспекты существования знака⁵.

Этот момент может казаться удивительным, так как в самом языковедении конструктивно-нормативная работа всегда преобладала над другими. Но такова уже сила теоретических предрассудков: гипноз естественнонаучного подхода, возобладавшего с начала XIX столетия, с его представлениями объекта изучения как *объекта созерцания* и общим невниманием к процессам и механизмам деятельности⁶, заставлял и заставляет языковедов закрывать глаза на практику собственной работы, на то бесспорное обстоятельство, что они сами строят и преобразуют язык, стремясь управлять его развитием; см. [17].

4. Одним из существенных следствий неуместного употребления «натуралистической идеологии» в лингвистике, логике и семиотике явилось смешение «значений» либо со «смыслами» знаковых выражений (и далее — с их психологическими производными), либо с «содержаниями» знаний, зафиксированных в знаковых выражениях, — с означаемыми, денотатами, десигнатами, операциями и т. п. Напротив, анализ разных видов деятельности, внутри которых создается и живет язык, в том числе конструктивных видов деятельности, впервые дает основание для анализа знаков объективными методами и позволяет различить и четко определить их «смыслы» и «значения», противопоставив их «содержаниям» знаний.

⁵ Основные представления о деятельности и механизмах ее воспроизводства изложены в работах [5]; [23]; [24]; [25]; [26].

⁶ Ср. это с исходными утверждениями К. Маркса в Тезисах о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно...» [27. 1].

СТРУКТУРА ЗНАКА С ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ — СМЫСЛЫ, ЗНАЧЕНИЯ, ЗНАНИЯ

ПОНИМАНИЕ СООБЩЕНИЯ И СМЫСЛ

1. Рассмотреть «смыслы» и «значения» с деятельностной точки зрения это значит прежде всего ввести и изобразить в соответствующих схемах такие *системы деятельности* (или *системы, принадлежащие к деятельности*), относительно которых «смыслы» и «значения» являются *элементами и частичными организованностями*; это даст возможность выводить затем *функции и основные характеристики строения* этих элементов, исходя из наших представлений о *процессах и механизмах функционирования и развития систем деятельности*.

Действуя согласно этому принципу, предположим на первом этапе анализа, что для «смысла» такой системой, принадлежащей к деятельности, является *система акта коммуникации* (рис. 3), включающая: (1) *действия первого индивида*

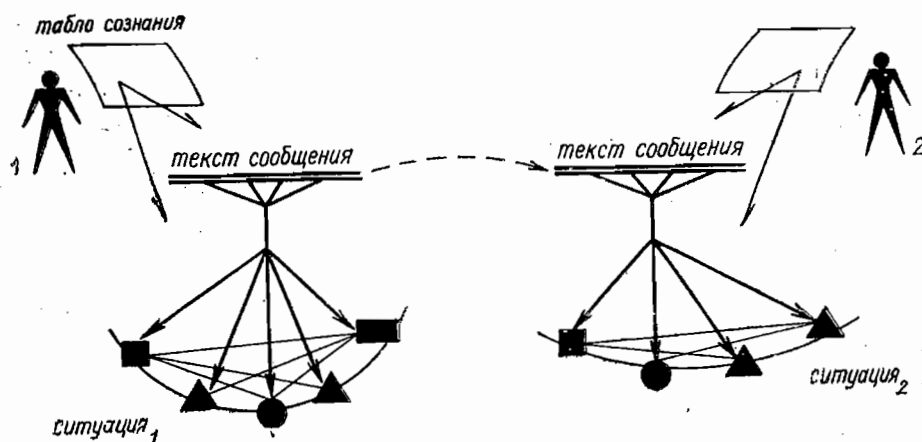

Рис. 3

вида в некоторой «практической» ситуации, (2) *целевую установку*, делающую необходимой передачу определенного сообщения второму индивиду, (3) *осмысление* ситуации с точки зрения этой целевой установки и построение соответствующего *высказывания-сообщения-текста*, (4) *передачу* текста-сообщения второму индивиду, (5) *понимание* текста-сообщения вторым индивиду и *воссоздание* на основе этого некоторой *ситуации возможного действия*, (6) *действия* в воссоздаваемой ситуации, соответствующие исходным целе-

вым установкам второго индивида и содержанию полученного им сообщения.

Все перечисленные моменты достаточно очевидны и вряд ли кто-нибудь скажет, что они не должны входить в акт коммуникации; другое дело — являются ли они основными в интересующем нас плане и дают ли достаточно полное представление об акте коммуникации в целом? Но вводимая нами схема и не претендует на это; она призвана лишь указать на рассматриваемую объектную область, примерно очертить ее границы, а сама система и структура акта коммуникации остаются пока *открытыми* и могут разворачиваться как интенсивно, так и экстенсивно.

Для нас существенно лишь то, что пока эта схема не включает «смыслы» — ведь они не являются непосредственно фиксируемыми «со стороны» моментами акта коммуникации, — и, следовательно, мы должны будем проделать еще специальную работу, чтобы, исходя из уже перечисленных или вновь добавляемых моментов, ввести их изображения. При этом, естественно, нам придется затронуть и обсудить вопрос, *что есть «смысл» и как он существует в деятельности.*

2. Обыденное употребление слов «понимает» и «смысл» наталкивает на то, чтобы определить «смысл» как *то, что понимается нами при прочтении текста*; и многие исследователи прямо переносят это представление из обихода в науку⁷; тогда оно мыслится в ряду подобных же определений: «то, что воспринимается», «то, что преобразуется», «то, что получается» и т. д., и «смысл» в силу этого выступает либо как *предмет понимания*, либо как его *продукт*.

Однако, такое определение «смысла», совершенно естественное, само собой разумеющееся и, как представляется, схватывающее суть, на деле оказывается мнимым: оно не имеет ни операционального, ни онтологического содержания. Это становится совершенно очевидным как только мы задаем вопрос: что же понято нами в том или ином тексте? Когда пытаются ответить на него, то строят новый текст или какое-либо изображение, которые должны выразить «то же самое», что было выражено в исходном тексте. И нам остается одно из двух: либо объявить эти вторичные тексты и изображения самим смыслом (игнорируя при этом совершенно очевидные соображения, показывающие, что это

⁷ «Смысл — это то, что мы схватили, чтобы *понять* выражение, когда нам его сказали. С другой стороны, значение выражения нужно еще открывать посредством эмпирического исследования или каким-либо иным путем — и это необходимо помимо того, что у нас есть знание языка; можно — и это весьма вероятно — понимать выражение, но не знать его значения» [28, 301]; ср. также [29, 62]; [30, 212—220, 244—252, 280—288].

не так⁸), либо же признать «смысл» такой сущностью, которая может только пониматься и никогда не может быть представлена в специальных, моделирующих и понятийно фиксирующих ее знаниях.

Эти затруднения, возникающие при попытках научно зафиксировать и описать «смысл» исходя из актов понимания, объясняются в первую очередь тем, что понимание как таковое не является *продуктивной деятельностью* и поэтому «смысл» не может рассматриваться и трактоваться по схеме предметов и продуктов понимания.

Не снимает всех этих затруднений и попытка рассмотреть понимание как *переход от текста к ситуации*: ведь ситуацию, взятую в наборе ее основных вещественных элементов, никак нельзя считать продуктом понимания; и даже если предположить, что ситуация является мысленной и потому — идеальной, то все равно мы должны будем рассматривать ее как порождение мышления, а отнюдь не как порождение чистого понимания; см. [33]. И точно так же, если определять процесс понимания как *переход от ситуации к тексту*, то опять-таки текст будет продуктом мышления и речевой деятельности, а не понимания как такового, хотя понимание, бесспорно, будет участвовать на каких-то ролях в образовании текста.

Итак, «действительность» ситуации, которую мы восстанавливаем по тексту, является продуктом практической деятельности и мышления (вместе со всем тем, что в них входит и их обслуживает); эта «действительность» фиксируется в *знаниях*, вплетенных в деятельность, и может рассматриваться в качестве их *содержания*; более узко и более точно — эта действительность выступает в качестве «содержания» того знания, которое обеспечивает *связь мышления с практической деятельностью* и которое как бы снимает их в себе.

⁸ В частности, при таком подходе почему-то не обращают внимания на то, что вторичные тексты и изображения сами должны быть поняты, и «смысл», по исходному определению, есть то, что мы понимаем, читая их, и поэтому правильно было бы говорить, что «смысл исходного текста есть то, что мы понимаем при чтении второго текста или изображения» (поскольку мы с самого начала постулировали, что смыслы их тождественны). Но эти теоретически очевидные соображения не принимаются во внимание, и на вопрос, в чем смысл исходного текста, просто отвечают вторым текстом или изображением. Во многих практических ситуациях, например при толковании текстов, переводе с одного языка на другой и т. п., этого вполне достаточно, как способ работы в определенных ситуациях такая практика, следовательно, вполне оправдана, но она ровно ничего не дает нам для выявления смыслов как таковых и задания понятия «смысл». Поэтому ошибка здесь состоит не в том, что так работают, а в том, что из этой практики работы пытаются выводить собственно научные представления. Такими же, лишь имитирующими форму научного знания, конструкциями являются и все определения следующего рефлексивного уровня, вводящие «смысл» в качестве *инварианта синонимического перифразирования*; см. [29, 62]; [31]; [32, 11].

Когда мы понимаем текст, то параллельно и одновременно мы мыслим и вырабатываем знания, которые переводят то, что мы понимаем, в форму «содержания»⁹, а затем, когда мы начинаем действовать,— в форму «действительности» нашей деятельности. Но из того, что мыслительная деятельность и понимание разворачиваются одновременно, параллельно и в тесной связи друг с другом, нельзя делать вывод, что они совпадают или что понимание производит то, что на деле является продуктом мыслительной деятельности; повторяем, понимание, пока оно не стало особым видом деятельности, непродуктивно и само по себе не порождает и не может породить «смыслы». Но тогда, спрашивается, что такое «смысл», как он получается (или создается) и как связан с актами понимания.

3. Основная гипотеза, которую мы выдвигаем, отвечая на эти вопросы, состоит в том, что на уровне «простой коммуникации»¹⁰, представленной на рис. 3, *не существует никакого «смысла», отличного от самих процессов понимания, соотносящихся и связывающих элементы текста-сообщения друг с другом и с элементами восстанавливаемой ситуации.*

То, что соотносится и связывается в процессе понимания, то и понимается; поэтому, характеризуя «простую коммуни-

⁹ Нередко, когда говорят о «смысле», реально имеют в виду и подразумевают «содержание знаний»; в частности, именно так чаще всего употребляют слово «смысл» А. К. Жолковский и И. А. Мельчук. Конечно, если бы речь шла только о том, как назвать одинаково выделяемое всеми явление, то по этому поводу вообще не стоило бы спорить, но здесь, как это следует из всего изложенного выше, встает вопрос, затрагивающий само существо дела. И поэтому, в принципе, необходимо подробно описать и объяснить, как происходит и чем обусловлена такая подмена смысла содержанием. Не имея возможности обсуждать все это в деталях, мы отметим лишь два момента, на наш взгляд, наиболее существенных: во-первых, сами знания формируются на том же самом материале, который охватывается пониманием, и в силу этого нередко они заменяют понимание, а во-вторых, процессы понимания, в особенности у исследователей, организуются знаниями и идут так, как того требуют знания. Именно эти два момента в первую очередь приводят к тому, что в процессе понимания очень часто приходят к тому, что уже знают, а исследователи склонны отождествлять смысл с содержанием.

¹⁰ Выражение «простая коммуникация» обозначает в этом контексте особый *идеальный объект*, сконструированный в соответствии с принципами исследования сложных системных объектов *методом генетического восхождения*; см. [34,]; [35]; [36]; [23, 30—38]. Этот идеальный объект ни в коем случае нельзя трактовать как результат *простого вычленения* некоторой структурной единицы из сложного целого; наряду с таким вычленением мы производим одновременно *упрощение* всех элементов и связей этой единицы, убирая в них все свойства, обязанные своим происхождением системному окружению этой единицы, и оставляя только те свойства, которые связаны с независимым ее функционированием и развитием. Характер абстракции, которую мы осуществляем, конструируя этот идеальный объект, делает совершенно бессмысленной проверку его путем сравнения с эмпирическими актами коммуникации, которые, в этой терминологии, все — «непростые».

кацию», можно сказать, что мы понимаем какие-то элементы текста или текст в целом, можно сказать, что мы понимаем место и роль тех или иных элементов ситуации или же ситуацию в целом, но нельзя сказать, что мы понимаем смысл текста или смысл ситуации; все выражения такого рода для индивидов, объединяемых актом «простой коммуникации», либо являются неправильными, либо несут совершенно иное содержание.

По сути дела то, что мы сказали, равносильно утверждению, что *«смысла» не существует, а существуют лишь процессы понимания.* И мы настаиваем на том, что это утверждение истинно, но не вообще (как это трактовалось бы при натуралистическом подходе), а только для *мест*, связанных «простым» актом коммуникации. В рамках деятельностного подхода, следовательно, сделанное нами утверждение по сути дела содержит в себе указание на то, что *«смысл»* появляется или должен появиться дальше — *в более сложных системах деятельности и на каких-то других местах*¹¹.

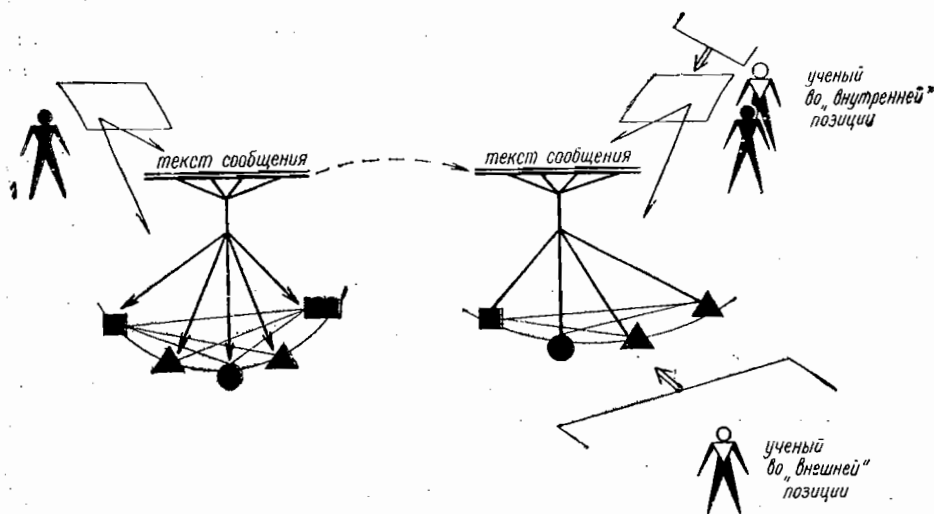

Рис. 4

Таким местом, на наш взгляд, является *место исследователя*, находящегося вне исходного акта коммуникации и вынужденного каким-то образом *оперировать* с процессами понимания при структурном или морфологическом описании других моментов акта коммуникации — мышления, деятельности, речи, текстов, языка и т. п. (рис. 4). И хотя ему

¹¹ Делая это утверждение в отношении «смысла», мы исходим из общего принципа деятельностного подхода: *Каждая организованность деятельности может быть порождена только строго определенной системой социально-производственной кооперации.*

в акте коммуникации противостоят процессы понимания и нет ничего такого, что мы привыкли понимать под словом «смысл», этот исследователь говорит именно о «смысле», а не о процессах понимания, ибо он вынужден (для того, чтобы решить стоящие перед ним исследовательские задачи) представить эти *процессы соотнесения и связывания* разных элементов текста друг с другом и с элементами ситуации в виде *соотнесенности и связности* этих элементов, в виде *сети статических отношений* между ними, в виде *структуры*.

В методическом плане этот прием изображения и фиксации процессов отработан уже давно: когда античная физика столкнулась с проблемами описания и моделирования движения, то она обратилась прежде всего к «следам» этих движений; когда в контексте анализа этих «следов» были решены основные задачи соотнесения дискретных числовых характеристик с непрерывными графическими представлениями (см. [37]), появилась возможность фиксировать и изображать в виде линий и отрезков изменения любых параметров, характеризующих объекты, и на этой основе затем стала разрабатываться *геометрия различных идеальных пространств*. После этого продвижение в каждой содержательно-предметной области стало определяться в первую очередь успехами в разработке *статических форм описания и фиксации* характерных для этой области процессов¹².

Следуя по этому же пути, исследователь актов коммуникации и, более узко, процессов понимания должен прежде всего выработать и ввести специальный язык для статической фиксации этих процессов. Здесь многое происходит подобно тому, как это происходило в естественных науках. Но есть и очень существенные отличия. Первое из них состоит в том, что сами процессы в акте коммуникации являются значительно более сложными, чем процессы в механическом движении, и это приводит к неимоверному усложнению самого языка описаний. Второе отличие связано с тем, что знания о деятельности и их содержание имеют в деятельности *принципиально иное существование*, нежели знания о природе, и это проявляется, в частности, в их *отношении к своему объекту*. Если, к примеру, в рамках натуралистического подхода, изобразив процессы понимания в структурных схемах, мы так бы и говорили, что это — *изображения* процессов понимания и их содержание не имеет никакого другого реального существования, кроме как в своем объекте, то в рамках

¹² В исключительно тонком и глубоком исследовании по истории механики (см. [38]) М. А. Гуковский убедительно показал, что теория свободного падения тел стала возможной лишь после того, как Дунс Скотт, Ричард Суайнхед и Орем нашли способ изображать отношения меняющихся характеристик движения в чертежах геометрических фигур; см. также [39, 395—403].

деятельностного подхода, наоборот, мы должны сказать, что статические структурные изображения процессов понимания, созданные на определенном месте в системе кооперации, *задают и фиксируют действительность совсем особого рода*, которая, благодаря различию мест социальной кооперации, имеет свое собственное существование, отличное от существования процессов понимания¹³. *Эта особая действительность, создаваемая исследователем при статической фиксации процессов понимания, и есть то, что называется «смыслом»* (рис. 5).

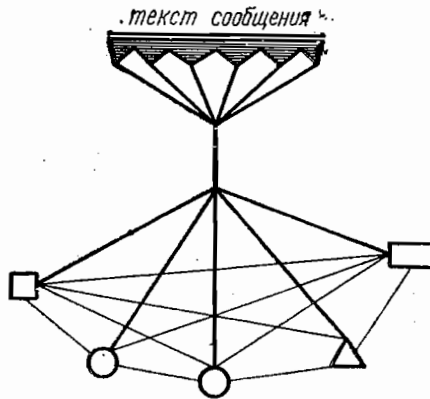

Рис. 5

4. После того как структурное изображение процессов понимания сложилось и оформилось, оно начинает разнообразно употребляться—в разных отношениях к объекту и в разных позициях.

Одно из этих употреблений — так называемая *формальная онтологизация*: структурная схема рассматривается как изображение самостоятельной структурной сущности, «смысла» как такового; при этом между изображением и тем, что изображается, устанавливается *полное соответствие* — и это совершенно естественно, ибо само изображаемое получилось путем простого удвоения изображения и приписывания одному из дубликатов статуса объективной сущности; ср. [40]; [41].

Это употребление структурных схем приводит и к соответствующей трактовке самого «смысла»: он определяется как *та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим*

¹³ Здесь используются два принципа деятельностного подхода: (1) *Всякая чисто познавательная позиция должна рассматриваться как позиция в системе социально-производственной кооперации* и (2) *Всякое знание задает особую действительность деятельности — «практической» или мыслительной.*

текст сообщения¹⁴. Весьма эффективные во многих практических и исследовательских ситуациях, эти определения, естественно, не годятся при исследовании процессов понимания; все, что может быть извлечено из них в отношении самого смысла, ограничивается *формально-категориальными характеристиками использованных схем*.

Другие употребления этих схем предполагают уже четкое противопоставление и соотнесение статики «смысла» и кинетики понимания; во всех этих случаях понимание мыслится сквозь призму структуры «смысла», а «смысл» — сквозь призму процессов понимания, но конкретное представление того и другого зависит от того, какое из этих образований мы ставим во главу угла и каким образом соотносим и связываем одно с другим.

Наиболее распространенный вариант решения этой проблемы заключается в том, что структурная схема онтологизируется уже в исходном пункте анализа и трактуется как выражение некоторых *объективных*, можно сказать «*натуральных*», *условий процесса*, а сам процесс привязывается затем к этим структурным схемам, как бы вписывается в них. Нередко структурные схемы такого рода рассматриваются как изображения *каналов связи*, по которым «текут» исследуемые процессы; в частности, на такой трактовке построены все современные системотехнические (кибернетические) концепции мышления и понимания; см. [43]; [44]; [45], а также [46]; [47]. Ясно, что при таком подходе отношения между реальными процессами в объекте и их изображениями в знании перевертываются на обратные — стратегия очень выгодная при реализации инженерно-конструктивных замыслов, но совершенно неприемлемая в научных исследованиях.

Другой вариант решения этой проблемы зиждится на сознательном использовании *приемов методологического мышления*, в частности — *приема многих знаний*; см. [2, 3—29]; [48]. В этом случае мы с самого начала фиксируем принципиальное различие и расхождение между категориальными характеристиками используемых нами изображений и характеристиками того, что является объектом нашего анализа, но не отказываемся на этом основании от изображений, —

¹⁴ Вариантом такого представления является одно из представлений «смысла», предлагаемое И. А. Мельчуком: «Предварительно можно мыслить себе „смысл“... как некоторый сложный граф, вершины которого помечены символами „смысловых атомов“ (некоторых порций смысла, выбранных в данном описании в качестве элементарных), а дуги — символами связей между ними» [32, 11]. Правда, это представление, наряду с собственно структурными моментами, указанными нами выше, содержит еще и морфологические моменты — «смысловые атомы», но это обусловлено и вполне объясняется, с одной стороны, практической установкой автора (см. ниже п. 5), а с другой стороны, характером используемого им понятия системы; см. [42].

считая их необходимыми,— а лишь располагаем то и другое как бы в один ряд и начинаем разворачивать предмет изучения, работая сразу с несколькими разными изображениями и представлениями объекта; за счет этого появляются новые значительно более богатые возможности для анализа и конструирования. Методологические приемы мышления позволяют исследователю идти от описания процессов понимания к структурным схемам смысла и развивать последние в соответствии с характеристиками процессов; и эти же приемы позволяют ему идти от структур смысла к процессам понимания, членя и организуя последние соответственно возможностям структурных схем; см. [33]; [49]. Методы этих двусторонних исследований завершаются и оформляются в *категории системы*, устанавливающей необходимые формальные связи между описаниями процессов, функциональных структур, организованностей материала и морфологии сложных объектов; см. [50]; [42]. Применение этой категории в исследовании интересующей нас области дает возможность объединить процессуальные характеристики понимания и структурные характеристики смысла в едином системном представлении актов понимания-осмысления; см. [49].

5. Но кроме охарактеризованных таким образом употреблений схемы смысла и всех связанных с нею представлений во «внешних» исследовательских позициях возможны и существуют еще вторичные или неспецифические употребления их в позициях, заданных актом коммуникации¹⁵. При этом идет двойной процесс: с одной стороны, представления о смысле, выработанные во «внешних» позициях, изменяются, приспособляясь к особенностям деятельности и поведения на «внутренних» местах в акте коммуникации, с другой стороны, сама деятельность в этих «внутренних» позициях изменяется и перестраивается под влиянием этих представлений, задающих новое содержание и новую действительность.

Если выше мы подчеркивали, что в «простом» акте коммуникации нет и не может быть «смысла» как такового, то теперь, рассматривая этот акт в кооперативной связи с более «высокими» исследовательскими позициями, мы можем сказать, что «смысл» там появляется, но не как таковой, а в форме особого представления, в форме знания о смысле, которое выступает в качестве средства, организующего процессы понимания. Теперь участники акта коммуникации могут понимать не только ситуацию и текст, но также «смысл ситуации» и «смысл текста», поскольку они знают об их существовании

¹⁵ Здесь мы используем еще один принцип деятельностного подхода: После своего возникновения организованности деятельности могут передаваться в нижележащие места системы кооперации (хотя их использование там возможно лишь при условии соответствующих изменений деятельности, специфической для этих мест).

и знают, что «смысл» — это *общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений*. Позиции, объединяемые актом коммуникации, перестают быть «простыми» и непосредственными и превращаются в сложные, объединяющие в себе, по сути дела, ряд разных позиций (см. рис. 4).

Когда происходит передача представлений смысла из более «высоких» позиций в более «низкие», то сами эти представления, как мы уже отметили, деформируются и изменяются, приспособляясь к действительности этих позиций; при этом происходит очень своеобразное взаимодействие схем смысла и знаний о смысле с непосредственными процессами понимания текстов и процедурами выявления их содержания; одним из самых характерных результатов этого взаимодействия является *фокусировка* и как бы *усечение* структуры смысла на отдельных материальных узлах всей системы; при этом *связи и отношения структуры* переводятся в *функциональные характеристики «захваченных» ею материальных элементов*¹⁶. В силу этого и сам «смысл» в этих позициях представляется уже не в виде структуры, задающей всю ситуацию в целом, а в виде отдельных функциональных характеристик элементов ситуации, указывающих на их соотнесенность с другими элементами или на принадлежность к целому¹⁷.

Именно это имеют в виду, когда говорят обычно, что текст сообщения осмыслен, что мы уловили смысл того или иного явления, что в нашем сознании появился соответствующий смысл и т. п. И в каком-то плане все эти употребления слова «смысл» оправданы, ибо в процессах понимания, оснащенных соответствующими представлениями и знаниями, действительно происходит фокусировка и центрация структуры смысла на отдельных материальных элементах, захваченных этой структурой. Но с другой стороны, во всех подобных выражениях и оборотах проявляется характерное для обыденного сознания смешение разных *категориальных слоев* системного объекта; ведь во всех этих случаях речь идет уже не о структуре смысла в целом, а лишь о *проекциях* этой структуры на материал элементов, захва-

¹⁶ О методах анализа подобных сверток и фокусировок систем см. [36]; [51]; [52].

¹⁷ Хорошей иллюстрацией этих положений могут служить некоторые из определений «смысла», даваемые А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком, поскольку в них еще отчетливо видна связь с ядерным представлением «смысла» как структуры: «Смысл предстает как конструкт — пучок соответствий между реальными равнозначными высказываниями, фиксируемый с помощью специальной символики — семантической, или смысловой, записи; здесь имеется полная аналогия с реконструкцией праформ в сравнительно-историческом языкознании» [53, 7]; «владение смыслом... проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего — в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» [54, 4].

ченных ею, следовательно, не о структуре смысла, а о *смысловых организованностях* текста, ситуации, сознания и т. п.; но эти различия являются уже весьма тонкими и обсуждение их должно быть вынесено за рамки этой статьи.

«ЯЗЫКОВАЯ ИНЖЕНЕРИЯ» И КОНСТРУКЦИИ ЗНАЧЕНИЙ

1. Чтобы теперь ввести в качестве особых сущностей «значения», трансформируем исходно заданную ситуацию общения и превратим ее в *ситуацию трансляции* (см. [5]; [26]; [23]; [24]; [25]), где главной является побочно сложившаяся связь между позициями 1 и 3 (рис. 6).

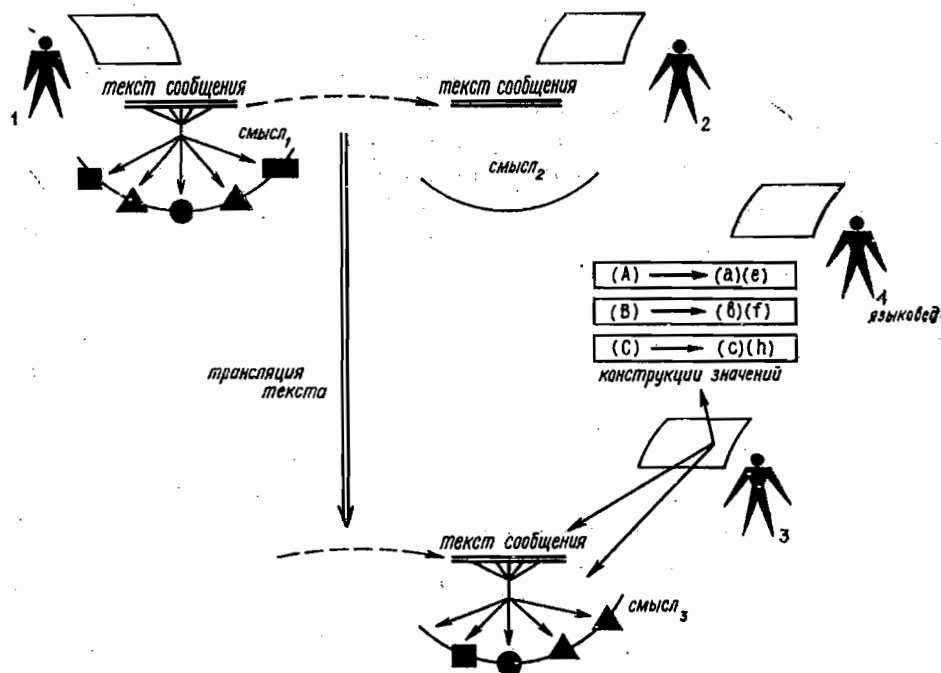

Рис. 6

Предположим, что текст сообщения, направленного из позиции 1 в позицию 2, поступает в позицию 3 и здесь либо вообще не понимается, либо понимается неадекватно. Такое положение заставляет систему, обслуживающую процессы общения, создавать специальные *знаковые конструкции*, которые, будучи «вложенными» в индивида 3 (или «усвоенными» им), выступают в качестве *дополнительных средств*, обеспечивающих необходимое понимание текста сообщения. Эти конструкции, создаваемые инженерами-языковедами (позиция 4), мы и будем называть «значениями».

Конструкции значений весьма разнообразны. Их характер и способ фиксации зависят прежде всего от того, (1) чѐм вызвано непонимание текста сообщения, (2) кто выступает в роли коммуниканта *З* — ребенок, еще не освоивший основных средств речевого мышления, студент, не овладевший чужим для него языком, или, скажем, ЭВМ, не имеющая необходимых программ анализа текстов, — и, наконец, от того, (3) как организованы остальные элементы ситуации. Кроме того, существенное влияние на характер и форму фиксации значений оказывают методические и теоретические ответы на вопрос «что такое значение», вырабатываемые в аналитических и собственно исследовательских позициях, обслуживающих конструктивно-нормативную работу лингвиста. Но во всех случаях конструкции значений выделяют, фиксируют и закрепляют те или иные из соотношений и связываний, производимых процессами понимания текста (или текстов) сообщения. Иногда они выступают непосредственно в виде *связок знаковых выражений с теми или иными элементами ситуации*, — такое бывает при непосредственном обучении языку, — но чаще эти связки устанавливаются опосредованным путем — за счет связи одних знаковых выражений с другими. Например, конструкции значений «a table — стол» и «Кислота — вещество, окрашивающее лакмус в красный цвет», несмотря на все свои логические различия, служат, по сути дела, для одного и того же — установления связи между именами и объектами; см. [36, VI, 89—93]¹⁸.

2. Конструкции значений, подобно всем другим знаковым выражениям, должны *пониматься*; в контексте нашего рассуждения это будут «вторичные понимания» и, соответственно, «вторичные смыслы» (рис. 7); от «первичного понимания» и

¹⁸ Утверждение, что «значение» есть конструкция, носит принципиальный характер: если Г. Фреге (см. [55]) и др. искали значения *в природе*, или в мире «естественного», то мы, наоборот, обращаемся к *миру культуры*, к «искусственному», к созданному человеческой деятельностью.

Могут возразить, что в этом тогда нет подлинной оппозиции: то, что Г. Фреге называл «значением», мы называем «объектом отнесения», «объектом оперирования», «объективным содержанием» и т. п., а слово «значение» употребляем для обозначения некоторой *принципиальной* иной и, с точки зрения традиции, новой сущности — *связки между словами и «объектами» (или «предметами», выраженными в других словах)*. Но в том-то и дело, что для нас существование этих *связок* является исходным и основным — именно они образуют *первую реальность человеческой деятельности и для человеческой деятельности* (см. [27, 1]; [2, 14—19]), именно они задают и определяют существование всего остального в деятельности. Это — первый важный момент. А второй — и это может служить уже непосредственным ответом на возражение — заключается в том, что «объекты» (денотаты) и «объективное содержание», т. е. «значения» по Г. Фреге, являются лишь моментами или элементами конструкций значения и, следовательно, точно также существуют в деятельности и в культуре, а не «природно», хотя природа также присутствует в них в качестве материала или «морфологии» систем деятельности и отдельных элементов в конструкциях значений; см. [33].

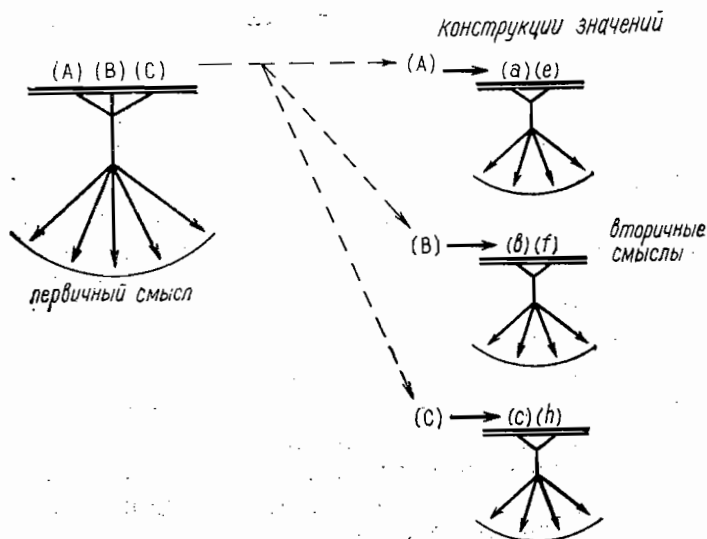

Рис. 7

«первичного смысла» они отличаются прежде всего тем, что связаны с четко фиксированными, можно сказать, «искусственными» ситуациями деятельности и все объекты, включенные в них, выступают, по сути дела, в роли эталонов; см. [56, 98—106].

То обстоятельство, что конструкции значений, подобно исходным текстам сообщений, тоже понимаются (и осмысливаются), не меняет их отличия от смысла, существующего и устанавливаемого благодаря функциональному противопоставлению фиксированных средств, обеспечивающих понимание, исходным текстам, включенным в естественно развертывающиеся, а потому всегда достаточно неопределенные ситуации общения и деятельности (см. рис. 6).

3. Обращаясь к деятельности лингвиста-инженера (позиция 4), нужно отметить, что в процессе нее он должен еще каким-то образом учитывать и совмещать позиции 2 и 3. Это значит, что он должен, во-первых, понимать смысл исходного сообщения так, как его понимает индивид 2, во-вторых, понимать (или не-понимать) смысл этого сообщения так, как его понимает (не-понимает) индивид 3, в-третьих, знать, почему индивид 3 понимает (не-понимает) именно таким образом, и, наконец, в-четвертых, исходя из всего этого, он должен создать конструкции значений, которые бы позволили индивиду 3 адекватно понять исходное сообщение¹⁹. Прodelывая всю эту работу, лингвист-инженер представляет процессы понимания и одновременно то, что

¹⁹ В рамках деятельностного подхода такой тип совмещения разных позиций называется обычно «заимствованием»; см. [57]; [60].

понимается, в совокупности создаваемых им конструкций значений.

Если мы будем описывать все это из внешней исследовательской позиции, в которой разрешено пользоваться понятием смысла, то сможем сказать, что языковед-инженер сводит понимаемый им смысл исходных знаковых выражений и их элементов к создаваемым им конструкциям значений, что он выражает множество разных *ситуативных смыслов* через наборы специально выделенных *элементарных значений и последующую организацию их в структуры*²⁰.

Затем полученные таким образом конструкции значений и принципы соотнесения и совмещения их друг с другом используются получившими их индивидами (находящимися в позиции З) в качестве «строительных лесов» при понимании разнообразных сообщений; опять-таки, если мы будем описывать все это, находясь во внешней исследовательской позиции, то должны будем сказать, что эти конструкции значений и принципы организации их в сложные структуры используются индивидами в качестве средств при выделении смысла сообщений или даже в качестве основных компонентов его; имея наборы определенных значений, эти индивиды сначала, если пользоваться неточным, но очень наглядным образом, как бы *разлагают* по ним смысл сообщений, а затем *собирают* из них этот смысл как композицию, приравливаясь при этом к ситуации как к целому²¹.

²⁰ Принятый нами план расчленения изучаемого предмета и порядок изложения всего материала могли возбудить в читателе неправильное представление, что сначала вырабатываются структурные представления смысла, а уже потом создаются конструкции значений, разлагающие структуру смысла на компоненты и элементы. В реальной истории дело обстоит, по-видимому, как раз наоборот: именно конструкции значений дают *первое структурное представление* процессов понимания, во всяком случае — их отдельных моментов, и именно «значения» первоначально рассматриваются как то, что порождается процессами понимания. Но затем постепенно выявляются специфические моменты деятельности, в первую очередь — различие парадигматических и синтагматических систем и необходимость одновременного различения и отождествления их элементов (см. [62]; [63]), — и это заставляет рассматривать конструкции значений в качестве особых сущностей, имеющих самостоятельное существование в речевой деятельности помимо процессов понимания и всего того, что они создают. Таким образом конструкции значений приобретают две разные интерпретации: одна, *автономная*, задает «значение» как таковое, а другая — «смысл» как то, что создается самими процессами понимания и существует в них; а дальше, чтобы окончательно развести «значения» и «смыслы», представить их в качестве разных элементов и компонентов рече-мыслительной деятельности, нужно сделать всего один шаг — создать для «смыслов» особые изображения, отличающиеся от изображений «значений».

²¹ Слова «разлагают» и «собирают» относятся лишь к тому условному плану описания, который мы принимаем для внешней исследовательской позиции; их ни в коем случае нельзя понимать как характеристику *механизмов* понимания.

4. Чтобы теперь завершить характеристику «языковой инженерии» и влияния ее продуктов на существование и функционирование знаков, нужно сделать еще одно замечание, касающееся схемы нашего рассуждения. Вводя исходную ситуацию коммуникации (см. рис. 3), мы начали с предположения, что индивид 2 понимал сообщение как бы совсем без опоры на значения. Это неявное допущение было введено потому, что рассуждение нужно было начать, не предполагая изначального существования значений; но после того как значения введены, мы можем отказаться от исходного допущения и распространить полученную нами позицию 3 ретроспективно в историю. Таким путем, естественно, не может быть решена проблема происхождения значений, но сама процедура ретроспективного оборачивания соответствует принципам *структурного описания исторических ситуаций*: сначала логически вторичное рассматривается как не существующее в реальности, затем оно вводится, как правило телеологически, в модель объекта, и полученная таким образом более развернутая и более сложная система трактуется как единственно существующая в реальности (*конструктивный вариант метода восхождения от абстрактного к конкретному*; см. [34]; [35]; [36]; [61]; [23, 30—38]).

«ПЕРВИЧНЫЕ СМЫСЛЫ» И «ЗНАЧЕНИЯ» —
ДВЕ РАЗНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗНАКА

1. Хотя для индивида 3 конструкции значений в процессе понимания выступают по сути дела в качестве образцов элементов ситуативного смысла текстов, хотя этому индивиду часто кажется, что он собирает смысл из данных ему значений и потому значения просто дубликаты или копии смысла, тем не менее (и это становится очевидным, как только мы переходим в позицию внешнего исследователя) конструкции значений являются не дубликатами и не копиями смыслов, а прежде всего — *иными функциональными элементами того же целого*, в котором на правах особых частей и элементов входят процессы понимания исходного текста (или, если говорить на формальном языке внешнего исследователя, структуры первичного смысла). Иначе говоря, значения и смыслы (или процессы понимания) связаны между собой деятельностью понимающего человека и являются разными компонентами этой деятельности. Но в силу этого они оказываются также *разными компонентами самого знака* (как определенной организованности деятельности). В этом плане конструкции значений являются не чем иным, как новыми элементами ситуации общения и деятельности, *расширяющими поле понимания* (или, соответственно, объективную структуру смысла), и как таковые они могут рас-

сма­тривать­ся на­ря­ду со все­ми дру­ги­ми эле­мен­та­ми си­ту­а­ции, ох­ва­ты­вае­мы­ми струк­ту­рой смыс­ла.

Но кро­ме то­го, у кон­струк­ций зна­че­ний есть свое, со­вер­шен­но спе­ци­фичес­кое на­зна­че­ние, и это об­стоя­тель­ство ставит их как эле­мен­ты смыс­ло­во­го по­ля в осо­бое от­но­ше­ние ко всем дру­гим эле­мен­там. Это спе­ци­фичес­кое на­зна­че­ние кон­струк­ций зна­че­ния, как мы вы­ше вы­яс­ни­ли, со­сто­ит в том, что­бы слу­жить *сред­ства­ми по­ни­ма­ния* ис­ход­но­го тек­ста, и по­это­му они соз­да­ют­ся как свое­об­раз­ные ду­бли­ка­ты и осо­бые фор­мы фик­са­ции от­дель­ных от­но­ше­ний и свя­зей, ус­та­нав­ли­вае­мых про­цес­сом по­ни­ма­ния и пред­став­ляе­мых на­ми в струк­ту­ре пер­вич­но­го смыс­ла. Но это зна­чит, что кон­струк­ции зна­че­ний и свя­зан­ные с ни­ми вто­рич­ные смыс­лы соз­да­ют для про­цес­сов по­ни­ма­ния (а вме­сте с тем для эле­мен­тов пер­вич­но­го смыс­ла) *вто­рую и осо­бую фор­му су­щес­тво­ва­ния*; вме­сте с тем они соз­да­ют но­вую и осо­бую фор­му су­щес­тво­ва­ния для са­мо­го зна­ка (см. рис. 6). Мы по­лу­чаем воз­мож­ность ска­зать, что смыс­лы и зна­че­ния — раз­ные ком­по­нен­ты зна­ка, при­даю­щие ему вме­сте с тем раз­ные спо­со­бы и фор­мы су­щес­тво­ва­ния, со­от­вет­ствен­но — *в син­таг­ма­ти­ке* и *в па­ра­диг­ма­ти­ке*, *в со­ци­еталь­ных си­ту­а­циях* и *в куль­ту­ре*, *в ре­а­ли­за­циях* и *в нор­мах*; см. [62, 121—127]; [57]; [25]; [63]; [64]; [65].

2. Со­еди­не­ние двух ука­зан­ных вы­ше ха­рак­те­ри­стик кон­струк­ций зна­че­ний: (1) ле­жат на­ря­ду со смыс­ла­ми и яв­ля­ют­ся дру­ги­ми функ­ци­ональ­ны­ми ком­по­нен­та­ми струк­ту­ры де­я­тель­но­сти и зна­ка, (2) вы­ра­жа­ют и фик­си­ру­ют от­дель­ные ком­по­нен­ты смыс­лов, при­да­вая им вто­рое и осо­бое су­щес­тво­ва­ние — по­зво­ля­ет рас­сма­тривать и трак­то­вать свя­зь ме­жду зна­че­ния­ми и смыс­ла­ми как со­вер­шен­но *осо­бое от­но­ше­ние кон­струк­тив­но­го за­ме­ще­ния*, или, как мы его на­зы­ва­ем, *им­и­та­ции*. Изуче­ние спе­ци­фи­ки им­и­та­ции — спе­ци­аль­ная за­да­ча; она ис­клю­чи­тель­но важ­на и ак­туаль­на как в об­ще­ме­то­до­ло­гичес­ком, так и в спе­ци­аль­но се­ми­отичес­ком плане; в част­но­сти, *имен­но сме­ше­ния от­но­ше­ний им­и­та­ции с от­но­ше­ния­ми мо­де­ли­ро­ва­ния* при­во­дят в лин­г­ви­сти­ке и в се­ми­отике к сме­ше­нию смыс­ла со зна­че­ния­ми и к *прин­ци­паль­но не­правиль­ной трак­тов­ке струк­ту­ры зна­ка*; ср. [63].

ЗНАК КАК ПРЕДМЕТ ЗНАНИЯ

Кон­струк­тив­ный ха­рак­тер зна­че­ний кар­ди­наль­ным обра­зом ме­ня­ет прак­ти­чес­кое и поз­на­ва­тель­ное от­но­ше­ние че­ло­ве­ка к зна­ку. Если в ак­те ком­му­ни­ка­ции ме­жду ин­ди­ви­ду­а­ми 1 и 2 зна­ко­вое вы­ра­же­ние, как мы пред­по­ло­жи­ли, мо­гло лишь по­ни­мать­ся (что по­зво­ля­ет нам при оп­ре­де­лен­ных ус­ло­виях го­во­рить о «смыс­ле» это­го зна­ко­во­го вы­ра­же­ния) и та­ким обра­зом впер­вые по­яв­ля­лся *знак как целост­ный об­ъект*, в еди­нстве его не­об­хо­ди­мых ком­по­нен­тов — *ма­те­ри­ала*

знаковой формы и смысла, если при попытках научного исследования и описания знаков исследователь должен был прежде всего понять данное знаковое выражение и у него не было никакого другого пути, чтобы сделать знак объектом деятельности и присвоить его себе (см. [57]; [60]), то появление конструкций значений, образующих второй план существования знака, его парадигматику, предполагает кроме того еще подлинно *познавательное отношение к знаку*, отношение к нему *знания* как такового, ибо конструкции значений являются продуктами *сознательной инженерной деятельности* и как таковые должны не только пониматься, но и обязательно *быть знаемы*. Инженерно-конструктивная деятельность всегда опирается на знания создаваемой конструкции или ее прообразов и, следовательно, всегда должна сопровождаться и обслуживаться *аналитической, исследовательской деятельностью* того или иного типа (позиции 5—8 на рис. 8). Даже более того, знание природы значений, как уже говорилось выше, является условием и предпосылкой инженерии значений: та или иная конструкция значений всегда определяется предваряющими ее ответами на вопрос, что представляет собой значение как таковое. И хотя сам по себе этот ответ не устраняет необходимости понимания конструкций значений людьми, использующими их в качестве средств своей деятельности (уже упоминавшееся «вторичное понимание»), благодаря ему значения знаков, а следовательно, и сам знак в целом получают еще одно дополнительное *существование в знании и через знание*, ни в коем случае не сводимое к существованию их в понимании и через понимание. С этого момента можно говорить о *существовании знака как предмета знания*.

Но само знание, придающее знаку эту форму существования, а также функции знания еще должны быть теоретически введены и объяснены. Попробуем наметить план этой работы.

ЗНАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗНАКА

1. Благодаря деятельности лингвистов-инженеров, создающих конструкции значений, знаки получают вторую сферу существования — парадигматическую. Синтагматические цепочки речи и конструкции значений, образующие парадигмы языка, связываются между собой деятельностью человека, осуществляющего речевое общение, но при этом они остаются существенно разными как по своим функциям, так и по внутренней организации, и ничто не делает составляющие их элементы и единицы одними и теми же или одинаковыми объектами, ничто не дает права говорить, что синтагматические цепочки и парадигматические организованно-

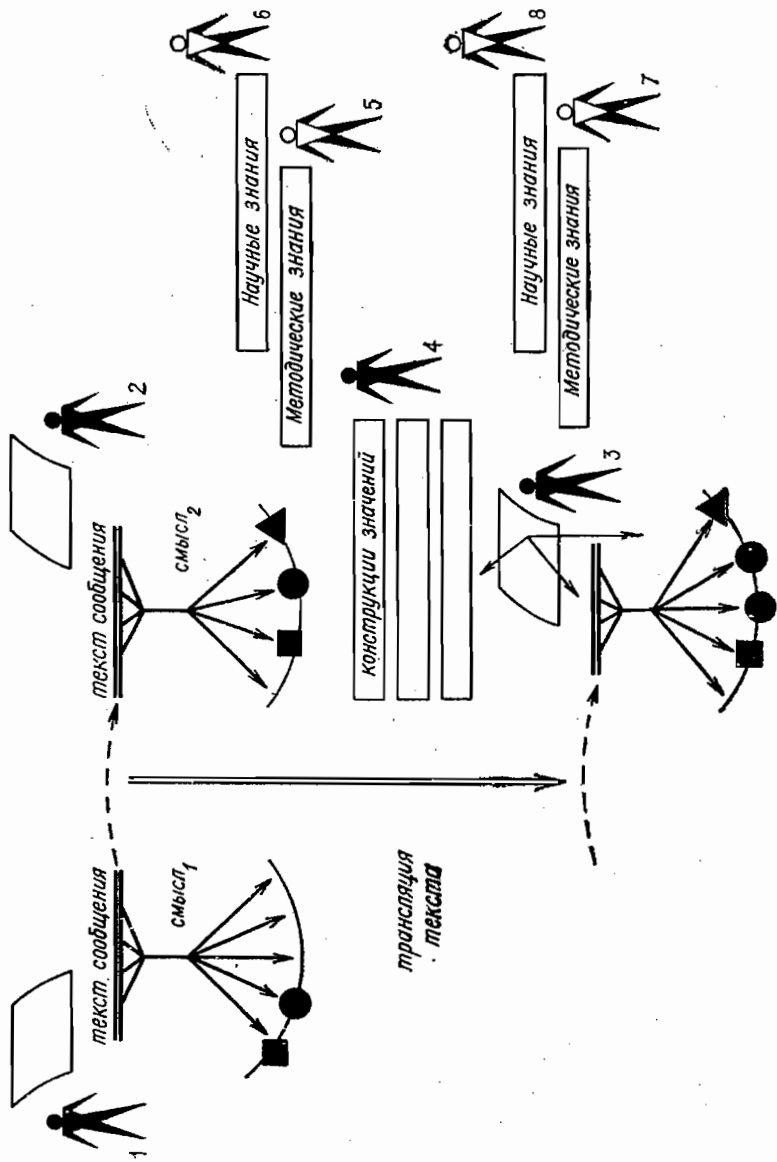

Рис. 8

сти — лишь разные *планы существования* одних и тех же знаков, ибо таких объектов, как чего-то единого и лишь по-разному проявляющегося в синтагмах и парадигмах, пока нет. Каждая организованность знакового материала в какой-либо парадигме выражает нечто иное, нежели та же организованность знакового материала в какой-либо синтагматической цепочке, и в одной синтагматической цепочке — нечто иное, нежели в другой (несмотря на сходство или тождество самого знакового материала), ибо вокруг каждой цепочки создается свой особый смысл; ср. [65].

Однако, если какие-то элементы синтагматических цепочек и парадигматические конструкции значений содержат одни и те же конструкции материала, мы рассматриваем их как *разные манифестации одного и того же знака* и, следовательно, и то и другое вместе, в конечном счете, — как *один и единый знак в его разных проявлениях*. Поэтому обсуждать здесь можно только одно: за счет каких специфических образований, за счет каких дополнительных средств деятельности достигается объединение и синтез всего этого (т. е. всех многообразных проявлений, существующих в огромном множестве разных синтагматических цепочек и в достаточно большом наборе разных парадигматических организованностей, отличающихся друг от друга как строением, так и условиями существования) в один и единый знак, что дает нам право и возможность собирать разные конструкции значений в одно целое и затем отождествлять полученную таким образом композицию с тем, что существует в контексте синтагматических цепочек.

Этим средством является *знание*, обязательно сопровождающее всякую практическую, инженерную и собственно научную (теоретическую) деятельность человека. В соответствии со своими истинными функциями оно *осуществляет обобщение и объединяет множество разрозненных и разных индивидуализированных явлений, событий и объектов в один предмет, в одну целостность*; ср. [66]. В нашем случае можно сказать, что это знание создает знак в единстве его синтагматических и парадигматических проявлений (например, слово), делает его *единым и всегда одним и тем же предметом*, независимо от разнообразия форм существования его в синтагматических цепочках и в парадигматических организованностях значений. Условно, исключая все различия этих знаний и создаваемых ими предметов, мы будем называть их *«знаниями знаков»*.

2. «Знание знака» собирает другие формы существования знака — синтагматические и парадигматические — в целостность, объединяет и организует их; см. [63]; [66]; [67]. Но это объединение ни в коем случае нельзя понимать механически; оно осуществляется за счет того, что *«знание*

знака» создает свою особую действительность — знак как идеальный объект, действительность, несводимую к синтагматическим цепочкам и парадигматическим конструкциям значений и вместе с тем снимающую их и представляющую в виде единого объекта.

Одновременно само знание выступает в виде особой, третьей формы существования знака. Эта форма существования знака является ничуть не менее объективной, чем две другие, и функционирует в деятельности наряду с синтагматическими цепочками и парадигматическими конструкциями значений. В этом плане «знание знака» является лишь одной из многих и частной формой существования самого знака. Но так как в своей действительности «знание знака» снимает другие формы существования знака — синтагматические и парадигматические, мы можем сказать, что оно является *основной и всеобщей формой его существования*. Именно «знания знаков» (а далее также и «знания о знаках»; ср. [68, 140—142]) составляют основную и решающую часть систем языка, именно «знания знаков» выступают как *проекты и принципы*, определяющие существование знаков в инженерной деятельности лингвистов и в духовной жизни всех говорящих людей, *именно в знаниях свертывается и существует значительная часть рече-языковой способности людей*. Поэтому неудивительно, что именно «знания знаков», а не сами по себе конструкции значений составляют основную и решающую часть всех парадигматических систем, конституирующих семиотическую (в том числе и речевую) деятельность.

ЗНАНИЕ КАК СИСТЕМА, РЕФЛЕКСИВНО ОБЪЕМЛЮЩАЯ ЗНАК

1. В принципе «знания знаков» могут быть и бывают весьма разнообразными; см. [63]. Между ними устанавливаются свои особые отношения и связи, которые меняются, во-первых, в зависимости от характера деятельности, которую они обслуживают, — практической, инженерной или собственно научной, а во-вторых, соответственно этапам развития языка и лингвистики. Одни из этих знаний фиксируют и задают отдельные стороны существования знака в деятельности, например только те или иные конструкции значений, другие знания как бы надстраиваются над первыми и охватывают сразу множество разных сторон знака и связи между ними. Кроме того, разные знания существуют в разных формах: одни из них получены научным путем и имеют строго объективный статус, другие, наоборот, предельно интуитивны и выступают скорее в виде чувственных представлений и субъективной речевой способности («чувство языка»). Анализ всех этих знаний и разных форм их существования в

деятельности представляет собой особую и весьма сложную проблему, которую мы здесь не можем обсуждать. Нам важно подчеркнуть лишь сам факт разнообразия таких образований, как «знания знаков», их влияние на различие форм и способов существования самих знаков, и выделить один вид этих знаний — конструктивно-технические; ср. [5].

2. С того момента, как утверждается языковедческая инженерия и начинается систематическое конструирование значений, «знания знаков» становятся по преимуществу конструктивно-техническими. Подобно математическим формулам и уравнениям, они фиксируют в себе процедуры сопоставления, разложения и сборки рядов разных явлений и объектов из мира знаков и представляют эти явления и объекты в качестве вариантов и проявлений единого объекта, по неволе (т. е. уже в силу формальных особенностей, самих процедур и соответствующего им строения знаний) конструктивного и структурного. При этом происходит трансформация и переработка исходного содержания, охваченного знанием: из совокупности объектов, возникших первоначально в разных ситуациях и во многом независимо друг от друга (к примеру — разные употребления знакового материала в синтагматических цепочках и разные конструкции значений) и лишь потом внешним образом связываемых друг с другом, оно превращается в сложный *конструктивно развертываемый идеальный объект, как бы тиражируемый в разных частях своей структуры и в разных вариантах и приобретающий благодаря этому множественное существование*. Но целостным и структурным объектом при всем этом знак остается только благодаря знанию и в знании.

«ЗНАК» КАК СИСТЕМНОЕ ЕДИНСТВО
РАЗНЫХ ФОРМ И ТИПОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ.
ИДЕЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Указание на специфическую роль знаний в образовании и дальнейшем существовании знаков достаточно объясняет ту специфическую ситуацию, в которую попадает языковед-исследователь, когда он начинает свою работу и хочет либо проанализировать какие-то конкретные знаки, либо же ответить на вопросы, что такое «язык» или что такое «знак» и «знаковая система». Первое и основное, что предстает перед ним и с чем он преимущественно имеет дело, это — «знания знаков» (в частности, «знания речи-языка»). Осваивая их — понимая и анализируя, — он обнаруживает вскоре по крайней мере четыре (а на деле — большее число) разные формы существования знака (и речи-языка): 1) «знания знаков», 2) «действительность» этих знаний, 3) парадигматические конструкции значений и 4) синтагматические цепочки.

И тогда он встает перед вопросом: какое же из этих существований знака является подлинным, реальным его существованием. *Но тайна знака (и речи-языка) как элемента и организованности деятельности состоит как раз в том, что все эти четыре формы существования являются подлинными и одинаково реальными, а сам знак (или речь-язык) существует как системное единство всех этих форм.*

Но такая категориальная и онтологическая характеристика знака и речи-языка (основывающаяся на принципах теории деятельности) не может быть принята лингвистом, ориентирующимся на эталоны и образцы объектов естественных наук: типологическое различие и несовместимость объекта, знания об этом объекте и содержания знания, а с другой стороны, внутренняя однородность и единственность объекта — все это является для него аксиомами. Имея интенцию на один внутренне нерасчлененный объект, такой лингвист приписывает характеристики и свойства «знаний знаков» знакам как действительности этих знаний, а характеристики того и другого — парадигматическим конструкциям значений или элементам синтагматических цепочек; ср. [63]. Вместо четырех разных сущностей, живущих хотя и в связи друг с другом, но по разным законам и механизмам, он имеет в качестве предмета изучения одну сущность, в которой все перепутано и смешано в кучу.

Именно это обстоятельство больше всего мешало оформлению позиции лингвиста-ученого и появлению наряду со «знаниями знаков» (или «знаниями языка») также еще «знаний о знаках» (и «знаний о речи-языке»), которые могли бы представить и изобразить все разнообразные формы существования знака (и речи-языка) в виде единой сложной структуры.

Поэтому столь значительным для всей истории лингвистического знания был вклад В. Гумбольдта, впервые представившего речь-язык в категориях деятельности, и затем, в особенности, вклад Ф. де Соссюра, различившего внутри речевой деятельности (*langage*) *parole* и *langue*; это были первые теоретические подходы к фиксации множественности разных форм существования знака. Но при этом Ф. де Соссюр не смог довести эту работу до конца и последовательно разделить существование языка в виде набора или системы знаний и существование языка как действительности этих знаний; кроме того, он не видел и не фиксировал различие между языком как действительностью инженерного лингвистического знания и языком как действительностью научного лингвистического знания; см. [17].

Появление рядом со «знаниями знаков» или «знаниями языка» также еще «знаний о знаках» и «знаний о языке» приводит к оформлению наряду с действительностью инже-

нерного языковедения также *действительности научного языковедения*. Развертываясь далее в полный научный предмет, эти знания порождают (или должны породить) *онтологическую картину речи-языка*, отделяющуюся от действительности первого и второго типа; в онтологических картинах научного предмета «речь-язык» получает новое существование — в виде *идеального объекта изучения*, обладающего «естественными законами жизни». Но это происходит лишь в той мере, в какой преодолеваются методологические и эпистемологические догмы натурализма и осуществляется переход на позиции научной семиотики и теории деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. П. Щедровицкий, О некоторых моментах в развитии понятий, — «Вопросы философии», 1958, № 6.
2. Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, М., 1964, а также «General Systems», vol. XI, 1966.
3. Проблемы исследования структуры науки, Новосибирск, 1967.
4. Г. П. Щедровицкий, Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков, — сб. «Типология и восточные языки», М., 1965, а также «Linguistics», 42, 1968.
5. Г. П. Щедровицкий, Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности, — сб. «Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму», М., 1966.
6. L. Weißgerber, Sprachwissenschaft und Philosophie zum Bedeutungsproblem, — «Blätter für deutsche Philosophie», Bd 4, 1930.
7. В. М. Розин, Семиотический анализ знаковых средств математики, — сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
8. Г. П. Щедровицкий, В. Я. Дубровский, Научное исследование в системе «методологической работы», — сб. «Проблемы исследования структуры науки», Новосибирск, 1967.
9. Б. С. Дынин, К вопросу о характере проблем методологии, — сб. «Философия, методология, наука», М., 1972.
10. T. Kuhn, The Structure of Scientific Revolutions, 1962.
11. Criticism and the Growth of Knowledge, ed. by I. Lakatos and A. Musgrave, 1970.
12. K. Popper, The Logic of Scientific Discovery, 1959.
13. И. Лакатос, Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы, М., 1967.
14. Э. Мах, Механика. Историко-критический очерк ее развития, СПб., 1909.
15. Н. Ф. Овчинников, Понятия массы и энергии в их историческом развитии и философском значении, М., 1957.
16. М. Джеммер, Понятие массы в классической и современной физике, М., 1967.
17. Г. П. Щедровицкий, Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий, — сб. «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969.
18. Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода», М., 1967.
19. Ю. В. Рождественский, От редактора, — сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
20. Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов, М., 1962.
21. Труды по знаковым системам, II, Тарту, 1965.

22. Труды по знаковым системам, III—VI, Тарту, 1967—1973.
23. Г. П. Щедровицкий, О методе семиотического исследования знаковых систем,—сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
24. Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др., «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах,—сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
25. О. И. Генисаретский, Опыт методологического конструирования общественных систем,—сб. «Моделирование социальных процессов», М., 1970.
26. Г. П. Щедровицкий, О системе педагогических исследований (методологический анализ),—«Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе», Душанбе, 1970.
27. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3.
28. A. Church, Rudolf Carnap. Introduction to Semantics (Studies in Semantics, vol. I),—«The Philosophical Review», vol. III, 3, 1943.
29. R. Jacobson, Linguistics glosses to Goldstein's «Wortbegriff»,—«Journal of individual psychology», 1959, vol. 15, № 1.
30. Г. П. Щедровицкий, Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач,—сб. «Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников», М., 1965.
31. А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, О принципиальном использовании смысла при машинном переводе,—сб. «Машинный перевод, 1961» (Труды Института точной механики и вычислительной техники, вып. 2), М., 1961.
32. И. А. Мельчук, Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — текст», М., 1974.
33. Г. П. Щедровицкий, С. Г. Якобсон, Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание»,—сб. «Мышление и общение». Материалы Всесоюзного симпозиума, Алма-Ата, 1973.
34. А. А. Зиновьев, Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса), канд. диссертация, М., 1954.
35. A. Zipovév, K problému abstraktního a konkrétního poznatku,—«Filosofický Časopis», 1958, № 2.
36. Г. П. Щедровицкий, О строении атрибутивных знаний. Сообщения I—IV,—«Доклады АПН РСФСР», 1958, №№ 1, 4; 1959, №№ 1, 2, 4; 1960, № 6.
37. Аристотель, Физика, М., 1937.
38. М. А. Гуковский, Механика Леонардо да Винчи, М.—Л., 1947.
39. А. П. Юшкевич, История математики в средние века, М., 1961.
40. Г. П. Щедровицкий, Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Сообщения I—II,—«Доклады АПН РСФСР», 1960, № 2, 4.
41. Г. П. Щедровицкий, К анализу исходных принципов и понятий формальной логики,—«Философские исследования. Труды Болгарской академии наук», 1966; а также «Systematics», vol. 5, 1967, № 2, и «General Systems», vol. XIII, 1968.
42. Г. П. Щедровицкий, Два понятия системы,—«Труды XIII Международного конгресса по истории науки и техники», М., 1974.
43. А. Ньюэлл, Г. А. Саймон, Имитация мышления человека с помощью электронно-вычислительной машины,—сб. «Психология мышления», М., 1965.
44. Г. А. Гелерттер, Н. Рочестер, Интеллектуальное поведение машин, решающих задачи,—сб. «Психология мышления», М., 1965.
45. А. Ньюэлл, Дж. Шоу, Г. А. Саймон, Процессы творческого мышления,—сб. «Психология мышления», М., 1965.
46. Г. П. Щедровицкий, К анализу структуры, оснований и метода эвристики,—«IV Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Материалы симпозиума», Тбилиси, 1968.

47. В. Я. Дубровский, О природе и основаниях эффективности эвристических методов — «IV Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Материалы симпозиума», Тбилиси, 1968.
48. Г. П. Щедровицкий, Заметки о мышлении по схемам двойного знания, — сб. «Материалы к симпозиуму по логике науки», Киев, 1966.
49. Г. П. Щедровицкий, Коммуникация, деятельность, рефлексия, — сб. «Исследования рече-мыслительной деятельности», Алма-Ата (в печати).
50. Ю. Ф. Гушин, В. Я. Дубровский, Л. П. Щедровицкий, К понятию «системное проектирование», — сб. «Большие информационно-управляющие системы», М., 1969.
51. Г. П. Щедровицкий, К характеристике наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований, — сб. «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.
52. О. И. Генисаретский, Специфические черты объектов системного исследования, — «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.
53. А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, К построению действующей модели языка «Смысл — текст», — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1969, № 11.
54. А. К. Жолковский, Предисловие, — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1964, № 8.
55. G. Frege, Über Sinn und Bedeutung, — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Neue Folge», Bd. 100, 1892.
56. Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин, Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления», — сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
57. Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский, К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщения I—III, — «Новые исследования в педагогических науках», 1964, вып. II; 1965, вып. IV и V.
60. Г. П. Щедровицкий, Понимание как компонента исследования знака, — сб. «Вопросы семантики. Тезисы докладов», М., 1971.
61. Б. А. Грушин, Очерки логики исторического исследования, М., 1961.
62. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933.
63. Г. П. Щедровицкий, О типах знаний, получаемых при описании сложного объекта, объединяющего «парадигматику» и «синтагматику», — сб. «Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции», ч. I, Томск, 1971.
64. Г. П. Щедровицкий, «Логическое» и «лингвистическое» в знаках (к характеристике материала терминологической работы), — сб. «Научный симпозиум „Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики“», ч. I, М., 1971.
65. Г. П. Щедровицкий, К проблеме существования терминов в тексте и в парадигматических системах, — сб. «Научный симпозиум „Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики“», ч. 2, М., 1971.
66. Г. П. Щедровицкий, Значения и знания, — сб. «Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов», ч. 2, Новосибирск, 1971.
67. Г. П. Щедровицкий, Цели и продукты терминологической работы (методологические заметки о процессах становления терминологической деятельности), — сб. «Актуальные проблемы лексикологии», Новосибирск, 1972.
68. А. С. Москаева, Алгоритмы и «алгоритмический подход» к анализу процессов обучения, — журн. «Вопросы психологии», 1965, № 3.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА СЕМИОТИКИ И СХЕМА «СЕМИОЗИСА» Ч. МОРРИСА

1. Языковедение представляет собой сложную сферу деятельности, включающую ряд подразделений: методическую деятельность, историческую, конструктивную и т. д. Особым подразделением этой сферы должно быть научное исследование с его продуктами — научными знаниями (в дальнейшем мы это будем называть «лингвистической наукой» или просто «наукой»). Будучи связанной со всеми остальными подразделениями, лингвистическая наука вместе с тем никоим образом не покрывает собой все языковедение, оставаясь его специфическим элементом; ср. [1].

Один из моментов этой специфики определяется тем, как рассматривает лингвистическая наука ту действительность, которая кажется общей для всех подразделений языковедения. Наука ищет в этой действительности (точнее, должна построить на ее основе) *идеальные объекты*, целостные относительно *естественных законов*.

Выглядит парадоксальным, но вместе с тем является естественным, что, начав с действительности, ограничиваемой и расчленяемой другими подразделениями языковедения, формирующаяся наука о «речи-языке» в своих поисках целостного, законосообразного объекта оказалась вынужденной выйти за эти рамки. Обнаружилась зависимость жизни «речи-языка» — гипотетически выделяемого объекта этой науки — от таких «экстралингвистических» предметов, как мышление и психика. Обнаружилось также, что «речь-язык» представляет собой только частный вид знаковых систем. В результате всего этого постепенно стала утверждаться мысль, что действительность «речи-языка», как она очерчивалась методическими и инженерно-конструктивными подразделениями языковедения, в принципе не может быть объектом научного изучения, ибо она неполна, нецелостна относительно необходимых для конструирования науки естественных законов, и что функцию науки, обслуживающей инженерное языковедение,

должна нести научная дисциплина с иным, в частности более широким, предметом — семиотика.

Таков общий контекст обсуждаемой ниже проблемы. Мы вынуждены обрисовать его в столь абстрактной и к тому же догматической форме, поскольку не можем здесь излагать и описывать все определившие его исторические процессы внутри языковедения и в окружающих его сферах деятельности.

2. С определенной точки зрения построение семиотики, в частности построение онтологической схемы знака как объекта семиотики, выглядит как «синтезирование» существующих знаний о знаке.

Первоначальным толчком к постановке такой задачи может служить тот факт, что, с одной стороны, каждая из дисциплин, в той или иной мере изучающая знак (лингвистика, логика, психология, эстетика и др.), ощущает свою зависимость от остальных, но, с другой стороны, знания из одной дисциплины непосредственно неприменимы в другой (ср. [2, 19—23]); такое применение требует определенной трансформации знаний. Когда же ее удается осуществить и знания из разных наук соотнести друг с другом, то оказывается, что очень часто они противоречат друг другу. Поэтому становится необходимой специальная работа по синтезу и системной организации всех этих знаний.

В процессе этой работы вводится новое знание об объекте. Оно выступает не только как основание для объединения, но и как основание для критики старых знаний, которые теперь должны рассматриваться и оцениваться относительно его. Иными словами, проблема, осознаваемая как проблема синтеза знаний, а в более четкой формулировке — проблема построения единого представления объекта, оказывается теснейшим образом связанной с проблемой достижения большей объективности вновь создаваемого представления [3]. Это тем более понятно, что речь идет о построении научного, т. е. законосообразного, целостного относительно законов своей «жизни» объекта.

Эти методологические положения принципиально важны как для нашей общей темы — проблемы единства семиотики, так и для анализа схемы «семиозиса», предложенной Ч. Моррисом.

3. Задача создания объединяющего представления знака, «теоретической структуры, простой в основе, но достаточно широкой для того, чтобы охватить результаты, полученные с разных точек зрения, и объединить их в унифицированное и согласующееся в частях целое» [4, 1]¹, была для Ч. Морриса

¹ Мы ограничим материал нашего обсуждения исключительно работой [4]; анализ дальнейшей эволюции представлений Ч. Морриса не входит в нашу задачу.

центральной при разработке семиотики. Созданное им для решения этой задачи представление знака имело большой резонанс и оказало значительное влияние на развертывание семиотических исследований в середине нашего века. Многие исследователи и сейчас полагают, что Ч. Моррис решил поставленную им задачу, и рассматривают предложенную им схему трех «измерений» семиозиса (синтактика, семантика, прагматика) как модель знака, выступающую в объединяющей функции и способную служить основанием семиотики. Мы утверждаем, что такое представление — иллюзия; показывая это, мы постараемся конкретизировать и уточнить саму проблему единства исходных моделей семиотики.

4. В качестве исходного представления знака Ч. Моррис предлагает следующее: «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, может быть назван семиозисом. По традиции, восходящей к грекам, этот процесс рассматривается как включающий три (или четыре) фактора: то, что действует как знак, то, к чему знак относится, и то воздействие на какого-либо интерпретатора, вследствие которого рассматриваемая вещь является для него знаком. Эти три компонента могут быть названы соответственно закононосителем, десигнатом и интерпретантой; интерпретатор может быть включен как четвертый фактор. Эти термины эксплицируют факторы, остающиеся не обозначенными в обычных утверждениях, что знак отсылает кого-то к чему-то» [4, 3].

Ч. Моррис не без основания ссылается на греческих философов, которые действительно уже выделили два аспекта существования знаков: их отношение к обозначаемому и их воздействие на людей. Но схема семиозиса в отличие от того, что фиксировали греческие философы, претендует на нечто большее, нежели просто указание на существование этих отношений. Ч. Моррис всячески подчеркивает, что «процесс семиозиса» представлен в его схеме как функциональное единство², элементы которого не существуют вне целого: «Должно быть понято, что термины „знак“, „десигнат“ и „интерпретатор“ предполагают друг друга, поскольку они являются лишь средствами указания на аспекты процесса семиозиса. Объекты могут быть не обозначены посредством знаков, но без такого обозначения нет десигнатов; нечто есть знак только потому, что он интерпретирован как знак чего-либо интерпретатором; принятие чего-то во внимание есть интерпретанта лишь постольку, поскольку оно вызвано чем-то, функциони-

² Моррисовский термин «процесс» представляется нам здесь неудачным: никаких черт процессуальности в точном смысле слова его схема не содержит; более того, ее характеризует как раз «одновременная» заданность всех элементов в их функциональной взаимозависимости; поэтому мы назвали бы моррисовскую схему «структурой».

рующим как знак; объект является интерпретатором лишь как опосредованно принимающий нечто во внимание. Свойства быть знаком, десигнатом, интерпретатором или интерпретантой — это относительные свойства, приобретаемые вещами лишь посредством их участия в функциональном процессе семиозиса» [4, 4].

Таким образом, схема семиозиса должна связать воедино два выделенных раньше аспекта знака: их отношение к десигнатам и воздействие на интерпретаторов. Эмпирически фиксируемые независимо друг от друга, указанные отношения знака должны быть объединены через эту схему. Иными словами, определенное воздействие знака на человека должно быть объясняемо наличием у этого знака определенного десигната, и обратно.

Но именно в этом заключена одна из важнейших проблем семиотики, ибо уже греки зафиксировали невозможность или, во всяком случае, трудность такого объединения, сформулировав ряд возникающих при этом парадоксов. С интересующей нас стороны суть этих парадоксов состояла в фиксации ряда ситуаций, в которых воздействие знаков на человека нельзя было свести к «принятию во внимание» тех десигнатов, которые эти знаки означают.

Существование такого рода ситуаций и знаков, интерпретанта которых несводима к «принятию во внимание» десигната, констатирует и сам Ч. Моррис, не замечая, что это противоречит его схеме. «Любое правило в актуальном употреблении действует как тип поведения, и в этом смысле прагматический компонент есть во всех правилах. Однако в некоторых языках есть законосители, — пишет он, — управляемые правилами сверх и помимо любых синтаксических и семантических правил» [4, 35]³. Ч. Моррис приводит многочисленные примеры подобных знаков: это «такие восклицания, как *Ох!*; такие команды, как *Поди сюда!*, такие ценностные термины, как *удачно*, такие выражения, как *Доброе утро*, различные риторические и поэтические приемы и т. п.» [4, 35]. Подчеркнем, что речь здесь идет не об отсутствии денотатов, т. е. «реальных» объектов, класс которых задается десигнатом и может в принципе быть пустым, а именно об отсутствии самого десигната, о том, что прагматические правила определяют интерпретанту «сверх и помимо» семантических отношений.

Здесь необходимо обратить внимание на одну тонкость, весьма существенную для обсуждаемой нами проблемы. Ес-

³ Заметим, что обращение к «правилам» является намеком на путь, который ведет, с нашей точки зрения, к решению проблемы. К сожалению, это обращение остается у Ч. Морриса вне действительности, изображаемой в моделях, т. е. фактически, вне его предмета, существуя лишь как догадка, высказанная, но не реализованная.

ли рассматривать моррисовскую схему семиозиса строго формально, то можно не формулировать затруднений такого рода: мы утверждали бы тогда, что сущности, воздействующие на людей иначе, чем через репрезентацию актуально не присутствующего десигната, просто не являются знаками по моррисовскому определению. Такой подход был бы справедливым, если бы не специфическое назначение моррисовской схемы семиозиса. Если принять стратегию отбрасывания всего, что обнаруживает формальное несоответствие схеме (метод «устранения монстров», в терминологии И. Лакатоса; см. [5, 24]), то развитая на такой основе семиотика не смогла бы выполнить свою задачу объединения различных односторонних знаний о знаке, поскольку эти знания были бы просто отброшены. Такая «семиотика» была бы лишь одним из частных знаний о знаках, не способным, как и другие, к синтезу; формально обосновываемая «агрессивность» по отношению к другим частным знаниям не прибавила бы ей содержательной общности.

Ч. Моррис, как мы видели, не идет по пути «устранения монстров». Но тогда для принятой им позиции — единственно, по нашему мнению, продуктивной — обрисованная ситуация оказывается парадоксальной. Фактически прагматическое «измерение» у Ч. Морриса раздваивается: оно выступает, с одной стороны, как та действительность, в которой реализуется семантическое отношение знак — десигнат (здесь Ч. Моррис колеблется между трактовкой прагматики как механизма семантического отношения и как целого, объемлющего последнее [4, 32—33]), а с другой стороны, прагматическое «измерение» оказывается «сверхсемантической» действительностью функционирования знаков, в которой они приобретают дополнительные, несводимые к семантическим свойства. Важно подчеркнуть, что обращение к типологии здесь неуместно, ибо речь идет о модели знака вообще, знака как идеального объекта.

Интересно отметить, что в связи с развитием проектирования проблема объединения семантического и прагматического аспектов знаковой действительности приобрела сугубо практическое значение. Проектируя средства отображения информации для оператора системы «человек—машина», инженер должен, с одной стороны, обеспечить отображение необходимых данных о состоянии системы, среды и т. п., а с другой стороны, организовать поведение оператора, актуальное решение им задач управления. Отсутствие теоретической модели знака, способной согласовать эти его аспекты, приводит к тому, что нередко требования к конкретной системе информации, определяемые с каждой из этих сторон, оказываются прямо противоположными; см. [6]; [7].

Итак, требование непротиворечивого объединения знаний

об отношении знаков к тому, что они обозначают, и к тем, кто их употребляет, является одним из важных требований к изображению знака, которое могло бы лечь в основание семиотики. Однако моррисовская схема семиозиса, являясь фактически попыткой механического соединения этих отношений, не может выступить в такой функции.

Не лучше обстоит дело и с третьим важным аспектом знаковой действительности — с отношением знака к другим знакам, синтактическим «измерением», в терминологии Ч. Морриса. В исходной схеме ему не нашлось места, а в ходе дальнейшего движения Ч. Моррис просто эмпирически констатирует существование таких отношений и механически присоединяет это «измерение» к своей схеме. Вопрос о целостности схем — исходной и получившейся в результате присоединения — вообще в этом контексте не ставится. Но это с неизбежностью означает, что моррисовская схема семиозиса не может рассматриваться как объективная модель знака, логически правильно синтезирующая разные знания о нем.

5. Чем же тогда является схема трех «измерений» семиозиса, лежащая в основе широко распространенного разделения семиотики на три предмета: синтактику, семантику и прагматику? Ч. Моррис определяет «измерения» и соответствующие им предметы как абстрагированные из общей схемы знака двучленные отношения. Между тем у Ч. Морриса нет, как мы видели, схемы, в которой все эти отношения присутствовали бы как компоненты единой структуры и откуда они могли бы быть абстрагированы. Тем не менее этот сравнительно легко обнаруживаемый факт не привлекает к себе внимания. Более того, идею трех «измерений» часто вообще не связывают с исходной моррисовской схемой семиозиса.

И это не случайно, ибо за этой идеей трех «измерений» стоит весьма актуальное и реальное содержание. Знак действительно рассматривается в указанных «измерениях» (возможно, кстати, что не только в этих, ибо полнота моррисовского перечисления тоже не обсуждалась), поскольку таково исторически сложившиеся предметы, в которых он воспроизводился и изучался.

Но мы уже видели, что совмещение семантического и прагматического измерений оказывается проблемой, которую схема Морриса не в состоянии решить. Механическое добавление третьего — синтаксического — измерения только усугубляет трудности.

Одна из характерных трудностей, важная для нашей темы и уже отмеченная нами выше в несколько иной форме, состоит в «круговой» зависимости «измерений» семиозиса друг от друга. Ни одно из них не может быть предметом самостоятельного исследования. Начиная рассмотрение синтактики, Ч. Моррис указывает, что необходимо будет использовать

семантику и прагматику; «синтаксические правила» оказываются, по Ч. Моррису, результатом действия семантического и прагматического отношений («двойной контроль лингвистической структуры»). Семантическое исследование невозможно, с одной стороны, без синтаксического анализа, так как необходимо разделить текст на знаки прежде, чем начать обсуждение отношения этих знаков к десигнатам, а с другой стороны, оно апеллирует к прагматике, поскольку «семантическое правило имеет своим коррелятом в прагматическом измерении привычку интерпретатора использовать законотель при определенных обстоятельствах и соответственно ожидать определенной ситуации, когда знак употреблен» [4, 32]. Точно так же и прагматического «измерения» нет без семантического — иначе оно просто перестает быть семиотическим. Таким образом, не может быть самостоятельного исследования, претендующего на «семиотичность», ни в одном из «измерений».

Между тем нет и в рамках моррисовских схем не может быть способа учета остальных измерений при движении в одном «измерении»⁴, ведь сами измерения задаются Ч. Моррисом абстракцией двучленных отношений⁵. Таким образом, тезис о «взаимосвязанности» семиотических дисциплин оказывается, с одной стороны, благим пожеланием, некорректным с точки зрения произведенных абстракций, а с другой стороны, констатацией неудовлетворительности этого типа абстракций с точки зрения реальных исследований, откуда, собственно, и проистекает сама задача «увязывания» представлений о знаке.

Итак, идея трех «измерений» семиозиса и трех семиотических дисциплин не является, как и исходная моррисовская схема семиозиса, решением проблемы синтеза знаний о знаке, построения единой модели знака. Она оказывается лишь вариантом формулировки проблемы.

Суть проблемы в том и состоит, что отдельные, независимо друг от друга существующие знания о знаке не могут быть непосредственно соотнесены друг с другом. Попытки такого непосредственного соединения ведут к парадоксам. Если мы продолжаем тем не менее считать эти непосредственно несоединимые знания знаниями об одном объекте, то тем самым мы отделяем объект от каждого из этих знаний и должны по-

⁴ Сам термин «измерение» (dimension) наводит на мысль о системе ортогональных проекций.

⁵ Проблема нахождения абстрактного отношения, с которого можно начать исследование сложного объекта, равно как и проблемы «подключения» остальных отношений, в нем зафиксированных, являются центральными для метода восхождения от абстрактного к конкретному, разработанного в немецкой классической философии и примененного К. Марксом в «Капитале». Логический анализ этого метода см. в работах А. А. Зиновьева, Б. А. Грушина, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого и др.

ставить вопрос: каков объект на самом деле в отличие от тех частичных и односторонних знаний, в которых он до сих пор представлен [8, 5—14]? Сами эти односторонние знания лишаются статуса объективности и выступают теперь лишь как ориентиры при построении нового, объединяющего их— и тем самым приобретающего статус объективности— изображения объекта.

Из этого следует важный для семиотики вывод: коль скоро представление об измерениях семиозиса есть лишь формулировка проблемы, оно не может претендовать на моделирование или изображение объекта. Искомая «унифицирующая точка зрения», или, в современной терминологии, *модель-конфигуратор*, еще только должна быть построена. В результате ее построения существующие научные предметы, изучающие знак, которые сейчас не могут быть соединены, должны быть перестроены. Сама постановка задачи конфигурирования является формой недоверия к существующим предметам и представлениям знака, формой сомнения в том, что они адекватны объекту. Выражение, что знаки или знаковые системы имеют три измерения или функционируют в этих измерениях, создает ложное представление. На деле можно говорить лишь, что при существующих средствах анализа мы видим знаки с точки зрения этих измерений. Но невозможность соединить их при установлении одновременно факта их взаимозависимости заставляет нас усомниться в адекватности этих точек зрения и поставить вопрос о том, каков же наш объект— знак— «на самом деле», в отличие от того, каким он нам с этих точек зрения видится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. П. Щедровицкий, Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий,— сб. «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969.
2. Г. П. Щедровицкий, О методе семиотического исследования знаковых систем,— сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
3. G. P. Schedrovitsky, Configuration as a Method of Construction of Complex Knowledge,— «Systematics», 1971, vol. 8, № 4.
4. Ch. W. Morris, Foundations of the Theory of Signs,— «International Encyclopedia of Unified Science», Chicago, 1938, vol. 1, № 2.
5. И. Лакатос, Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы, М., 1967.
6. В. П. Зинченко и Д. Ю. Панов, Построение систем управления и проблемы инженерной психологии,— сб. «Инженерная психология», М., 1964.
7. М. Папуш, К анализу концепции индикационного поля панели пульта управления как информационной модели,— сб. «Проблемы инженерной психологии», вып. 1, М., 1971.
8. Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, М., 1964.

О СООТНОШЕНИИ НЕЗНАКОВЫХ И ЗНАКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОГОВЫХ И НЕСЛОГОВЫХ ЯЗЫКАХ

Прежде чем перейти к изложению основных вопросов, составляющих предмет статьи, целесообразно дать толкование терминов, вынесенных в ее заглавие.

По вопросу о понимании термина «знак» и том, какие единицы языка следует считать знаковыми, существует к настоящему времени литература, обширность которой делает практически невозможным обсуждение содержащихся в ней мнений и их оттенков в рамках небольшой статьи. Поэтому мы ограничимся указанием на то, что в дальнейшем будем исходить из наиболее распространенной концепции, согласно которой знак есть двусторонняя сущность, конституируемая означающим (десигнатором) и означаемым (десигнатом). Поскольку сочетание означающего с означаемым присуще лишь единицам языковых уровней выше фонологического¹, то именно эти единицы будут знаковыми, а единицы фонологии — незнаковыми.

При ином понимании знака проблему легко переформулировать как соотношение унилатеральных и билатеральных единиц, что никак не скажется на ее существе.

¹ Существующую концепцию, согласно которой планом содержания фонемы выступает ее различительная функция, мы не учитываем, так как эта концепция расширяет понятие плана содержания до такой степени, что оно становится, в сущности, неопределимым. Что же касается точки зрения о том, что план содержания — это информация в теоретико-информационном смысле, а фонемы несут информацию и, следовательно, обладают планом содержания [1, 38—39], то, как нам представляется, эта точка зрения переводит рассмотрение в существенно иной план: дело в том, что при таком подходе единицы, несущие информацию, должны противостоять единицам, не несущим информации, но в теоретико-информационном смысле такими единицами были бы те, появление которых полностью предсказуемо, т. е. характеризуемо вероятностью, равной единице. В этом случае оказалось бы, что незнаковые единицы — это, например, такие морфемы, как предлоги, падежные окончания, употребление которых полностью предсказуемо по управляющей глагольной форме, и т. п.

Употребление понятия слоговых языков в последнее время стало довольно распространенным применительно к таким языкам, как китайский, вьетнамский, бирманский и т. п., однако, в сущности, это понятие не получило удовлетворительного определения. Представляется, что для такого определения необходимыми и достаточными являются следующие два признака: 1) в слоговых языках десигнатор морфемы не может быть представлен последовательностью, фонологически меньшей, чем слог (а в подавляющем большинстве случаев представлен именно слогом); если в русском, например, языке морфемы могут обладать десигнаторами «в», «л» и т. п., т. е. единицами меньшими, чем слог, то в слоговых языках это невозможно²; 2) граница слога в слоговых языках задана однозначно и не может перемещаться, когда морфема, десигнатором которой выступает данный слог, участвует в разного рода сочетаниях. Иначе говоря, если для русского языка обычны случаи типа *лук* — *лу-ка*, где слоговая отнесенность к меняется, то в слоговых языках это исключено. Из этого следует также, что в слоговых языках фонологически невозможны амбисиллабические согласные, т. е. такие согласные, которые допускают отнесение к разным (из смежных) слогам, например: *крыль-я* и *кры-лья*.

Таковы особенности слоговых языков, которым неслоговые языки (например, современные индоевропейские) противопоставляются отсутствием указанных признаков³. Заметим, что эти признаки не характеризуются какой-либо логической необходимостью, не следуют из той или иной интерпретации данных, а принадлежат преимущественно к области эмпирически устанавливаемых фактов.

Говоря о соотношении незнаковых и знаковых единиц, понимаемых таким образом, как это изложено выше, легко заметить, что это соотношение заключается в следующем: незнаковые единицы представляют собой элементы, конституирующие десигнаторы знаковых единиц, по существу, это почти переформулировка определения знаковых и незнаковых единиц. Уже в силу этого приведенное выше утверждение недостаточно информативно. Кроме того, оно не отражает особого характера взаимоотношения знаковых и незнаковых единиц в типологически разных языках.

² Особого рассмотрения требуют случаи, подобные китайской эризации, некоторые особенности тибетского языка, на чем сейчас мы не будем останавливаться, полагая, что при надлежащей интерпретации такие факты также могут быть объяснены с позиций общей теории слоговых языков.

³ В дихотомию «слоговые языки — неслоговые языки», по-видимому, не укладываются такие языки, как малайско-полинезийские, для которых первый из двух указанных признаков принимает положительное, а второй — отрицательное значение. Такие языки требуют особой характеристики, и на них не распространяются выводы настоящей работы.

Для получения более содержательной информации следует рассмотреть существенные свойства фонологических единиц. Вполне естественно, разумеется, обратиться прежде всего к свойствам фонемы.

В том аспекте, который нас сейчас интересует, существенные свойства фонемы суть следующие. Во-первых, фонема есть кратчайшая, т. е. линейно минимальная, единица плана выражения. Иначе говоря, фонема представляет собой предел функциональной сегментации. Если учесть, что ближайшей знаковой единицей, десигнатор которой членится на фонемы⁴, является морфема, то можно сказать, что фонема — предел функциональной сегментации десигнатора морфемы. Во-вторых, фонема — актуально или потенциально — может самостоятельно составить десигнатор морфемы, т. е. представляет собой минимум, необходимый для существования (сегментной) морфемы. По первому признаку фонему можно назвать «минимальной по сегментации» единицей, по второму — единицей, «минимальной по конститутивности». Существенно, что оба эти признака одновременно присущи фонеме.

Из сказанного ясно, что соотношение фонемы — минимальной незнаковой единицы — и морфемы — минимальной знаковой единицы — состоит в том, что фонема: а) есть предел сегментации десигнатора морфемы; б) есть минимум, необходимый для конституирования десигнатора морфемы.

В зависимости от того, какие диагностические критерии вводятся в определение фонемы, указанное соотношение фонемы и морфемы выступает либо как простая парафраза этого определения, либо как эмпирически устанавливаемый факт. Иными словами, истинность такого соотношения в любом случае является очевидной.

Если это — столь очевидное свойство фонем и морфем, то, казалось бы, уместно ожидать его сохранения для любого языка, ибо в любом языке есть минимальные знаковые единицы, т. е. морфемы, а что касается фонем, то в работах по теории универсалий высказывание «в любом языке есть фонемы» фигурирует как пример наиболее тривиальной универсалии [3, 34].

Однако на самом деле это соотношение действительно лишь для неслоговых языков. В слоговых же языках попросту отсутствует единица, которая была бы одновременно ми-

⁴ Здесь и далее, говоря о «традиционной» фонеме и ее соотношении с десигнатором морфемы, мы не учитываем возможную оговорку: можно, вероятно, утверждать, что десигнатор морфемы членится на слоги, а уже слоги представляют собой последовательности фонем. В пользу этого говорят и наличие определенных дистрибутивных закономерностей фонем, обнаруживающее существование особых слоговых моделей, и реализация дифференциальных признаков отдельных фонем в пределах всего слога, и, кроме того, некоторые свидетельства речевых расстройств. Для нас это уточнение сейчас несущественно.

нимальной по сегментации и минимальной по конститутивности (а именно на существовании такой единицы и основано описанное выше соотношение). Ранее слоговые языки были определены как отличающиеся именно тем, что в них для конституирования морфемы необходим минимум слог, следовательно, в этих языках единицей, минимальной по конститутивности, выступает слог.

Что же касается единиц, минимальных по сегментации, то в слоговых языках это инициаль и финаль, т. е. начальный согласный слог и вся его остальная часть. Именно эти единицы — части слога, а не элементы, лишь относительно «связанные» слогом, — выступают здесь минимальными с точки зрения функционального членения.

Справедливость такого способа представления фонологических единиц слоговых языков находит свое обоснование в целом ряде свидетельств разного характера, в том числе и не только морфологического, однако подробно останавливаться на освещении данного вопроса значило бы выйти за рамки нашей непосредственной темы; см. об этом [2]; [4]. Заметим лишь, что такая трактовка очень хорошо согласуется с фонологической традицией соответствующих стран, в первую очередь Китая с его развитой школой описания звуковой стороны языка, восходящей к эпохе Сун [6]. Кроме того, как показывает материал разных слоговых языков, только эти фонологические представления дают возможность объяснить фонологическую диахронию слоговых языков наиболее непротиворечивым образом.

Подчеркнем также, что и в том случае, если исследователь «упорствует» в своем стремлении отыскать в слоговом языке вполне традиционные фонемы, даже и в этом случае соотношение морфемы с фонологическими единицами в слоговых языках несводимо к положению в неслоговых языках, так как и при этом в слоговых языках не обнаруживается фонологической единицы, минимальной одновременно по сегментации и по конститутивности.

Такой единицей можно было бы признать слог, если бы удалось показать его абсолютную монолитность, но этому определению мешают факты как синхронического функционирования слога, так и фонологической диахронии слоговых языков, на которых мы также не можем специально останавливаться⁵. Ясно, конечно, что и в случае неделимости слога в

⁵ Точку зрения об эквивалентности китайского слога («силлабемы») традиционной фонеме высказывал, как известно, Е. Д. Поливанов. Однако эта точка зрения проводилась им последовательно, ибо он вместе с тем признавал возможность деления китайского слога на «ряд психофонетических единиц низшего порядка» [5, 3], хотя термин «психофонетический», заимствованный у И. А. Бодуэна де Куртене и раннего Л. В. Щербы, означает «фонологический».

слоговых языках «двойная минимальность» слога отличала бы эти языки от неслоговых, где представлена «двойная минимальность» фонемы.

Итак, возвращаясь к исходному представлению о фонологическом устройстве слоговых языков, мы должны констатировать следующее: если в неслоговых языках оба существеннейших свойства фонологических единиц, в которых как раз и проявляется их соотношение со знаковыми единицами, одновременно присущи фонеме, то в слоговых языках эти свойства распределены между разными единицами разных субуровней: инициалами — финалями, с одной стороны, и слогом — с другой. Иначе говоря, в аспекте сегментации аналогом фонем неслоговых языков выступают инициалы и финалы, в аспекте же конститутивности — слоги.

Таким образом, уже применение к материалу слоговых языков термина «фонема», с которым ассоциируются представления о вполне определенных свойствах, сопряжено с известными условностями, и, следовательно, кажущаяся очевидной до банальности универсалия «во всех языках есть фонемы» нуждается в существенных оговорках и пояснениях.

Выше говорилось о соотношении фонологических единиц и морфем. Представляется, что это принципиально важное обстоятельство, т. е. фонологические единицы непосредственно соотносятся не с любыми знаковыми единицами, а именно с морфемой. Укажем для сравнения: предложение тоже сложный знак, однако, вероятно, вызвало бы интуитивный протест утверждение, что означающее предложения сформировано непосредственно фонемами⁶. По-видимому, также нельзя согласиться с тем, что фонемы (в слоговых языках слог или слоги) непосредственно образуют десигнаторы слов.

Обычно говорят (и даже вводят соответствующее утверждение в определение фонемы), что фонема различает (конституирует) оболочки морфем или слов и их форм. Представляется, что здесь налицо по меньшей мере неточность изложения. Начнем с того, что «или» здесь вообще неприменимо: если имеется в виду слабая дизъюнкция, то это утверждение примет значение «истинно», когда морфемы не различаются, а слова различаются, что с лингвистической точки зрения невозможно, т. е. ложно; если же имеется в виду строгая дизъюнкция, то утверждение примет значение «ложно» тогда, когда различаются и морфемы и слова, что с лингвистической точки зрения также, разумеется, неприемлемо. Если вместо «или» ввести в формулировку «и», то, не анализируя подробно логическую сторону, можно сказать, как уже упоминалось выше, что невозможна ситуация, при которой фоне-

⁶ Считают даже, что означающим предложения является его синтаксис, а означаемым — семантика (ситуация).

мы различали бы слова, но не различали их морфем, «через» которые они входят в слова, поэтому дополнение формулировки утверждением относительно «слов» просто не нужно.

Фонемы, таким образом, различают именно десигнаторы морфем и, строго говоря, соотносятся только с ними. Следовательно, нельзя утверждать, что десигнатор слова сформирован фонемами: слово состоит из морфем, десигнатор слова состоит из десигнаторов морфем, а уже последние, т. е. десигнаторы морфем, формируются из фонем.

Такое уточнение носит отнюдь не схоластический характер и важно в особенности для слоговых языков. Проиллюстрируем это сравнением двух примеров (идеализированных), один из которых принадлежит английской, а другой — бирманской фонологии.

В некоторых американских и канадских диалектах английского языка в определенных случаях перестают различаться заударные интервокальные [t] и [d], оба реализуясь в виде одноударного переднеязычного сонанта (так называемый *alveolar flap*), который американскими авторами передается в транскрипции с помощью [D]. Соответствующие слова, однако, не смешиваются, что фонетически поддерживается разными реализациями дифтонгов (после которых встречаются упомянутые согласные): ядро дифтонга перед этимологическим [d] имеет большую длительность.

Если принять, что конвергенция распространяется на все случаи при сохранении описываемых компенсаторных различий в предшествующих гласных, то, очевидно, пришлось бы признать, что налицо рефонологизация, состоящая в устранении оппозиции звонких глухим и осуществлении, взамен, противопоставления за счет долгих и кратких гласных, в частности фонологизировавшихся долгих и кратких дифтонгов.

Перейдем к бирманскому примеру. В этом языке краткие тоны — I и IV — сказываются на реализации инициалы последующего слога: инициаль звонкая, если финаль предшествующего слога несет I тон, и глухая, если тон финали предшествующего слога IV (при этом различия по звонкости нефонологичны). В настоящее время эти тоны, вероятно, конвергируют, причем это не влечет за собой изменений в реализации последующих инициалей, т. е. соответствующие слова продолжают различаться.

Таким образом, внешне ситуация вполне аналогична изложенному выше английскому случаю, и, казалось бы, аналогичным должно быть и решение: констатировать, что в итоге происходит рефонологизация, здесь состоящая в замене tonальной оппозиции оппозицией инициалей.

Однако в действительности такое решение было бы неправомерным, и, чтобы пояснить это, целесообразно рассмотреть ситуацию на конкретном примере. Возьмем два слова:

[su¹te²] 'обвиняет', где для первого слога отмечается этимологически IV тон, и [su¹de²] 'собирает', где этимологический тон первого слога — I. Какой фонологической оппозиции соответствует различие [t]/[d]? Кажется естественным ответ — оппозиции [t]/[d]. Однако на деле он приводит к абсурду, ибо, очевидно, из него следует, что указанные слова различаются за счет противопоставления [te²] / [de²], в то время как это одна и та же морфема, показатель настоящего-прошедшего времени (причем ее означающие находятся в обоих словах в фонетически идентичных позициях). Очевидно, что в этом случае слова не могли бы различаться таким образом, как это представлено в примере.

Остается предположить, что различие [t] / [d] есть способ выражения оппозиции тонов в предыдущем слоге, и рассматриваемые слова должны транскрибироваться соответственно [su¹te²] и [su¹te²] (т. е. в этих условиях тональной конвергенции реально не происходит, меняется лишь способ ее манифестации).

Из чего вытекает различие в трактовке вполне аналогичных ситуаций в английском и бирманском языках? Дело здесь именно в том, что фонемы (слоги, инициалы и финалы) не следует рассматривать в составе десигнаторов слов, а следует исходить из десигнаторов морфем. Для английского случая это оказалось несущественным, так как изменения происходили внутри морфемы, для бирманского же, где изменение имеет место на морфемном шве, игнорирование указанного требования приводит к абсурдному результату.

Таким образом, здесь мы наблюдаем, как существенно признание положения, что фонологические единицы соотносятся непосредственно лишь с морфемами; с одной стороны, а с другой — как по-разному оно применяется в слоговых и неслоговых языках. Последнее определяется тем, что в слоговых языках речевая цепь существенно более насыщена морфемными швами.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ф. Вардиль, О семантике и ее месте в лингвистическом описании, — «Вопросы семантики. Тезисы докладов», М., 1971.
2. М. В. Гордина, О различных функциональных звуковых единицах языка, — «Исследования по фонологии», М., 1966.
3. Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс, Меморандум о языковых универсалиях, — «Новое в лингвистике», вып. V, М., 1970.
4. А. А. Драгунов, Е. Н. Драгунова, Структура слога в китайском национальном языке, — «Советское востоковедение», 1955, № 1.
5. А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930.
6. Н. И. Конрад, О национальной традиции в китайском языкознании, — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.

В. С. ХРАКОВСКИЙ

ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ИСЧИСЛЕНИЕ, ТИПОЛОГИЯ

Предварительные замечания. Исходным пунктом работы является следующее утверждение: у каждого глагола, называющего ситуацию¹, в принципе имеются, во-первых, семантические актанты (партиципанты) и, во-вторых, синтаксические актанты².

Инвентарь партиципантов включает, например, такие универсальные семантические понятия, как субъект, объект, адресат, инструмент, место, исходная точка, конечная точка и т. д. Инвентарь актантов включает такие универсальные синтаксические понятия, как подлежащее и дополнение³.

Различение двух рядов понятий — семантических и син-

¹ «Ситуация — это все то, что происходит, имеет место; названиями ситуаций в естественных языках бывают глаголы, предлоги (*до* — предшествовать, *из-за* — причина), союзы (*если* — условие), прилагательные, многие существительные (*Пожар!*, а также *любовь, наступление, честность* и т. п.), словосочетания (*принимать решение, нести потери*) и целые предложения (*Идет дождь*)... Ситуация понимается здесь не просто как фрагмент физической реальности, выделяемый на основе каких-то внеязыковых принципов, а как представление „куска“ действительности, „вырезаемого“ данной лексической единицей рассматриваемого языка» [6, 111—112].

² Термин «актант» принадлежит Л. Теньеру [14]. Однако в его концепции не проведено четкого различия между семантическими и синтаксическими актантами. Термин «партиципант» вместо термина «семантический актант» предложил употреблять А. А. Холодович. Использование термина «партиципант» для обозначения семантических понятий, а термина «актант» для обозначения синтаксических понятий позволяет отказаться от двусловных терминов, что весьма удобно в практических целях.

³ Законченной теории партиципантов и актантов в настоящее время, насколько нам известно, не существует. Однако для целей нашего исследования это обстоятельство не играет существенной роли. Для нас важно лишь строго разграничивать эти два ряда понятий и использовать семантические понятия при описании плана содержания предложения, а синтаксические понятия — при описании плана выражения предложения.

таксических — не представляет собой чего-либо нового для лингвистики. Традиционное языкознание, в частности русское, при описании категории залога последовательно разграничивало, с одной стороны, семантические понятия «логического», или «реального», субъекта и объекта действия, а с другой стороны, грамматические понятия подлежащего и дополнения.

Разграничение и противопоставление семантических и синтаксических понятий лежит в основе современной концепции глубинных и поверхностных структур, которую мы разделяем и на которую опираемся в этой работе. В соответствии с этой концепцией одной и той же глубинной семантической структуре соответствуют различные поверхностные «реальные» синтактико-морфологические структуры [12]; [13]. По сути дела, глубинная семантическая структура — это ситуация и ее партиципаны, которые могут быть записаны в предикатно-аргументной форме, заимствованной из символической логики. Ситуация является предикатом, а партиципаны — аргументами предиката. Тем самым поверхностные структуры — это все те реальные предложения и словосочетания, которые описывают одну и ту же ситуацию.

Для нас существенно также противопоставление исходной и производных поверхностных синтаксических структур. Исходная структура в отличие от производных изоморфна описываемой ситуации. В исходной структуре «синтаксические категории (члены предложения) соответствуют реальным функциям субстанций и признаков в процессе. Отношения между членами предложения „иконически“ отображают реальные отношения между элементами процесса» [2, 79—80].

В этой работе нас будет интересовать только одно свойство исходной поверхностной структуры. Если в число партиципантов входит субъект, то в исходной поверхностной синтаксической структуре конкретный, лексически выраженный субъект занимает позицию подлежащего⁴. Говоря иначе, в исходной структуре существует соответствие субъект—подлежащее, которое можно назвать исходной диатезой (о термине «диатеза» см. [10]).

Определение. Теперь можно определить конструкции, о которых будет идти речь ниже. Предметом описания в данной статье являются производные поверхностные структуры, в которых конкретный, лексически выраженный субъект не занимает позиции подлежащего. Говоря иначе, в этих структурах нарушено соответствие субъект—подлежащее. Такие производные поверхностные структуры мы называем пассивными конструкциями [11]. Примером пассивной конструкции может служить предложение (1) *Школа (П) строится (С)*

⁴ Ср. с работой В. Г. Гака [2].

рабочими (Д). Соотносительную исходную активную конструкцию реализует предложение (0) *Рабочие* (П) *строят* (С) *школу* (Д).

Следует подчеркнуть, что имеются такие производные синтаксические структуры, в которых нарушено соответствие субъект—подлежащее, но которые тем не менее не могут трактоваться как пассивные конструкции. Речь идет о производных структурах, в которых уход субъекта с позиции подлежащего сопровождается занятием этой позиции партиципантом, не обозначавшимся в исходной структуре. Следовательно, из структур предложений (1) *Дом* (П) *строится* (С) *соседом* (Д) и (2) *Обстоятельства* (П) *вынуждают* (с) *соседа* (Д) *строить* (с) *дом* (Д), которым соответствует исходное предложение (0) *Сосед* (П) *строит* (С) *дом* (Д), в орбиту нашего внимания входит только структура предложения (1). В этой структуре обозначены те же партиципаны (субъект, объект), что и в исходной структуре предложения (0), следовательно, она имеет право именоваться пассивной конструкцией. Структура предложения (2), напротив, нами не рассматривается, поскольку в ней позицию подлежащего занимает агенс каузации, т. е. такой партиципант, который не обозначается в исходной поверхностной структуре⁵.

Имеются и такие производные структуры, которые, хотя и обозначают ту же ситуацию, что и исходная структура, тем не менее не рассматриваются нами как пассивные. Речь идет, например, об императивных конструкциях, которые реализуются в предложениях типа (1) *Стройте* (С) *школу* (Д), (2) *Спи* (С). В этих конструкциях уход субъекта с позиции подлежащего приводит к фактической ликвидации этой позиции. Иначе говоря, пассивными являются, с нашей точки зрения, только те конструкции, в которых уход субъекта с позиции подлежащего не приводит к ликвидации этой позиции, а приводит либо к занятию этой позиции каким-нибудь другим партиципантом, либо к ее незанятости.

Необходимо также обратить внимание еще на одно обстоятельство. Следует различать функциональное отсутствие субъекта в позиции подлежащего, фиксирующее переход от исходной структуры к производной пассивной структуре, и отсутствие в исходной структуре на формальном уровне самостоятельной единицы, относительно которой можно утверждать, что она занимает позицию подлежащего. Рассмотрим, например, следующие предложения: (1) *Коле посоветовали взять отпуск*, (2) *Посоветовал Коле взять отпуск, [а он отказался]*. Структуру предложения (1) можно рассматривать как

⁵ Производные структуры типа (2), называющие специфическую ситуацию, отличную от ситуации, называемой структурами типа (0) и (1), принято именовать каузативными. Этим конструкциям посвящено специальное исследование [9].

производную пассивную, построенную из исходной структуры предложения (0) *Я посоветовал Коле взять отпуск*. Что касается предложения (2), то его структуру следует рассматривать как такой контекстно-обусловленный вариант исходной структуры предложения (0), в котором отсутствует самостоятельная формальная единица, занимающая позицию подлежащего. Следует отметить, что отсутствие такой формальной единицы, занимающей позицию подлежащего в исходной структуре, в ряде языков в определенных случаях является нормой. В таких случаях нет оснований говорить о переходе от исходной структуры к производной. Именно так, например, обстоит дело в современном арабском языке, где самостоятельная формальная единица в позиции подлежащего обычно отсутствует тогда, когда в русском языке позицию подлежащего занимает личное местоимение. Например: (1) *'арсалту* (С) *хāзй л-китāба* (Д) *би л-'амси* (Об) 'Я (П) отправил (С) эту книгу (Д) вчера (Об)'; (2) *'аргамўху* (С,Д) *'алā л-хурўджи* (С) *мин ал-гурфати* (Об) 'Они (П) принудили (С) его (Д) выйти (С) из комнаты (Об)'

Значение. Определив конструкции, которые являются предметом рассмотрения в этой работе, поставим вопрос о характере передаваемой ими семантической информации. нас будет интересовать только один аспект этой проблемы: синонимичны ли производные пассивные конструкции исходной активной конструкции, правомерно ли выделять специфическое пассивное значение, отличное от активного значения? Отвечая на эти вопросы, нужно помнить, что имеются пассивные конструкции двух типов. В конструкциях первого типа конкретный, лексически выраженный субъект обозначается специальным дополнением, называемым либо агентивным, либо дополнением субъекта. Примером может служить предложение (1) *Дом (П) строится (С) рабочими (Д) у реки (Об)*. Такие конструкции принято называть трехчленными. В конструкциях второго типа конкретный, лексически выраженный субъект не обозначается. Примером может служить предложение (2) *Дом (П) строится (С) у реки (Об)*. Такие пассивные конструкции принято называть двучленными.

Что касается пассивных конструкций с дополнением субъекта, то они синонимичны исходным активным конструкциям, поскольку передают такую же лексическую информацию. Эта точка зрения была сформулирована еще Г. Шухардтом, а затем ее правильность подчеркивали Ю. Курилович, И. А. Мельчук, Т. Б. Алисова и др.⁶

По словам Ю. Куриловича, пассивные конструкции с дополнением субъекта выполняют не грамматическую, а сти-

⁶ Существует и противоположная точка зрения, которая сформулирована, например, П. Зиффом [4].

листическую функцию [5]. Именно поэтому довольно узка сфера употребления этих конструкций. В европейских языках с давней письменной традицией они употребляются преимущественно в письменной речи, являясь достоянием главным образом научно-технической литературы. В отличие от исходной активной конструкции пассивные конструкции используются тогда, когда возникает необходимость вывести на передний план один из партиципантов (чаще всего объект), который в активной конструкции обозначается не подлежащим, а дополнением; ср. [3]; [7].

Иначе обстоит дело с пассивными конструкциями без дополнения субъекта. Эти конструкции несинонимичны исходным активным, поскольку в них меняется тип информации о субъекте. Если в исходной конструкции обозначается конкретный, лексически выраженный субъект, то в производной конструкции обозначается абстрактный, грамматически выраженный субъект, т. е. субъект, о котором сообщается только то, что он имеется в наличии. По мнению Ю. Куриловича, пассивные конструкции без дополнения субъекта выполняют грамматическую функцию [5]. Именно поэтому эти конструкции имеются, по-видимому, во всех языках и употребляются как в устной, так и в письменной речи, занимая тем самым важное место в синтаксической системе.

Переход от обозначения конкретного, лексически выраженного субъекта к обозначению абстрактного, грамматически выраженного субъекта влечет за собой контекстуальную (ситуативную) обусловленность пассивных конструкций без дополнения субъекта, которые используются, очевидно, в следующих случаях: 1) субъект очевиден для коммуникантов, в силу чего нет необходимости его называть; 2) субъект не очевиден говорящему, в силу чего его нельзя назвать; 3) субъект известен говорящему, но он по каким-либо причинам не желает назвать его слушающему; 4) субъект не называется потому, что для говорящего важно передать информацию о других партиципантах.

И с с л е н и е. Логически возможное количество пассивных конструкций, которые можно построить из одной активной конструкции, зависит от числа партиципантов и определяется по формуле $2(n + 1)$, где n — число возможностей заполнения позиции подлежащего партиципантами в пассивных конструкциях; 1 — та возможность, когда позиция подлежащего остается незанятой, а умножение на 2 обозначает две возможности для субъекта, который в пассивных конструкциях либо занимает позицию дополнения, либо не занимает этой позиции и лексически не обозначается в конструкции.

Эта формула и необходимые иллюстрации к ней подробно рассмотрены нами в другой работе [11]. Здесь мы хотим обратить внимание только на два момента.

1. Реализация всех логических возможностей построения пассивных конструкций осуществляется довольно редко. В соответствии с формулой из активной двухактантной конструкции, формально записываемой как (0) $\bar{P}(S) + C(St) + D(O)$, можно построить четыре пассивные конструкции, формально записываемые как (1) $C(St) + D(O)$; (2) $C(St) + D(O) + D(S)$; (3) $\bar{P}(O) + C(St)$; (4) $\bar{P}(O) + C(St) + D(S)$. Все четыре пассивных предложения в русском языке можно построить, например, из исходного предложения (0) *Молния (П) разбила (С) стену (Д)*: (1) *Стену (Д) разбило (С)*, (2) *Стену (Д) разбило (С) молнией (Д)*, (3) *Стена (П) разбита (С)*, (4) *Стена (П) разбита (С) молнией (Д)*. Число реализуемых логических возможностей уменьшается, если в исходном предложении позицию подлежащего будет занимать слово *рабочий*, а не слово *молния*. Ср.: (1) *Стену (Д) разбили (С)*, (3) *Стена (П) была разбита (С)*, (4) *Стена (П) была разбита (С) рабочим (Д)*. Вторая логическая возможность в данном случае не реализуется.

2. Одна и та же логическая возможность может реализоваться с помощью формально различных конструкций, представляющих один синтаксический инвариант. Так, например, предложения (1) *Стену (Д) разбило (С)* и (2) *Стену (Д) разбили (С)* представляют собой формальные разновидности синтаксического инварианта $C(St) + D(O)$. Эти разновидности находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Первая разновидность употребляется, когда в активной конструкции позицию подлежащего занимает неличный субъект, а вторая — когда позицию подлежащего занимает личный субъект. Вместе с тем бывают случаи, когда формально различные конструкции выступают как равноправные, свободно заменяющие друг друга реализации одного синтаксического инварианта. Например, пассивная конструкция $C(St) + D(O)$ в том случае, когда активная конструкция $\bar{P}(S) + C(St) + D(O)$ представлена предложением (0) *Командир(П) приказал(с) солдатам(Д) стрелять(с)*, реализуется в виде двух формально различных, но вместе с тем равноправных разновидностей: (1) *Солдатам(Д) приказали(с) стрелять(с)*, (2) *Солдатам(Д) было приказано(с) стрелять(с)*.

Типология. В плане выражения имеется ограниченное количество формальных средств, используемых для построения пассивных конструкций. Данное обстоятельство позволяет предложить довольно экономную типологическую классификацию этих конструкций.

На уровне членов предложения различается два вида пассивных конструкций: а) конструкции, в которых позиция подлежащего свободна, например: (1) *Книгу(Д) отправили(С)*, (2) *Бойца(Д) ранило(С) осколком(Д)*; б) конструкции, в которых позиция подлежащего занята, например:

(1) Книга(П) отправлена(С), (2) Боец(П) был ранен(С) осколком(Д).

На уровне репрезентации членов предложения в производных конструкциях вида (а) морфологическое оформление всех членов предложения, кроме сказуемого, не меняется сравнительно с исходной конструкцией. Что касается сказуемого, то оно представлено либо одной из форм, употребляющихся в исходной конструкции, либо формой, не употребляющейся в исходной конструкции. Позиция подлежащего либо остается свободной, либо ее занимает служебное слово, маркирующее уход конкретного субъекта с позиции подлежащего и тем самым указывающее на то, что эта позиция не может быть занята каким-либо другим лексически выраженным партиципантом.

Поскольку в конструкциях вида (а) имеются две возможности оформления сказуемого и две возможности оформления позиции подлежащего, то логически существуют четыре варианта морфологического оформления конструкций этого вида:

аI) позиция подлежащего свободна, сказуемое представлено формой, употребляющейся в исходной конструкции, например: (1) (польск.) *Ludzie(П) poslali(С) Stefana(Д₁) na front* 'Люди(П) послали(С) Стефана(Д₁) на фронт' → *Stefana(Д₁) poslali(С) na front* 'Стефана(Д₁) послали(С) на фронт'; (2) *Буря(П) повалила(С) дерево(Д₁)* → *Бурей(Д) повалило(С) дерево(Д₁)*;

аII) позиция подлежащего свободна, сказуемое представлено формой, не употребляющейся в исходной конструкции, например: (1) (польск.) *Ludzie(П) poslali(С) Stefana(Д₁) na front* 'Люди(П) послали(С) Стефана(Д₁) на фронт' → *Stefana(Д₁) postanowili(С) na front* 'Стефана(Д₁) послали(С) на фронт'; (2) (лит.) *Cia lankutojai(П) klausosi(С) muzikos(Д₁)* 'Здесь посетители(П) слушают(С) музыку(Д₁)' → *Cia lankutoju(Д) klausomasi(С) muzikos(Д₁)* 'Здесь посетители(Д) слушают(С) музыку(Д₁)';

аIII) позиция подлежащего занята служебным словом, сказуемое представлено формой, употребляющейся в исходной конструкции: (1) (франц.) *Il(П) vend(С) la maison(Д₁)* 'Он(П) продает(С) дом(Д₁)' → *On(П) vend(С) la maison(Д₁)* 'Дом(Д₁) продают(С)' (примеры реализации пассивной конструкции аIII с дополнением субъекта неизвестны);

аIV) позиция подлежащего занята служебным словом, сказуемое представлено формой, не употребляющейся в исходной конструкции, например: (1) (нем.) *Er(П) tanzt(С)* 'Он(П) танцует(С)' → *Es(Пф) wird getanzt(С)* 'Танцуют(С)'; (2) (нем.) *Alle Studenten(П) tanzen(С)* 'Все студенты(П) танцуют(С)' → *Es(П) wird(С) von allen Studenten(Д) getanzt(С)* 'Все студенты(Д) танцуют(С)'.

В производных конструкциях вида (б) имеются те же две возможности морфологического оформления сказуемого. Подлежащее в этих конструкциях либо сохраняет морфологическое оформление, что и в исходной конструкции, либо меняет его. Таким образом, существуют четыре варианта морфологического оформления производных конструкций этого вида:

бI) подлежащее оформляется, как в исходной конструкции, сказуемое представлено формой, употребляющейся в исходной конструкции, например: (1) (др.-кит.) *жэнь*(П) *сянь фá*(С) *чжй мý*(Д₁) 'Человек(П) первым рубит(С) прямое дерево(Д₁)' → *чжй мý*(П) *сянь фá*(С) 'Прямое дерево(П) первым рубят(С)'; (2) (др.-кит.) *жэнь*(П) *шā*(С) *хý*(Д₁) 'Человек(П) убивает(С) тигра(Д₁)' → *хý*(П) *шā*(С) *юй жэнь*(Д) 'Тигр(П) убит(С) человеком(Д)';

бII) подлежащее оформляется, как в исходной конструкции, сказуемое представлено формой, не употребляющейся в исходной конструкции, например: (1) *Сосед*(П) *построил*(С) *баню*(Д₁) → *Баня*(П) *была построена*(С); (2) *Сосед*(П) *построил*(С) *баню*(Д₁) → *Баня*(П) *была построена*(С) *соседом*(Д);

бIII) подлежащее оформляется иначе, чем в исходной конструкции, сказуемое представлено формой, употребляющейся в исходной конструкции (1) (лакск.) *Юсуплул*(П) *кIва дарваг*(Д₁) *кьувкьуну машан ловссун бур*(С) 'Юсуп(П) дешево купил(С) два мешка(Д₁)' → *кIва дарваг*(П) *кьувкьуну машан ловссун бур*(С) 'Два мешка(П) куплены(С) дешево' (примеры реализации пассивной конструкции бIII с дополнением субъекта неизвестны);

бIV) подлежащее оформляется иначе, чем в исходной конструкции, сказуемое представлено формой, не употребляющейся в исходной конструкции, например: (1) (бацб.) *štakov*(П) *ujstx*(Д₁) *larkī*(С) 'Человек(П) постриг(С) овцу(Д₁)' → *ujstx*(П) *daḥ larkbalī*(С) 'Овца(П) пострижена(С)' (примеры реализации пассивной конструкции бIV с дополнением субъекта неизвестны).

З а к л ю ч е н и е. Важно отметить, что в соответствии с предложенным определением в число пассивных конструкций наряду с конструкциями, обычно называемыми пассивными (типа *Дом строится*), вошли также конструкции, которые традиционно называются неопределенно-личными (типа *Книгу отправили*) и безличными (типа *Лодку унесло*). Кроме того, в число пассивных конструкций вошли конструкции [типа (польск.) *czytano ksiązkę*], формально-смысловый статус которых в традиционном языкознании вызывает оживленную дискуссию. Предметом полемики служит то обстоятельство, что в предложениях этого типа сказуемое представлено пассивной формой глагола, которая управляет именем в форме винительного падежа, занимающим позицию прямого до-

полнения. Сочетание пассивной формы глагола в позиции сказуемого и имени в позиции прямого дополнения не укладывается в традиционную теорию пассивных конструкций, в рамках которой «форма пассива может... быть определена как такая форма глагола, при которой не может быть употреблено прямое дополнение» [8, 57—58].

В результате исследования выяснилось, что у всех перечисленных конструкций есть одно общее свойство: в их диаграммах субъект не занимает позиции подлежащего. Этот вывод не нов. Новизна заключается только в том, что он сделан в общей форме и что предложена типологическая классификация, в которой определена формальная специфика каждой из названных конструкций. Наиболее четко та же мысль была относительно недавно сформулирована Т. Б. Алисовой, которая пишет: «...при переходных глаголах неопределенно-личным и безличным конструкциям в одном языке... часто соответствует личный пассивный оборот в другом. В пределах одного языка пассивная и безличная конструкция часто оказываются позиционными вариантами выражения одного и того же семантико-коммуникативного содержания, которое определяется как „устранение деятеля или источника действия из центральной позиции подлежащего“» [1, 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Т. Б. Алисова, Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений,— «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
2. В. Г. Гак, К проблеме синтаксической семантики,— «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
3. Э. Ш. Генюшене, Генетив агенса в литовских пассивных конструкциях,— «Категория падежа в структуре и системе языка», Рига, 1971.
4. П. Зифф, Несинонимичность активных и пассивных предложений,— «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики», № 16, М., 1970.
5. Ю. Г. Курилович, Эргативность и стадиальность в языке,— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», вып. 5, 1946.
6. И. А. Мельчук, А. А. Холодович, К теории грамматического залога,— «Народы Азии и Африки», 1970, № 4.
7. В. З. Панфилов, Грамматика и логика, М.—Л., 1963.
8. Г. Сильницкий, Залог и валентность,— сб. «Категория залога», Л., 1970.
9. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив, Л., 1969.
10. А. А. Холодович, Залог,— сб. «Категория залога», Л., 1970.
11. В. С. Храковский, Конструкции пассивного залога,— сб. «Категория залога», Л., 1970.
12. D. Langendoen, Accessibility of Deep (Semantic) Structures,— «Working Papers in Linguistics» (The Ohio State University), 1967, № 1.
13. C. i. Fillmore, The Case for Case,— «Universals in Linguistic Theory», New York, 1968.
14. L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959.

ПРОБЛЕМА ИНВЕНТАРИЗАЦИИ СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Данная работа связана с исследованиями, проводимыми на Отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета Московского университета в области семантической инвентаризации языков разных типов. Главным аспектом языковой семантики признаются не значения сами по себе, а смысловые отношения между ними, как синтагматические, так и парадигматические [I, гл. II]. Синтагматические семантические отношения, именуемые для краткости семантическими реляциями, имеют место между значениями слов в пределах одного речевого отрезка. Они являются той смысловой информацией, которую надо добавить к значениям слов, чтобы получить точное значение целого речевого отрезка. Знание семантических реляций необходимо для теоретического и прикладного моделирования как процессов анализа, так и процессов синтеза даже самых простых сочетаний слов. Базисными в языке являются бинарные семантические реляции, т. е. связывающие пары слов. Наиболее важный, хотя не единственный, вид бинарных семантических реляций — отношения между членами синтаксически связанного словосочетания. Роль этих реляций особенно велика в случае простого соположения значимых единиц, когда связь не выражена формальными элементами. В то время как парадигматическая семантика исследуется широким фронтом по некоторым общепринятым направлениям [8, гл. 9, 10], синтагматическая семантика остается еще неочерченной областью.

Проблема инвентаризации синтагматической семантики заключается в исчислении всего множества семантических комплексов с помощью иерархического множества семантических реляций. Это важная часть работы по полной инвентаризации языковой семантики [3].

Представим себе множество всех речевых отрезков на данном языке. Из него получается множество всех бинарных

связанных словосочетаний (практическим методом их выявления может быть задавание вопросов от главных слов). Предположим, что мы умеем для каждого словосочетания определять семантическую реляцию на самом конкретном уровне; иначе говоря, умеем описывать, как (содержательно) главный член модифицируется зависимым (интенциональная сторона реляции). Пусть мы умеем, далее, отождествлять одинаковые семантические реляции в разных словосочетаниях (например, на основе полного совпадения возможных типов перифраз). Тогда для каждой семантической реляции мы получаем «собственный класс» словосочетаний, между членами которых она имеет место. Множество всех семантических реляций может быть задано, таким образом, множеством собственных классов словосочетаний (экстенциональная сторона реляций).

Содержательные описания интенциональной стороны реляций пересекаются, давая в пересечениях своего рода семантические множители. На этой основе может быть установлена иерархия видов (классов) семантических реляций. Эти виды характеризуются через наборы признаков семантических реляций. Указанная иерархия отношений однозначно связана с иерархией укрупненных классов самих словосочетаний.

Формой исчерпывающего описания синтагматической семантики и предлагается считать такой семантический словарь словосочетаний, названный синтагмарием. Синтагмарий — это система классов словосочетаний, объединенных по общности семантических реляций между их членами. Синтагмарий — это своего рода аналог тезауруса для синтагматического аспекта лексики.

Эвристически строить синтагмарий целесообразно путем сочетания дедуктивного и индуктивного методов — на 1-м этапе разработать общую схему синтагмария и в результате классификации материала установить точный состав самых крупных классов; на 2-м этапе, идя от конкретных словосочетаний, объединить их в максимально дробные группы.

В результате теоретических исследований, а также некоторых уточнений на разнообразном материале, нами была разработана следующая универсальная схема синтагмария; в ее основе лежит признание трех главных семантико-реляционных ролей слова: 1) «Предмет» (в широком смысле слова — «объект», «сущность»), 2) «Процесс», 3) «Свойство».

КРУПНЫЕ КЛАССЫ СИНТАГМАРИЯ

I. Общий каркас отношений:

Предмет, свойство или процесс X, обладающий свойством Y

1. Свойство Y — качественное;
2. Свойство Y — оценочно-количественное;
3. Свойство Y — пространственное;
4. Свойство Y — временное;
5. Свойство Y — относительно-предметное;
6. Свойство Y — обстоятельственное (целевое, причинное и т. п.).

II. Общий каркас отношений:

Предмет, свойство или процесс X , участвующий в процессе Y

7. X — субъектный, процесс Y — физический;
8. X — субъектный, процесс Y — абстрактный;
9. X — объектный, процесс Y — физический;
10. X — объектный, процесс Y — абстрактный.

Ясно, что одно и то же слово может играть разную синтагматическую роль в словосочетаниях разных классов.

Косвенным доказательством адекватности выбора именно трех основных семантико-реляционных ролей может служить тот факт, что в языках изолирующего типа — языках, в которых повышена до предела роль скрытых синтагматических отношений, — имеются подобные же семантические характеристики частей речи. Как пишет Н. Н. Коротков, «специфика классов слов китайского языка заключается в том, что они выделяются на базе обобщенного (категориального) вещественного значения слов (предмет, а также качество и процесс, объединяемые понятием признака). Именно это значение обуславливает и сравнительно широкие потенциальные возможности синтаксического употребления слова» [7, 396—397].

Внутри некоторых крупных классов могут быть сразу же выделены подклассы по синтаксическим ролям членов семантических отношений, что связано с определенным смысловым акцентом. Например, в классе 7 могут быть выделены два подкласса (обозначим верхним индексом 1 роль главного члена, а индексом 2 — роль зависимого):

7а. X^1 — предмет, Y^2 — процесс физический

7б. X^2 — предмет, Y^1 — процесс физический

Тот факт, что любое связанное бинарное словосочетание попадает в один из основных классов синтагматика, подтвержден, в частности, в ходе работы семантической группы Памирской лингвистической экспедиции МГУ 1969 года, в которой автору довелось принять участие. Заметим, что классификация словосочетаний в синтагматике, будучи семантической, независима от порядка расположения единиц в плане выражения. Служебные слова не считаются самостоятельными членами словосочетания. Сложные глаголы (состоящие из двух раздельно оформленных слов) входят в синтагматик на

правах обычных словосочетаний. Кроме того, они представлены и в составе более крупных сочетаний (и тогда рассматриваются как неделимые единицы).

Приведем примеры словосочетаний из крупных классов синтагмария шугнанского языка (примеры записаны в рабочей транскрипции, которая использовалась в экспедиции):

1 — сафѣд йактā 'белая рубашка', хъанджонруй гьидья 'смешливый мальчик', ал ситтōвь 'мягким становиться, размягчаться';

2 — вьўвд тōв 'семь раз', хъўд пōгьдзā 'дочиста съел', сōф сафѣд 'совсем белый', чах тѣз 'зрение острое';

3 — чāп чāрхъ 'левое колесо', зибō сāvьум 'сзади пойду', вāрāм кāl-ти 'принесем на голове';

4 — тѣз-ать кйнā сут 'быстро изнашивалось', зōхт мѣст-анди 'заработал за один месяц', йакум бōр 'первый раз';

5 — тиллōйин чиллā 'золотое кольцо', кюнi тиллō 'копи золотые', рāбари кōргарēн 'вождь рабочих';

6 — ас хōдж къйвьд 'от страха закричал', ситōвь пис хъўвд 'ходить за молоком', хъйд сēн 'есть идут', гāп дьōд табасум къати 'обратилась с улыбкой';

7 — вьўрдж хъўд 'волк съел', вьāдьēн андōйд 'они встали';

8 — пуц гāхт 'сын обратился', амсōйā бидāl чўд 'сосед выменял';

9 — мōлēн дьивьдōвь-ард 'мелкого рогатого скота дое-ния-для', намадēн бйр вьēдьд 'войлок подстелили';

10 — зиндагюнi тилāпт 'жизнь требовать', кōр пēх кинām 'дело продвинем', хъйдōвь тайōр кихт 'читать кончит', кōр чйдōвь лāk ки 'работать отпусти'.

Практическое осуществление инвентаризации синтагматической семантики конкретного языка требует принятия решений по целому ряду аспектов этой проблемы. Упомянем важнейшие из них.

1. Представительная выборка. Поскольку множество словосочетаний языка в принципе бесконечно, первой задачей в ходе практического построения синтагмария является формирование представительной выборки текстов (речевых отрезков). Затем на ее основе строится синтагмарий, указатель семантических реляций и указатель реляционных характеристик слов, т. е. для каждого слова указываются реляции, в которые оно вступает.

Определенные шаги по экспериментальному осуществлению этой программы были осуществлены на материале шугнанского языка в ходе работы Памирской лингвистической экспедиции МГУ 1969 года. Участники экспедиции коллективными усилиями формировали Корпус текстов и Корпус фраз. Исследование подобного рода состоит из трех стадий: долевой, полевой и послеполевой. Цель полевой работы —

сбор достоверных языковых фактов, необходимых и достаточных для решения стоящих научных задач. Работа в поле строится таким образом, что, кроме спонтанных высказываний, должны регистрироваться результаты специальных тестов. Эти тесты, подготовленные заранее, должны сделать сбор релевантной информации более эффективным. Все участники работы строго выполняют единую инструкцию по сбору и оформлению материала. Каждая фраза заносится в какой-либо Корпус в единой системе записи с пословным и литературным переводом, а также снабжается шифром, в котором указывается, кроме протокольных данных и порядкового номера, информация о способе получения фразы (из связного текста или изолированно, исконно шугнанская или переведенная с русского, получена спонтанно или в результате трансформации другой шугнанской фразы).

2. **Форма представления синтагмария.** В процессе построения конкретного синтагмария удобно весь материал записывать на карточках (обычных каталожных или перфокартах с краевой перфорацией). По завершении работы синтагмарий записывается в форме списочного словаря с иерархической рубрикацией (классы одного уровня подробности не пересекаются). Сейчас уже созданы первые образцы словарей словосочетаний в разных странах (они охватывают обычно не весь язык, а его определенные подъязыки). В одних словарях словосочетания упорядочены по внешним признакам (по алфавиту, по частоте), в других — по тезаурусному принципу. Синтагмарий — это новый тип словаря словосочетаний, в котором они упорядочиваются по отношениям между их компонентами.

В ходе создания синтагмария на карточку записывается одно словосочетание, извлеченное из фразы или непосредственно полученное от информанта в результате теста. Словосочетание снабжается входным шифром, состоящим из даты, личного шифра расписывающего и шифра фразы. Указываются также специальные пометы, характеризующие некоторые перекрестные признаки семантических реляций. Каждая карточка помещается в подходящий класс и подкласс синтагмария, который находится в стадии формирования. Например, при работе с шугнанским языком, кроме основных классов, указанных выше, в синтагмарии с самого начала был введен ряд наиболее ясных подклассов, которых всего насчитывалось в начале работы 67. Среди них, в частности, и параметры [5]: *Magп, Ver, Воп* — во 2-м классе (оценочно-количественное свойство), *Labог* — в 5-м классе (относительно-предметное свойство) и т. д. Параметрические отношения являются частным видом семантических реляций. Их специфика состоит в том, что, зная один член отношения, можно однозначно предсказать значение другого и установить

его «идиоматичное» выражение при данном исходном слове.

В специальных пометах на карточках фиксируются, например, такие явления: сложное имя (например, *дживьбоз-жёр* 'ступа для толчения тутовых ягод + камень = пест каменный'); сложно-именной глагол (*джэкъ судьдж* 'морщинистым стало = сморщилось', *мурд зѣб дьйд* 'мне украшение дает = мне идет'); сложно-глагольный глагол (*иджрѳ ки* 'выполнение сделай = выполни'); идиоматичное сочетание (*ба-джѳй ситтѳвь* 'на место становиться, исполняться'); устойчивое сочетание (*ѳб сюд* 'тает', причем *ѳб* самостоятельно не употребляется); более чем бинарное сочетание (*никѳ лѳк чюд* 'брак разрешила', т. е. сочетание с участием сложного глагола или кандидата в сложные слова); тяготение данного сочетания к другому классу; тяготение к другому подклассу данного класса; порядок слов в тексте; степень параметричности отношения; формально-синтаксические особенности; объем класса; необходимость дополнительного уточнения с информантом; наличие таких членов отношений, которые в большой степени зависят от подразумеваемых пресуппозиций; и другие.

Исследование выявило многообразие множества семантических реляций, среди которых довольно скромное место (как в системе, так и в тексте) занимают строго параметрические отношения. Причем их описание в шугнанском языке — гораздо менее сложная задача, чем аналогичное описание для русского языка, поскольку некоторые из них почти грамматикализованы (т. е. имеют постоянное выражение при помощи, например, десемантизованного глагола); кроме того, в шугнанском языке слабее развита та часть семантики, которая обслуживает абстрактно-официальную сферу речи.

Остановимся для примера на 6-м классе (мы опираемся на результаты, полученные в ходе обработки материала И. А. Муравьевой). Здесь в качестве одного из подклассов выделяются словосочетания с причинными отношениями. Внутри этого подкласса выделяются группы по следующим признакам: 1) причина действия, которая предшествует ему (*ас хац хичуфт* 'от воды потрескалась'); 2) причина одновременна с действием (*ас хѳдж кьйвд* 'от страха закричал'); 3) объект обладает некоторым свойством, по причине которого совершается действие (*хьѳтир чисѳн кьѳт-джѳт* 'уважают из-за силы'); 4) причина является объектом действия (*закъте вьиджѳт* 'переживала за него') и др. Далее в 6-м классе устанавливается строение подклассов «цели», «сопутствующих условий».

3. Подсинтагмари. Построение синтагмария можно вести не глобально, а поэтапно, создавая последовательно отдельные его части, подструктуры. Например, можно строить частный синтагмарий на множестве сложных слов и подобных им образований. Именно исследованию семантического

сложения посвящены в МГУ экспедиции последних лет в рамках темы «Семантическая инвентаризация языков разных типов» [2]; [4].

4. Методы выявления синтагматических потенциалов. Специальной разработки требуют методы полевых тестов, направленные на выявление того, какие объединения значений возможны в языке. Так, при исследовании семантического сложения нами был применен метод, состоящий в «перемножении» тезаурусов потенциальных компонентов, получении кандидатов в сложные слова и проверке их с информантом с помощью ряда вопросов строго заданного вида. Связь парадигматики и синтагматики проявляется в том, что сочетаемость может быть во многом описана в терминах семантических микрополей, к которым принадлежат сочетаемые компоненты. Универсальная схема самых крупных классов тезауруса может иметь следующий вид: 1) неорганическая природа; 2) органическая природа; 3) мир искусственных предметов; 4) бытие и его формы; 5) субъективная деятельность; 6) общественная жизнь.

5. Степень дробности. Дробление видов семантических реляций может носить, в принципе, неограниченный характер. Уровень отражения в синтагматике конкретных реляций зависит от теоретических и практических задач.

6. Метаязык. Для синтагматии нужен не весь семантический метаязык, а его часть — средства записи не семантических единиц, а семантических реляций, которые, правда, могут описываться путем указания семантических свойств их членов.

7. Количественное описание синтагматии. Семантические объекты, содержащиеся в синтагматии, полезно характеризовать количественно, во-первых, частотностью и, во-вторых, продуктивностью (или квазипродуктивностью, т. е. встречаемостью в разных зафиксированных словосочетаниях). Можно говорить, например, о продуктивности такой-то лексико-семантической единицы или о продуктивности определенной реляции. Последнее число характеризует экстенциональный аспект семантического отношения. Синтагматическое поведение семантической единицы может характеризоваться числом семантических реляций, в которые вступает данное слово, и числом других слов, с которыми данное вступает в какие-либо реляции в зафиксированной выборке. Сочетаемость единиц может описываться несколькими индексами с учетом разных видов ролей слова (как семантических, так и формально-синтаксических) и принадлежности к определенным микрополям тезауруса.

8. Модели синтагматической семантики. Синтагматии как семантический инвентарь — основа для дальнейшего теоретического и прикладного моделирования

(в плане анализа, синтеза, порождения и чисто структурного задания множества словосочетаний с помощью сети отношений). Такое моделирование должно дать средства компактного научного описания множества словосочетаний и научного предсказания новых фактов на основе экстраполяции зафиксированных в синтагматической реляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. Ю. Городецкий, К проблеме семантической типологии, М., 1969.
2. Б. Ю. Городецкий, Полевое исследование синтагматической семантики, — «Вестник Московского университета. Филология», № 6, 1971.
3. Б. Ю. Городецкий, О принципах инвентаризации семантики языка и подъязыка, — Сб. «Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики», М., 1973.
4. Б. Ю. Городецкий, К типологии семантического сложения, — «Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов», М., 1973.
5. А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, — сб. «Проблемы кибернетики», вып. 19, М., 1967.
6. И. И. Зарубин, Шугнанские тексты и словарь, М.—Л., 1960.
7. Н. Н. Коротков, Основные особенности морфологического строя китайского языка, М., 1968.
8. J. Lyons, Introduction to Theoretical Linguistics, Cambridge, 1968.

«ОПИСАТЕЛЬНАЯ» ПЕРЕДАЧА
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ
ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ

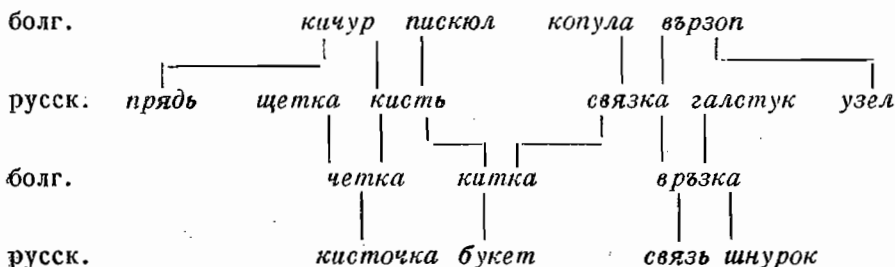
Современное языкознание опирается на два фундаментальных и при этом прямо противопоставленных друг другу теоретических положения. Первое: каждый язык специфичен. Каждое языковое явление требует фиксации, изучения, систематизации. Второе: каждый язык есть проявление некоторого универсального, «общечеловеческого» языка, объединенного общностью функции, генезиса и основных структурных факторов. Поскольку обе эти аксиомы отражают факты языковой действительности, то на практике их необходимо привести к некоторому общему знаменателю.

При практическом переводе с одного языка на другой общие (универсальные) для двух языков семантические элементы находят лексические или грамматические эквиваленты, а специфичные (дифференциальные) элементы стремятся по возможности к адекватному выражению. Часто в таких случаях говорят об «описательной», перифрастической передаче значения. Простейшие случаи «описательных» соответствий мы и рассмотрим.

Первый случай: соответствие «лексема — лексема». Слово одного языка переводится на другой язык также посредством слова, однако объем последнего не совпадает с объемом первого. Это «межъязыковые квазисинонимы», ср. болг. *четка* — русск. 1) *щетка*, 2) *кисть*; нем. *Falte* — русск. 1) *складка*, *морщина*, 2) *сборка*. Многочисленные примеры такого рода объединяются известной теорией лингвистической относительности. Если адекватность языкового перевода достигается при помощи дополнительного лексического детерминанта для слова с более широким значением, ср. русск. *сборка* — нем. *eingenähte Falte*, но нем. *Falte* — русск. *сборка на платье*; русск. *кисть* — болг. *бояджийска четка*, но болг. *пискиол* — русск. *кисть, кисточка* (фески, штор и т. п.),

то в речи наблюдается обычно однозначное соответствие слов с разным объемом значения; различие же в их семантической маркированности—немаркированности нейтрализуется за счет более широкого речевого контекста.

Несовпадения семантического объема слов могут быть более или менее регулярными; их можно представить в виде таких цепочек:

Толкования слов здесь приводятся по работам [1]; [5]; [6].

По-видимому, при всей спорности вопроса о правомерности распространения языковой специфики на область мышления системность подобных расхождений говорила бы в пользу гипотезы Сепира—Уорфа¹.

Второй случай: соответствие «лексема — морфема». Слово одного языка переводится на другой язык посредством морфемы. При этом мы не будем рассматривать соответствие корневой морфемы слову, ибо это соответствие лежит в основе типологического противопоставления языков с синтетическим строем и языков с аналитическим строем (корень в первых семантически равноценен слову во вторых). Значительно больший интерес для нас представляет другой подтип — соответствие грамматической морфемы слову (причем если речь идет о регулярном соответствии, то слово здесь, как правило, синсеманлично).

Весьма показательным примером может служить выражение в различных языках модального значения неочевидности (или недостоверности) действия. В некоторых тюркских, отдельных угро-финских и индоевропейских языках для передачи значения неочевидного действия глагол имеет специальные морфологические показатели (образуя формы так называемого пересказывательного или косвенного наклонения), ср. эст. *kirjutab* 'он пишет' — *kirjutavat* 'он якобы пишет'. В языках, где специальное наклонение неочевидного действия

¹ Так, сравнение слов, омонимичных в белорусском и русском языках, показало, что случай, когда семантический объем белорусской лексемы больше, чем соответствующей русской (ср. белор. *боты* 'сапоги, боты', *абарона* 'защита, оборона' и т. п.), как тип значительно распространеннее обратного случая, когда лексема в русском языке по своему значению шире, чем соответствующий белорусский омоним; см. [3, 158—159].

отсутствует, соответствующее значение передается обычно модальными частицами или вводными словами, ср. русск. *якобы, дескать, будто бы, мол, де, знать, говорят* и т. п. Однако, как и в предыдущем случае, такой описательный перевод оказывается семантически маркированным по сравнению с возможным в речи «нулевым вариантом», когда неочевидность специально никак не передается (она либо подразумевается из более широкого контекста, либо вовсе остается иррелевантной).

Другой пример. В некоторых языках значение взаимности глагольного действия регулярно выражается при помощи реляционных морфем, что позволяет говорить о наличии в данных языках категории взаимности—невзаимности, или «взаимного залога», ср., например, болг. *те се виждат* 'они видят друг друга', *те се чакат* 'они ждут друг друга', *Те се обичат* 'они любят друг друга' и т. д. В тех же языках, где специальных показателей взаимного значения нет, соответствующая семантика передается описательно—с помощью лексических детерминантов типа русск. *друг друга, между собой, один другого*—или же опять-таки самостоятельно не выражается, ср. русск. *они разговаривают*.

Вообще, для описательной передачи семантической специфики весьма характерна именно такая альтернатива: значение либо не выражается вовсе, либо выражается «более сильными» средствами следующего языкового уровня, что кроме всего прочего свидетельствует—для тех языков, в которых есть специальные формы,—о неоднородной информативной нагрузке этих форм.

Третий случай: соответствие «морфема — морфема». Грамматическая морфема одного языка «переводится» на другой язык также посредством морфемы, однако специальной грамматической категории во втором языке нет, и соответствующее значение передается при помощи «чужой» морфемы, средствами иной категории. Примеры здесь весьма многообразны. Так, специфичное значение грамматической категории вида, характерной для славянского глагола, при переводе, скажем, на западноевропейские языки в значительной мере покрывается за счет семантики форм категории времени. Специфичное значение категории определенности—неопределенности имени может находить себе частичный эквивалент в семантике форм категории падежа (например, в противопоставлении форм русского винительного и родительного падежа).

На одном примере стоит остановиться подробнее. Номинатив и аккумулятив в тех языках, где они существуют,—это грамматические (по Е. Куриловичу) падежи, призванные прежде всего морфологически представлять оппозицию субъекта и объекта. Однако последнее универсальное семантиче-

ское противопоставление оказывается сравнительно редко выраженным морфологически. Причем здесь нельзя говорить просто о случайных совпадениях в системах склонений: морфологическое неразграничение субъекта и объекта встречается в той или иной мере в значительном числе языков, в том числе весьма далеких генетически и территориально. Оно не минует даже такие синтетические языки, как, например, угро-финские, славянские, балтийские. По-видимому, языки зачастую обходятся без морфологического выражения оппозиции субъект—объект, предпочитая иные, синтаксические средства, например порядок слов. Но, с другой стороны, это заставляет нас пристальнее взглянуть в функциональную сущность противопоставления аккузатива и номинатива. Так, в русском языке существительные среднего рода не имеют формального противопоставления субъект — объект, то же можно сказать о большей части существительных мужского и женского рода.

Рассмотрим теперь подробнее те, казалось бы, закономерные случаи, когда формы номинатива и аккузатива существительного различаются. Если одна и та же морфологическая форма x может выступать и для выражения субъекта (как x_1), и для выражения объекта (как x_2) и в том же языке объект может, скажем, при некоторых условиях выражаться отличной от них формой (y), то обычно на базе функциональной общности эти формы группируются так:

$$\left. \begin{array}{l} x_1 \\ x_2 \\ y \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{— выражение субъекта, номинатив} \\ \text{— выражение объекта, аккузатив} \end{array}$$

Любопытно, что же представляет собой форма y . Известно, например, что в тюркских языках объект может выражаться кроме основного падежа (для нас x_2) также формой винительного оформленного (y). Разница между ними в том, что винительный оформленный сигнализирует определенность объекта, а основной не сигнализирует. Получается, что форма y несет на себе нагрузку не падежную, являясь фактически сигнализатором другой грамматической категории (определенности), и функционально не конкурирует с формой x_2 , а выступает как ее обусловленный синоним.

В современном русском языке форму собственно винительного (y) имеют существительные без окончания, обозначающие одушевленный объект (*брата, коня*), и — только во множественном числе — существительные на *-а*, обозначающие также одушевленный объект (*судей, коров*). И в этом случае форма y отличается от формы x_2 тем, что она несет дополнительное грамматическое значение (одушевленность), не соотносящееся непосредственно с самой функцией падежа.

Кроме того, форму собственно винительного в современном русском литературном языке имеют существительные на *-а* в единственном числе. В этом случае форма *у* никакого постороннего, дополнительного значения не содержит, и противопоставление типа *земля—землю, доска—доску* основано на однозначно-падежной функции. Но именно это, на наш взгляд, и является причиной того не раз описанного факта, что в русских говорах эта «ненагруженная» форма *у* вытесняется формой x_2 (*пахать земля, топить баня* и т. п.). Формы именительного падежа на *-а* после глагольных форм в русской диалектологии и исторической грамматике принято (вслед за Б. А. Лариным) связывать генетически с соотносимыми фактами балтийских языков. Однако само по себе ареально-историческое объяснение еще не является объяснением в строгом смысле слова: можно, скажем, чрезвычайно тщательно описать распространение смещения [ц] и [ч] по русским говорам, но причины этого явления нельзя вскрыть без учета фонологической нагрузки данных звуков.

Распространенность диалектных форм типа *пахать земля* логически завершает картину противопоставления русских форм именительного и винительного падежа. Можно утверждать, что функциональная оппозиция субъект—объект в русском языке не получила должного парадигматического воплощения, а те морфологические образования, которые принято считать формами собственно винительного падежа (т. е. не совпадающие с номинативом, в нашем обозначении — *у*), несут, как правило, дополнительную грамматическую нагрузку и не решают функциональной противопоставленности субъекта и объекта [4, 46—47].

Из сказанного можно сделать и более общий вывод. Падеж с его морфологическим инвентарем дает весьма показательные примеры того, как категориальная форма может использоваться для выражения некатегориального («постороннего») грамматического значения. При этом последнее, выражаясь в данном языке с той или иной мерой обязательности, составляет и дополняет характеристику части речи. Подобные грамматико-семантические потенции, не имеющие, как правило, строго категориального выражения, стремятся к универсальности в плане понятийном, а потому их зачастую обозначают термином «понятийная категория». А. Е. Михневич, например, приводит в качестве иллюстрации такой семантической категории оппозицию отчуждаемость—неотчуждаемость признака, реализующуюся в белорусском (и русском) языке в словоизменяемых и словообразовательных аффиксах имени [2].

С другой стороны, функциональная неоднородность грамматических форм категории не может не способствовать их

лексикализации: семантически ослабленные или расплывчатые категориальные показатели питают собой словообразовательную модель. Так, в русском именном словообразовании принимает участие инвентарь категорий числа и падежа, в глагольной деривации — категорий залога, вида, лица, переходности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. Божков, В. Велчев, С. Влахов и др., Руско-български речник, т. I—II, София, 1960.
2. А. Е. Михневич, О взаимодействии семантики и синтаксиса (понятийная категория и ее языковое выражение), — «Филологические науки», 1969, № 6.
3. Б. Ю. Норман, Гипотеза Сэпира—Уорфа и белорусско-русский дифференциально-семантический словарь, — «Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции», Минск, 1970.
4. Б. Норман, Граматическият субект и изразяването му, — «Език и литература», София, 1968, год XXIII, кн. 2.
5. Русско-болгарский словарь, сост. С. К. Чукалов, М., 1962.
6. С. Чукалов, Българско-руски речник, София, 1960.

О СИНСЕМАНТИЧНОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ

Традиционная классификация местоимений, выделяющая восемь-девять семантических разрядов, не отражает некоторых существенных их особенностей и непоследовательна. Разряды слов выделены в ней по разным признакам: 1) по характеру денотата, например личные местоимения; однако на лицо могут указывать и неопределенные местоимения (*некто, кто-то*), и вопросительные (*кто*), и определительные (*каждый, весь*), и отрицательные (*никто*); 2) по способу конкретизации, например указательные местоимения, денотативное значение которых может конкретизироваться с помощью указательного жеста, что отмечал А. И. Зарецкий [1]; 3) по синтаксическому признаку, например, отрицательные, возвратные, вопросительные относительные. А. М. Пешковский выделял еще восклицательные [2, 157], что совершенно справедливо.

Трудности семантической классификации местоимений обусловлены их особым промежуточным положением — между номинативными и сигнальными словами — в лексико-семантической системе языка [3, 72]; [4, 76], а также разной степенью абстрагированности, пестротой указательных значений и т. д. Поэтому более целесообразной является многомерная классификация местоимений на основе семантических признаков, формирующих структуру указательного поля в современном русском языке, и на основе синтаксической обусловленности местоимений.

Интегрирующим признаком, отделяющим слова местоименного поля от других лексико-семантических участков словаря, является указательность, т. е. способность выделять единичный объект речи из группы однородных. Основой для такого выделения служит отношение объекта к субъекту речи и к его речи, которое может иметь место между ними в момент свершения речи, например: *ты* — указание на тождество объекта речи с собеседником, *этот* — указание на близкий к говорящему предмет и т. д.

Дифференцирующие семантические признаки, которые формируют организацию лексического материала внутри указательного поля, различны. Можно выделить следующие основные признаки.

1. Признак определенности—неопределенности указания охватывает все члены поля. Это указание на осведомленность говорящего о существовании объекта. Этот признак имеет такие частные значения: а) известно, что объект существует: *я, весь, такой* и др.; б) неизвестно, существует ли объект: *кто-нибудь, что-либо*.

2. Признак «выбранности» (термин О. Н. Селиверстовой [5]) с такими значениями: а) указание на известный, «выбранный» объект: *мой, столько, он* и др.; б) указание на неизвестный объект: *кто-то, кто* и др.; в) промежуточное между первыми двумя значениями «негативное» указание отменяющего характера, свойственное словам *другой, иной, прочий*.

3. Степень знания говорящим объекта речи: этот признак охватывает некоторые слова с признаками (а) и (б). И. Пете выделяет три основные степени для неопределенных местоимений (см. [8]; [6]; [7]; [9, 58]), однако противопоставленность по этому признаку проявляется и в других группах местоимений (табл. 1). Этот признак не выражен в возвратных, взаимных, вопросительных, относительных, восклицательных и некоторых указательных местоимениях.

4. По характеру денотата различаются следующие значения: указание на: 1) предмет—лицо или нелицо; 2) признак предмета—квалитативный (*такой, любой, чей* и др.), пространственно-временной (*этот, тот*); 3) количество (*весь, столько, некоторые, прочие* и др.); 4) обстоятельство (*там, так, тогда* и др.); 5) действие, ср. англ. *to (do)*, в русском языке таких местоимений нет.

5. По лексико-грамматическому значению различаются: 1) субстантивы; 2) адъективы; 3) нумеративы; 4) адвербы (термины М. В. Федоровой; см. [10, 193]).

6. В каждой частной группе местоимений выделяются кроме названных выше свои дифференцирующие признаки, частные значения которых являются конкретизирующими компонентами значения каждого отдельного слова, его элементарными семами (они здесь не рассматриваются).

Однако для более полной характеристики местоимений и эти признаки оказываются недостаточными. Необходимо учитывать также степень синтаксической обусловленности местоимений, так как многие из них могут выступать или только в определенной синтаксической роли, например возвратные местоимения, или в определенном типе предложения (по интонации, модальности или структуре), например

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ

Способ указания	Лексико-грамматическое значение		Субстантивы				
			Степени определенности—неопределенности указания				
			I	II	III		
Определительно-указательные	собственно-указательные	предметно-личные:	тождество	я, мы	ты, вы	он, они	
			возвратность	себя			
			взаимность	друг друга один другого			
	пространственно-временные						
	относительно-указательные			кто			
	обобщенно-указательные	определительные	утвердительные				
			отрицательные		никто		
	Негативно-указательные	негативные					
		Неопределенно-указательные	неопределенные	утвердительные	некто кое-кто и др.	кто-то и др.	кто-нибудь (либо) и др.
				вопросительные	кто		
восклицательные (эмоционально-оценочные)	кто						

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Адъективы			Нумеративы			Адвербы		
Степени определенности—неопределенности указания								
I	II	III	I	II	III	I	II	III
мой	твой	(его)				по-моему	по-твоему	по-ихнему
свой						по-своему		
этот сей	тот (онный) такой		столько			здесь	там и др.	
какой и др.			сколько			где и др.		
сам самый	весь всякий каждый	любой всякий				везде и др.		
никак			нисколько			нигде и др.		
иной другой прочий						по-иному		
некий кое- какой и др.	какой- то и др.	какой- нибудь (либо) и др.	нес- коль- ко	сколь- ко-то	сколь- ко- нибудь и др.	кое-где и др.	где-то и др.	где- нибудь и др.
какой			сколько			где и др.		
какой			сколько			где и др.		

вопросительные, отрицательные и др. Такая семантико-синтаксическая характеристика местоимений может быть представлена в таблицах 1, 2.

Таблица 2 показывает, что разные группы местоимений по-разному связаны с денотатом: одни — непосредственно (собственно дейктические), другие — через посредство других номинативных слов (анафорические и пролептические *он, такой* и др.), третьи — в определенной синтаксической роли или в составе определенной синтаксической конструкции (возвратные, отрицательные, относительные и др.). Степень конкретности денотативного значения местоимения убывает от 1-го разряда к 6-му, и соответственно возрастает степень синсемантичности местоимений, т. е. «способности выражать значение лишь в сочетании с другими языковыми единицами на фоне контекста или ситуации» [11, 155]; [12, 63].

Таблица 2

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЕСТОИМЕНИЙ

Семантико-синтаксические разряды местоимений	Синтаксическая обусловленность			
	синтаксически свободные	способные быть формальным членом предложения	способные выступать в определенном типе простого предложения	способные выступать только в составе сложноподчиненного предложения
1. Предметно-личные невозвратные возвратные	+ —	(+)* +		
2. Пространственно-временные	+			(+)
3. Определительные утвердительные отрицательные	+ —		+	
4. Негативно-указательные	+			
5. Неопределенные утвердительные вопросительные восклицательные	— — —	+	+	+
6. Относительно-указательные	—			+

* Скобки указывают на возможное употребление.

Синсемантичность разных разрядов местоимений по-разному проявляется на различных уровнях языка. Отметим основные случаи.

I. На уровне лексической семантики она проявляется в ситуативной и контекстуальной обусловленности местоимений. Однако связь с денотатом проявляется здесь в большинстве случаев наиболее четко, и в условиях конкретной ситуации местоимение имеет предельно конкретное содержание, ср. значение личных, притяжательных, некоторых определительных и указательных местоимений (последние — в простом предложении).

II. На морфологическом уровне синсемантичность местоимений осложняется их взаимодействием с некоторыми грамматическими формами, например, глагола, когда личное местоимение приближается по своей роли к аффиксу — показателю лица, ср.: *хожу, ходишь — я ходил, ты ходил*, где *я* и *ты* выполняют роль «личного префикса» глагола [13, 455]. Ср. также роль бывшего местоимения в аналитической форме превосходной степени: *красивейший* и *самый красивый*.

III. На синтаксическом уровне синсемантичность резко возрастает и приводит в ряде случаев к превращению местоимения в формальный, грамматикализованный член предложения, который лишен прямой связи с денотатом, а иногда и вообще не имеет денотативного значения. Наиболее типичны следующие случаи.

1. В некоторых словосочетаниях местоимения образуют с другим словом синтаксически неразложимое единство, синтаксический «фразеологизм», в котором каждый элемент может быть по-своему самостоятелен, но вместе оба слова образуют в связной речи нечто единое целое, ср.: *произошло нечто неожиданное (что-то неожиданное); любила все красиво*. В других случаях местоимение оказывается совершенно несамостоятельным синтаксически, например: *осталось каких-нибудь 20 километров; собралось не сто человек, а вся тысяча*.

2. Местоимения могут выполнять роль формального члена предложения, который по своему значению бывает связан только с определенным членом предложения (возвратные *себя, свой*) или с определенной синтаксической конструкцией (отрицательные, относительные и др.), например: *Анна увидела себя; Они увидели себя* — местоимение *себя* выполняет роль формального члена предложения, выражая лишь тождество объекта с подлежащим. Ср. также: *Ученики переписываются друг с другом*, где дополнение как бы дублирует значение возвратного глагола, но с дополнительным указанием на распределенность действия и взаимность. В предложениях типа *Возьми свою шляпу* местоимение выполняет функцию формального определения, указывая на принадлежность пред-

мета субъекту, который выражен в тексте не вербально, а грамматически — аффиксом глагола *возьми*.

В качестве формального подлежащего местоимения и прономинализированные слова выступают в предложениях, близких по своему содержанию к односоставным, но являющихся по структуре двусоставными, на что указывал еще А. А. Шахматов [14, 91, 163]; см. его пример: *Дело идет к осени*; ср. англ.: *It is cold*. В таких предложениях местоименное слово становится необходимым формальным элементом структуры предложения и в ряде случаев может устраняться, что порождает синонимию структур [15, 92]; [16, 150]. Например, эллипсис местоимений со значением неопределенного, обобщенного или формального субъекта носит регулярный характер и приводит к изменению структурного типа предложения. Ср. соответственно: *Я иду по улицам родного города* — *Иду по улицам родного города*; *Так становится хорошо, что (ты) не замечаешь, что (ты) идешь уже давно, что дорога трудна*; *В дверь кто-то постучал* — *В дверь постучали*; *Все в поле зелено* — *В поле зелено*. При эллипсисе местоимения его значение передается формой глагола, причем с теми же основными подзначениями: обобщенное, неопределенное, определенное указание на лицо или полное его устранение.

3. Кроме этого, местоимения используются в целом ряде случаев в роли лексико-синтаксического средства связи отдельных частей высказывания. Степень синсемантичности возрастает по мере синтаксической обусловленности местоимения. Основные разновидности такого употребления местоимений следующие.

1) Относительное употребление местоимений характеризуется наибольшей степенью синсемантичности, хотя она тоже не всегда одинакова, ср., например: *Мне не терпелось узнать, что будет дальше* — *Дом, что стоит у дороги*. Местоимения в таких случаях выполняют роль союза и одновременно роль формального члена предложения в придаточной части. Если второе значение отпадает, слово превращается в обычный союз, например: *Стало ясно, что надо немедленно приступить к работе* — *Стало ясно: надо немедленно приступить к работе*. В главной части сложноподчиненного предложения, со своей стороны, может быть формальный показатель связи — соотносительное указательное местоимение, которое также выполняет роль формального члена предложения, ср. то же предложение: *Стало ясно (то); что...*

2) К относительным местоимениям близки по своей семантической и синтаксической нагрузке анафорические и пролептические местоимения и прономинализированные слова *он, этот, тот, следующий, подобный* и др. Различие лишь в том, что последние соединяют в одно целое относительно независимые предложения или даже целые отрывки высказывания

в пределах одного абзаца или нескольких [17, 115]; [18, 35]; [19, 27]. Например: «К числу основных положений, на которые опирается современная фонология, принадлежат: 1) фонемы есть элементы, служащие для различения лингвистических единиц; 2) фонемы есть звуковые элементы. Но если принять *эти* положения, то из *первого* следует, что мы можем транспонировать фонемы из акустической субстанции в другие виды субстанции... а из *второго* следует прямо *обратное*: что мы не можем транспонировать фонемы из акустической в *другие* виды субстанции»; «По *дискутируемой* проблеме я частично согласен с каждым из двух *упомянутых* авторов, хотя и не могу принять полностью ни *той*, ни *другой* концепции...» (из журналов). Выделенные здесь слова являются теми лексико-синтаксическими «скрепами», которые позволяют организовать текст в единое семантическое и синтаксическое целое. Это говорит о том, что нет резкой границы между типами синтаксической связи отдельных частей сложноподчиненного, сложносочиненного предложений и отдельных простых предложений в пределах абзаца.

4. Синсемантическая местоимений ярко проявляется и тогда, когда они используются для выражения различных эмоционально-экспрессивных оттенков. Особенно четко это проявляется в восклицательных предложениях с местоимениями, выражающими «эмоционально-указательное» значение [20, 277], приближающееся к значениям усилительных частиц, ср.: *Какая ночь!* — *Ну и ночь!*; *Она стала такая красивая!* — *Какая красивая она стала!* В таких предложениях происходит нейтрализация основных различий между неопределенно-указательными и определенно-указательными местоимениями типа *какой* — *такой*.

Рассмотренные примеры не исчерпывают, конечно, всех возможных случаев проявления синсемантической местоимений, однако они показывают, что местоимения играют важную роль в синтагматической организации речи и что степень синсемантической местоимений увеличивается по мере возрастания синтаксической обусловленности местоимений.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. И. Зарецкий, О местоимении, — «Русский язык в школе», 1940, № 6.
2. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956.
3. А. А. Уфимцева, Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968.
4. Б. Н. Головин, Введение в языкознание, М., 1966.
5. О. Н. Селиверстова, Опыт семантического анализа слов типа «все» и типа «кто-нибудь», — «Вопросы языкознания», 1964, № 4.

6. А. Н. Гвоздев, Стилистическая роль местоимений,— «Русский язык в школе», 1950, № 6.
7. А. Дементьев, Использование некоторых местоимений и наречий,— «Русский язык в школе», 1965, № 1.
8. И. Пете, Использование неопределенных местоимений в русском языке,— «Русский язык в школе», 1957, № 2.
9. В. А. Ицкович, Языковая норма, М., 1968.
10. М. В. Федорова, Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений, Воронеж, 1965.
11. Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, Грамматико-лексические поля в современном немецком языке, М., 1969.
12. Е. В. Гулыга, Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова,— «Филологические науки», 1967, № 2.
13. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947.
14. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941.
15. В. В. Бабайцева, Односоставные предложения в современном русском языке, М., 1967.
16. В. Н. Мигирин, Категория состояния или бессубъектные прилагательные?,— «Исследования по современному русскому языку. Сборник, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук», изд. МГУ, 1970.
17. І. Г. Матвіяс, Синтаксис займенників в українській мові, Київ, 1962.
18. А. П. Коваль, Науковий стиль сучасної української літературної мови. Структура наукового тексту, Київ, 1970.
19. И. П. Севбо, Структура связного текста и автоматизация реферирования, М., 1969.
20. Л. А. Киселева, О лексическом значении местоимений и его типах,— «Вопросы развития грамматики и лексики русского языка» («Ученые записки ЛГУ», т. 373, 1968).

К ВОПРОСУ ОБ «АСЕМАНТИЧЕСКИХ МОРФЕМАХ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Структуру слова в русском языке формируют как значимые, так и — в совокупности с последними — незначимые языковые элементы. Традиционным обозначением всех значимых компонентов слова (корня, префикса, суффикса, флексии) служит, как известно, термин «морфема», для асемантических структурных элементов подобного общего термина пока не выработано. Соответствующие единицы в лингвистической литературе обычно именуется то как «асемантические морфемы», то как «пустые морфемы (морфы)» или «связочные (связующие) морфемы», «соединительные морфемы», «интерфиксы», «консонантизирующие суффиксы» и т. д.

Отсутствие единого термина для данных единиц создает известное неудобство метаязыкового характера. Помимо того выдвинутые номинации страдают еще одним недостатком: связывая так или иначе асемантические элементы с термином «морфема» и растворяя их в нем, они, по существу, затушевывают «особость» этих элементов в структуре языка. При этом сама морфема понимается уже не как мельчайшая значимая единица, а как минимальный формальный элемент слова вообще, безотносительно к его смысловому содержанию. Таково, например, понимание морфемы в концепции Пражского лингвистического кружка и его последователей, отказывающихся от значения (лексического или грамматического) как определяющего момента в понятии морфемы и ставящих во главу угла ее формальную или структурную функцию.

Согласно этой концепции морфема — это «часть слова, которая в целом ряде слов имеет одну и ту же формальную функцию и которую невозможно разложить на более дробные части, обладающие этим свойством» [16, 321]. Поддерживая эту точку зрения на морфему, Ю. С. Маслов поясняет: «Замена „значения“ „формальной функцией“ устраняет трудность, связанную с существованием асемантических мор-

фем...» [6, 142]. Правда, сам он — ввиду многозначности слова «формальный», которое можно понимать как противоположное слову «вещественный», «реальный», — предпочитает говорить о смысловой или структурной функции морфемы (смысловой — для большинства случаев, структурной — для более редких случаев так называемых асемантических морфем) [6]. Но, если быть последовательным, автору следовало бы говорить и о «семантических морфемах».

Такая обобщенная трактовка морфемы, когда под одним термином объединяются как значимые, так и незначимые элементы материальной структуры слова, не устраняет тем не менее того факта, что те и другие элементы существуют в языке как различные единицы¹. А. А. Реформатский писал по поводу термина Н. С. Трубецкого «соединительные морфемы» (*Verbindungsmorphemen*): «Этот термин может вызвать справедливые возражения... потому, что морфема значима, в смысле „имеет значение“, а эти элементы семасиологически „незначимы“» [9, 66—67]. То же самое можно сказать и о так называемых консонантизирующих суффиксах Н. М. Шанского — межморфемных прокладках [как, например, *-j-* в словах *чили-й-ский*, *чили(j)ец* и т. п.], которые, по словам автора, «являются не чем иным, как суффиксами (разрядка наша.— В. Г.), имеющими особую консонантизирующую функцию» [13, 26].

На наш взгляд, единое обозначение — морфема — для всех языковых единиц, участвующих в строении слова, может только ослабить внимание к асемантическим элементам, их особенностям и разновидностям, которые изучены еще недостаточно².

К незначимым структурным элементам слов относят обычно только соединительные гласные в сложных словах и тематические гласные глаголов. Круг включаемых сюда элементов значительно расширился после появления работы Е. А. Зёмской «Интерфиксация в современном русском словообразовании» [8, 36—62], в которой приведены многообразные случаи употребления так называемых интерфиксов между корнями и суффиксами различных типов слов. Настоящая статья ставит задачей дополнить существующие представления об асемантических структурных элементах, а также уточнить некоторые спорные вопросы о морфемности—

¹ Точно так же различные и самостоятельно существующие понятия, отражающие особенности русского словообразования, подводятся всякий раз под один и тот же термин «словообразовательная модель»; см., например. [15]; [12]; [5]; [3]; [11].

² Некоторые исследователи, например Г. А. Климов, вообще отрицают целесообразность выделения асемантических единиц в структуре речи, считая это искусственным [4, 32]. Такая позиция противоречит естественной линейной сегментации текста, а также стремлению выявить функциональную значимость каждого элемента языковой структуры.

неморфемности отдельных единиц на материале элементов, выделенных в русском языке в результате переразложения заимствованных слов и в образованиях по аналогии со словами, в которых данные элементы являются как морфемами, так и неморфемами.

Общим для всех незначимых элементов — в противоположность термину «морфема» — предлагается избрать хотя, быть может, и несколько широкий, но достаточно точный термин «асемантема». В отношении же всех структурных элементов слов — морфем и асемантем — можно воспользоваться термином «структема».

1. Прежде всего следует отметить, что выделение интерфиксальных прокладок — морфонологически обусловленных незначимых звуковых отрезков, выполняющих чисто связочные функции в морфонологической структуре слова, — принимается не всеми лингвистами. Так, Н. М. Шанский считает, что «выдвигаемые... понятия интерфикса и интерфиксации противоречат современной словообразовательной действительности языка... Никаких „прокладок“, — заявляет он, — кроме консонантизирующих суффиксов, в современном русском языке нет» [13, 26]. Многочисленные виды интерфиксов, расположенные между морфемами основы и суффиксами, он включает в состав этимологически производных морфем или так называемых биморфем.

На наш взгляд, для таких утверждений нет серьезных оснований. Разложим на морфемы ряд заимствованных существительных на *-онист* типа *абстракционист*, *иллюзионист*, *обструкционист*, *эволюционист*, *экспансионист*, *экспрессионист* и т. п. По соотношению со словами *абстракци-я*, *иллюзи-я*, *обструкци-я*, *эволюци-я*, *экспанси-я*, *экспресси-я*, с одной стороны, и словами *абстракцион-изм*, *иллюзион-изм*, *обструкцион-изм*, *эволюцион-изм*, *экспансион-изм*, *экспрессион-изм* — с другой, в них выделяется интерфиксальный элемент *-он-*, которому в плане морфологии не соответствует никакого значения.

Возникновение этой асемантемы объясняется следующим образом. Русским заимствованным словам на *-ци(я)*, *-зи(я)* и *-си(я)* соответствуют в языках, из которых они были заимствованы (немецкий, французский), основы на *-tion*, *-sion*, т. е. включающие элемент *-on* в свой состав. Производные же существительные образуются непосредственно от этих основ с помощью суффиксов *-ist*, *-ism*. Иными словами, членение указанных слов, например, в немецком языке осуществляется таким образом: *Abstraktion-ist*, *Illusion-ist*, *Obstruktion-ist*, *Evolution-ist*, *Expansion-ist*, *Expression-ist* и т. д. Вследствие фонетико-орфографического изменения на русской почве основ данных слов происходит переразложение заимствованных суффиксальных существительных и выделе-

ние «осложненных суффиксов» *-онист*, *-онизм* с семантически «пустой» частью *-он-*. Примечательно, что в тех случаях, когда «производящие» слова заимствуются без изменения конца основы, т. е. с сохранением *-он*, членение производных на *-ист*, *-изм* в русском языке не отличается от иноязычного и о выделении асемантемы не может быть речи; ср.: *аукцион-ист*, *тред-юнион-ист*, *тред-юнион-изм*.

2. Асемантические элементы могут располагаться не только внутри основы слова, как интерфиксы, но и в конце ее. В этом случае они предстают как наращения, не имеющие самостоятельного значения. Ср., например, элемент *-ис* в словах *эллипсис*, *онтогенезис*, *базис*, *фазис* и др. при словах с тем же значением *эллипс*, *онтогенез*, *база*, *фаза* и т. п. Таков и элемент *-щик* в наименованиях лиц по профессиям типа *операторщик*, *рафинерщик*, *смесительщик*, *стригальщик*, *эмалеварщик* при дублетных словах *оператор*, *рафинер*, *смеситель*, *стригаль*, *эмалевар*. Особенно распространен он в профессиональных обозначениях лиц на *-(ат)орщик*, соотносительных с глаголами на *-(ир)овать* и существительными на *-(а)ция*, обозначающими трудовой процесс: *герметизаторщик* — *герметизировать*, *герметизация*; *дозаторщик* — *дозировать*; *карбонизаторщик* — *карбонизировать*, *карбонизация*; *классификаторщик* — *классифицировать*, *классификация*; *металлизаторщик* — *металлизация*; *нейтрализаторщик* — *нейтрализовать*, *нейтрализация*; *паркеризаторщик* — *паркеризация*; *флотаторщик* — *флотация*; *хлораторщик* — *хлорировать*.

Значение существительных на *-(ат)орщик* несколько не отличается от значения существующих параллельно с ними форм имен лиц на *-(ат)ор* с той же основой: *герметизатор*, *дозатор*, *карбонизатор*, *классификатор*, *металлизатор*, *нейтрализатор*, *паркеризатор*, *флотатор*, *хлоратор* и т. д. Поэтому мы рассматриваем данные пары не как самостоятельные слова, а только как варианты одних и тех же слов.

Поскольку элемент *-(ат)орщик* не дифференцирует значений наименований лиц на *-(ат)ор* и *-(ат)орщик*, то, следовательно, он также не может быть признан самостоятельным суффиксом; он представляет собой сочетание морфемы *-(ат)ор* с категориальным значением и асемантемы *-щик*. Таким образом, речь здесь может идти только об одном суффиксе — *-(ат)ор*³.

Осложнение иноязычного форманта *-(ат)ор* в именах лиц элементом *-щик* (обычно называемое вторичной суффиксацией) связано, с одной стороны, со стремлением языка пре-

³ Иного мнения придерживается Л. А. Шкатова, видящая здесь «двойной суффикс» *-торщик* [14, 13—16]. Такой термин представляется не совсем удачным, ибо не указывает на природу данного элемента: новый ли это, «производный» суффикс со значением, отличным от *-(ат)ор*, или суффикс с асемантемой, не изменяющей его значения.

одолеть многозначность слов на *-(ат)ор*, обозначающих как лиц по профессии, так и предметы, орудия производства [2, 75—76]. С другой стороны, здесь действует аналогия с многочисленными обозначениями на *-щик*, основным суффиксальным средством образования наименований профессий по процессу труда [14, 13—16]; [7, 46—50]. Однако неверно думать, будто в этом случае элемент *-щик* действительно является для названий лиц словообразующей морфемой. Особенно ясно это становится при сравнении выше рассмотренных слов со словами на *-(ат)орщик* типа *аккумуляторщик, газогенераторщик, конденсаторщик, культиваторщик, реакторщик, сатураторщик, трансформаторщик* и т. п., которые на самом деле возникли посредством суффикса *-щик* как продукт деривации от названий орудий на *-(ат)ор* (*аккумулятор, газогенератор, конденсатор, культиватор, реактор, сатуратор, трансформатор* и т. п.) со значением «лицо, обслуживающее данный прибор, аппарат, техническое устройство».

Таким образом, необходимо различать среди имен лиц на *-(ат)орщик* слова с суффиксом *-(ат)ор* и асемантой *-щик* и слова с двумя суффиксами — *-(ат)ор* и *-щик*⁴. При этом надо иметь в виду слова, которые могут обозначать лиц как по названию деятельности [на *-(а)ция* или *-(ир)овать*], выполняемой этими лицами, так и по названию обслуживаемого ими орудия производства на *-(ат)ор*. Например: *вулканизаторщик* — рабочий, занимающийся вулканизацией (синтетического каучука), и лицо, обслуживающее вулканизаторы; *дегазаторщик* — лицо, проводящее дегазацию, и тот, кто работает с дегазаторами, и т. д.

Суффикс *-(ат)ор* с асемантой *-щик* рельефнее всего выделяется [соотносительно с именами на *-(а)ция* и глаголами на *-(ир)овать*] в таких образованиях, при которых отсутствуют одноструктурные обозначения орудия с суффиксом *-(ат)ор*: *аппликаторщик, гидролизаторщик* (мяса), *желатинизаторщик, канализаторщик, консерваторщик* (деталей, запчастей), *форматорщик* (покрышек) и т. п.

Важно все же отметить, что *-(ат)орщик* служит только для обозначения лиц, тогда как *-(ат)ор* — и лиц и предметов. Может быть, перед нами все-таки новый, самостоятельный суффикс лица *-(ат)орщик*? Думается, что это не так. Об этом свидетельствуют многочисленные параллели на *-(ат)ор/-(ат)орщик* в названиях лиц, в которых они семантически дублируют друг друга. Суффикс *-(ат)орщик* мог бы превратиться в самостоятельный суффикс лица в том случае, если бы *-(ат)ор* служил только для обозначения предметов (т. е. дифференциация по В. П. Даниленко была доведена

⁴ Этой разницы не отмечает В. П. Даниленко, относящая те и другие образования к словам с «вторичной суффиксацией».

до конца). Однако этому противоречит активность образования наименований профессий с *-(ат)ор* [наряду с *-(ат)орщик*]: *ароматизатор* (табака), *акклиматизатор* (бумаги), *витаминизатор* (жира), *паспортизатор* (оборудования), *вакцинатор*, *нормализатор* (металла) и т. п.

Может возникнуть и такой вопрос: не является ли *-щик* в *-(ат)орщик* суффиксом, выражающим идею деятеля (категориальное значение), а *-(ат)ор-* — интерфиксальной прокладкой, лишенной самостоятельного значения? Но сравнение с другими интерфиксальными типами показывает, что такое предположение неверно. Во всех подобных рассматриваемых случаях, когда представлены два ряда тождественных по значению образований — с интерфиксом и без него — именно суффикс сохраняется в обоих вариантах. Например: *байронский* — *байрон(ов)ский*; *эсерский* — *эсер(ов)ский*; *тельманец* — *тельман(ов)ец*.

В наших же примерах таким постоянным элементом оказывается как раз не *-щик*, а *-(ат)ор*: *дегазатор* — *дегазатор(щик)*; *канализатор* — *канализатор(щик)*; *флотатор* — *флотатор(щик)*.

Следовательно, именно *-щик* является в этих словах асемантемой.

3. Следующий случай появления асемантем также связан с десемантизацией суффикса, т. е. с его деморфемизацией. Чаще всего десемантизуются уменьшительные суффиксы. Например, элемент *-к(а)* в однотипных существительных *табуретка*, *жакетка*, *лорнетка*, *беретка*, *жилетка*, *планшетка* и т. п. уже не несет никакой семантической нагрузки. Стилистический оттенок разговорности, который он придает в большинстве случаев указанным словам по сравнению с именами *жакет*, *берет*, *жилет* и т. д. (а такая, например, пара, как *табурет* — *табуретка*, не различается и стилистически), ни в какой степени не модифицирует их значение (в словарях такие пары объединяются указанием: «то же, что»; при этом слова на *-к(а)* обычно сопровождаются пометой «разг.»). Иными словами, перед нами стилистические варианты одних и тех же слов [10, 27]; [1, 216]. Ибо, как подчеркивает О. С. Ахманова, «эмоционально-экспрессивные, стилистические моменты, хотя в некоторых случаях они оказываются очень ярко выраженными и потому привлекают к себе особое внимание, ни в коем случае не могут быть поставлены наравне с моментами собственно семантическими...» [1, 216]⁵. В то же время, «не со-

⁵ Представляется, однако, что эмоционально-экспрессивные моменты в отличие от стилистических все же связаны со значением слова. Это, по существу, признает и О. С. Ахманова, когда говорит: «Та или другая оценка „предметов“, обозначаемых словами этой категории, — это прежде всего вопрос значения этих слов, а стилистические их свойства вполне укладываются в рамки основных стилей лексики» [1, 263].

здавая само по себе различия между словами, различие в стилистической характеристике может сочетаться с любым структурным различием между вариантами слова» [10, 27].

Интересно проследить, чем вызвано появление асемантемы *-к(а)* в указанных выше вариантах слов. Нетрудно заметить, что все они представляют собой иноязычные заимствования, причем, как правило, французского происхождения на *-et* и *-ette*. Слова с французским суффиксом *-ette* при заимствовании русским языком оформлялись по-разному — с элементами *-ет*, *-ета* (*-етта*) и *-етка*, осложняясь в последнем случае русским уменьшительным формантом *-ка*. Ср.: *кювет* (фр. *civette*), *багет* (фр. *baguette*), *макет* (фр. *maquette*), *сатинет* (фр. *satinette*), *кассета* (фр. *cassette*), *сигарета* (фр. *cigarette*), *сандалета* (фр. *sandalette*), *эстафета* (фр. *estafette*), *сонетка* (фр. *sonnette*), *креветка* (фр. *crevette*), *гризетка* (фр. *grisette*), *виньетка* (фр. *vignette*) и т. д. Как видим, в слова на *-етка* элемент *-к(а)* не вносит какого-либо особого семантического оттенка по сравнению с иначе оформленными заимствованиями рассматриваемого типа, точнее сказать, он не является в этих словах суффиксом.

В большинстве случаев заимствования, подобные перечисленным, закрепились в русском языке в какой-то одной форме, но некоторые одинаково оформленные в языке-источнике слова, попав на русскую почву, стали употребляться в нескольких вариантных формах. Здесь можно отметить два момента: 1) различие форм соответствует различию значений заимствованных слов; ср., например: фр. *roulette* и русск. *рулет*, *рулетка* и *рулетта* (математическая кривая); фр. *étiquette* и русск. *этикет* и *этикетка*; фр. *rosette* и *розетка* и *розетта* (архит.); 2) различие форм не отражает различия значений; ср.: фр. *jaquette* и *жакет*, *жакетка*; фр. *planchette* и *планшет*, *планшетка*; итал. *traffaretto* и *трафарет*, *трафаретка*; фр. *motocyclette* и *мотоциклет*, *мотоциклетка*; фр. *palmette* и *пальметта*, *пальметка*; фр. *lorgnette* и *лорнет*, *лорнетка*.

По закону аналогии элемент *-к(а)* в дальнейшем стал прибавляться и к тем иноязычным заимствованиям, которые не содержали в своем составе суффикса *-ette*; как правило, это были французские слова на *-et*: *jilet* — *жилет*, *жилетка*; *bracelet* — *браслет*, *браслетка*; *tabouret* — *табурет*, *табуретка*; *vagonnet* — *вагонет* (устар., см. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона), *вагонетка*; *béret* — *берет*, *беретка*. Использование элемента *-к(а)* в подобных образованиях без изменения их значения подтверждает, что в составе рассматриваемых имен на *-етка* данный структурный элемент не является морфемой, суффиксом.

На наш взгляд, во всех случаях, когда какой-либо структурный элемент слова выполняет не смысловую, а только стилистическую функцию, он является асемантемой, наделен-

ной определенными стилистическими свойствами (ср. ярко просторечный интерфикс *-ш-* в словах *киношник, доминошник, фезеушник, эмгеушник* и т. п.).

Выделение указанных видов асемантических элементов отражает более строгий подход к анализу структуры слова. Это необходимо для правильного понимания строения слова, уточнения наших знаний о нем. Важно помнить, что лишь смысловая или грамматическая функция отличает морфему как значимый элемент слова. Четкое определение функций структурных элементов в составе слова способствует более точному разграничению морфем и асемантом как различных единиц языка и употреблению соответствующих терминов

ЛИТЕРАТУРА

1. О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957
2. В. П. Даниленко, Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования,— в кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964
3. Е. А. Земская, Понятия производности, оформленности и членности основ,— в кн.: «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966.
4. Г. А. Климов, Фонема и морфема, М., 1967.
5. В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, Построение раздела «Словообразование»,— в кн.: «Основы построения описательной грамматики русского литературного языка», М., 1966.
6. Ю. С. Маслов, О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема»,— «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук» вып. 60, Л., 1961.
7. А. И. Моисеев, Из истории наименований профессий в русском языке,— в кн.: «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции», Л., 1967.
8. Развитие грамматики и лексики современного русского языка, М., 1964
9. А. А. Реформатский, Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова,— в кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965.
10. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «тождества слова»),— «Труды Института языкознания АН СССР», т. IV, 1956
11. Эр. Ханпиря, Об окказиональном слове и окказиональном словосочетании,— в кн.: «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1966.
12. В. Н. Хохлачева, Изменения в системе словообразования существительных,— в кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.», М., 1964.
13. Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию, автореф. докт. дисс., М., 1966.
14. Л. А. Шкатова, Наименования лиц по профессии в современном русском языке, автореф. канд. дисс., М., 1967.
15. Н. А. Янко-Триницкая, Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах,— в кн.: «Развитие современного русского языка», М., 1963.
16. Projet de terminologie phonologique standardisée,— «Travaux du Cercle linguistique de Prague», t. IV, Prague, 1931.

Ю. А. ГОРГОНИЕВ

ГЛАГОЛЫ С ДВОЙНОЙ ДИСТРИБУЦИЕЙ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблематика данной статьи относится к области разграничения лексического и грамматического в языке. Как хорошо известно, языки аналитического строя предлагают наибольшее количество загадок в этой области. Трудности, как правило, усугубляются тем, что одни и те же материальные единицы выступают то как самостоятельные слова, то как служебные и вспомогательные, а нередко мы вообще затрудняемся сказать, что перед нами.

В настоящей статье будут затронуты некоторые аспекты этой проблемы на материале кхмерского глагола или, вернее, определенной части глаголов, а именно глаголов с двойной дистрибуцией. Так мы будем называть глаголы, способные употребляться самостоятельно и на правах зависимого члена с сохранением основного вещественного значения в бинарных сочетаниях.

Самостоятельным употреблением мы называем несвязанное, т. е. не предполагающее контекстного наличия другого глагола, одиночное глагольное употребление, например: *кхньом даэ* 'Я хожу', *кхньом тэу* 'Я ухожу' и т. п. Таким образом, из нашего рассмотрения выпадают служебные глаголы (не способные употребляться без другого глагола, например *аой* — элемент аналитической каузативной конструкции), недостаточные глаголы (имеющие лексическое значение, но также не способные употребляться отдельно, например *а:тб* 'мочь') и глаголы-частицы (т. е. глаголы, выполняющие грамматическую функцию, но способные в определенных условиях, например в ответе, употребляться отдельно, например *ба:н* 'можно'). Исключенная часть объединяет, таким образом, глаголы с одинарной дистрибуцией: они выступают только в связи с другими глаголами.

Данная выше формулировка предполагает также, что нас не будут интересовать глаголы, выступающие в качестве ядерного члена в глагольной цепочке, как бы ни были они распространены. Заранее оговоримся, что в современном кхмерском языке ядерным следует считать левый член бинарного сочетания двух самостоятельных глаголов, несущих явную лексическую нагрузку, за исключением глаголов характеристики действия, которые в сочетании со следующим глаголом общего действия мы рассматриваем как единицы, находящиеся в позиции, где действуют силы лексикализующего, а не грамматикализующего порядка; поэтому в данной статье последний случай мы не рассматриваем. По этой же причине мы исключаем из специального рассмотрения результативные глаголы. Из глаголов с двойной дистрибуцией мы возьмем часть глаголов отрезка глагольной цепочки справа от ядерного члена, а именно глаголы направленности и глаголы ориентации.

Употребление глаголов с двойной дистрибуцией как в качестве ядерного члена (вне бинарного сочетания), так и в сочетаниях, где принадлежность к ядерному члену должна быть выявлена специальной процедурой, вызывает ряд вопросов, из которых в настоящей статье мы коснемся следующих:

1) каковы отношения зависимости в бинарных структурах типа ОД—ГО, ГН—ГО, ОД—ГН (где ОД—глагол общего действия, ГН—глагол направленности, ГО—глагол ориентации);

2) каковы соотношения лексических и грамматических значений глаголов с двойной дистрибуцией в ядерной позиции и бинарных сочетаниях рассматриваемого типа.

Глагольная цепочка в кхмерском языке имеет фиксированное строение. Если взять ее полный вариант, то слева будут располагаться недостаточные и служебные глаголы, далее глаголы характеристики, общего, конкретизирующего и результативного действия, а справа от них—глаголы направленности и далее глаголы ориентации (глаголы-частицы замыкают цепочку). Интересующий нас отрезок цепочки строится как последовательность следующих звеньев: общее действие—действие, направленное по вертикали,—действие, направленное по горизонтали,—ориентирующее действие.

В принципе все перечисленные категории действий лексически равноправны. Вне цепочки морфологические модификации глаголов, способных входить в те или иные звенья, определяются характеристиками, которые не имеют отношения к собственным характеристикам выделяемых здесь звеньев.

Внутри цепочки глаголы вступают в отношения, которые следует охарактеризовать как отношения подчинения, так как

в цепочке в отличие от сочинительных сочетаний глаголы не могут меняться местами и их нельзя соединить союзами, хотя все элементы рассматриваемого участка цепочки могут употребляться и самостоятельно, отдельно, вне цепочки. Значит, цепочку в некотором смысле можно свернуть до любого из ее членов. В лексическом плане при этом исчезают из конкретного высказывания те вещественные значения, носителем которых является удаленный глагол. В грамматическом плане заполнение и свертывание звеньев цепочки подчиняется определенным правилам, при этом меняются некоторые грамматические свойства конкретного построения.

Вне цепочки любой глагол характеризуется, во-первых, способностью к модификации (имеет те или иные формы) и, во-вторых, синтаксической валентностью (может сочетаться с некоторыми разрядами частиц, дополнений, определений и т. п.). Материал показывает, что в кхмерском языке в цепочке ОД—ГН—ГО оформление принимает только глагол, занимающий крайнюю позицию слева, а остальные звенья способности к оформлению лишены. То же самое относится к сочетаемости с препозитивными частицами (хотя в других конструкциях они могут занимать позицию и после первого самостоятельного глагола).

Таким образом, на глаголы с двойной дистрибуцией накладывается следующее ограничение: выступая в составе цепочки (при условии заполнения звена слева), они лишаются самостоятельного оформления и способности сочетаться с некоторыми разрядами частиц. Например, ГО *тэу* 'уходить' имеет форму совершенного вида (*ба:н тэу* 'ушел'), но в цепочке *даэ тэу* 'удаляться пешком' показатель вида *ба:н* может занимать позицию только перед ОД *даэ* 'ходить (пешком)': *ба:н даэ тэу* 'удалился пешком'. Что же касается сочетаемости глаголов с лексически значимыми элементами, то и внутри цепочки она сохраняется. Например, ОД *даэ* 'ходить' всегда может получить обстоятельственную характеристику, а ГО *тэу* 'уходить, уезжать, удаляться' принимает дополнения со значением места: *даэ лыан тэу пхтэах* 'быстрым шагом отправился домой'. Таким образом, глаголы с двойной дистрибуцией в составе глагольной цепочки сохраняют свое управление, но изменяют парадигму. Глаголы общего действия сохраняют и то и другое.

Помимо указанного ограничения глаголы с двойной дистрибуцией резко лимитированы также количественно: в каждой из трех названных позиций (ГН по вертикали, ГН по горизонтали, ГО) их по паре. Число глаголов общего действия теоретически безгранично, ибо оно лимитировано лишь конкретным словарным запасом, конкретным состоянием лексического фонда, а не какими-либо правилами. Объяснить это последнее явление нельзя причинами лексического по-

рядка, так как в кхмерском языке существует много слов, выражающих значения направленного движения (например, *лэ:к* 'поднимать', *краок* 'вставать', 'подниматься', *нгэ:п* 'подниматься на поверхность', *леа* 'удаляться' и т. д.), которые не только никогда не встречаются в позиции ГН и ГО, но и сами с ними свободно сочетаются.

Количественная ограниченность слов, способных заполнять позиции глаголов с двойной дистрибуцией, в сочетании с фиксированностью всех позиций внутри цепочки свидетельствует о том, что глаголы направленности и ориентации в своих звеньях организуются как парадигмы элементов с взаимоисключающим и противоположным значением. Конкретно это следующие парадигмы: 1) ГН по вертикали: *твох* 'спускаться' — *лаэнг* 'подниматься'; 2) ГН по горизонтали: *тво:ль* 'входить' — *тьень* 'выходить'; 3) ГО: *мо:к* 'приходить' — *тэу* 'уходить'. По своему происхождению это лексические парадигмы, а поскольку их лексический характер ясен в тех случаях, когда глаголы с двойной дистрибуцией употребляются самостоятельно, постольку этот их лексический характер сохраняется (по крайней мере в какой-то степени) и сейчас. Так, противопоставление *кхньом мо:к коат тэу* '(Когда) я пришел, он ушел' определенно является лексическим. Поскольку внутри цепочки, несмотря на отмеченные ограничения (отсутствие форм, количественная ограниченность), глаголы с двойной дистрибуцией, во-первых, сохраняют основную синтаксическую валентность и, во-вторых, при отсечении левых звеньев восстанавливают все свои свойства, постольку выделенные парадигмы следует рассматривать как лексические и в цепочке.

Между тем сама цепочка подчинена грамматическим правилам, и отвлеченное значение каждого ее звена следует считать грамматическим. Такими грамматическими значениями следует считать значения направленности по вертикали, направленности по горизонтали и значение ориентации. Особенности выражения этих значений в данном случае состоят в том, что здесь использованы не те или иные грамматические показатели, а определенное построение, определенная конструкция. Названные значения являются значениями конструкции, которая реализуется в виде участка глагольной цепочки, все звенья которой заполняются лексически значимыми компонентами.

Каждое реальное цепочечное глагольное построение может быть, как говорилось выше, свернуто до одного члена путем «опустошения» тех или иных звеньев. Эту операцию можно называть приведением звеньев глагольной цепочки к нулю. В рассматриваемой нами конструкции из четырех звеньев (членов) на практике могут быть заполнены нулями одно, два или три звена (при нулевом заполнении всех четы-

трех звеньев останется лишь формула конструкции, абстрагированная от какого-либо реального содержания). В первом случае тот или иной глагол с двойной дистрибуцией по своим свойствам в данном контексте не отличается от глаголов общего действия (кроме того, что слева от него можно построить цепочку описанного типа). Однако грамматическое значение того звена, которое этот глагол заполняет в цепочке, сохраняется, так как заполнить данное звено еще раз нельзя.

Поскольку в указанной ситуации глагол с двойной дистрибуцией, с одной стороны, принимает оформление, подобно глаголам общего действия, а с другой стороны, сохраняет значение своего звена в цепочке, постольку мы считаем возможным говорить об особых звеньях, совмещающих свойства звена ОД и тех или иных звеньев, заполняемых глаголами с двойной дистрибуцией. Поэтому можно выделить реализованные цепочки двух типов: 1) полные, в которых имеется глагол общего действия, и 2) усеченные, в которых глагола общего действия нет и глагол с двойной дистрибуцией выполняет одновременно роль глагола общего действия (принимает оформление) и роль глагола своего звена (выражает значение направленности или ориентации). Участие в простых и сложных звеньях в составе полных и усеченных цепочек и создает двойную дистрибуцию рассматриваемых глаголов. Таким образом, позиция ОД оказывается действующей даже при нулевом заполнении, тогда как позиции ГН и ГО должны быть обязательно заполнены какими-либо представителями соответствующих звеньев, для того чтобы значения направленности и ориентации оказались выраженными. При нулевом заполнении позиции ОД первый глагол справа автоматически адаптирует свойство глагола общего действия принимать контактное оформление.

Разновидности реализаций рассматриваемой конструкции представлены в таблице.

Глаголы направленности и ориентации теоретически соединимы с любыми глаголами движения. Рассмотренные выше положения о сохранении лексического значения при определенной грамматической ущербности в составе цепочки относятся именно к сочетаниям глаголов направленности и ориентации с глаголами движения. Однако уже здесь можно отметить определенное ослабление лексического значения, его расплывчатость, понижение «лексичности». В то же время конструкции присущи черты, которые в комплексе следует расценивать как предпосылки для выработки и закрепления у глаголов направленности и ориентации черт собственно грамматических показателей. Это следующие предпосылки: 1) фиксированность позиций, связанных с выражением грамматических значений; 2) парадигматичность звеньев направленности и ориентации; 3) количественная ограниченность и

Таблица

Позиция Тип цепочек	ОД	ГН по вер- тикали	ГН по горн- зонтали	ГО
Полные	-----	0	0	0
	-----	-----	0	0
	-----	0	-----	0
	-----	0	0	-----
	-----	-----	-----	0
	-----	-----	0	-----
	-----	0	-----	-----
	-----	-----	-----	-----
Усеченные	-----	0	0
	0	-----	0
	0	0	-----
	-----	-----	0
	-----	0	-----
	0	-----	-----
	-----	-----	-----

Примечание. В таблице приняты следующие обозначения: пунктиром показано, что звено заполнено, точками — что звено не заполнено, но его основные свойства адаптированы звеном справа; ноль обозначает, что звено не заполнено.

определенность звеньев направленности и ориентации; 4) универсальность конструкции при глаголах движения; 5) грамматическая ущербность глаголов направленности и ориентации в составе цепочки (зависимость с точки зрения оформления от звена слева).

Как было показано, конструкция с глаголами с двойной дистрибуцией может иметь разное наполнение (см. таблицу) и, кроме того, глаголы, входящие в цепочку, могут иметь собственные зависимые члены. Разная заполненность цепочки и разная реализация валентностей ее составляющих непосредственно влияют на повышение или понижение лексичности глаголов направленности и ориентации. К факторам, повышающим лексичность, относятся: 1) приведение к нулю звеньев цепочки и приближение к глаголам общего действия или совмещение с ними того или иного компонента (образование сложного звена); 2) реализация валентностей глагола с двойной дистрибуцией (введение зависимых членов — дополнений, определений). К факторам, понижающим лексичность, относятся: 1) увеличение числа заполненных звеньев и соответственно удаление глагола с двойной дистрибуцией от глаголов общего действия; 2) реализация валентностей не у данного глагола с двойной дистрибуцией, а у других глаголов в цепочке.

На то, что у глаголов с двойной дистрибуцией действительно развиваются и развились грамматические значения, указывает факт употребления их не только с глаголами движения, но и с глаголами, которые не выражают никакого реального передвижения в пространстве. Приведем несколько таких примеров: *прап коат мо:к* 'сказал ему' (ГО *мо:к* 'приходить' сочетается с глаголом *прап* 'сказать, сообщать'), *поуль тьень тэу* 'произнести' (ГН *тьень* 'выходить' и ГО *тэу* 'уходить' сочетаются с глаголом *поуль* 'говорить'), *кыт тьох кыт лаэнг* 'обдумывать со всех сторон' (ГН *тьох* 'спускаться' и *лаэнг* 'подниматься' сочетаются с глаголом *кыт* 'думать'). В этих случаях цепочку можно свернуть только до звена с глаголом общего действия, но никак не до звена с глаголами с двойной дистрибуцией, иначе полностью искажается смысл высказывания. Это говорит о том, что глаголы направленности и ориентации в таких случаях не несут никакой лексической информации, функции их чисто грамматические. Но эти грамматические функции могли развиваться только внутри рассматриваемой цепочки с глаголами движения, что подтверждается также параллелизмом грамматических значений в конструкции с глаголами движения и у ГН и ГО при глаголах недвижения (значение направленности, ориентации).

Сказанное выше позволяет определить анализируемую конструкцию с глаголами, имеющими двойную дистрибуцию, как некоторое релеобразное устройство, в котором включе-

ние определенных факторов приводит к постепенному «затуханию» лексичности, а развитие грамматических значений у некоторых звеньев цепочки позволяет в определенных условиях переносить значение звена на конкретные материальные заполнители этого звена; при этом происходит полное выключение реле (глаголы с двойной дистрибуцией полностью лишаются лексичности, превращаясь в чисто грамматические показатели). Формальным признаком полного выключения реле является свертываемость цепочки исключительно до звена ОД.

Н. В. ОМЕЛЬЯНОВИЧ

ЗАВИСИМОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО
ЗНАЧЕНИЯ КОНСТРУКЦИИ
ОТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЕЕ ЧЛЕНОВ

*(на примере употребления отглагольных существительных
с префиксом а- в современном бирманском языке)*

В бирманском языке многие грамматические значения, которые в других языках выражаются морфологически, т. е. на уровне слова, находят свое выражение на более высоком уровне, т. е. выражаются лексико-синтаксическими средствами при помощи определенных конструкций. Какие же требования предъявляются к подобным конструкциям, что дает им возможность служить грамматическим целям? Для ответа на этот вопрос рассмотрим эндоцентрические конструкции, состоящие из двух членов, первым из которых является зависимый член, выраженный отглагольным существительным с префиксом *а-*, а вторым — ядерный член, выраженный глаголом, т. е. будут рассматриваться конструкции с моделью $N(aV_1) + V_2$ (где N — существительное, V — глагол).

Зависимость N от V_2 проявляется в порядке слов. В бирманском языке N , непосредственно примыкающее в препозиции к V , чаще всего является дополнением к этому V . При определенных условиях N в указанной позиции может быть и подлежащим по отношению к непосредственно следующему за ним V , но это явление можно считать частным случаем реализации конструкции $N(aV_1) + V_2$ в речи, о чем будет сказано ниже.

Первый, зависимый член рассматриваемой конструкции — отглагольное имя, образованное при помощи префикса *а-*. Последний произносится как атональный нейтральный гласный среднего ряда. Следует отметить универсальную продуктивность этого префикса в языке, который, по существу, является языком суффиксальным.

С помощью этого префикса образуются существительные от любых глаголов любого лексико-грамматического клас-

са и подкласса, имеющих любую возможную в языке структуру. В русском языке, к примеру, нет словообразовательного аффикса, приближающегося по своей продуктивности к префиксу *a-* в бирманском языке. Продуктивным суффиксом, образующим отглагольные существительные, считается суффикс *-ан(ие)*, *-ен(ие)*. Однако далеко не от каждого глагола можно образовать существительное, например: *загнивать* — *загнивание*, *перерастать* — *перерастание*, но *миновать* (стадию капитализма) — ...от последнего глагола нельзя образовать существительное ни с этим суффиксом, ни с каким-либо другим.

Универсальная продуктивность — это первая особенность зависимого члена конструкции в бирманском языке. Вторая особенность его — полифункциональность. Отглагольные существительные с префиксом *a-* помимо всех функций, присущих обычным существительным, т. е. существительным, обозначающим предметы, имеют еще целый ряд особых, только им свойственных функций. Таким образом, помимо своей универсальности в области словообразования они обладают универсальностью в области функционирования. О последней их особенности подробно говорится в книге Джона Окелла «Справочная грамматика разговорного бирманского языка» [3, 47].

К специфическим функциям отглагольных существительных с префиксом *a-* следует отнести: 1) постпозитивное определение к имени (предметные существительные в этой функции находятся в препозиции к определяемому); 2) определение к глаголу; 3) возвратное дополнение, т. е. дополнение с тем же корнем, что и глагол, к которому оно относится (типа русских словосочетаний *танцевать танец*, *делать дело*); 4) дополнение цели и 5) дополнение результата.

Таковы особенности первого (зависимого) члена конструкции¹. Второй (ядерный) член конструкции V_2 может

¹ Указанные особенности образования по модели *aV* сближают его с глагольными формами в других языках (регулярность образования и специфичность функций), тем более что отглагольные существительные с префиксом *a-* могут принимать дополнения и быть частью нексуса, как и глаголы, от которых они образованы. Однако мы воздерживаемся от интерпретации *aV* как глагольной формы на следующем основании: поскольку почти всеми особенностями префиксальных отглагольных существительных в бирманском языке обладают и многочисленные суффиксальные существительные, то формами глагола пришлось бы признать не только *aV*, но и *Vчхин*³, *Vйа*², *Vхан*², *Vпоун*² и др. Суффиксальные же образования отличаются друг от друга часто лишь вещественным значением суффикса (или полусуффикса). Таким образом, трактовка образований *aV* как отглагольных существительных не только проще, но и более «правильна», так как «не нарушает целостной картины бирманского языка» [1, 211—220]. Действительно, для бирманского языка формообразование нехарактерно, а субстантивация как отдельных глаголов, так и всевозможных речевых цепочек, оканчивающихся на глагол, крайне характерна.

быть выражен также любым глаголом любого класса и под-класса, так что конструкция с моделью $aV_1 + V_2$ и V_1 и V_2 не имеет ограничений в сфере лексического наполнения. С другой стороны, конструкция $aV_1 + V_2$ передает множество самых различных грамматических значений, что, конечно, связано с многообразием функций отглагольного имени с префиксом *a*. Конструкция $aV_1 + V_2$ может реализоваться в речи и как субъектно-глагольная, и как объектно-глагольная: *апье³ + мьан²* 'бег быстрый' (*пье³* 'бежать', *мян²* 'быть быстрым'); *амьан² + чжай⁴* 'быстроту любить' (*чжай⁴* 'нравиться'). Конструкция $AV_1 + V_2$ может иметь более узкие значения: *амьан² + пье³* 'быстро бежать'; *ауа¹ + са³* 'есть досыта' (*уа¹* 'быть полным', *са³* 'есть'); *аса³ + ла²* 'прийти поесть' (*ла²* 'приходить'); *ате² + йай⁴* 'забить до смерти' (*те²* 'умирать', 'быть мертвым', *йай⁴* 'бить') и др.

Такое многообразие грамматических значений при одинаковом оформлении конструкции $aV_1 + V_2$ (контактное положение отглагольного имени aV_1 в препозиции к глаголу V_2) зависит от семантики как V_1 , так и V_2 , как зависимого, так и ядерного члена. Для того чтобы выяснить, какие лексические наполнители V_1 и V_2 дают то или иное грамматическое значение конструкции, примем сначала ядерный член V_2 за постоянную величину, а зависимый член aV_1 — за переменную. При V_2 , выраженном глаголом действия, например глаголом *йай⁴* 'бить', V_1 чаще всего бывает выражен глаголом качества или состояния, отглагольное же имя aV_1 будет либо определением [чаще качественным, но иногда и количественным к V_2 , например: *айэ⁴азэ⁴ + йай⁴* 'безжалостно избивать' (*йэ⁴зэ⁴* 'быть жестоким'); *амьа³ + йай⁴* 'много бить' (*мьа³* 'быть в большом количестве')], либо результативным дополнением: *ате² + йай⁴* 'забить до смерти'.

Если же принять за постоянную величину зависимый член конструкции aV_1 , а V_2 — за переменную, то можно установить, как и в какой мере меняется грамматическое значение всей конструкции при разном лексическом наполнении V_2 . Пусть V_1 будет глаголом действия, например *йай⁴* 'бить', тогда отглагольным именем aV_1 будет *айай⁴* 'избиение'. Тогда при одном и том же лексическом значении первого (зависимого) члена конструкции ($aV_1 = айай⁴ 'избиение') в зависимости от лексического значения второго (ядерного) члена конструкции (V_2) грамматическое значение конструкции $aV_1 + V_2$ будет изменяться следующим образом:$

1) при V_2 , выраженном глаголом качества, конструкция будет передавать субъектно-глагольные отношения: *айай⁴ мьа³* 'избиения многочисленны', *айай⁴ йэ⁴зэ⁴* 'избиение жестоко' и т. п.;

2) при V_2 , выраженном глаголом действия, эта же конструкция будет передавать объектно-глагольные отношения:

айай⁴ йа⁴ 'прекратить избивание', *айай⁴ сатин²* 'начать избивание', *айай⁴ чжай⁴* 'любить избивание' и т. п.;

3) при V_2 , выраженном глаголом движения, эта конструкция будет передавать отношение действия и цели этого действия, т. е. aV_1 будет дополнением цели к V_2 : *айай⁴ ла²* 'прийти, чтобы побить' и т. п.;

4) при V_2 , выраженном глаголом побуждения, конструкция становится побудительной: *айай⁴ хлоу⁴зе²* 'поручить (кому-либо) избивание', *айай⁴ кхуйн¹ньу¹* 'разрешить (кому-либо) избить', *айай⁴ тха³мы⁴* 'запретить избивать' и т. п.

Можно заметить, что, чем больше сужается круг глаголов, занимающих позицию V_2 , тем уже и грамматическое значение конструкции. Действительно, если брать самое крупное разбиение глаголов, а именно разбиение их на лексико-грамматические классы (в наших примерах глаголы действия и глаголы качества), то и грамматическое значение конструкции будет достаточно общим: она будет передавать соответственно либо объектно-глагольные, либо субъектно-глагольные отношения. Когда же в позиции V_2 оказывается не весь класс глаголов действия, а лишь его семантический подкласс — глаголы движения или глаголы побуждения, то и грамматическое значение конструкции становится уже, специфичнее, хотя это значение еще и остается в сфере синтаксиса. Так, aV_1 будет по содержанию не просто объектом, а объектом со значением цели или побуждения.

Когда же круг глаголов в позиции V_2 сужается до минимума, т. е. одного глагола, то конструкция $aV_1 + V_2$ начинает выражать частную грамматическую категорию в системе глагола. Так получается, если V_2 выражен глаголами *кхан²* 'испытывать' и *кхайн³* 'велеть'. В первом случае при помощи конструкции выражается синтаксическими средствами пассивный залог, а во втором случае — побудительный залог, или каузатив, например: *айай⁴ + кхан²* 'быть избиваемым', *аса³ кхан²* 'быть съдаемым' при *кхан²* — 'испытывать', *айай⁴ + кхайн³* 'велеть (кому-либо) избить', *аса³ + кхайн³* 'велеть (кому-либо) съесть'. При этом для выражения пассива V_1 должен быть представлен каким-либо глаголом действия, который по своей семантике может иметь дополнение со значением прямого объекта, а для выражения каузатива V_1 может быть представлен практически любым глаголом действия, например глаголом движения: *анье³ кхайн³* 'велеть (кому-либо) бежать' и т. п.

Формально отглагольное имя aV_1 в этой конструкции является дополнением со значением прямого объекта: *айай⁴ + кхан²* букв. 'избивание испытывать', *айай⁴ + кхайн³* букв. 'избивание велеть'. Это дополнение всегда находится в контактной позиции к глаголу, поэтому не маркируется. В некоторых случаях вместо отглагольного имени aV_1 в этих кон-

струкциях (особенно при глаголе *кхайн*³ 'велеть') употребляется глагол V_1 , т. е. в формуле $aV_1 + V_2$ как бы выпадает префикс *a-*, тогда в формуле $V_1 + V_2$ компонент V_1 становится основным глаголом, а V_2 — вспомогательным.

Семантика глаголов *кхан*² и *кхайн*³ этому только способствует. Оба глагола отличаются от своих синонимов более отвлеченным характером своего лексического значения. Признавая обобщающую силу почти за всеми словами языка, нельзя игнорировать тот факт, что они обобщают в разной степени. Так, в ряду глаголов побуждения «приказывать», «просить», «умолять», «велеть» и т. п. глагол «велеть» обладает самой большой степенью абстракции. Этот глагол выражает как бы «чистое» побуждение, в то время как «приказывать», «умолять» и т. п. — это семантически «велеть + как велеть, каким тоном велеть» и т. п. Именно в силу своего абстрактного характера глаголы *кхайн*³ 'велеть' и *кхан*² 'испытывать' применимы к большему числу ситуаций, чем их менее абстрактные синонимы. Так, испытывать можно не только плохое воздействие, но и хорошее, приятное, поэтому в конструкции $aV_1 + кхан^2$ компонент V_1 может быть выражен не только глаголами «бить», «обманывать», «ловить» и т. п., но и глаголами «баловать», «ласкать», «любить» и т. п. [2, 145—158].

Семантика глаголов V_2 в конструкциях, передающих значение частных грамматических категорий, с одной стороны, достаточно отвлеченна, что и делает возможным само существование таких конструкций, с другой стороны, она же и ограничивает употребление этих конструкций. Поскольку глагол *кхан*² 'испытывать' семантически связан с наличием ощущений, а ощущать что-либо (как плохое, так и хорошее) могут только живые существа (или те, которые считаются живыми), то и пассивная конструкция $aV_1 + кхан^2$ употребляется только по отношению к существительным, обозначающим одушевленные объекты. Так, при помощи конструкции $aV_1 + кхан^2$ можно сказать о человеке, что он был избит, съеден (чудовищем), оштрафован, награжден и т. п., но нельзя сказать, употребив ту же конструкцию, «яблоко съедено», «ключ потерян» и т. п.

Глагол *кхайн*³ 'велеть' семантически связан с волеизлиянием человека, поэтому и конструкция $aV_1 + кхайн^3$ ограничена в своем употреблении кругом лиц, божеств, духов и т. п. Эту конструкцию нельзя употребить по отношению к неодушевленным объектам действительности или отвлеченным понятием, т. е. в предложениях типа «Дождь заставил меня...», «Долг велит нам...» и т. п.

Можно ли конструкции $aV_1 + кхан^2$ и $aV_1 + кхайн^3$ считать аналитическими формами глагола V_1 , наподобие аналитической формы будущего времени глагола в русском язы-

ке «буду + V в инфинитиве»? Что требуется от конструкции для того, чтобы ее можно было считать формой глагола? Для ответа на этот вопрос сравним указанные бирманские конструкции с русской конструкцией «быть + инфинитив глагола», которую примем за эталон аналитической формы глагола. И в русской и в бирманских конструкциях можно выделить постоянную и переменную величины. Для русской конструкции постоянной величиной является глагол *быть*, а для бирманских конструкций — глаголы *кхан*² 'испытывать' и *кхайн*³ 'велеть'. Последние обладают отвлеченным лексическим значением, что и дает им возможность стать ядерным членом конструкций, выражающих значение глагольных категорий. Однако ни *кхан*², ни *кхайн*³ не имеют той степени абстракции, какой обладает русский глагол *быть*, что и мешает им грамматикализироваться. Не случайно, в русском языке именно конструкция с глаголом *быть*, а не другие конструкции, выражающие будущее время, например *думаю* (*намереваюсь, собираюсь* и т. п.) *писать*, стала аналитической формой глагола в будущем времени.

Что же касается переменной величины сравниваемых конструкций, т. е. зависимого члена, то легко заметить, что в русском языке глагол в инфинитиве, следующий за глаголом *быть*, может быть представлен практически любым глаголом несовершенного вида: *буду писать (ходить, бить, краснеть, болеть)* и т. п., а круг глаголов V_1 в бирманских конструкциях хотя и довольно широк, что и дает возможность конструкции $aV_1 + V_2$ выражать значение глагольных категорий, но все же ограничен. На основании этих сравнительных данных можно сказать, что бирманская конструкция $aV_1 + V_2$ не является формой (аналитической) глагола V_1 , хотя и используется в силу указанных чисто лексических особенностей V_1 и V_2 для выражения значений глагольных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. А. Мельчук. К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений, — сб. «Фонетика, фонология, грамматика», М., 1971.
2. Н. В. Омелянович, О пассиве в современном бирманском языке, — сб. «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1970.
3. J. Okell, A Reference Grammar of Colloquial Burmese, pt 1, London, 1969.

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ *ÊTRE*+*PARTICIPÉ PASSÉ*
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, сочетание *être*+*participé passé* употребляется или как аналитическая глагольная словоформа, или как адъективированное причастие со связкой.

Задача статьи — рассмотреть грамматические значения этого сочетания при его употреблении в качестве аналитической словоформы.

Этой проблематике посвящен ряд монографий, статей и разделов более крупных работ; см. [1]; [3]; [4]; [6]; [7]; [8]; [10]; [11]; [12]. В данной статье предлагается несколько иной подход к проблеме, развивающий некоторые, уже ранее существовавшие положения.

1. Здесь вводится новая для французской грамматики категория результата, основанная на оппозиции процессуальных и результативных значений глагольных форм. Многие случаи употребления сочетания *être* + *participé passé*, которые рассматривались обычно как случаи адъективации, по принятой здесь классификации относятся к числу результативных глагольных форм (например: *il est couché, il est assis*).

2. Рассматривается комбинаторика значений категорий залога, времени, вида и результативности в форме *être* + *participé passé*.

В работе приняты следующие ограничения:

1) привлекаются лишь те случаи употребления формы *être* + *participé passé*, в которых вспомогательный глагол стоит в настоящем времени. Объясняется это ограничение тем, что нас интересуют формы результата, а они образуются с глаголом *être* в презенте или имперфекте. Из-за размеров статьи мы вынуждены ограничиться рассмотрением презенте, но все сказанное с некоторыми поправками можно распространить и на случаи имперфекта;

2) исследуются значения глагольных форм без учета сочетаемости с наречиями и другими частями речи, так как под влиянием последних значения глагольных форм могут изменяться, а это составляет тему отдельного исследования. Иначе говоря, здесь описывается сама глагольная система, а не взаимное влияние двух систем, например глаголов и наречий, как это сделано в интересном исследовании А. Клюма [8].

Для характеристики залоговых значений глагольных форм в работе используются термины актив и пассив, причем мы исходим из существования во французском языке только этих двух залогов. Все непереходные глаголы (не сочетающиеся с прямым дополнением) по этой классификации имеют один залог — актив, переходные глаголы (сочетающиеся с прямым дополнением), как правило, имеют два залога — актив и пассив.

Для характеристики временных значений глагольных форм используются термины «настоящее» и «прошедшее» время. Для характеристики глагольных форм с точки зрения результативности или процессуальности используются термины «результат» и «процесс»¹. Для характеристики видовых значений в статье используются термины «совершенный» и «несовершенный» вид, причем эта оппозиция существует только для процессуальных форм, так как вид определяет различия в характере протекания процесса, результативные же формы не обозначают процесса. Итак, глагольная форма, имеющая значение совершенного вида, обозначает завершённый процесс; глагольная форма, имеющая значение несовершенного вида, обозначает незавершённый процесс.

Значение результативности и вида соотносятся так, как это показано на таблице 1, из которой видно, что результативные формы не делятся по видовому признаку.

Таблица 1

Процесс	Несовершенный вид Совершенный вид
Результат	—

Рассмотрим комбинаторику значений результативности, вида и времени у формы *être + participe passé*, а также соотносимые с этими значениями и принятые в грамматике названия, присваиваемые данной форме (табл. 2).

¹ В романистике, как правило, используются в этом значении термины «процесс» (*Vorgang*) и «состояние» (*Zustand*). Термин «результат» представляется более удачным, чем термин «состояние», из-за многозначности последнего, а также потому, что для названия соответствующей глагольной формы принят термин «результатив».

Таблица 2

Комбинаторика значений	Название формы
Процесс завершенный, прошедшее	Перфект
Процесс незавершенный, настоящее	Презент
Результат — настоящее	Результатив

Для комбинации значений результата и настоящего времени здесь вводится термин «результатив».

Набор категориальных значений у формы *être + participe passé* определяется тем, от какого глагола образована данная форма.

Здесь принимается деление глаголов на подклассы переходных и непереходных по синтаксическому признаку и предельных и непредельных по семантическому признаку. «Предельными являются такие глаголы, которые обозначают действие так, что оно как бы стремится достигнуть завершения (предела), с достижением которого данное действие должно прекратиться, исчерпав себя... Непредельные глаголы обозначают действие так, что оно как бы не имеет в виду достигнуть такого завершения, которое бы его исчерпало» [2, 64—65]; см. также [5]. Примеры предельных глаголов: *dire* 'сказать', *mourir* 'умирать', *vaincre* 'побеждать', *gagner* 'выигрывать'. Примеры непредельных глаголов: *aimer* 'любить', *attendre* 'ждать', *jouer* 'играть'.

Кроме того, есть еще большая группа глаголов, которые в разных контекстах могут иметь и предельное и непредельное значение. Эти глаголы в форме *être + participe passé*, как правило, имеют значение, свойственное предельным глаголам, поэтому в настоящей работе они рассматриваются вместе с последними.

Рассмотрим значение формы *être + participe passé* в зависимости от подкласса глаголов.

1-й случай. Форма *être + participe passé* образована от непереходных непроизводных глаголов (движения, изменения, состояния). Тогда она представляет собой форму сложного прошедшего времени — *passé composé* — и имеет значение перфекта². У этих глаголов, составляющих закрытый список, глагол *être* является позиционным вариантом глагола *avoir*. Например:

1) *A quel moment est-il parti?* (Simenon) 'Когда он уехал?'

² Временной сдвиг от настоящего времени, в котором стоит вспомогательный глагол, к прошедшему времени (перфекту) характерен из рассматриваемых только для этой группы глаголов.

Не исключено также значение результата настоящего времени, но только от непереходных предельных глаголов, причем если *passé composé* со вспомогательным глаголом *être* образуется от сравнительно небольшого числа непереходных глаголов, то форма результата может образовываться и от некоторых из тех глаголов, которые обычно спрягаются с *avoir*³. Например:

2) *Je ne sors de mon taxi que quand l'infirmière est apparue* (Hérial) 'Я выхожу из своего такси только тогда, когда медицинская сестра уже появилась'.

По залоговому значению форма *être + participe passé* от непереходных глаголов активна.

2-й случай. Форма *être + participe passé* образована от переходных или непереходных местоименных глаголов. Значения результата или процесса комбинируются в ней с залоговыми значениями актива или пассива. Логически возможны следующие четыре комбинации названных значений:

- А) Процессуально-пассивное;
- Б) Результативно-пассивное;
- В) Результативно-активное;
- Г) Процессуально-активное.

Реализация той или иной из этих логических возможностей связана со свойствами переходности—непереходности и предельности—непредельности глагола. Эта зависимость показана в табл. 3.

Таблица 3

Глагол	Непредельный	Предельный
Переходный	А) Процесс.-пассив.	Б) Результат.-пассив.
Непереходный	Г) Процесс.-актив.	В) Результат.-актив.

А) Если форма образована от переходного непредельного глагола, она имеет значение процессуального пассива. Например:

3) *Pouvez-vous me dire si Mlle Thouret est attendue à votre bureau demain matin?* (Simenon) 'Можете ли вы мне сказать, ожидается ли мадемуазель Туре в вашем бюро завтра утром?'

Форма *être + participe passé* противопоставлена исходной форме по залоговому значению: оппозиция актив—пассив.

³ В словаре [9] формам с глаголом *avoir* приписывается значение *Handlung* (действие), а формам с *être*—значение *Zustand* (состояние). Такие двойные формы зарегистрированы у многих непереходных предельных глаголов: *accourir, apparaître, changer, disparaître, passer* и др.

Здесь возможна трансформация в актив с постановкой глагола в ту же самую временную форму, причем временное значение форм актива и пассива эквивалентно:

3') *Pouvez-vous me dire si vous attendez Mlle Thouret à votre bureau demain matin?* 'Можете ли вы мне сказать, ожидаете ли вы мадемуазель Туре в нашем бюро завтра утром?'

Б) Если форма образована от переходного предельного глагола, она имеет значение результативного пассива. Например:

4) *Le manuscrit de son grand ouvrage est achevé depuis plusieurs années* (Vailland) 'Рукопись его большого труда окончена много лет назад'.

Форма *être + participe passé* противопоставлена исходной и по залоговому значению, и по значению результативности: оппозиция актив — пассив и оппозиция процесс — результат. Трансформация в актив с той же временной формой не дает смысловой эквивалентности. Точного эквивалента этому предложению в активе нет, так как актив от переходных глаголов не имеет формы результата. Для получения приблизительной смысловой эквивалентности необходимо употребить в активе другую форму времени (в пассиве *présent*, в активе *passé composé*):

4') *Il a achevé le manuscrit de son grand ouvrage depuis plusieurs années* 'Он окончил рукопись своего большого труда много лет назад'.

(Неверно 4'': **Il achève le manuscrit de son grand ouvrage depuis plusieurs années.*)

В) Если форма образована от непереходного (местоименного) предельного глагола, она имеет значение активного результата. Примеры таких глаголов: *se coucher* 'ложиться', *s'asseoir* 'садиться', *s'accroupir* 'присаживаться на корточки', *s'évanouir* 'падать в обморок', *s'endormir* 'засыпать', *s'accouder* 'прислоняться'. Например:

5) *Dis donc! Tu es sûr que ton ami n'est pas évanoui?* (Simenon) 'Скажи, а ты уверен, что твой друг не лежит в обмороке?'

Форма *être + participe passé* противопоставлена местоименной форме по признаку результативности: оппозиция процесс — результат. Трансформация в местоименную форму с постановкой глагола в то же самое время не дает смыслового эквивалента. Для достижения смысловой эквивалентности необходимо употребить форму *passé composé*:

5') *Tu es sûr que ton ami ne s'est pas évanoui?* 'Ты уверен, что твой друг не упал в обморок?'

(Неверно 5'': **Tu es sûr que ton ami ne s'évanouit pas?*)

Г) Если форма *être + participe passé* образована от непереходного (местоименного) непредельного глагола, то она имеет значение процессуально-активное. Примеры таких гла-

голов: *s'énerver* 'нервничать', *s'étonnoir* 'волноваться', *s'affoler* 'сходить с ума', *se préoccuper* 'заниматься', *s'enrager* 'злиться' и др. Например:

б) *Je sais bien qu'on est toujours un peu énérvé dans le boulot...* (Courtade) 'Я отлично знаю, что во время работы всегда немного нервничаешь...'

Форма *être + participe passé* соотносится с местоименной формой и имеет активное и процессуальное значение, так же как и местоименная форма. Отсюда можно сделать вывод, что в случае Г) форма *être + participe passé* не противопоставлена местоименной форме ни по залогу, ни по результативности. Действительно, при трансформации в конструкцию с местоименной формой в том же самом времени мы получаем смысловую эквивалент:

б') *Je sais bien qu'on s'énerve toujours un peu dans le boulot...* 'Я отлично знаю, что во время работы всегда немного нервничаешь...'

Глаголы этой группы — непереходные, местоименные, не-предельные, как правило, обозначают внутренние психические состояния человека. У всех этих глаголов, если от них образуется форма *être + participe passé*, она очень близка по значению к местоименной форме (при условии настоящего времени в обоих случаях). У этих глаголов возможны следующие соотношения между настоящим временем местоименной формы и настоящим временем *être + participe passé*.

1-й тип. Употребляется только местоименная форма и отсутствует или неупотребительна форма *être + participe passé*. Пример: глагол *se réjouir* 'радоваться' — *Il se réjouit*, но не **Il est réjoui*.

2-й тип. Употребляется только или преимущественно форма *être + participe passé* и неупотребительна местоименная форма. Пример: глагол *s'étonnoir* 'волноваться' — *Il est étonné*, но плохо **Il s'étonne*.

3-й тип. Употребляются обе формы, но их значения дифференцированы. Так, местоименная форма может чаще употребляться в значении обычного повторяющегося действия, в то время как форма *être + participe passé* — в значении актуального действия. Пример: глагол *s'enrager* — *Il est enragé (en se moment)* 'Он взбешен (сейчас)'; но *Il s'enrage souvent* 'Он часто бывает взбешен'.

Необходимо заметить, что причастия глаголов этой группы легко адъективируются, что способствует дифференциации значений.

Из изложенного выше ясно, что залоговое значение формы *être + participe passé* зависит от переходности или непереходности исходного глагола.

От переходного глагола — это пассив. См., например:
 7) *Les Suez! mais ils sont vendus...* (Mauriac) 'Акции Суэцкого канала, но они же проданы...'

От непереходного глагола — это актив:

8) *Tu es déjà levée? Je viens de ta chambre* (Anouilh) 'Ты уже встала? Я сейчас из твоей комнаты'.

Однако во французском языке существует много случаев, когда форма *être* + *participe passé* может быть семантически и деривационно связана как с переходным, так и с непереходным (местоименным) глаголом (табл. 4).

Таблица 4

<i>être vaincu</i>	<i>vaincre</i>
<i>être évanoui</i>	<i>s'évanouir</i>
<i>être habitué</i>	<i>habituier</i> <i>s'habituier</i>

Примеры омонимичных форм: *être habitué* 'быть приученным' и 'привыкнуть', 'быть привыкшим' (*habituier, s'habituier*), *être brouillé* 'быть поссоренным' и 'быть в ссоре' (*brouiller, se brouiller*), *être convaincu* 'быть убежденным (кем-то)' и 'убедиться' (*convaincre, se convaincre*), *être habillé* 'быть одетым (кем-то, самому)' (*habiller, s'habiller*).

Каждая из этих форм является в разных контекстах либо пассивным результатом, либо активным результатом. Некоторые формы, такие, как *être marié* 'быть женатым' *être assis* 'сидеть', *être couché* 'лежать', употребляются, как правило, в значении активных результатов. В других случаях омонимия разрешается в контексте либо не разрешается вовсе. Примеры:

9) *La langue est fixée par les grands auteurs aussi bien que par les grammairiens* (Koukenheim) 'Язык фиксируется великими авторами, так же как и грамматистами'.

Форма *être* + *participe passé* имеет здесь пассивное значение только благодаря наличию в предложении агентивного дополнения. Предложение *La langue est fixée* имело бы значение 'Язык застыл, перестал развиваться'.

10) *J'aimerais beaucoup avoir un entretien avec Albert.— Si cela ne tenait qu'à moi, il serait ici ce matin... Je suis sûre qu'il est caché quelque part tremblant de tous ses membres* (Simenon) 'Я бы очень хотел поговорить с Альбером.— Если бы это зависело только от меня, он бы пришел сюда сегодня утром. Я уверена, что он где-то спрятался и дрожит всем телом'.

В этом примере наличие причастного оборота, выраженного активным причастием, позволяет классифицировать форму как активный результатив.

В следующих примерах, напротив, контекст не дает оснований для характеристики залогового значения изучаемой формы:

11) *Les lieux mêmes qui servirent de cadres à l'action, se retrouvent, les maisons sont conservées* (Funck-Brentano) 'Те места, которые служили кадром для действия, отыскиваются, дома сохранились (сохранены)'

12) *...Les circonstances m'ont brouillé avec un personnage puissant. Moi, je me dis «Quelle chance! Je suis débarrassé de cet imbécile»* (Maurois) 'Обстоятельства поссорили меня с могущественным лицом... Я же говорю себе: «Какое счастье. Я избавлен (избавился) от этого тупицы»'

Надо, однако, заметить, что для понимания текста идентификации этой формы по ее залоговой принадлежности не требуется. По-видимому, в таких случаях, когда существуют три формы от одного глагола (типа *débarrasser, se débarrasser, être débarrassé*), имеющие общее лексическое значение, можно говорить о нейтрализации залоговой оппозиции в форме *être + participe passé*. Сама же форма, если исходный глагол предельный, может рассматриваться как результатив с нейтральным залоговым значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Гэрей, Глагольный вид во французском языке, — сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962.
2. И. П. Иванова, Вид и время в современном английском языке, Л., 1961.
3. Е. А. Реферовская, Категория вида во французском глаголе, — «Известия АН СССР», т. VIII, вып. 5, М.—Л., 1948.
4. Е. А. Реферовская, Развитие категории залога во французском языке, докт. дисс., Л., 1956.
5. А. А. Холодович, О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков), — сб. «Филология стран Востока», Л., 1963.
6. J. Damourette, Ed. Pichon, Essai de grammaire de la langue française, 1911—1936, vol. 5, Paris, 1936.
7. J. Dubois, Grammaire structurale de français, vol. II, Le verbe, Paris, 1967.
8. A. Klum, Verbe et adverbe, Uppsala, 1961.
9. Reum, Petit dictionnaire de style, Leipzig, 1953.
10. J. Schmidt-Jensen, «Vorgang» et «Zustand» des formes passives et leurs rapports avec l'aspect du verbe en français moderne. Etudes romanes dédiées à A. Blinkenberg, 1963.
11. H. Sten, Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne, København, 1952.
12. H. Yvon, Aspects du verbe français et présentation du «procès», — «Le français moderne», 1951, № 19.

ЗНАЧЕНИЯ АРМЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ, ОБРАЗОВАННЫХ ПРИ ПОМОЩИ СУФФИКСА -Վ-

Суффикс -Վ- служит в армянском языке для образования залоговых форм глагола. Эти формы могут употребляться в пассивной, рефлексивной и декаузативной производных синтаксических конструкциях, т. е. они могут иметь соответственно перечисленные значения. Многозначность суффикса -Վ- отмечается во всех без исключения работах, связанных с категорией залога в армянском языке. Однако обусловленность того или иного значения производной формы глагола, имеющей суффикс -Վ-, и ее употребления в перечисленных синтаксических конструкциях нельзя считать окончательно выясненной. В довольно обширной литературе по залогу¹ можно встретить указания на то, что пассивное значение производной формы реализуется при наличии агентивного дополнения. В некоторых работах приводятся списки глаголов, которые употребляются только в пассиве или в пассиве и в рефлексиве. Декаузативные конструкции вообще не были выделены как самостоятельные.

В настоящей работе делается попытка связать возможность реализации пассивного, рефлексивного и декаузативного значений производной формы глагола с его семантическими и синтаксическими характеристиками.

Прежде всего необходимо выяснить, как понимаются здесь пассивные, рефлексивные и декаузативные конструкции, в которых реализуются соответствующие значения рассматриваемых форм. Пассивными называются такие производные конструкции, в которых подлежащее не обозначает субъекта действия [6, 31], например²: *Namakə* (1) *grvel* (2) *e* (3) *hor* (4) *koγmic* (5) 'Письмо (1) написано (2,3) от-

¹ Из-за недостатка места здесь не приводятся ссылки на все работы по этой теме. Специально данный вопрос рассматривался А. А. Абрамяном [1, 616—662] и М. Е. Асатрянном [2, 142—176].

² Армянские примеры нами даны здесь в транслитерации; см. [4].

цом (4,5)'. В декаузативных и рефлексивных производных конструкциях подлежащее обозначает субъект действия. Разграничение этих двух последних производится на основе их сопоставления с исходными конструкциями³.

Если субъект действия, выраженного в исходной конструкции глаголом, остается субъектом ситуации, передаваемой производным предложением, то производная конструкция является рефлексивной, например: *Tγan(1) lvac(2) jeresn(3) u(4) dzer.nerə(5)* 'Мальчик(1) умыл(2) лицо(3) и(4) руки(5)' *Tγan(1) lvacvec(2)* 'Мальчик(1) умылся(2)'. Если же в качестве субъекта действия в производном предложении выступает объект ситуации, описанной в исходном предложении, то данная производная конструкция является декаузативной, например: *Khamin(1) bacel(2) e(3) dur.ə(4)* 'Ветер(1) открыл (2,3) дверь(4)' → *Dur.ə(1) bacvel(2) e(3) khamuc(4)* 'Дверь(1) открылась(2,3) от ветра(4)'.
Это разграничение может быть проведено не во всех случаях. Производные формы, не имеющие пассивного значения, могут отрываться по своему значению от исходных и употребляться в таких предложениях, для которых трудно или вообще невозможно реконструировать исходные конструкции, например: *Dar.n(1) arcunkhnerə(2) glorvecin(3) nra(4) ačkheric(5)*... 'Горькие(1) слезы(2) покатались(3) из(5) ее(4) глаз(5) ...' (Ханз. 2, 59); *Lusinə(1) kaxvel(2) er(3) ler.an(4) hska(5) usin(6)* (Р. Петросян, 79) 'Луна(1) висела(2,3) на(6) огромном(5) плече(6) горы(4)'. Здесь возникает метафорическое изменение значения слова. Такие сдвиги значения глагола в производной форме происходят в соответствии с определенными закономерностями, исследование которых является специальной задачей. В настоящей работе будет рассмотрено употребление производных форм только в конструкциях, соотносительных с исходными.

Возможность реализации рефлексивного и декаузативного значений производной формы глагола можно связать с отдельными характеристиками субъекта и объекта действия, обозначенного исходным глаголом, и особым типом отношений между ними.

Рефлексивные конструкции образуются в том случае, когда:

1) субъект действия является лицом, а объект — его частью или им самим, т. е. субъект и объект одnoreферентны. В этих конструкциях употребляются глаголы: *artahajtvel* 'высказаться', *jerktakvel* 'согнуться', *zarnvel* 'ударяться', *zohvel* 'погибнуть', *zspvel* 'сдерживаться', *lvacvel* 'умывать'

³ Ср. разграничение субъектно-рефлексивных и объектно-рефлексивных конструкций [7, 79—80]. В настоящей работе субъектно-рефлексивные конструкции названы рефлексивными, а объектно-рефлексивные — декаузативными.

ся', *xožor.vel* 'нахмуриваться', *xonarhvel* 'склоняться', *xorasuzvel* 'погружаться', *xedvel* 'утонуть', *xortakvel* 'погибнуть', *tsatskvel* 'укрываться', *tsalvel* 'складываться', *ktskvel* 'сжаться в комок', *kkocvel* 'сощуриться', *knitčr.otvel* 'наморщить', *hagnvel* 'одеваться', *hamakerpvel* 'приспосабливаться', *handznvel* 'сдаваться', *henvel* 'опираться', *naħapatrastvel* 'приготавливаться', *rahvel* 'прятаться', *srbvel* 'вытираться' и др.;

2) субъект и объект — лица, равноправно участвующие в действии, т. е. либо они попеременно меняются ролями, либо выполняют действие совместно. В этих конструкциях употребляются глаголы: *bažanvel* 'разводиться', *xmbvel* 'толпиться', *xr.nvel* 'скопляться', *kapvel* 'связываться', *ktcaharvel* 'клеветаться', *hamburvel* 'целоваться', *havakhvel* 'собираться', *voždžagurvel* 'обниматься', *phathathvel* 'обниматься', *tesnvel* 'видеться' и т. д.

Декаузативное преобразование исходной конструкции возможно в том случае, когда ее субъект каузирует⁴ состояние объекта, а объект может быть переосмыслен как субъект своего состояния. В этой конструкции употребляется большинство производных глаголов с суффиксом *-v-*, среди них можно выделить ряд групп глаголов в соответствии с их значениями. Предлагаемая здесь группировка глаголов является предварительной, цель ее — некоторое упорядочение материала. Итак, в объектно-рефлексивной конструкции встречаются следующие глаголы:

а) глаголы движения: *šaržvel* 'двигаться', *ororvel* 'качаться', *zarnvel* 'ударяться', *thaphvel* 'выливаться', *pttvel* 'крутиться', *taratsvel* 'распространяться', *lvel* 'наливаться', *tsatsanvel* 'развеваться' и др.;

б) глаголы изменения того или иного состояния объекта: *avervel* 'разрушаться', *armatavorvel* 'укореняться', *bužvel* 'лечиться', *datarkvel* 'опустошаться', *əndlajnvvel* 'расширяться', *thr.džvel* 'намочить', *kečtotvel* 'пачкаться', *kotrvvel* 'ломаться', *kophvel* 'закаляться', *krknapatkvel* 'удваиваться', *nerkvel* 'краситься', *džaxdžaxvel* 'разрушаться', *varakvel* 'заражаться', *sexotvel* 'закаляться', *krknapatkvel* 'удивляться', *phoxvel* 'изменяться', *tapakvel* 'жариться' и др.;

в) глаголы психической деятельности, умственной и эмоциональной реакции: *viravorvel* 'обижаться', *hrapurvel* 'очаровываться', *haphštakvel* 'пленяться', *mxitharvel* 'утешаться', *hetakhrkhrvel* 'интересоваться', *tandžvel* 'мучиться', *hamogvel* 'убеждаться', *huzvel* 'волноваться', *habvel* 'обманываться',

⁴ См.: «...отношение каузации мы считаем синонимом причинно-следственного отношения» [5, 6]. Наличие причинно-следственных отношений между действиями, обозначенными в конструкциях с исходной и суффиксальной формой глагола, отмечалось Г. Б. Джаукяном [3, 253].

špothvel 'смушаться', *tarvel* 'увлекаться', *grgr.vel* 'возбуждаться' и др.;

г) глаголы пространственной ориентации: *kaxvel* 'висеть', *henvel* 'опираться', *dzgvel* 'тянуться', *mxtičvel* 'втыкаться', *šarvel* 'выстраиваться', *tečavorvel* 'помещаться', *gtivel* 'находиться' и др.

На основе изложенного здесь материала можно сформулировать признаки значения исходного глагола, обуславливающие рефлексивность или декаузативность производной формы: 1) однореферентность субъекта и объекта; 2) равноправность участия субъекта и объекта в действии; 3) каузативность.

Как видим, круг глаголов, образующих рефлексивные и декаузативные конструкции, может быть охарактеризован семантически. С пассивными конструкциями дело обстоит иначе. Исходные глаголы, допускающие пассивное преобразование, не могут быть объединены по семантике. Общим для них является лишь синтаксический признак — переходность, т. е. возможность подчинять в предложении прямое дополнение.

Семантически можно охарактеризовать некоторые глаголы, от которых невозможно образовать производные суффиксальные формы и которые не могут быть употреблены в пассивной конструкции. Это глаголы, не выражающие ни действия, ни процесса: *unenal* 'иметь', *gitenal* 'знать', *uzenal* 'желать'. Ограниченно употребляются в пассивной конструкции глаголы, передающие ситуации, в которых объектом действия, именно движения, являются части тела человека (руки, ноги, голова, брови, глаза). Природа этих объектов такова, что действие в производной конструкции представляется как бы происходящим само по себе, без намерения человека, например: *Dzer.khers*(1) *kaxvecin*(2) 'У меня опустились(2) руки(1)'; *Votkhers*(1) *tsalvecin*(2) 'У меня подогнулись(2) ноги(1)'; *Nra*(1) *tčakata*(2) *kntčr.otvel*(3) *er*(4), *ačkhera*(5) *kkocvel*(6) 'Его(1) лоб(2) сморщился(3,4), глаза(5) сощурились(6,4)'.

Одни и те же глаголы могут употребляться в пассивных, рефлексивных и декаузативных конструкциях. Так как формы глагола в позиции сказуемого в этих конструкциях маркированы одинаково — суффиксом *-v-*, то между перечисленными конструкциями существует омонимия.

Точнее, омонимичными являются только декаузативные конструкции, так как в них, как и в пассивных, подлежащее выражает объект действия, передаваемого глаголом в исходной форме. Выше было показано, что для образования декаузативных конструкций необходимо присутствие каузативности в значении глагола. Но не всякие глаголы, производные от каузативных, могут выступать в декаузативных кон-

струкциях. Следующие группы глаголов образуют производные формы, выступающие только в пассивных предложениях.

а) каузативные глаголы, имеющие каузативный суффикс *-с-*. В армянском языке имеется противопоставление трех форм: исходная *Vнеперех.* → производная *Vкауз.* → производная *Vпасс.* Некаузированное действие или состояние, обозначаемое в других случаях декаузативным глаголом с суффиксом *-v-*, выражается здесь исходным непереходным глаголом, а производный от *Vкауз.* глагол с суффиксом *-v-* имеет только пассивное значение;

б) фактитивные глаголы: *ar.adžarkel* 'предлагать', *avandel* 'завещать', *argelel* 'запрещать', *hangarel* 'мешать', *gortsu ħel* 'командировать', *harkadrel* 'поручать' и др.;

в) глаголы, обозначающие действие, которое направлено против интересов объекта (кроме глаголов, обозначающих действия, связанные с самоубийством, эти глаголы употребляются в рефлексивной конструкции, например: *kaxvel* 'вешаться', *thunavorvel* 'отравиться' и др.): *anitsel* 'проклинать', *antesel* 'игнорировать', *aratavorel* 'порочить', *aržezrkel* 'обесценить', *bantarkel* 'сажать в тюрьму', *bacar.el* 'исключать', *bacasel* 'отвергать', *partel* 'победить' и др.

г) глаголы, передающие действие, которое не является физическим действием и субъектом которого может быть только лицо: *gnahatel* 'ценить', *paštel* 'обожать', *kartsel* 'полагать', *hajtararel* 'объявлять', *thargmanel* 'переводить', *imanal* 'узнать', *lsel* 'слышать', *asel* 'сказать', *xosel* 'говорить', *ambastanel* 'оклеветать', *bacatrel* 'объяснять', *ditel* 'наблюдать', *əntrel* 'выбирать' и др.;

д) глаголы, передающие физическое действие, направленное на неодушевленный объект, который возникает как результат осуществления действия: *drošmel* 'отпечатать', *əndgətsel* 'подчеркивать', *kar.ucel* 'строить', 'сооружать', *karel* 'шить' и др.

В тех случаях, когда производный глагол может выступать и в рефлексивной и в пассивной конструкции, для реализации последней необходимы дополнительные условия:

1) присутствие агентивного дополнения: *Ճաշահ* (1) *sovetakan* (2) *մարդկան* (3) *ašxatankhə* (4) *əndhatvec* (5) *pateraz-mov* (6) 'Мирный (1) труд (4) советских (2) людей (3) прервался (5) войной (6)';

2) присутствие других членов предложения, указывающих на субъект действия: *Socialacan* (1) *theman* (2)... *lajnoren* (3) *artacolvec* (4) *dramaturg* (5) *Levon* (6) *Mesropi* (7) *steġtsagortsu-thjunnerum* (8) (Совет. грак.) 'Социальная (1) тема (2) широко (3) отобразилась (4) в произведениях (8) драматурга (5) Левона (6) Месропа (7)';

3) при производных глаголах, обычно выступающих в рефлексивной конструкции, в пассивной конструкции необхо-

димо, чтобы подлежащее было выражено именем нелица, ср. следующие примеры (в прямых скобках даны предложения с теми же глаголами в рефлексиве):

Bar.i(1) kherakanakan(2) tarber(3) imastnerə(4) artahajtvum(5) en(6) nujn(7) bar.i(8) tarber(9) dzeveri(10) midžocov(11) (Аастрян, 10) 'Различные(3) грамматические(2) значения(4) слова(1) выражаются(5,6) посредством(11) различных(9) форм(10) этого(7) же(7) слова(8)'; [*Sakhon(1) ... ir(2) mot(3) či(4) artahajtvum(5), bajc(6) sarsapheli(7) grgr.vats(8) e(9) jerevum(10)* (С. Зорьян, 22) 'Сако(1) ... при(3) нем(2) не(4) высказывается(5,4), но(6) выглядит(9,10) чрезвычайно(7) возмущенным(8)'];

...tγaji(1) dzajni(2) medž(3) zgacvum(4) er(5) darə(6) kskits(7) jev(8) voč(9) . zγdžum(10) (Ширванзаде, 643) '...В(3) голосе(2) юноши(1) чувствовалось(4,5) горькое(6) сожаление(7), но(8) не(9) раскаяние(10)'; [*Khnarikə(1) ajnpes(2) zgacvec(3), ajnpisi(4) džermuthjun(5) zgac(6) krtskhi(7) tak(8), vor(9) ačkherə(10) xonavacan(11)* (Р. Петросян, 19) 'Кнарлик(1) так(2) расчувствовалась(3), почувствовала(6) такую(4) теплоту(5) в(8) груди(7), что(9) ее(10) глаза(10) наполнились(11) слезами(11)'];

Getni(1) jeresə(2) tsatskvel(3) er(4) noratsil(5) matγaš(6) arotov(7) (ДД, 97) 'Поверхность(1) земли(6) покрылась(3,4) только что выросшей(5) молодой(6) травой(7)'; [*Jes(1) parkeci(2) teγašori(3) medž(4) jev(5) tsatskveci(6) vermakov(7)* 'Я(1) лег(2) в(4) постель(3) и(5) укрылся(6) одеялом(7)'];

4) употребление глагола-сказуемого в форме результатава. В производных конструкциях сказуемое крайне редко бывает выражено глаголом в форме результатава, в основном это случаи, в которых нет омонимии с пассивом, а именно:

а) в рефлексивных конструкциях: *Na(1) hagnvats(2) e(3) thethev(4)* 'Он(1) одет(2,3) легко(4)';

б) в декаузативных конструкциях с глаголами, выражающими эмоциональную, умственную деятельность человека: *Jerkusn(1) el(2) hamozvats(3) ein(4) vor(5) mi(6) or(7) kga(8) na(9)* (Ханз. 4, 86) 'Они оба(1,2) были(4) уверены(3), что(5) однажды(6,7) он придет(8)';

Если же в омонимичной конструкции употреблены глаголы в формах результатава, по своей семантике не относящиеся к указанным группам, то данная конструкция является пассивной, например: *Dasə(1) sksvats(2) e(3)* 'Урок(1) начат(2,3)'; *Džursə(1) thaphvats(2) e(3)* 'Вода(1) вылита(2,3)'; *Košiknerə(1) keγtotvats(2) en(3)* 'Ботинки(1) запачканы(2,3)';

Изложенный материал показывает, что производные глагольные формы с суффиксом -v- можно разделить на три груп-

пы: 1) употребляемые только в пассивной конструкции; 2) употребляемые в пассивной и рефлексивной конструкциях; 3) употребляемые в пассивной и декаузативной конструкциях. Реализация различных значений у рассмотренных форм глаголов обусловлена перечисленными семантическими и синтаксическими условиями. Определяющим при этом является лексическое значение глагола как выразителя различных типовых ситуаций.

СОКРАЩЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

- Асатрян — М. Е. Асатрян, Вопросы морфологии современного армянского языка, Ереван, 1970.
Газета — «Ерекоян Ереван», 1970.
Р. Петросян — Р. Петросян, Цахкаланч, Ереван, 1968.
С. Зорьян — С. Зорьян, Первые дни, Ереван, 1967.
Совет. грам. — журн. «Советакан граканутюн», 1970, №№ 5, 6.
Ханз. — С. Ханзадян, Собрание сочинений в 5-ти томах, тт. 2, 4.
Ширванзаде — «Избранные страницы армянской литературы», Ереван, 1946.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Абрамян, Глагол в современном армянском языке, Ереван, 1962 (на арм. яз.).
2. М. Е. Асатрян, Залоги глагола в современном армянском языке, Ереван, 1959 (на арм. яз.).
3. Г. Б. Джаукян, Развитие и структура армянского языка, Ереван, 1969 (на арм. яз.).
4. Н. А. Козинцева, Залоговые значения и синтаксические функции результативного причастия в современном армянском языке, — сб. «Лингвистические исследования», Л., 1970.
5. В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий, Типология каузативных конструкций, — сб. «Типология каузативных конструкций», Л., 1969.
6. В. С. Храковский, Конструкции пассивного залога, — сб. «Категория залога», Л., 1970.
7. Н. А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке, М., 1962.

Л. И. ШКАРБАН

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПАССИВНЫХ ЗАЛОГОВ В ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Прежде чем перейти к непосредственной теме данной статьи, мы вынуждены остановиться на одной проблеме общетеоретического характера, связанной с изучением категории морфологического залога в целом.

Сформулируем эту проблему двояким образом:

- 1) предполагает ли наличие залоговой морфемы в слове какие-либо специфические глагольные свойства слов, отличные от свойств имен, и если да, то что это за свойства;
- 2) имеет ли принципиальное значение при изучении семантического аспекта категории залога тот факт, что во многих языках глаголы синтаксически противопоставлены именам.

Кратко — о возникновении этой проблемы.

При изучении категории тагальского залога нам пришлось столкнуться с фактами, указывающими на следующие важнейшие свойства тагальской грамматики: а) чрезвычайная развитость системы морфологических показателей залога; б) слабая дифференциация глаголов и имен.

Приведем примеры, иллюстрирующие пункт (а). В следующих предложениях представлены четыре тагальских залога — активный и три соответствующих ему пассивных залога, составляющие вместе лишь небольшой фрагмент сложной залоговой системы тагальского языка (во всех примерах глаголы образованы от корневой морфемы *-bili-* 'купля', 'продажа'):

Bumili (1) *siya* (2) *nang isda*' (3) *sa palengke* (4) 'Он (2) купил (1) рыбу (3) на рынке (4)' — активный залог; подлежащее *siya* 'он', сказуемое *bumili*, форма мгновенного вида изъявительного наклонения глагола *bumili* 'покупать';

Binili (1) *niya* (2) *ang isda*' (3) *sa palengke* (4) 'Он купил на рынке рыбу', букв.: 'была-куплена (1) им (2) рыба (3) на рынке (4)' — так называемый «прямой пассив»; подлежа-

щее — *ang isda*³ 'рыба', сказуемое — *binili*, форма мгновенного вида изъявительного наклонения глагола *bilhin* 'быть покупаемым', 'быть купленным';

Binilhan (1) *niya* (2) *nang isda*³ (3) *ang palengke* (4) 'Он купил рыбу на рынке', букв.: 'был-местом-купли(1) им(2) рыбы(3) рынок(4)' — так называемый «местный пассив»; подлежащее — *ang palengke* 'рынок', сказуемое — *binilhan* форма мгновенного вида изъявительного наклонения глагола *bilhan* 'быть местом купли';

Ibinili (1) *niya* (2) *ako* (3) *nang isda*³ (4) *sa palengke* (5) 'Он купил мне рыбу на рынке', букв.: 'я(3) был-куплен-для(1) им(2) рыбы(4) на рынке(5)' — так называемый «инструментальный пассив»; подлежащее — *ako* 'я', сказуемое — *ibinili*, форма мгновенного вида изъявительного наклонения глагола *ibili* 'быть тем, для кого покупают'.

Попутно обратим внимание на следующую особенность морфологического строя тагальского языка, существенную для изучения тагальских залогов: для образования глаголов достаточно наличия двух морфем — корневой и залоговой — и их соединения. Все тагальские залоговые морфемы способны образовывать производные слова таким образом, например: *away* 'ссора' — *mag-away* 'ссориться', *awayin* 'быть тем, с кем поссорились'; *balik* 'возвращение' — *bumalik* 'вернуться', *ibalik* 'быть возвращенным', *balikan* 'быть местом возвращения'.

Как и во многих языках агглютинативного строя, в тагальском языке корневая морфема в составе производных слов вполне автономна, отчетливо выделяема — и семантически и формально. В подавляющем большинстве корневые морфемы материально совпадают с корневыми словами, например: *matulog*, 'спать' — *tulog* 'сон'; *mag-anyaya* 'приглашать' — *anyaya* 'приглашение'.

Формулировка, приводимая в пункте (б), в общем виде отражает соотношение глагола и имени в тагальском языке, т. е. некоторые наиболее общие свойства грамматической структуры тагальского языка. Однако целесообразно ли обсуждать такие общие особенности грамматики языка при рассмотрении семантического аспекта категории залога? Существенно ли понимание взаимосвязи двух указанных свойств тагальской грамматики для проникновения в природу тагальской категории залога?

Исследование дает положительный ответ на эти вопросы. Рассмотрение соотношения глагола и имени в тагальском языке вскрывает такие общие свойства категории залога, которые, во-первых, демонстрируют принципиальную возможность семантического изучения этой категории и, во-вторых, позволяют определить принципы и методику такого исследования.

Обращаясь к теме данной статьи, мы должны сказать, что рассмотрение проблемы соотношения глагола и имени позволяет обосновать и тот более частный вопрос методики семантического изучения тагальских залогов, который связан с данной конкретной темой исследования. Он заключается в следующем: семантика показателей тагальских пассивов может и на определенном этапе исследования должна изучаться отдельно от семантики показателей активного залога.

Последнее положение, естественно, более узкое по сравнению с утверждением о допустимости семантического изучения залоговых показателей вообще. В его основе — особенности соотношения активного и пассивных залогов в тагальском языке. Для обоснования этого положения можно привлечь такие факты, которые, казалось бы, не требуют рассмотрения общих проблем тагальской грамматики и позволяют оставаться в более узких рамках собственно залоговой проблематики. Иными словами, можно попытаться выделить те факты, в которых проявляются на первый взгляд свойства именно залоговых морфем.

Так, для объяснения особенностей соотношения актива и пассивов в тагальском языке можно обратиться к данным из следующих ниже трех областей, исследованных нами.

1. Особенности инвариантных парадигматических отношений между залоговыми морфемами (т. е. внутреннее устройство системы тагальских залоговых морфем). Укажем лишь на одну такую особенность: количественное соотношение показателей активного и пассивных залогов строится на основе пропорции 1 : 3. Это проявляется в том, что каждому показателю активного залога (а они различаются между собой дополнительными значениями категории способа действия) в аффиксальной системе-инварианте соответствуют показатели трех основных залогов (см. примеры выше). (Заметим, что помимо инвариантного количественного соотношения актива и пассивов существуют и инвариантные структурные соответствия между показателями актива и пассивов. Подробнее см. [10, глава II].)

2. Особенности синтагматических связей между залоговыми и корневыми морфемами в составе конкретных слов. Основная особенность этих связей заключается в следующем: количественные и структурные принципы, лежащие в основе системы-инварианта залоговых аффиксов, нарушаются в парадигмах конкретных однокорневых производных слов. Причина этого — семантическое взаимодействие конкретных корневых и залоговых морфем. Это семантическое взаимодействие накладывает, в частности, ограничения на сочетаемость корневых морфем с залоговыми. Регулярность, стандартность системных парадигматических отношений аффиксов очень часто не реализуются в условиях конкретных морфемных кон-

текстов. Образцы такой нерегулярности демонстрирует практически любая страница любого словаря тагальского языка, построенного по принципу объединения однокорневых слов в гнезда.

Пункты 1 и 2 касаются свойств тагальских залоговых морфем как составной части языковой системы.

3. Особенности выбора залогов в речи. Данный пункт, как мы видим, направляет наше внимание на особенности дистрибуции залогов в тексте. Эти особенности — достаточно сложная область исследования. Мы приведем из нее лишь следующий хорошо известный тагалистам факт: в тексте глаголы пассивных залогов количественно вполне отчетливо преобладают над глаголами активного залога, причем пассивные залоговые глаголы предпочитают и в тех случаях, когда грамматически, казалось бы, нет никаких препятствий для употребления активного залога, по крайней мере с точки зрения нормы многих других языков.

Данных этих трех групп достаточно, чтобы выявить два существенных для нас момента:

а) в рамках единой системы залоговых показателей тагальского языка существует подсистема внутривспомогательных оппозиций залоговых морфем; описание семантики залоговых морфем — показателей пассивов — должно строиться с учетом их взаимосвязей в рамках этой подсистемы оппозиций;

б) широко распространенное представление о том, что всякий пассивный залог есть трансформ активного, irrelevantно при изучении семантики тагальских пассивных залогов.

На основании приведенных данных мы можем лишь констатировать неприменимость активно-пассивных трансформаций при семантической интерпретации тагальских пассивов. Однако само это явление остается, по существу, необъясненным, если не рассматривать его в свете более общих свойств тагальской грамматики. Остается необъясненным и само существо оппозиции активного и пассивных залогов, оппозиции, которая проецируется на весь грамматический строй тагальского языка и в семантическом плане имеет иной характер, чем внутривспомогательные противопоставления.

Таким образом, исчерпывающее обоснование даже частного вопроса методики семантического исследования залогов мы не можем дать без обращения к фундаментальным особенностям тагальского грамматического строя. Последнее же, как показывает исследование, означает обращение к проблеме соотношения глагола и имени в тагальском языке.

Однако любые обобщения относительно свойств грамматической структуры тагальского языка, и в частности, категории залога, вполне обоснованно будут представляться специфическими, применимыми только при исследовании этого

языка, если они не будут сопоставимы с подобными же обобщениями относительно свойств категории залога, а также особенностей соотношения глагола и имени в других языках. Такое положение дел было бы бесперспективным с точки зрения задач языковой типологии. Поиски выхода из этого положения ведутся на основе некоторых идей современной лингвистики. В соответствии с ними различаются уровни так называемых глубинных и поверхностных структур. На уровне глубинных структур моделируются некоторые основополагающие языковые процессы, рассматриваемые как единые для всех языков, с последующим моделированием тех процессов, в результате которых глубинные структуры проецируются в поверхностный синтаксис различных языков. Существенно, что в последнее время глубинные структуры приобретают все более очевидно семантический характер.

Ряд исследований, ведущихся в этом направлении, обращает первостепенное внимание на категорию падежа. В связи с ней рассматривается и интересующая нас категория залога, см., например, [1.]; [2]; [3]. Для нас чрезвычайно важно, чтобы формулируемые нами обобщения относительно соотношения глагола и имени в тагальском языке помогли пролить дополнительный свет на существо семантического аспекта категории залога, моделируемого на уровне глубинных структур в неразрывной связи с категорией падежа.

В свете сказанного самую принципиальную возможность связи между проблемой «имя — глагол» и проблемами изучения категории залога можно смело охарактеризовать следующим образом (подробнее см. [9]).

В упомянутых нами исследованиях утверждается наличие единого глубинного семантического основания категорий падежа, залога и некоторых других синтаксических категорий. Это основание образуют своеобразные семантические актанты глубинного глагола, названные падежами и определяемые с помощью понятий «агент», «объект», «инструмент» и т. д. Предполагается тем самым, что какой-либо специфической области значений у залоговых морфем нет, как нет ее и у падежных морфем. Категории залога и падежа предстают как материальное выражение некоторой совокупности общих значений. (Заметим, что явное или имплицитное установление связи между категориями залога и падежа имеет достаточно глубокие корни в истории грамматических исследований разных направлений.)

Само установление связи между категориями залога и падежа, традиционно рассматриваемыми как атрибуты двух различных классов слов — глагола и имени, предполагает, казалось бы, некоторое сближение понятий глагола и имени. Однако водораздел между ними представляется все же лингвистам очевидным в той степени, в какой очевидным кажется

следующее утверждение: в поверхностном синтаксисе разных языков слово, содержащее залоговую морфему, но не содержащее морфемы падежа, имеет иную классную принадлежность, чем слово, которое содержит морфему падежа, но не содержит залоговой морфемы.

В тагальском языке обнаруживается иная картина. Она побуждает нас искать глубинные причины как различий между глаголами и именами, наблюдаемых во многих языках, так и близости первых к последним, также известной по материалам многих языков.

* * *

Что показало изучение грамматических свойств полнозначных слов тагальского языка, в том числе и слов, содержащих залоговые морфемы?

1. Наличие в слове залоговой морфемы само по себе не является безусловным свидетельством принадлежности слова к глаголам. Важнейшие аффиксы активного залога (*mag-*, *mang-*) и два из трех основных аффиксов пассивов (*-an*, *-in*) принимают широкое участие в словообразовании имен, относящихся к семантическим полям лица (деятеля), вещи и абстрактных понятий. Аффиксы «прямого» пассива *-in* и медиального залога *ma-*, кроме того, широко вторгаются в словообразование прилагательных. Имена и глаголы, содержащие залоговые аффиксы, могут полностью совпадать по морфемному составу, и часто лишь акцентуационная схема слова служит средством формального различения глаголов и имен. Например: *nag-ááral* 'учится' — *nag-aáral* 'студент'; *laruán* 'быть-местом-игр' — *larúan* 'площадка для игр'; *mätiyák* 'быть определенным', 'быть определенным' — *matiyák* 'определенный' (подробнее см. [10]).

2. «Глагольность» слова в тагальском языке создают только значения наклонения и вида (отчасти времени), выраженные специальными показателями. Производное тагальское слово может рассматриваться как глагол в том случае и до тех пор, пока оно противопоставлено в качестве модально-видовой словоформы трем другим словоформам, образующим у каждого глагола стереотипную модально-видовую парадигму. Широко используемые сдвиги словесного ударения в тагальском языке в большом числе случаев являются формальным указанием на нейтрализацию модальной и видовой противопоставленности данного слова другим модально-видовым словоформам. Слово лишается грамматических признаков глагольности и должно быть отнесено к именам, например:

*manlúto*² 'готовить пищу (регулярно, постоянно)'
 (= 'быть тем, кто готовит пищу');
*nanlúto*² 'готовил пищу'¹ (т. е. 'был тем, кто го-
 товил пищу');
*nanlülúto*² 'готовит пищу' (т. е. является 'тем, кто *manlulúto*² 'повар'
 готовит пищу');
*manlülúto*² 'будет готовить пищу' (т. е. 'будет тем,
 кто готовит пищу').

(Корневая морфема — *-luto*² — 'приготовление пищи'; *man-* — префикс активного залога.) У существительного *manlulúto*² 'повар' нет второстепенного ударения; ср. *manlülúto*² 'будет готовить пищу' (подробнее см. [10]).

3. Глагольность тагальского производного слова более точно должна быть определена как та или иная степень актуальности значения слова (этих степеней несколько). Соответственно номинативность — это определенная степень виртуальности значения тагальского слова. Можно сказать, что для тагальского языка типичен достаточно свободный перевод значения слова из сферы актуального в сферу виртуального путем снятия модально-видовой противопоставленности слова другим словам (при неизменности его залоговой принадлежности). Часто внешнее выражение такого «перевода» — сдвиг ударения в слове.

4. Указанное свойство тагальского языка позволяет отчетливо увидеть следующую существенную для нас общую семантическую черту имен и глаголов: и те и другие имеют прежде всего признаковое, качественное, квалитативное содержание. Существует ли при этом семантическая грань между именами и глаголами с точки зрения способности выражать значение объектности (предметности)? Будем понимать значение объектности как значение «выделенности из материального континуума объекта — носителя данной совокупности признаков». Это значение эксплицитно выражается в тагальском языке прежде всего препозитивными служебными словами, выполняющими функцию аналитических падежных показателей. Как выявили проведенные нами исследования, эти служебные слова в тагальском языке совме-

¹ Русские переводы не могут точно передать модальные и видовые различия между формами тагальских глаголов. Так, русский перевод будущим временем глагола *manlülúto*² 'будет готовить пищу', хотя и отражает значение, близкое к временному, которое, очевидно, присутствует именно в этой форме, однако не может передать общности грамматического значения наклонения, которое объединяет эту форму с так называемым инфинитивом (*manlúto*² 'готовить пищу'). Общее модальное значение этих двух форм определяется в большинстве современных работ по тагальскому языку как «неначатое действие» (action not-begun). Не отражает русский перевод и общности видового значения (длительное действие) у форм *manlülúto*² и *nanlülúto*². Так же неадекватно передается в русских переводах соотношенность форм *nanlúto*² и *nanlülúto*² — общность по наклонению, различие по виду.

щают в себе свойства падежных показателей, артиклей и местоимений, например: *ang balutan* 'пакет', 'пакеты' (возможно, букв. 'объект заворачивания, упаковки'; ср. с примерами ниже), *nang balutan* 'пакета', 'пакетов', *sa balutan* 'пакету', 'пакетам' (корневая морфема *-balot-* 'заворачивание', 'упаковка', *-an* — показатель «местного» пассива).

5. В тагальском языке «объектность» вполне отчетливо предстает как значение, совместимое как с именным, так и с глагольным характером производных слов в тагальском языке (т. е. с выраженностью или невыраженностью в слове модально-видовых значений).

Этим объясняется та специфическая черта этого языка, которая доставляет немало трудностей его исследователям: глаголы, как и имена, свободно вводятся в предложение указанными служебными словами. Любой глагол в любой своей форме может быть введен в предложение аналитическим падежным показателем: *ang binabalutan* 'то, что заворачивается, упаковывается' (возможно, букв. 'то, что делается пакетом'), *nang binabalutan* 'того, что заворачивается', 'того, что делается пакетом', *sa binabalutan* 'тому, что заворачивается', 'тому, что делается пакетом' (ср. с примерами в предыдущем пункте).

Никаких принципиальных различий в синтаксических свойствах тагальских глаголов и имен нет. Одинаково оформляются и так называемые глагольные и именные сказуемые (если пытаться провести между ними грань хотя бы на основе выраженности или невыраженности в слове значений вида и склонения): *Ang bagay(1) na iyon(2) ay balutan(3) niya(4)* 'Та(2) вещь(1) — его(4) пакет(3)'; *Ang bagay(1) na iyon(2) ay binabalutan(3) niya(4)* 'Та(2) вещь(1) — упаковывается(3) им(4)' (букв. 'Та(2) вещь(1) — упаковываемое(3) его(4)').

Итак, чрезвычайно развитая залоговая система в тагальском языке существует на фоне очень слабой дифференциации глаголов и имен. Совокупность одних и тех же морфем — залоговой и корневой — в составе тождественных синтаксических структур выступает то как имя, то как глагол (в указанном выше значении этих терминов). То свойство слов, которое по аналогии с другими языками можно рассматривать как глагольное (наличие у слова парадигмы модально-видовых форм), не имеет соответствия в синтаксисе в виде какой-либо формально выраженной синтаксической специфики этих слов. Напротив, аналитическая категория падежа, представленная служебными словами с практически неограниченной дистрибуцией, скорее придает синтаксису тагальских полнозначных слов именной характер.

Из сказанного следует вывод, который может иметь принципиальное значение при исследовании залогов: существо ка-

тегории залога, ее назначение в грамматическом механизме языка не может выводиться исключительно из синтаксических свойств глаголов, наблюдаемых в тех языках, где глаголы и имена отчетливо противопоставлены друг другу. Как следует из сказанного выше, в тагальском языке глагольные и именные свойства полнозначных слов образуют такую комбинацию, таким образом взаимодействуют друг с другом, что мы с равным успехом можем рассматривать столь развитую категорию залога в этом языке как атрибут и глагола и имени.

Глубинные истоки тех категорий, которые обычно рассматриваются как глагольные, и тех, которые считаются именными, — предмет специального исследования. Должна найти объяснение и способность этих категорий проявляться в свойствах полнозначных слов разных языков в столь различных комбинациях и взаимодействии (подробнее об этом см. [9]). Поиски глубинных истоков категории залога только часть специального исследования такого рода.

* * *

От свойств производных слов тагальского языка, содержащих залоговые морфемы, обратимся к той языковой единице, которая вступает в непосредственный контакт с залоговой морфемой в составе этих слов и которая неизменна в своей семантической и функциональной противопоставленности залоговой морфеме. Этой единицей является корневая морфема. В ее общих семантических свойствах может крыться объяснение назначения и общих свойств залоговых морфем.

Заметим следующее: при рассмотрении семантического взаимодействия двух морфем — корневой и залоговой — целесообразно на начальном его этапе отвлечься от конкретных грамматических свойств продуктов этого взаимодействия — производных слов, отвлечься от того, глаголы это или имена, а также от грамматических различий между корневой морфемой и корневым словом. В соответствии с этим в дальнейшем, говоря о залоговой и корневой морфемах (корневом слове), мы по мере надобности будем пользоваться понятием немотивированного языкового знака, а говоря о результате их взаимодействия, — понятием мотивированного языкового знака.

Каково же различие в содержании, заключенном в залоговой и корневой морфемах?

Каково различие в содержании, заключенном в различных корневых морфемах?

Не могут ли пролить свет на сущность категории залога такие семантические различия между корневыми морфемами, из-за которых некоторые из них практически не сочетаются

с залоговыми морфемами, а другие, наоборот, обязательно сочетаются с залоговыми морфемами (со множеством переходных случаев между этими двумя крайностями)?

Соотнесем три логических понятия — объект, класс объектов, признак — с двумя разновидностями языковых знаков — корневыми словами с так называемым субстантивным и глагольным значением. Данные логические понятия отражают некоторые наиболее общие свойства внеязыковой действительности. Наша цель — определить с их помощью семантические различия между указанными двумя разновидностями знаков языка. Примеры последних в тагальском языке — *mesa* 'стол', *lakad* 'ход'.

Как можно интерпретировать денотаты и сигнификаты данных языковых знаков?

В первом случае (*mesa* 'стол') денотатом является класс объектов, наделенный некоторым множеством признаков в силу отношений сходства и различия с другими классами объектов. Вне этих связей данный класс не существует. Однако он может мыслиться как существующий вне их, и обслуживает этот мыслительный процесс данный немотивированный языковой знак (*mesa*).

Мы можем сказать, очевидно, что *mesa* 'стол' — знак, сигнификативное значение которого есть совокупность признаков определенного класса объектов².

Во втором случае *lakad* 'ход' денотатом языкового знака является совокупность нескольких различных объектов (точнее, класс совокупностей классов объектов). Каждый из этих объектов обладает множеством признаков, отличных от признаков других объектов данной совокупности. Все эти объекты связаны определенным отношением друг с другом. Каковы бы ни были реальные, например физические, формы этого отношения, для нас в нем существенно следующее — то, что наличие (или появление) некоторых признаков у одного объекта предполагает наличие (или появление) определенных (других, противопоставленных им) признаков у других объектов совокупности.

Так, в случае со знаком *lakad* 'ход' совокупность объектов, материальных и идеальных, взаимосвязанных друг с другом, может быть, допустим, такой: идущий человек, дорога, дом (место отправления), лес (место назначения), какая-либо побудительная причина, цель (например, желание иметь грибы) и, возможно, какие-либо другие материальные или идеальные объекты (например, пройденное расстояние

² Говоря о значении знака как о совокупности признаков класса объектов, мы отнюдь не предполагаем отождествления языкового значения с понятием. И в том и в другом случае речь может идти о признаках объекта, но в первом случае должно, очевидно, говорить о признаках, состав которых обусловлен системой языка.

или другой человек, идущий вместе с данным туда же, с той же целью, затраченное время и т. д.).

Можно сказать соответственно, что *lakad* 'ход' — это знак, у которого сигнификативное значение есть множество противопоставленных признаков различных классов объектов. Эти признаки находятся в отношении взаимозависимости, взаимообусловленности.

Очевидно, что взаимосвязь, взаимообусловленность признаков позволяет говорить о некоторой системе, образуемой ими.

Обратимся к понятию внеязыковой ситуации. Это понятие последнее время все чаще используется для обозначения таких фрагментов действительности, таких совокупностей объектов, как, например, денотат знака *lakad* 'ход', о котором говорилось выше. Уточним, что речь идет о понятии, которое используется в лингвистике для моделирования фрагментов внеязыковой действительности как денотатов языковых знаков и их сочетаний [см., например, 4, 5, 6, 7, 11].

Есть основания предполагать, что языковая ситуация, будучи отраженной в сигнификативном значении таких знаков, как *lakad*, приобретает черты системного устройства. Соответственно можно предполагать, что ситуация, этот совокупный объект действительности, в сигнификате знака представлена системой различительных признаков ее компонентов (вероятно, точнее следует сказать: системой систем признаков ее компонентов — классов объектов).

Говоря о составе ситуации, моделируемой на уровне сигнификатов языковых знаков с так называемым глагольным значением, мы будем иметь в виду только взаимообусловленные признаки (точнее, системы признаков) классов объектов. Иными словами, на сигнификативном уровне ситуация понимается нами как система признаков классов объектов. В отличие от ряда авторов [см., например, 5, 6, 7, 11] мы не выделяем в составе ситуации «действие» (в иных терминах — «процесс», «отношение», «событие», «состояние») в качестве ее особого компонента.

Проявления указанной системности внутреннего устройства ситуации мы можем обнаружить единственно в системности связей самих языковых знаков, используемых для обозначения внеязыковых ситуаций и их компонентов.

* * *

Возможна ли какая-либо дифференциация различительных признаков компонентов ситуации? Обнаруживается ли она в системе языковых единиц?

Об особом статусе некоторых различительных признаков компонентов ситуации можно судить по наличию особых,

также немотивированных языковых знаков, выражающих эти признаки. Пример этих знаков — залоговые морфемы, использование которых неразрывно связано с использованием корневых морфем типа *lakad* 'ход': *maglakad* 'ходить' (т. е. 'быть тем, кто ходит'), *lakaran* 'быть тем, по чему ходят, идут' (о месте), *lakarin* 'быть пройденным' (о расстоянии), *ilakad* 'быть тем, из-за чего (для чего) ходят, идут' (о причине, цели).

Системная организация таких языковых знаков, как залоговые морфемы, позволяет говорить о системности самих различительных признаков компонентов ситуаций. Другие языковые знаки такого же рода — морфемы переходности в составе слова, падежные морфемы, предлоги, послелого.

Что, однако, побуждает нас считать, что значение залоговых морфем образуют признаки таких объектов, как компоненты ситуаций?

Ответим на этот вопрос следующим образом.

Взаимная противопоставленность языковых знаков определяет парадигматический аспект их семантики. Помимо парадигматического аспекта есть основания говорить о синтагматическом аспекте семантики языковых знаков. (Заметим, что этот аспект начинает привлекать в последнее время пристальное внимание лингвистов; см., например, [8].)

В чем можно усмотреть проявление синтагматических свойств семантики залоговых морфем?

Укажем лишь на те проявления, которые и позволяют говорить, что значение залоговых морфем составляют признаки компонентов ситуаций. Ср. следующие именные и глагольные группы:

tulong (1) *nang binata*² (2) *sa kaibigan* (3) 'помощь (1) юноша (2) другу (3)';

tumulong (1) *sa kaibigan* (2) 'помочь (1) другу (2)', букв. 'быть-тем-кто-помогает (1) другу (2)' (активный залог);

tulungan (1) *nang binata*² (2) 'быть-тем-кому-помогает (1) юноша (2)', букв. 'быть-помогаемым (1) юношей (2)' («местный» пассив).

Присоединяясь к корневой морфеме, залоговая морфема «ориентирует» заключенное в ней признаковое, качественное содержание на какой-либо один компонент ситуации. Благодаря залоговой морфеме признаковое содержание, заключенное в корневой морфеме, а также в словах, определяющих ее, «приписывается» одному компоненту ситуации. Ср. следующие предложения:

*Ang binata*² (1) *ay tumutulong* (2) *sa kaibigan* (3) 'Юноша (1) помогает (2) другу (3)';

Ang kaibigan (1) *ay tinutulungan* (2) *nang binata*² (3) букв. 'Друг (1) тот-кто-помогаем (2) юношей (3)'.

Из первого предложения следует, что компонент ситуации,

обозначенный словом *binata* 'юноша', характеризуется всей совокупностью признаков, содержащихся в корневой морфеме и в определяющем ее слове. Во втором случае это можно сказать о компоненте ситуации, обозначенном словом *kaibigan* 'друг'.

Таким образом, в синтагматическом ряду языковых знаков залоговая морфема предполагает наличие двух связанных друг с другом знаков: одного, обозначающего целое, ситуацию (этот знак — корневая морфема, т. е. «имя» ситуации), и другого, обозначающего часть целого (этот знак — имя, обозначающее конкретный компонент ситуации).

Соединение этих двух конкретных «имен» происходит на следующей основе: залоговая морфема эксплицитно выражает некоторую составную часть значения корневой морфемы. Эта часть — совокупность абстрактных признаков одного компонента ситуации. Она, эта совокупность признаков, имплицитно содержится в значении корневой морфемы. Соответственно семантику залоговой морфемы очень обобщенно, скорее даже образно, можно охарактеризовать как «часть целого».

Одновременно залоговая морфема эксплицитно выражает составную часть значения имени конкретного участника ситуации. Это та же составная часть, имеющая в высшей степени обобщенный, абстрактный характер и имплицитно содержащаяся в значении конкретного имени участника ситуации.

Очевидно, в синтагматическом плане общее семантическое назначение залоговой морфемы — связь значений двух «имен». В основе его, вероятно, можно усмотреть явление семантического согласования; ср. [8].

Наиболее очевидное, наиболее широко наблюдаемое проявление этого назначения залоговых морфем в различных языках заключается в том, что эти морфемы обслуживают коммуникативную задачу сообщения «нового» о «данном». В основе же этого коммуникативного процесса, как известно, лежит логический процесс предикации.

Отсутствие четких границ между именем и глаголом в тагальском языке дополняет эту общую картину следующим образом: слово с залоговой морфемой, выражающее «новое» (или логический предикат), принципиально, по семантическому своему существу (по крайней мере с точки зрения суммы значений залоговой и корневой морфем) не является антиподом имени. Оно с равным успехом может рассматриваться как имя соответствующего компонента ситуации, т. е. предикация в данном случае возможна лишь на основе осуществленной мотивированной номинации объекта как компонента ситуации.

Еще раз поясним это на тагальских примерах:

Ang bahay(1) ay tinitirhan(2) nang tao(3) 'В доме живет человек', букв. 'дом(1) — обитаемое(2) человеком (человека(3))' — сказуемое *tinitirhan* — «местный» пассив (корневая морфема *-tira-* 'пребывание'), изъявительное наклонение, длительный вид, сказуемое — глагол в принятом нами для тагальского языка смысле этого слова;

Ang bahay(1) ay tirahan(2) nang tao(3) 'Дом(1) — местожительство(2) человека(3)' — *tirahan* — «местный» пассив, противопоставленность по наклонению и виду нейтрализована, сказуемое — имя в указанном понимании этого термина применительно к тагальскому языку.

Участие залоговой морфемы в подобном процессе номинации можно уточнить следующим образом: залоговая морфема в составе образованного мотивированного знака — «имени» компонента ситуации — абстрактный субститут, заместитель того конкретного имени объекта, который определяется данным мотивированным «именем», выступающим в функции предиката. При этом мотивированная номинация осуществляется путем сложения двух немотивированных знаков — абстрактного «имени» компонента ситуации (залоговой морфемы) и конкретного «имени» ситуации (корневой морфемы). Однако подробное обоснование сказанного должно быть темой специального изложения.

* * *

Обратимся к конкретному примеру описания семантики залоговых морфем.

Наша цель — кратко охарактеризовать парадигматический аспект семантики показателей трех тагальских пассивов. Покажем, что семантика залоговых морфем может быть экономно описана с помощью нескольких семантических дифференциальных признаков.

Побуждает нас к этому следующее обстоятельство: используемый при описании залогов традиционный набор семантических единиц оказывается малоэффективным для характеристики системных связей залоговых морфем.

Традиционно выделяемыми единицами сигнификативного уровня помимо «агенса» («деятеля», «агента действия», «субъекта действия») и «пациенса» («реципиента действия») являются, например, «прямой объект» (он же «непосредственный», или, просто «объект действия»), «инструмент», «средство», «место действия», «адресат», «заинтересованное лицо» и т. д.

В тагальском языке есть достаточно много случаев, когда эти семантические единицы применимы для интерпретации пассивных залогов. (Этому, кстати, обязаны своим происхождением и традиционные названия тагальских пассивных залогов: «местный», «инструментальный», «прямой».)

Однако случаи, когда применение указанных семантических единиц не позволяло отграничить семантику одного залогового показателя от семантики другого, так многочисленны и часты, что скорее представляются правилом, а не исключением.

Так, глагол *iputol* («инструментальный» пассив; корневая морфема *-putol-* 'рубка', 'резание') может обозначать и то, чем рубят, режут, и того, для кого рубят, режут. Другие глаголы с *i-* могут обозначать то, что высказывается (*ibalita* 'быть сообщенным'), то, что передается другому лицу (*ibigay* 'быть отданным, отдаваемым'), то, что приближается к другому участнику ситуации (*ilapit* 'быть приближенным'), сопоставляется, сравнивается с другим компонентом ситуации (*ihambing* 'быть сравниваемым'), наконец, причину действия (*iluha* 'быть тем, что оплакивают, из-за чего плачут').

Показатели «прямого» пассива (*-in*) и «местного» пассива (*-an*) оказываются взаимозаменяемыми при обозначении «объектов действия», но эти объекты как-то по-разному вовлечены в происходящее событие (*akyatin, akwatan* 'быть тем, на что взбираются', *balutan, balutin* 'быть тем, что заворачивают, упаковывают').

Многочисленные случаи такого рода уже при первом рассмотрении делают зыбким разграничение традиционных понятий «места» и «объекта», «объекта» и «инструмента» и т. д.

Такое положение дел заставляет считать, что при выделении на сигнификативном уровне указанных семантических единиц для описания залогов уровень абстракции оказывается недостаточным. Центр нашего внимания вынужденно перемещается с уровня, так сказать, условных метаимен участников ситуаций на уровень их дифференциальных признаков.

Обращаясь к иной ступени абстракции, связанной с внеязыковыми ситуациями, мы должны, по сути дела, каким-то образом смоделировать ту систему абстракций, которая в «языковом мышлении» носителей тагальского языка и образует содержательную сторону интересующей нас системы знаков, залоговых морфем. Непосредственно мы не можем осуществить подобное моделирование. Но мы можем приблизиться к нашей цели опосредованным путем, подвергнув изучению и классификации значения корневых морфем (о связи семантики залоговых и корневых морфем см. выше).

Объектом нашего исследования были около 2 тыс. предложений с глаголами, образованными от различных корневых морфем. Для каждой корневой морфемы с «глагольным» значением создавалась схема предполагаемой внеязыковой ситуации с максимально дробным расчленением ее на возможные компоненты.

При сопоставлении большого количества подобных схем сначала был выделен значительный набор признаков компо-

нентов ситуаций, из которых большая часть, однако, не обнаруживала способности дифференцировать значения трех пассивных залогов. Эти признаки достаточно произвольно, достаточно свободно распределялись по семантическим сферам каждого из пассивов.

Так, для всех трех пассивов оказалось возможным обозначать компоненты ситуации с любым из следующих, например, признаков: подвергается (или соответственно не подвергается) компонент ситуации физическому преобразованию, устанавливается или нет физический контакт между данным компонентом и деятелем, непосредственно ли соприкасается компонент ситуации с деятелем или через неодушевленного посредника (например, инструмент или средство действия), перемещается или нет деятель, воздействуя на данный компонент ситуации, приходит ли компонент ситуации в движение в результате действия, направленное или ненаправленное это движение, центробежное или центростремительное. Учитывались и количественные характеристики «несубъектных» компонентов ситуации (их дробность, множественность и т. д.), оказавшиеся для данной пассивной подсистемы несущественными. (Они находят отражение в других морфемах в составе слов.)

Заметим, что вначале выделяемые признаки относились только к сфере «несубъектных» компонентов ситуаций, к «недеятелям». Однако оказалось необходимым учесть некоторые признаки, характеризующие и деятеля. Эти признаки — преимущественно количественного характера, а именно: полностью или не полностью сосредоточены усилия деятеля на данном и только данном компоненте ситуации. Этот же признак во многих случаях представлял неразрывно связанным с признаком полной или соответственно неполной охваченности действием компонента ситуации. По этому признаку количественного характера, обобщенно названному «партитивность» (частичная охваченность), оказалось возможным дифференцировать значения двух залоговых морфем — *-in* и *-an* — как в тех случаях, когда они указывают на два совершенно различных компонента одной и той же ситуации [например, *lutuin* 'быть приготовленным, приготавливаемым (о пище)' и *lutuan* 'быть местом приготовления пищи'], так и тогда, когда они являются сходными по всем остальным признакам компонентами ситуации, кроме признака неполной или полной охваченности действием («партитивность/непартитивность»): *butasan* 'быть тем, в чем проделана дыра, просверлено отверстие' и *butasin* 'быть источенным, изрешеченным, т. е. быть тем, в чем имеется множество дыр' и т. д.

Далее, при анализе пассива на *i-* («инструментального» пассива) выделялся признак «подвижность компонента си-

туации», или, точнее, «центробежная направленность подвижного компонента ситуации», который во многих случаях можно было предположить в качестве дифференциального признака «инструментального» пассива. Однако оказалось необходимым рассматривать его как частное проявление признака «ориентированность данного компонента ситуации относительно другого».

«Ориентированность» — это признак компонента ситуации как связующего звена между деятелем и некоторым третьим компонентом ситуации, который является конечной целью усилий деятеля. «Ориентированный» компонент ситуации выступает как посредник между деятелем и третьим компонентом ситуации, какой бы ни была связь между ними — физической или мыслимой. «Ориентированность» — признак компонента-посредника. Этот признак позволяет объяснить обозначение с помощью «инструментального» пассива и инструмента, и средства, и причину действия, и лица, для которого совершается действие, и того, что сообщается, высказывается субъектом, и того, что деятель от себя отдаляет в направлении третьего компонента ситуации. С помощью этого признака могут быть разграничены значения «прямого» и «инструментального» пассивов в таких, например, случаях: *lutuin* 'быть приготавливаемым (о пище)' и *iluto* 'быть приготавливаемым (о пище)' (предполагается наличие того, для кого, в чьих интересах это делается); *sulatin*, *isulat* 'быть написанным' (различие того же рода, что и между предыдущими двумя словами) и т. д.

Таким образом, нам удастся с наибольшей определенностью выделить два признака — «партитивность» (частичная охваченность) и «ориентированность», — необходимых и достаточных для семантического описания подсистемы трех пассивных залогов («прямого», «местного» и «инструментального»). Значения трех морфем рассматриваются как комбинации положительных и отрицательных значений двух данных дифференциальных признаков (см. таблицу).

Таблица

	«Партитивность» (частичная охваченность)	«Ориентированность»
<i>-in</i>	—	—
<i>-an</i>	+	—
<i>i-</i>	—	+

Можно следующим образом подытожить сказанное о данном подходе к изучению семантики тагальских залоговых показателей: обращаясь к грамматическим категориям различных языков, к таким грамматическим подсистемам, как залоговая, падежная и/или предложная (последложная), можно предположить возможность обнаружения универсальной и общей для них системы семантических дифференциальных признаков, притом что выражение этих признаков может быть по-разному распределено между указанными выше грамматическими категориями. Так, чрезвычайная развитость категории залога в тагальском языке при очень ограниченном наборе аналитических показателей падежей позволяет предположить, что залоговая, падежная и/или предложная (последложная) системы в различных языках играют взаимно-дополнительную, взаимно-компенсирующую роль в отношении друг друга.

Можно, далее, предположить, что семантические описания падежей в терминах их дифференциальных признаков [11] соотносимы с данным подходом к описанию семантики тагальских залогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ch. J. Fillmore, The Case for Case,— «Universals in Linguistic Theory», New York, 1968.
2. S. Starosta, Recent Schisms in Transformational Theory,— «Working Papers in Linguistics», Department of Linguistics, University of Hawaii, 1969, № 6.
3. H. McLaughan, Topicalization in Maranao — an Addendum,— «Pacific Linguistic Studies in Honor of Arthur Capell» («Pacific Linguistics», Ser. C, № 13), 1970.
4. K. L. Pike, Discourse Analysis and Tagmeme Matrices,— «Oceanic Linguistics», vol. 3, № 1, Honolulu, 1964.
5. Ю. К. Лекомцев, Психическая ситуация, предложение и семантический признак,— «Труды по знаковым системам», VI (Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 308), Тарту, 1973.
6. И. А. Мельчук, А. А. Холодович, К теории грамматического залога (Определение, исчисление),— «Народы Азии и Африки», 1970, № 4.
7. В. С. Храковский, Конструкции пассивного залога,— «Категория залога (материалы конференции)», Л., 1970.
8. В. Г. Гак, К проблеме семантической синтагматики,— «Проблемы структурной лингвистики. 1971», М., 1972.
9. Л. И. Шкарбан, Проблемы изучения категории залога в тагальском языке (в печати).
10. Л. И. Шкарбан, Глагол в тагальском языке. Проблемы морфологии, канд. дисс., М., 1967.
11. Р. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением,— «American Contributions to the 4th International Congress of Slavists», Moscow, 1958.

О ДЕНОТАТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ
КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ЯЗЫКА ХИНДИ

1. Единство общеграмматического значения и валентных свойств, присущее имени существительному как отдельной части речи языка хинди, раскрывается в грамматических категориях рода, числа и падежа. Категория числа и категория падежа проявляются в области словоизменения, а именно в образовании форм имен существительных, и в основе каждой из них лежит противопоставление двух рядов форм (единственное число — множественное число, прямой падеж — косвенный падеж), причем с одной и той же словоизменительной морфемой (окончанием, или флексией) связывается выражение значений, выявляемых в плане обеих категорий. Категория же рода имени существительного является классифицирующей грамматической категорией, характеризующейся следующими основными особенностями: 1) носителями категориальных различий выступают не формы существительных, а сами существительные, взятые как лексемы; 2) каждое из существительных в своем употреблении подчиняется родовой классификации, относясь к одному из двух родов — мужскому или женскому; 3) родовая принадлежность существительного отражается в форме сочетающихся с ним слов.

Хотя в зависимости от категории рода по двум различным классам распределяются существительные, взятые как лексемы, т. е. во всей совокупности своих словоизменительных форм, все же эта категория в языке хинди тесно переплетается со словоизменительными категориями, не оставаясь независимой от последних. Это проявляется во взаимосвязи между классами существительных, выделенными по роду, и обнаруживаемыми в хинди типами словоизменения существительных, так что ряд окончаний (а следовательно, ряд форм словоизменения существительных) содержит

информацию и о том, к какому из двух родовых классов относится соответствующее существительное. Так, например, окончанием *-ā* и окончаниями *-э* характеризуются существительные мужского рода (при пересечении граммем: ед. ч. — прям. пад., мн. ч. — прям. пад., ед. ч. — косв. пад.), а окончаниями *-ā̄* и *-ē̄* — существительные женского рода (при пересечении граммем: мн. ч. — прям. пад.).

Следует подчеркнуть, что именно на родовую принадлежность существительных опирается их распределение по типам словоизменения, а не наоборот. И действительно, существительное как номинативная единица языка, хранящаяся в памяти его носителей, уже располагает родовой характеристикой независимо от того, каким образом и в какой мере окончания, оформляющие данное существительное, принадлежат тому, а не другому типу словоизменения, и, что особенно показательно, независимо от степени полноты парадигмы, объединяющей формы данного существительного. Этот факт, получающий отражение в словарях в виде сопровождающих имена существительные родовых помет, наглядно подтверждается на примере тех существительных, род которых в силу неполноты свойственной им парадигмы остается формально не выраженным в присоединяемых к ним окончаниях, но которые, однако, не находятся за пределами родовой классификации. Например, такие существительные, как *даур* 'бег', *чэчак* 'оспа', относятся к существительным женского рода, хотя они и не выступают в форме множественного числа, которая окончанием *-э̄* морфологически диагностировала бы в прямом падеже их принадлежность к женскому роду.

Выявленная выше грамматическая сущность категории рода имен существительных языка хинди оттеняется тем обстоятельством, что внешний (звуковой) облик существительных языка хинди сам по себе не дает оснований для безошибочного суждения о том, к какому роду относится то или иное слово. Это ясно видно из сравнения существительного мужского рода с существительным женского рода в каждой из пар в приводимых ниже примерах, где существительным мужского рода представлен первый член пары: *чандрамā* 'луна' — *сāнтванā* 'утешение', *пāнī* 'вода' — *ротī* 'хлеб', *бхāй* 'брат' — *тāй* 'жена старшего брата отца', *сāху* 'ростовщик' — *баху* 'невестка', *кодб* 'мелкое зерно' — *сарсб* 'горчица', *джау* 'ячмень' — *гау* 'корова', *тэдж* 'жар', 'блеск', 'сияние' — *сэдж* 'ложе', *хātхī* 'слон' — *ломрī* 'лиса' и т. п. Показательны также существительные-омонимы, различающиеся между собой родовой принадлежностью, например: *лаган* 'тазик' — *лаган* 'склонность', *кāн* 'ухо' — *кāн* 'шахта', *āб* 'вода' — *āб* 'блеск' и др. (первым приведено существительное мужского рода).

2. В языке хинди категория рода по преимуществу не обладает значимостью применительно к денотату существительных — названий неодушевленных предметов. В существительных же, обозначающих живые существа, с различиями по роду между существительными обычно сопряжено различие их денотатов по естественному полу, и это обстоятельство, кстати сказать, и служит основанием того, чтобы именовать один из грамматических родов именно мужским, а другой — женским. Итак, для обозначения лиц и животных женского пола, как правило, служат существительные женского рода (например, *тāй* 'жена старшего брата отца', *бахан* 'сестра', *ларкī* 'девочка', *дарзин* 'портниха', *лухāрин* 'жена кузнеца', *гāй* 'корова', *шэрнī* 'тигрица', *бакрī* 'коза', *бхэр* 'овца'), и, наоборот, лица и животные мужского пола, как правило, обозначаются существительными мужского рода (например, *тāу* 'старший брат отца', *бхāй* 'брат', *ларкā* 'мальчик', *дарзī* 'портной', *лухār* 'кузнец', *байл* 'бык', *шэр* 'тигр', *бакрā* 'козел', *мэрхā* 'баран').

3. Последовательность разбиения существительных на два разряда, связанного с различием их денотатов по естественному полу, имеет место в той мере, в какой существительные мужского и женского рода оказываются парно соотнесенными друг с другом, например: *бхāй* 'брат' — *бахан* 'сестра', *ларкā* 'мальчик' — *ларкī* 'девочка', *лухār* 'кузнец' — *лухāрин* 'жена кузнеца', *байл* 'бык' — *гāй* 'корова', *шэр* 'тигр' — *шэрнī* 'тигрица' и т. п. Ведущая роль при этом принадлежит внутривидовым словообразовательным контрастам между существительными, относимыми в составе пар к разным родам (см., например, следующие пары из приведенных выше существительных: *тāу* — *тāй*, *ларкā* — *ларкī*, *дарзī* — *дарзин*, *лухār* — *лухāрин*, *шэр* — *шэрнī*).

В образовании таких контрастов, регулярно проявляющихся в слое лексики тадбхава, участвуют:

1) существительные мужского рода следующих групп:
 а) характеризующиеся окончанием *-ā*; б) характеризующиеся гласным основы *-ā* в исходе слова; в) имеющие в исходе гласный основы *-э*; г) имеющие в исходе гласный основы *-у*; д) содержащие в конце суффикс *-oi*; е) имеющие в исходе согласный; ж) имеющие в исходе гласный основы *-ī*;

2) существительные женского рода следующих групп:
 а) характеризующиеся конечной аффиксальной морфемой *-ī*; б) содержащие в исходе один из следующих суффиксов: *-ин* (*-ан*), *-нī* (*-инī*), *-āин*, *-āнī*; в) характеризующиеся суффиксом *-ийā*; г) имеющие в исходе согласный, не принадлежащий суффиксальной морфеме.

Следует добавить, что некоторые из отмеченных групп существительных участвуют в образовании контрастов в лексике разрядов видеша и татсама. В частности, в слое лекси-

ки видиши существительные женского рода группы (а) образуют контрасты с существительными мужского рода групп (а) и (е), а в лексике видиши и татсама наблюдаются контрасты между существительными женского рода группы (б), с одной стороны, и существительными мужского рода групп (ж) и (е) — с другой. Кроме того, в хинди обнаруживается ряд словообразовательных контрастов между существительными разного рода, специфических для лексики татсама (см., например, *лэжхак* 'писатель' — *лэжхикā* 'писательница', *махай* 'господин' — *махайшайā* 'госпожа', *путра* 'сын' — *путрī* 'дочь', *абхинэтā* 'актер' — *абхинэтрī* 'актриса' и др.).

4. Формальная регулярность словообразовательных контрастов между существительными мужского и женского рода, как правило, сопровождается семантической регулярностью, проявляющейся в том, что смысловая связь между существительными разного рода, образующими пару, имеет более или менее фиксированный характер.

В кругу имен существительных — терминов родства различия между ними идет по линии противопоставления сем «мужской пол» — «женский пол» при условии совпадения всех остальных сем (например, *бэтā* 'сын' — *бэтī* 'дочь', *нāнā* 'отец матери' — *нāнī* 'мать матери') или по линии семантического преобразования одного из терминов, которое вызывается осложнением его содержания семой «жена» или семой «муж» (ср., с одной стороны, *мāмā* 'брат матери' — *мāмī* 'жена брата матери' и, с другой стороны, *маусā* 'муж сестры матери' — *маусī* 'сестра матери').

Среди остальных имен существительных — названий лиц выделяются две группы. В первой группе существительных различие между ними идет по линии противопоставления сем «мужской пол» — «женский пол» при условии совпадения всех остальных сем, например: *ларкā* 'мальчик' — *ларкī* 'девочка', *тахлуā* 'слуга' — *тахлуī* 'служанка', *рāдӯā* 'вдовец' — *рāд* 'вдова', *патхāн* 'патан' — *патхāнī* 'патанка'. Во второй группе существительным женского рода обозначается лицо женского пола, находящееся в браке с лицом, обозначенным существительным мужского рода, и лицо женского пола, характеризующееся тем же занятием и / или принадлежащее к той же социальной группе, касте, что и соответствующее лицо мужского пола, например: *лухār* 'кузнец' — *лухāрин* 'жена кузнеца', *дохобī* 'прачка' (мужчина) — *дохобин* 'жена прачки', 'прачка' (женщина), *касэрā* 'медник' — *касэрин* 'жена медника', 'женщина из профессиональной касты медников', *куджрā* 'зеленщик' — *куджрī* 'жена зеленщика', 'зеленщица', 'женщина из касты зеленщиков'.

В кругу существительных — названий животных существительное женского рода обычно указывает на принадлежность соответствующего животного к женскому полу, например: *гхорā* 'лошадь', 'конь' — *гхорī* 'кобыла', *бакрā* 'козел' — *бакрī* 'коза', *бхэрā* 'баран' — *бхэр* 'овца', *мор* 'павлин' — *морī* 'пава'.

5. С точки зрения выражения семантических признаков «мужской пол» и «женский пол» между попарно соотнесенными существительными — названиями живых существ устанавливается ряд оппозиций, представленных в следующей классификации:

(1.) Эквиполентная оппозиция, в которой один элемент указывает на наличие семантического признака «мужской пол», а другой — на наличие признака «женский пол».

(1.1.) Неограниченная, т. е. действительная для форм единственного и множественного числа: *питā* 'отец' — *мātā* 'мать', *ларкā* 'мальчик' — *ларкī* 'девочка', *мāmā* 'дядя' ('брат матери') — *мāmī* 'тетя' ('жена брата матери'), *рāдуā* 'вдовец' — *рāд* 'вдова' (равным образом: *питā* 'отцы' — *мātā* 'матери' и т. п.).

(1.2.) Ограниченная, т. е. действительная только для формы единственного числа: *бхайсā* 'буйвол' — *бхайс* 'буйволица', *байл* 'бык' — *гай* 'корова', *дхобī* 'прачка-мужчина' — *дхобин* 'прачка-женщина', 'жена прачки'.

(2.) Привативная оппозиция, в которой один элемент указывает на наличие одного из признаков, а другой оставляет данный признак невыраженным.

(2.1.) Оппозиция, привативная в пользу элемента, представленного существительным мужского рода. В данном случае существительное мужского рода, не указывая на отсутствие признака «женский пол», оставляет его не выраженным, т. е. характеризуется более широкой семантической зоной, чем существительное женского рода, указывающее на наличие данного признака (существительное мужского рода выступает как экстенсивный, немаркированный член оппозиции).

(2.1.1.) Неограниченная, т. е. действительная для форм обоих чисел: *гхорā* 'лошадь' — *гхорī* 'кобыла', *бандар* 'обезьяна' — *бандарийā* 'обезьяна' (самка), *хātхī* 'слон' — *хātхнī* 'слониха' (равным образом: *гхорā* 'лошади' — *гхорийā* 'кобылы' и т. п.).

(2.1.2.) Ограниченная, т. е. действительная только для формы множественного числа: *дхобī* 'прачки' — *дхобинэ* 'прачки-женщины', 'жены прачек' (←1.2. *дхобī* 'прачка-мужчина' — *дхобин* 'прачка-женщина', 'жена прачки-мужчины').

(2.2.) Оппозиция, привативная в пользу элемента, представленного существительным женского рода. В данном случае существительное женского рода, не указывая на отсут-

ствие семы «мужской пол», оставляет ее невыраженной, т. е. характеризуется более широкой семантической зоной, чем существительное мужского рода, указывающее на наличие данной семы (существительное женского рода выступает как экстенсивный, немаркированный член оппозиции).

(2.2.1.) Неограниченная, т. е. действительная для форм обоих чисел: *биллā* 'кот' — *биллī* 'кошка' (= 'кошка' или 'кот'); равным образом: *биллэ* 'коты' — *биллийā* 'кошки' (= 'кошки и коты').

(2.2.2.) Ограниченная, т. е. действительная только для формы множественного числа: *бхайсэ* 'буйволы' (быки) — *бхайсэ* 'буйволы' (= 'буйволицы и буйволы') (←1.2. *бхайсā* 'буйвол' — *бхайс* 'буйволица'), *байл* 'быки' — *гайэ* 'коровы' (= 'коровы и быки') (←1.2. *байл* 'бык' — *гай* 'корова').

6. Нередко денотативная значимость категории рода существительных языка хинди обнаруживается в том, что смысловое различие между ними регулярно связывается с указанием на большую (м. р.) или меньшую (ж. р.) величину соответствующего представителя животного мира или неодушевленного предмета, например: *макрā* (м. р.) 'большой паук' (помимо значения 'паук-самец') — *макрī* (ж. р.) 'паук', *палā* (м. р.) 'ковш' — *палī* (ж. р.) 'ковшик'; см. также: *потхā* 'большая книга', 'фолиант' — *потхī* 'книга', *рассā* 'толстая веревка', 'канат' — *рассī* 'веревка', *бат* 'каменная гиря', 'гиря' — *батийā* 'каменная гирька', 'голыш', *бхālā* 'копье' — *бхālī* 'копьецо'. Именно так проявляется в хинди денотативная значимость категории рода по отношению к существительным, не обозначающим живых существ.

7. В некоторых случаях формальная регулярность соотношений в паре между существительными мужского и женского рода не поддерживается семантической регулярностью, что можно проиллюстрировать такими примерами: *чхātā* 'зонт' — *чхātī* 'грудь', *āgūtхā* 'большой палец руки' — *āgūtхī* 'перстень', *гхарā* 'кувшин' — *гхарī* 'часы', *сār* 'бык-производитель' — *сārī* 'верблюдица'. В таких же случаях, как, например: *кārйākārī* (м.р.) 'исполнитель' — *кārйākārī* (ж. р.) 'исполнительный комитет', *нагарпāl* (м. р.) 'мэр' — *нагарпālīкā* (ж. р.) 'муниципалитет', *вйавастхāпак* (м. р.) 'законодатель' — *вйавастхāпīкā* (ж. р.) 'законодательное собрание', возникает новый вид семантической регулярности в пределах соответствующих формальных соотношений (ср.: *парватāрохī* 'альпинист' — *парватāрохī* 'альпинистка', *лэкхак* 'писатель' — *лэкхīкā* 'писательница').

8. Помимо денотативной значимости категория рода имен существительных (это касается существительных слоя лексикки татсама) может обнаруживать реферативную значимость в зависимости от родовой принадлежности того соб-

ственного имени (обычно топонима), с которым соотнесено данное нарицательное имя. Различие в роде между существительными проявляется в словообразовательном контрасте: *над* (м. р.) 'река' [такая, которая носит собственное имя мужского рода, например: *Брахмапутра, Сон, Дамодар*] — *надй* (ж. р.) 'река'; *нагар* (м. р.) 'город' — *нагарй* (ж. р.) 'город' [такой, у которого имя собственное женского рода, например: *Матхуря, Дилли* 'Дели'].

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ТУРЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Синтаксическую сочетаемость переходного глагола мы характеризуем его моделью управления, т. е. учитываем только управляемые формы. Понятие модели управления опирается на учение о сильном управлении. Под сильным управлением мы понимаем связь глагола с именем, употребленным в определенной форме, причем это связь идет от управляющего слова и необходима для его реализации в определенном значении [ср. 8]. Сильное управление характерно для глагола, в первую очередь переходного.

Глагол в реализованном значении, как показывают наблюдения, может иметь до трех сильноуправляемых форм (во всяком случае, для русского и турецкого языков). Эти формы должны быть соподчинимыми, т. е. связанными именно с данным значением глагола. Соподчинимые формы употребляются при управляющем слове одновременно. Модель управления предполагает также учет равнозначности (синонимичности) управляемых форм [6].

Модель управления глагола (сокращенное название модели сильного управления), следовательно, это такой набор управляемых (данным глаголом в определенном значении) форм, которые необходимы и достаточны для реализации его значения. Глагол в разных значениях может иметь неодинаковые модели управления, и глаголы определенного семантического класса (например, переходные) могут различаться моделями управления. Но поскольку модель управления связана с определенным значением глагола, а слова могут объединяться в различные группы на основе сходства или противоположности их значений, то модель управления может быть показателем принадлежности глагола к определенной семантической группе.

Анализируя синтаксическую сочетаемость переходного

турецкого глагола, мы выявляли сильноуправляемые формы, соподчинимые с формой винительного падежа и синонимичные ей. В отношении турецких правильных фраз можно считать, что синонимичность управляемых форм говорит об их несоподчинимости, и наоборот.

В русском языке для переходных глаголов выделено 53 модели [6]. Для турецких переходных глаголов характерно гораздо меньшее число моделей, что объясняется, видимо, отсутствием в турецком языке управления, аналогичного русскому предложному управлению. Тюркские послелоги, как правило, в меньшей степени связаны с глаголом, чем, например, русские предлоги, и отсутствие предлогов восполняется в тюркских языках тем, что на падежи приходится большая по сравнению с русским языком смысловая нагрузка. Мы учитывали не все случаи употребления с винительным падежом, так как в тюркских языках винительный падеж не всегда можно считать показателем прямого объекта. Например, в именах, обозначающих расстояние при глаголах движения, и в сочетаниях типа *günü geçirmek* 'проводить дни' вряд ли можно усмотреть прямой объект. Ср. русские словосочетания *прожить месяц, проболеть неделю*, которые «Грамматика современного русского литературного языка» (1970) трактует как построенные на основе примыкания.

Исходя из того что синтаксическая связь глагола с именем-объектом предопределяется семантикой глагола, мы относили имя к прямому объекту и считали его формой винительного падежа, основываясь на значении глагола. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть, так как связь глагола с именем в позиции прямого объекта в тюркских языках не всегда морфологически выражена. Имя в позиции прямого объекта мы рассматривали как форму винительного падежа независимо от наличия падежного показателя, хотя традиционно падежную систему в тюркских языках связывают только с наличием падежных аффиксов. Такой формальный подход для тюркских языков нам кажется неперспективным.

В модели управления глагол выступает как ядро, вокруг которого объединяются синтаксические актаны, образующие определенную конфигурацию [4, 80]. Реальными актантами предиката, выражаемого переходным глаголом, могут быть кроме субъекта: 1) объект, 2) адресат, 3) пространственный конкретизатор, 4) орудие и средство действия, 5) причина, 6) лицо — источник действия. Им соответствуют синтаксические актаны — прямое и косвенные дополнения¹. Они выражаются в турецком языке винительным, дательно-направи-

¹ С. Д. Кацнельсон, вероятно, прав, предлагая не относить к обстоятельствам близкие им. по значению члены предложения, обусловленные содержательной валентностью глагола [7, 208—212].

тельными, местным, исходным и основным² (приглагольным) падежами, а также именем с послелогом *ile* 'с', который некоторые тюркские грамматики тоже включают в падежную систему. Таким образом, в модель управления переходного турецкого глагола могут входить формы всех падежей, кроме родительного (он в тюркских языках всегда приименный).

Модели управления различны по употребительности. Наиболее частая — модель управления винительным падежом, на втором месте — модель управления винительным в соподчинении с дательно-направительным. Модель с тремя управляемыми формами (винительным, дательно-направительным и исходным падежами) в полном виде употребляется для выражения полноты смысла, но, хотя любой из пространственных падежей может быть опущен, в содержательном плане они предполагаются. Ср.: *götürmek* 'принести, передать что-л. кому-л. от кого-л.': *birinden birine mektup götürmek* 'передать письмо кому-л. от кого-л.' [12, 296].

При выделении моделей управления учитывалась обязательность/факультативность появления управляемых форм при том или ином глаголе. Имелось в виду только неабсолютное употребление, т. е. такое употребление, при котором позиция управляемой формы ею занята. Абсолютное употребление не принималось в расчет, так как в принципе почти любой из рассматриваемых глаголов допускает абсолютное употребление, т. е. факультативность управляемой формы в плане формального выражения.

Степень обязательности употребления управляемых форм вообще различна. Можно выделить три такие основные степени:

1) данная форма обязательна, и ее отсутствие следует рассматривать как эллипсис (сильноуправляемые формы);

2) данная форма не обязательна, но ее отсутствие значительно (форма винительного падежа при некоторых переходных глаголах, относящихся преимущественно к сфере человеческой деятельности: *bilmek* 'знать', *düşünmek* 'думать', *okumak* 'читать' и т. д.). Видимо, следует согласиться с И. А. Мельчуком, что в этом случае можно говорить о нулевом выражении дополнения [9, 248];

3) данная форма не обязательна, и ее отсутствие незначимо (слабоуправляемые формы).

Если учитывать еще и возможные формы, которые нередко встречаются в тексте (речи), но с точки зрения современного языка образуют неправильные фразы, то можно различать и больше степеней обязательности употребления уп-

² В нашем понимании, основной падеж — это падеж, который не просто не имеет, но главное не может иметь падежного показателя. Как управляемая форма, основной падеж всегда занимает приглагольную позицию.

руляемой формы (ср. семь степеней желательности заполнения мест в описании синтаксической сочетаемости А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком [5]).

В описываемых нами моделях управляемые формы либо обязательны, либо их отсутствие значимо, поэтому для нас важны первые два случая.

Обязательность употребления связывают обычно с какой-то одной управляемой формой. Утверждают, например, что обязательная реализация, как правило, одноступенчатая — многоступенчатая [1]. Но, по-видимому, лучше говорить об иерархии управляемых переходным глаголом форм по признаку обязательности употребления. Тогда наличие элементов высшего ранга можно считать признаком возможности появления элементов низшего ранга. Во многих индоевропейских языках сильноуправляемые формы распределяются по рангам так: 1) имя в винительном падеже без предлога; 2) имена в косвенных падежах без предлога; 3) имена с предлогом [11].

В турецком языке по признаку обязательности употребления на первое место следует поставить имя в основном падеже. Имя в винительном падеже менее обязательно по сравнению с именем в основном падеже, но более обязательно сравнительно с остальными управляемыми формами. Таким образом, в турецком языке тоже выделяются три ранга: 1) имя в основном падеже; 2) имя в винительном падеже; 3) остальные формы (имена в дательном-направительном, местном и исходном падежах, имя с послелогом *ile*).

Мы выделяем для турецкого переходного глагола кроме модели управления винительным падежом шесть моделей с соподчиненными формами и одну модель с формой, синонимичной винительному падежу. Глаголы с одинаковой моделью управления мы классифицировали по признаку синтаксического значения падежа и по смысловым признакам. Ниже приводим список этих моделей.

(При отборе материала предпочтение отдавалось непроизводным глаголам. Из рассмотрения мы старались исключать глаголы понудительного залога, так как в тюркских языках в принципе любой глагол может принимать аффикс понудительного залога и превращаться в переходный глагол, т. е. получать способность управлять винительным падежом.)

1. Управление винительным падежом характеризует прежде всего глаголы конкретного физического действия. Смыслы, выражаемые этими глаголами, объединяют неодинаковое количество глаголов. Например, смысл «трясти, встряхивать что-л.» выражается глаголами *çalkamak* 'трясти, встряхивать, взбалтывать'; *çirpmak* 'трясти, вытряхивать'; *sarsmak* 'трясти, расшатывать'; *silkmek* 'трясти, отряхивать';

tartmak 'трясти, раскачивать'; смысл «украсть что-л.» — глаголами *çalmak*, *çürpmek*, *çarpmak*; «обокрасть что-л., кого-л.» — глаголами *soymak*, *ürmek* и т. д. Некоторые смыслы связаны с единичными глаголами, например: *yıkamak* 'мыть кого-что-л., купать, кого-л., стирать что-л.'; *içmek* 'пить, хлебать что-л.'

Глаголы нефизического действия (восприятия, речи, мыслительной деятельности и т. д.) в этой модели тоже употребляются довольно часто: *anlamak* 'чувствовать, понимать кого-что-л.'; *anmak* 'вспоминать, упоминать кого-что-л.'; *avutmak* 'развлекать, успокаивать кого-л.'; *bellemek* 'заучивать, запоминать что-л.'; *bilmek* 'знать кого-что-л.' и т. д.

2. Управление винительным и дательноподлежащим падежами характерно для глаголов, предполагающих кроме прямого объекта указание: 1) адресата, либо 2) места, направления, либо 3) причины.

Глаголы, требующие указания адресата, противопоставляются по признаку отнесенности действия к физическому или нефизическому. Глаголы конкретного физического действия, объединенные общим смыслом «давать что-л. кому-л.», включают семантический компонент «иметь»: *bağışlamak* 'дарить что-л. кому-л.'; *birakmak* 'оставить, передать что-л. кому-л.'; *çakmak* 'подсунуть, всучить'; *sunmak* 'преподносить'; *vermek* 'давать, подавать, отдавать, оставлять'. Глаголы нефизического действия, связанные с адресатом, не содержат в своей семантике компонента «иметь»: *açmak* 'раскрыть, открыть, поведать что-л. кому-л.'; *danışmak* 'обращаться (за советом, справкой) к кому-л.'; *geçmek* 'накапать, наговорить на кого-л. кому-л.'; *göstermek* 'доказывать что-л. кому-л.'

Глаголы, предполагающие указание места, направления, выражают конкретное физическое действие со смыслами «переместить, поместить что-л. куда-л.», «прикрепить что-л. к чему-л.»: *tıkmak* 'воткнуть, всунуть'; *asmak* 'вешать, подвешивать'; *atmak* 'бросать, кидать, выбрасывать, забрасывать'; *bağlamak* 'привязывать, прикреплять'; *basmak* 'втиснуть'; *birakmak* 'класть, ставить, помещать'; *boşaltmak* 'переливать, выливать'; *çakmak* 'вколачивать, вбивать'; *çekmek* 'тянуть, тащить'; *dayamak* 'прислонить, приставить'; *dizmek* 'нанизывать'; *dökmek* 'лить, сыпать'; *kondurmak* 'класть, ставить, помещать'; 'воткнуть, прицепить'; *koşmak* 'присоединять'; *koymak* 'класть, ставить'; *takmak* 'нацепить, навесить, прикрепить' и т. д.

Глаголы, предполагающие указание причины, единичны: *vermek* 'относить что-л. к чему-л., за счет чего-л.'; *yormak* 'приписать что-л. чему-л.'; *Bu gecikmeyi neye yoracağımı bilmiyorum* 'Я не знаю, чему приписать это опоздание' [12, 790].

В этой модели употребляются и глаголы, обозначающие

какое-либо внешнее изменение, превращение: *boyamak* 'окрашивать в какой-л. цвет'; *bulamak* 'обвалить, обмазать в чем-л.'; *sarmak* 'обернуть, завернуть во что-л.'; *çevirmek, döndürmek, vurmak* 'превращать во что-л.' и т. д.

3. Управление винительным и исходным падежами. Глаголы этой модели выражают смыслы:

1) «взять, получить, добыть»: *almak* 'взять что-л. у кого-л. (где-л.)'; *çıkarmak* 'извлекать, получать что-л. откуда-л.'; *uydurmak* 'достать, раздобыть что-л. где-л.';

2) «отнять»: *koparmak* 'вырывать, отнимать что-л. у кого-л.';

3) «спасать, предохранять, избавлять кого-л. от чего-л.»: *alاکmak* 'удерживать, предостерегать'; *esirgemek* 'охранять, оберегать';

4) «перемещать откуда-л. или вдоль чего-л.»: *geçirmek* 'переводить, переносить, перевозить кого-л. через что-л.'; *kaldırmak* 'уносить, увозить, уносить кого-что-л. откуда-л.'; *koumak* 'прогнать кого-л. откуда-л.';

5) «повредить (о части тела)»: *ısırmak* 'укусить': *çocuğı bacağından ısırarak* 'укусить ребенка за ногу' [12, 348]; *vurmak* 'ранить': *hırsızı kolundan vurarak* 'ранить грабителя в руку' [12, 756].

Глаголы нефизического действия, употребляющиеся в этой модели, требуют указания на лицо — источник действия: *beklemek* 'ждать что-л. от кого-л.'; *bilmek* 'узнать что-л. от кого-л.'; *dilemek* 'просить что-л. у кого-л.'; *geçmek* 'перенять что-л. от кого-л.'; *istemek* 'просить, хотеть что-л. от кого-л.'.

4. Управление винительным и местным падежами характерно для глаголов конкретного физического действия, предполагающих указание определенного места: *aramak* 'искать кого-что-л. где-л.'; *bulmak* 'находить кого-что-л. где-л.'; *gezdirmek* 'прогуливать кого-л. где-л.'; *kapsilmek* 'задерживать кого-л. где-л.' и т. д.

5. Управление винительным и основным падежами. Имя в основном падеже составляет с глаголом тесную группу, аналогичную сочетаниям типа *öğretmen olmak* 'стать учителем' (соответствует русскому косвенному дополнению в творительном предикативном падеже). Глаголов этой модели немного: *çıkarmak* 'выставлять кого-л. кем-л.'; *getirmek* 'приводить кого-что-л. в качестве кого-чего-л.'; *yapmak* 'делать кого-что-л. кем-чем-л.'; *bulmak* 'находить, оценивать кого-что-л. как-л.'; *görmek* 'считать, рассматривать что-л. как-л.'; *satmak* 'преподнести, показать (себя) как-л.'; *hissetmek* 'чувствовать (себя) как-л.'; *bilmek* 'считать кого-л. кем-л.'.

Основной падеж в этой модели всегда выступает в соподчинении с винительным падежом (без винительного падежа модель недостаточна) и не может быть опущен без наруше-

ния смысла. Ср.: *insani insan yapmak* 'делать человека человеком' [12, 768]; *kendini adam saymak* 'считать себя человеком' [12, 631].

В этой модели неоформленным именем может быть не только существительное, но и прилагательное или наречие — при глаголах, предполагающих выражение оценки. Например: *Hastayı iyi buldum* 'Я нашел больного поправившимся (досл. хорошим)' [12, 124]; *evini temiz tutmak* 'содержать дом в чистоте (чистым)' [12, 728].

6. Управление винительным падежом и именем с послелогом *ile* характерно для глаголов, предполагающих указание орудия и средства действия: *boğmak* 'задушить, удавить кого-л. чем-л.'; *kurulamak* 'вытирать досуха что-л., чем-л.'; *tıkmak* 'затыкать, закупоривать что-л. чем-л.'; *kaplamak* 'покрывать что-л. чем-л.' и т. д.

7. Управление винительным, дательным и родительным падежами характеризует глаголы перемещения: *getirmek* 'приносить, приводить, привозить что-л. откуда-л. куда-л.'; *götürmek* 'передать что-л. от кого-л. кому-л.' и т. д.

8. Управление синонимичными формами. В турецком языке, по нашим наблюдениям, только исходный падеж может употребляться как синоним винительного падежа. Ср.: *bir şey (bir şeyden) anlamak* 'понимать что-л.' [12, 40].

При глаголах *tutmak* 'хватать', *öpmek* 'целовать' варианты управления связаны с небольшим различием в смысле: винительный падеж употребляется, когда действие распространяется на весь предмет, исходный — когда действие направлено в определенную точку предмета (ср. управление соответствующих глаголов в русском языке). Например: *gözlerini, yanaklarını, saçlarını öpmek* 'целовать глаза, щеки, волосы' — *gözlerinden öpmek* 'поцеловать в глаза'; *elini tutmak* 'схватить руку' — *elinden tutmak* 'схватить за руку'.

Правда, возможна и другая интерпретация: разные управляемые формы при глаголах *öpmek* и *tutmak* можно рассматривать как соподчинимые, но с определенным условием — форма исходного падежа допустима только в случае 'целовать', 'схватить кого-л.', но не что-либо. Однако первая интерпретация нам кажется более предпочтительной.

Поскольку синонимичные управляемые формы в турецком языке редки, разная синтаксическая сочетаемость почти всегда свидетельствует о различии значений полисемичного глагола, поэтому модели управления можно рассматривать как эффективное средство снятия полисемии переходного турецкого глагола.

Анализ синтаксической сочетаемости привлекает внимание к связям, идущим от слова, а их, как известно, следует от-

личать от связей на уровне предложения. Такой анализ позволяет выявить особенности построения глагольного словосочетания, что для тюркских языков, безусловно, актуально, так как до последнего времени словосочетания в тюркологии почти не исследовались. Только сравнительно недавно стали появляться работы, специально посвященные словосочетаниям [3]; [10], но в них из глагольных сочетаний анализируются только двучленные. Это происходит оттого, что словосочетание понимается как результат членимости предложения, а не как результат сочетаемости.

Анализ синтаксической глагольной сочетаемости, рассматриваемой как обязательная сочетаемость, имеет отношение и к учению о типах предложений. Опираясь на обязательную сочетаемость, по методу «вычеркивания» дифференцируют, например, основные типы предложений в немецком языке [2, 246—256].

Наконец, исследование закономерностей синтаксической сочетаемости немаловажно и для изучения смысловой структуры языка в плане синтагматических семантических полей В. Порцига — Г. Мюллера. Подобное исследование дает также материал для типологических сравнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б. А. Абрамов, Синтаксические потенции глагола, — «Филологические науки», 1966, № 3.
2. В. Г. Адмони, Типология предложения, — «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968.
3. М. Б. Балакаев, Основные типы словосочетаний в казахском языке, Алма-Ата, 1957.
4. В. Г. Гак, К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур), — сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969.
5. А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О системе семантического синтеза, — «Научно-техническая информация», 1966, № 11.
6. Л. Н. Иорданская, Два оператора обработки словосочетаний с вильным управлением, М., 1961.
7. С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972.
8. Н. З. Котелова, Характеристика синтаксических связей слов в толковом словаре, М., 1954.
9. И. А. Мельчук, Автоматический синтаксический анализ, Новосибирск, 1964.
10. Ю. М. Сеидов, Словосочетания в азербайджанском языке, автореф. докт. дисс., Баку, 1965.
11. Т. Т. Сильницкий, Залог и валентность, — «Категория залога», Л., 1970.
12. Türkçe sözlük, hazırlayan Mehmet Ali Ağakay, Ankara, 1966.

НУЛЕВАЯ СТЕПЕНЬ КАЧЕСТВА
И ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НЕКОТОРЫХ СОЧЕТАНИЙ
С НИМИ

В «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриев высказал мысль о том, что в языке существует два типа сравнения: «1) конкретный, где сравнение качества связано с сопоставлением предметов, и 2) абстрактный, где сравнение качества проводится не при помощи предметов, а при помощи теоретически подразумеваемой идеальной нормы» [3, 83]. В соответствии с этим предлагалось выделять два ряда форм: абстрактные формы сравнения, включающие в себя две формы — форму ослабления качества и форму усиления качества, и конкретные формы сравнения. В этой концепции нам хотелось бы особо отметить два момента.

Во-первых, отделение превосходной степени от сравнительной. Образования, традиционно трактуемые в тюркологии как формы превосходной степени, Н. К. Дмитриевым рассматриваются в числе абстрактных форм сравнения, в одном ряду с другими способами выражения степени качества. (В тюркских языках, лишь значение абсолютной превосходной степени имеет выражение, которое можно было бы считать аналитической формой прилагательного; значение же относительной превосходной степени, которое только и можно было бы отнести к числу значений конкретных степеней сравнения, выражается специальной конструкцией, ни одну из частей которой нельзя было бы считать аналитической формой превосходной степени прилагательного.)

Во-вторых, отнесение к числу абстрактных форм сравнения не только морфологических образований, но и синтаксических построений (т. е. сочетаний прилагательных с наречиями степени или другими словами-уточнителями) ¹.

¹ Заметим для сравнения, что и в русском языкознании высказывались мысли о необходимости выделения так называемых безотносительных степеней сравнения, но аналитические способы выражения степеней качества при этом не учитывались. См. об этом [1, 237].

И хотя целесообразность выделения особой грамматической категории абстрактных степеней сравнения проблематична, попытка свести воедино все способы выражения степеней качества прилагательных представляется интересной и плодотворной. Хотелось бы продолжить работу в этом направлении.

Свою задачу мы видим в том, чтобы представить значения всех этих образований и построений единообразно, и при этом таким способом, чтобы значение одного из них закономерно соотносилось со значениями других. Нам представляется, что одной из проблем, требующих разрешения, является определение универсальной точки отсчета меры качества, общей для всех случаев.

По мысли Н. К. Дмитриева, при абстрактных степенях сравнения сравнение осуществляется с идеальной нормой. Несомненно, что идеальная норма является «водоразделом», который разграничивает степени качества, выражаемые формами усиления качества и формами ослабления качества. Но играет ли она при этом роль точки отсчета меры качества? Думается, что нет; во всяком случае, очевидно, что не всегда.

Во-первых, сочетания, выражающие высокие степени признака, близкие к максимальным, практически не ориентированы на норму в любом понимании этого слова: *очень большой, чрезвычайно сильный* и пр.— это «приближающийся к максимальному значению данного качества», а не просто «выше нормы»².

Во-вторых, образования, выражающие малые степени качества, слишком очевидно ориентируются не на норму, а на ноль качества (для унификации и здесь будем говорить о нулевой степени качества). Показать это можно следующим образом.

В русском языке некоторые уточнители меры качества могут употребляться при прилагательных как в «положительной», так и в сравнительной степени. Таковыми являются, например, наречия *несколько, чуть*. Для наших целей они удобны тем (особенно второе), что выражают незначительный сдвиг по отношению к точке отсчета, следовательно, точку отсчета определить легче. *Чуть краснее* означает, что признак цвета представлен в сравнительном предмете в незначительно большей степени, чем в объекте сравнения (точка отсчета здесь не вызывает сомнений, также несомненно, что степень сдвига обозначена словом *чуть*). Соответственно сочетание наречия *чуть* с положительной степенью прилагательного (*чуть красный*) означает, что признак цве-

² Следует оговориться, что объектом рассмотрения в настоящей статье является не языковой материал, а общая схема его описания, представления.

та представлен в предмете в незначительной степени. Если признать, что *чуть* и здесь сохраняет значение выразителя степени сдвига, мы должны будем также признать и то, что этот случай фиксирует сдвиг относительно нуля (*чуть красный* — это «красный в незначительной степени», а незначительную степень качества от «идеальной нормы», как подсказывает языковая интуиция, отделяет достаточно большое семантическое расстояние).

В-третьих, во многих случаях степень качества определяется по отношению не к идеальной норме, которую удобнее было бы именовать усредненной степенью качества (что мы и будем делать в дальнейшем). Сочетания с наречиями *достаточно*, *недостаточно*, *слишком* указывают на близость степени качества к некоторой величине (*недостаточно*, *слишком*) или совпадение с ней (*достаточно*) — таковой является совокупность всех значений параметра той или иной серии (подробнее см. стр. 240 и сл.). (Для последнего случая мы будем использовать термин «норма», тогда как «идеальную норму» последовательно будем именовать усредненной степенью качества³.)

Ср. *очень красный* — степень качества больше средней и *слишком красный* — степень качества больше некоей нормы. Аналогия, как видим, полная, так что, признавая в одном случае усредненную степень качества точкой отсчета, мы не сможем отказать в том же понятию нормы. Однако признание этого в отдельных случаях приводит к принципиальным затруднениям.

Ср., например, соотношение выражений *слишком большой* и *недостаточно маленький* (а также *слишком маленький* и *недостаточно большой*). В отношении выражения степени качества они равнозначны, хотя состав их как будто бы позволяет ожидать обратного. В самом деле, сами прилагательные *маленький* и *большой* противоположны по смыслу, и уточнители их не должны менять семантического расстояния между ними — если «недостаточное» выражение одного признака приближает его к антиподу, то «чрезмерное» (*слишком*) выражение другого должно было бы восстановить величину разрыва. И тем не менее вопреки «очевидности» выражения эти семантически почти эквивалентны (под-

³ Собственно говоря, усредненная степень качества — это, конечно же, тоже норма, потому что любое качество может иметь такую степень выявления, которая представляется говорящим полной, нормальной в отличие от недостаточной и чрезмерной. Норма этого рода — отвлечение от массы конкретных проявлений определенного качества, причем проявлений в предметах разных серий. Не обсуждая целесообразности предлагаемого словоупотребления, заметим, что термин «норма» будет употребляться нами в данной статье только применительно к характеристике параметров предметов одной серии.

черкнем, что речь идет об эквивалентности лишь в отношении выражения степени качества; чаще подобные выражения в речи невзаимозаменяемы, подробнее об этом см. стр. 241—242).

Ниже мы вернемся к этому случаю и попытаемся его объяснить, пока же ограничимся замечанием, что факт этот, на наш взгляд, свидетельствует о том, что самое простое объяснение — в каждом конкретном случае действует свой особый принцип представления степени качества, имеется своя точка отсчета — практически оказывается ничего не объясняющим.

Действительно, прилагательные, употребляясь без специальных уточнителей, обычно выражают некоторую усредненную меру качества. При этом кажется несомненным, что почти все определители меры качества, употребляемые при качественных прилагательных, в конечном счете выражают отношения регистрируемой меры качества к усредненной величине или норме (таков конкретный смысл определений, говорящих о неполноте и избыточности признака, выражаемого теми или иными образованиями). Однако признавать это еще не значит признавать также, что отсчет меры качества ведется от этой точки — усредненной степени качества или нормы. Точкой отсчета во всех случаях мы предлагаем считать нулевую степень качества.

Обратимся к сравнению: на шкале некоего прибора обозначены нуль (0), максимум (М), а также некоторая «критическая точка», соответствующая, скажем, величине, достижение которой желательно, а превышение нежелательно (конкретное значение ее может быть и иным — это не играет никакой роли). Понятно, что, хотя отсчет здесь ведется от нуля, при этом учитывается и степень приближения к «критической точке» и к «максимуму», поскольку практически важно только одно: какова реальная величина? А «критическая точка» и «максимум» — это те ориентиры, которые позволяют определить, конкретизировать данную величину.

Аналогичным образом может обстоять дело и в нашем случае. Для того чтобы определить меру качества, в большинстве случаев недостаточно знать точку отсчета, нужно иметь еще и средства определения степени отклонения от нее. Можно предположить, что и на нашей «шкале интенсивности качества» не обозначены никакие величины, кроме нуля, «критической величины» (усредненной степени качества или нормы) и «максимума». Предлагаемая схема дает возможность представить единообразным способом семантику всех построений, выражающих степени качества, что имеет особое значение для описания антонимичных пар качественно-оценочных (по терминологии А. Исаченко) прилагательных.

Рассмотрим теперь эту схему несколько более конкретно.

О нулевой степени качества, естественно, можно говорить лишь применительно к таким прилагательным, которые обозначают признак, могущий иметь различные количественные выявления (градации по интенсивности) ⁴. Таковыми являются почти все качественные прилагательные. Однако качественные прилагательные не составляют однородной массы, и положение о нуле как точке отсчета различных степеней качества получает различную интерпретацию в применении к различным группам качественных прилагательных.

В интересующем нас отношении существенным является предложенное А. Исаченко [5, 233] деление качественных прилагательных на две основные группы — собственно качественные прилагательные и качественно-оценочные ⁵.

К первым относятся те прилагательные, значение которых может быть определено вне зависимости от контекста и ситуации, — таковы, например, прилагательные цветообозначения (хотя реально в каждом конкретном случае, скажем, красный цвет будет иметь свою специфику — *красное лицо, красный помидор, красное яблоко* и др., но признак «красный» и без этих контекстов все же будет обозначать вполне определенный параметр, в разных проявлениях имеющий разное количественное выражение, но не теряющий из-за этого своей определенности) ⁶.

⁴ Впрочем, надо оговориться, что физическая реальность и ее языковое представление — вещи соотносительные, но не тождественные, соответствие между ними неполное. Физически, реально признак может иметь градации интенсивности, но в языке это может находить лишь частичное выражение. Например, значение прилагательного *глухой* (о человеке) определяется академическим словарем русского языка как «полностью или частично лишенный слуха», таким образом, оно обозначает признак, имеющий различное количественное выявление. Однако форм сравнительной степени это прилагательное в русском языке не образует. Видимо, здесь действует принцип практической значимости: что не имеет практического значения, то и не получает языкового выражения. Впрочем, может быть, просто значение этого слова требует иного определения: «Глухой — это тот, кто практически в обиходе слухом не пользуется?»

⁵ Как показывает А. Исаченко, для русского языка это деление находит подтверждение и в морфологических особенностях групп прилагательных. нас, однако, интересуют только семантические основания этого деления. Предлагаемое ниже деление качественно-оценочных прилагательных на две подгруппы также является чисто семантическим.

⁶ Говоря о прилагательных цветообозначения, следует специально отметить, что количественное выявление признака, выражаемого ими, имеет свою специфику. Сам по себе признак, выражаемый прилагательными *красный, синий, зеленый* и др., не может быть в большей или меньшей мере таковым: может меняться его плотность (*темно-, светло-*), если мы имеем дело с чистым цветовым признаком, или «удельный вес» признака, если мы имеем дело со смешанными или составными признаками.

Схема семантического пространства⁷ собственно качественных прилагательных имеет вид числовой оси, на которой могут быть отложены величины, располагающиеся между нулем (0) и бесконечностью (реально же — максимумом *М*).

Схема 1

О _____ М

Средства выражения промежуточных величин — это сами прилагательные и различного рода вторичные образования (морфологические и синтаксические) на основе главного обозначения: формы неполноты качества и усилительные, сочетания прилагательных цветообозначения с уточнителями *темно-* и *светло-*, сочетания прилагательных с уточняющими наречиями⁸. Формы сравнительной степени выпадают из этого ряда, так как выражают меру качества, всегда ориентированную на степень качества, представленную в другом предмете, — они образуются преимущественно от основного обозначения данного признака и используются на протяжении всего семантического пространства его⁹. Любопытно, что и при форме сравнительной степени могут быть употреблены уточнители, показывающие меру различия признака, представленного в сравниваемых предметах, но это, как правило, не те наречия, что употребляются для выражения степеней качества в сочетании с «положительной» степенью прилагательного.

Использование нескольких обозначений для сферы проявления одного признака (т. е. дифференцированное обозначение)

⁷ Под «семантическим пространством» мы разумеем все разнообразие проявлений признака, выраженного тем или иным прилагательным. Соответственно часть этого пространства, ограниченную какими-либо величинами, мы называем «семантическим расстоянием» между ними. Может быть, эти названия не очень строгие, но для наших целей они оказались удобными уже тем, что они наглядны.

⁸ При этом надо иметь в виду, что многие формы и конструкции, обозначающие различные степени качества, используются и в эмоциональной речи — подчас именно как приметы эмоциональности. В этом случае они чаще всего не противопоставляются исходной форме прилагательного (без определений и аффиксов) по признаку степени качества. В эмоциональной речи формы и конструкции, обозначающие в нейтральной речи высокие степени качества, реально могут обозначать даже неполноту признака, подобно тому как эмоциональное *Он обязательно/непрерывно придет* может быть менее категоричным, чем нейтральное *Он придет* (окказиональная возможность подобного употребления оказалась закрепленной у *наверное*, когда оно употребляется в качестве вводного слова).

⁹ Оговоримся, что в сфере применения сложных прилагательных типа *светло-* и *темно-* сравнение обычно осуществляется по степени проявления признака «светлый—темный», т. е. из цельного значения прилагательного цветообозначения как бы вычленяется признак интенсивности. Впрочем, речь идет лишь о способах выражения сравнения, в самих же сложных прилагательных значения цвета и интенсивности даны в качестве хотя и расчлененного, но единства.

ние различных степеней проявления признака) является результатом выработки языком понятия усредненной степени качества, для обозначения которого используется данное прилагательное «в чистом виде» (без уточнителей степени качества). На нашей схеме усредненной степени качества будет соответствовать некоторая точка между *0* и *M* (точнее, не точка, а область, множество точек, поскольку усредненная степень для разных носителей признака, как и для разных говорящих, не будет иметь одного значения). Для остальных участков семантического пространства данного прилагательного используются дополнительные обозначения, семантически зависящей от основного¹⁰.

Собственно говоря, точнее было бы говорить о семантическом пространстве не прилагательного, а признака, выраженного данным прилагательным. Дело в том, что существует группа прилагательных, которые употребляются не на всем протяжении семантического пространства соответствующего признака (иными словами, не везде, где четко выделяется признак, обозначенный данным прилагательным, можно употребить соответствующее прилагательное). Например, сфера употребления прилагательного *розовый* — это часть семантического пространства признака *красный*, ибо *розовый* характеризуется наличием признака красноты в небольшой степени (по определению академического словаря, *розовый* — это «светло-красный»). При этом прилагательное *розовый* занимает по отношению к прилагательному *красный* подчиненное (в семантическом отношении) положение. Это можно показать следующим образом: если *розовый* это «светло-красный», то от *красный* его отличает именно слабая степень выражения признака «красный», меньшая плотность его; употребляя же форму сравнительной степени этого прилагательного (*розовее*), мы отмечаем усиление интенсивности признака красноты, увеличение плотности цвета, т. е. приближение к признаку «красный». Получается, что накопление признака «розовый» приводит как бы к его ослаблению и исчезновению. Реально ноль для прилагательного «розовый» располагается в стороне, противоположной «красному», хотя в определенном смысле естественно было бы ожидать обратного. Таким образом, мы практически не можем объективно определить содержание признака «розовый», не обращаясь к признаку «красный». Поэтому представляется более целесообразным говорить лишь об изменении признака «красный», выраженного двумя лексическими единицами; семантическое пространство признака «розовый» в этом случае будет представлено как часть семантического пространства признака

¹⁰ В тех случаях, когда обозначение степени проявления признака не представляется говорящему важным, на всем протяжении семантического пространства, как правило, используется основное обозначение.

«красный» (именно та часть, которая прилагается к нулю). Уместно отметить также, что почти во всех случаях вместо *розовее* можно сказать *краснее*, т. е. и здесь в какой-то мере действует общее правило: сравнительная степень образуется от основного обозначения.

Второй группой качественных прилагательных являются прилагательные качественно-оценочные. В отличие от первой группы они выражают признак не абсолютный, а релятивный и выступают обычно в антонимичных парах: «они указывают лишь на относительное свойство предмета, выделяемое в процессе оценки» [5, 234].

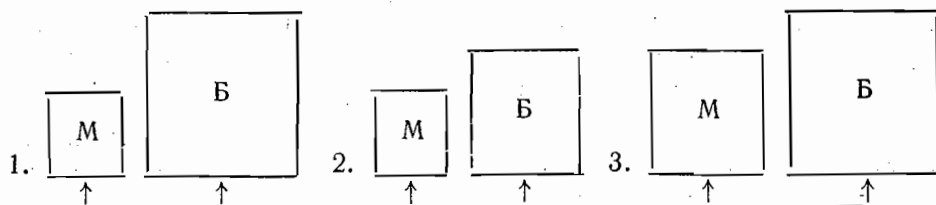
А. Исаченко сравнивает прилагательные этой группы (входящие в антонимичные пары) с системой координат, «позволяющей субъекту ориентироваться в кругу основных отношений: пространственных (*глубокий — мелкий...*), временных (*ранний — поздний...*), чувственных восприятий (*теплый — холодный...*), отношений экономических (*дорогой — дешевый...*) и ряда других (*тяжелый — легкий, старый — молодой, быстрый — медленный...*)» [5, 234].

В отличие от абсолютных качественно-оценочные прилагательные не выражают сколько-нибудь определенного параметра — реальное содержание прилагательного определяется взаимозависимостью с парным словом (антонимом).

Существенно важно при этом, что взаимозависимость здесь не только понятийная, но и (если можно так сказать) оперативная. Иными словами, связь членов пар проявляется не только в том, что они выражают антонимичные (и, следовательно, тесно связанные между собой) понятия, но и во взаимной обусловленности реальных величин, выражаемых данными прилагательными.

Сравнение с системой координат удачно подчеркивает взаимосвязанность членов подобных антонимичных пар, которые существуют не сами по себе, а обязательно во взаимосвязи. Можно было бы также предложить аналогию с постоянным магнитом, чтобы продемонстрировать ту специфическую особенность качественно-оценочных прилагательных, что реальные значения членов антонимических пар могут меняться в очень широких пределах. Ср. преобразования, которые можно осуществить с магнитом: его можно рассечь, и каждая часть повторит схему исходной величины, т. е. сама будет самостоятельным магнитом со своими полюсами и нулем. И наоборот: из двух магнитов, составленных противоположными полюсами, мы получаем единый магнит с единым магнитным полем и одним нулем. Ср. приводимые ниже искусственные случаи употребления прилагательных *большой* (Б) и *маленький* (М):

Схема 2

Переход от первого случая к двум последним будет аналогичен делению магнита, а обратный (от последних двух к первому) — составлению из двух магнитов одного.

Если воспользоваться аналогией с постоянным магнитом, естественным будет усматривать нулевую степень качества где-то в середине семантического пространства, ограниченно-антонимичной парой (подобно тому, как в центре магнита лежит область нейтрализации полярных противоположностей), — в обе стороны от нее шло бы нарастание противоположных признаков: в одну сторону — одного, в другую — противоположного.

Схема 3

М О М

Каково же реальное содержание понятия «нулевая степень качества» («нуль») в применении к данному случаю? Ответы на этот вопрос будут разными в зависимости от того, с какой группой качественно-оценочных прилагательных мы имеем дело, так как по признаку смысловых взаимоотношений компонентов антонимичных пар качественно-оценочные прилагательные в свою очередь делятся на две группы.

Основную массу качественно-оценочных прилагательных составляют прилагательные с контрарным отношением членов антонимичных пар, т. е. таким отношением, когда отрицание одного признака не означает автоматически утверждения второго, так как данными двумя возможностями не ограничивается выбор¹¹. Например, *большой* это не есть «не маленький», а *маленький* это не есть «не большой». Ясно, что в этом случае нуль не может быть просто межой между сферами употребления полярных наименований. Как правило, место нуля здесь занимает норма, т. е. то, что не совпадает ни с одним из антонимичных признаков, — понятие нормы является объединяющим для обеих антонимичных понятий, которые обозначают отклонения от нормы в противоположные стороны¹². (Заметим попутно, что употребление, ориентиро-

¹¹ Оговоримся, что и прилагательные этой группы могут употребляться контрадикторно, когда налицо сопоставление двух конкретных предметов или лиц по определенному признаку (ср. обычную практику модифицирования имен тезок в одном коллективе, например, *Нина Николаевна большая* и *Нина Николаевна маленькая*), — именно этот случай иллюстрировался схемой 2. О других случаях контрадикторного употребления качественно-оценочных прилагательных будет упомянуто ниже. К подобным употреблениям прилагательных данной группы применима схема 8, касающаяся прилагательных с контрадикторным отношением членов антонимичных пар.

¹² Ср. «Выражение *А — сильный* не имеет никакого точного смысла и не является утверждением, которое можно было бы объективно проверить прибором, до тех пор пока говорящий не укажет эксплицитно, какова его норма силы, т. е. выше какого порога силы он будет называть данного носителя силы *сильным*» [7, 437].

ванное на норму, знаменует в определенном смысле абсолютизацию значений качественно-оценочных прилагательных, так что относительность, релятивность значения, в принципе характерная для прилагательных этой группы, сама оказывается в значительной степени относительной. Подробнее об абсолютизации будет сказано в другой нашей работе.)

Дело в том, что реально мы имеем дело чаще не с единичными предметами и явлениями, а с такими, которые принадлежат к серии однотипных. Знание говорящими среднестатистических параметров каждой серии подсказывает наиболее эффективный способ охарактеризовать один из предметов (одно из явлений) серии — для этого надо указать отклонения его параметров от среднестатистических. Это мы практически и делаем. Всегда, когда нет непосредственного сравнения двух конкретных предметов по их признакам, мы при употреблении качественно-оценочных прилагательных исходим из некоторого эталона, образца. Знание этого эталона достаточно для того, чтобы сказать, какой стул высок и какой дом низок, какой нос длинный и какая юбка короткая.

Видимо, параллельно с понятием нормы и здесь существует аналог понятия усредненной степени качества (резонно было бы назвать его усредненным отклонением от нормы), позволяющий дифференцированно обозначать различные степени проявления признака: *довольно большой, большой, очень большой* и т. д. Вероятно, и здесь усредненное отклонение от нормы обозначается прилагательным без уточнителя.

Впрочем, предложенная схема описания несколько упрощает положение. Из нее можно было бы сделать тот вывод, что признаки, выраженные членами антонимичных пар, несовместимы — где есть один, там нет другого. Так, например, в паре *большой—маленький* можно было бы усматривать обозначения для одного признака — признака величины, который имеет отрицательные и положительные значения. Но это не совсем точно, ибо полной интеграции признаков все же не происходит, точнее, интеграция признаков не всегда имеет место. Об этом свидетельствует, например, возможность выразить одну и ту же степень этого «объединенного признака», используя оба члена антонимичной пары, но лишь с разными уточнителями (уже упоминавшееся совпадение — совпадение в отношении выражения степени качества — значения выражений типа *слишком большой* и *недостаточно маленький*). Об этом же говорит употребление форм сравнительной степени. Как известно, формы сравнительной степени обоих прилагательных, составляющих антонимичную пару, употребляются на всем протяжении семантического пространства между полярными величинами. Так, например, при фиксированных значениях прилагательных *большой* и *маленький*

мы теоретически ко всем промежуточным в отношении величины предметам можем употребить формы сравнительной степени — *это больше того, а это меньше*. При этом при движении в одну сторону (от «маленького» к «большому») все промежуточные ступени будут охарактеризованы словом *больше*, а в противоположную — словом *меньше*¹³.

Таким образом, предложенная выше схема требует усложнения. Поскольку необходимо отразить отсутствие интеграции признаков, удобно представить схему семантического пространства антонимичных признаков как состоящую из самостоятельных схем отдельных признаков, наложенных одна на другую таким образом, что нуль одного признака совпадает с максимумом другого, и наоборот.

Схема 4

О	<i>Большой</i>	М
М	<i>Маленький</i>	О

Более простой вид этой же схемы:

О	<i>Большой</i>	М
М	<i>Маленький</i>	О

Для наглядности несколько модифицируем схему, условно представив увеличение степени качества от 0 до М рядом последовательных чисел от нуля до 10 — положительных для признака «большой» и отрицательных для признака «маленький» (поскольку они антонимичны).

$$\begin{array}{cccccccccccc}
 0 & +1 & +2 & +3 & +4 & +5 & +6 & +7 & +8 & +9 & +10 \\
 -10 & -9 & -8 & -7 & -6 & -5 & -4 & -3 & -2 & -1 & 0
 \end{array}$$

Как видим, в центре оказалась область нейтрализации полярных признаков ($+5 - 5 = 0$), которая и будет реальным, практическим нулем, поскольку в одну сторону от нее будет нарастать преобладание одного признака («большой»: $+6 - 4 = +2$, $+7 - 3 = +4$, $+8 - 2 = +6$, $+9 - 1 = +8$, $+10 + 0 = +10$), а в другую — противоположного («маленький»: $+4 - 6 = -2$, $+3 - 7 = -4$, $+2 - 8 = -6$, $+1 - 9 = -8$, $0 - 10 = -10$).

¹³ Нам ничто не мешает сказать о двух заведомых глупцах, что один из них умнее другого, и если о двух умных людях не принято говорить, что один из них глупее другого, то ограничения тут не смысловые, а стилистические (определенную роль играет и абсолютизация значений прилагательных данной группы).

Выпишем результирующие величины, и схема получит следующий вид:

$$-10 \quad -8 \quad -6 \quad -4 \quad -2 \quad 0 \quad +2 \quad +4 \quad +6 \quad +8 \quad +10.$$

Таким образом, мы произвели интеграцию схем семантического пространства противоположных признаков и практически вернулись к схеме 3, которая тем самым может рассматриваться как вариант (или производное) схемы 4. Интеграция схем, когда мы учитываем только сумму значений признаков, видимо, моделирует интеграцию признаков, имеющую место в действительности (числа понадобились нам единственно для того, чтобы сделать эту интеграцию наглядной).

Имеются, однако, ситуации, когда подобная интеграция невозможна и когда полярные признаки выступают расчлененно.

Выше мы уже упоминали о том, что понятие нормы может получать разные толкования. С одной стороны, мы можем иметь дело с окказиональной нормой, так сказать, с нормой «на данный случай». Если мы подыскиваем гайку к болту, норма — размер этого болта; подбираем костюм себе по росту, норма — свой размер и т. п. К случаям этого типа отнесем и такие употребления прилагательных, как: *Ты слишком мал, чтобы это понять* (норма — возраст, позволяющий понять какие-то вещи, в другом возрасте не понятные); *Ты достаточно молод, чтобы служить в армии* (норма — возраст, дающий право служить в армии; ср.: *Ты слишком молод, чтобы служить в армии* и *Ты недостаточно молод, чтобы служить в армии*).

С другой стороны, мы можем представить в виде нормы весь диапазон значений параметра, характерного для данной серии, в случае если цель наша — сравнение не предметов данной серии (как средство охарактеризовать один из предметов), а самих серий, когда надо отнести отдельный предмет к той или иной серии: *Этот предмет слишком велик, чтобы быть отнесенным к данной серии, а этот — слишком мал* и т. п.

Собственно говоря, норма «на данный случай» — это частный вариант нормы в этом понимании (можно сказать, что там мы имеем дело с серией «на данный случай»). Отклонение от нормы в обоих этих случаях, как правило, отмечается специальными уточнителями — *слишком, чрезмерно, недостаточно*, а совпадение — подчас словом *достаточно*¹⁴.

¹⁴ Или синонимичными типа: *в такой степени..., что...; настолько..., что...; не настолько..., что...* и др. Для удобства мы в дальнейшем будем говорить лишь об однословных уточнителях, помня, однако, что это только один из возможных способов выражения данного значения.

В этих ситуациях норма выступает не в качестве точки отсчета («реального нуля»), а в качестве «критической величины»¹⁵ (см. ранее, стр. 232). В этих случаях интеграции значений полярных признаков не происходит, соответственно и схемы семантического пространства противоположных признаков будут раздельны. Норма по общему правилу будет располагаться в центре шкалы, а справа и слева от нее будут располагаться области, соответствующие сочетаниям основных прилагательных с уточнителями *слишком* и *недостаточно*: между 0 и нормой — *недостаточно*, а между *М* и нормой — *слишком*.

Схема 5

0	<i>Недостаточно большой</i>	Норма	<i>Слишком большой</i>	М
М	<i>Слишком маленький</i>	Норма	<i>Недостаточно маленький</i>	0

Нетрудно заметить, что значению словосочетания *недостаточно большой* будет соответствовать та же область, что и словосочетанию *слишком маленький*, а словосочетанию *недостаточно маленький* — та же область, что и словосочетанию *слишком большой*.

При таком подходе смысловое схождение выражений типа *слишком большой* и *недостаточно маленький* предстает не как причуда языка, а как явление закономерное и естественное. А это, думается, говорит в пользу предложенной схемы описания значений качественных прилагательных — схемы, базирующейся на понятии нулевой степени качества.

Впрочем, смысловые схождения выражений с *недостаточно* и *слишком* не означают их взаимозаменяемости, параллельности их употребления, так как помимо указания на степень качества они выражают дополнительную информацию, которая ограничивает их использование. *Недостаточно* означает как бы «недолет», а *слишком* — «перелет», так что, если известно, с какой стороны «ведется стрельба», выбор этих вариантов оказывается несвободным. Например, если при подборе пробки к бутылке первая попытка дала пробку маленькую, о ней мы как будто можем сказать любым способом (и *слишком мала*, и *недостаточно велика*), но если вторая окажется большой, то, видимо, о ней лучше будет сказать *слишком велика*, что будет означать: «стараясь приблизиться к норме, мы ее превысили».

¹⁵ Собственно говоря, в подобных случаях чаще учитывается только одно — максимальное или минимальное — значение параметра нормы, так что в качестве «критической величины» выступает не сама норма, а ее граница, предельное значение параметра.

На выбор варианта может оказать влияние абсолютизация употребления данного прилагательного. Простой пример: если всех людей по признаку ума разделить на умных и глупых, то в соответствии с принципом относительности значения качественно-оценочных прилагательных надо будет признать, что у глупых есть свои умные, а у умных — свои глупцы. Традиционно, однако, принято говорить об умных из числа глупых, что они менее глупы, чем прочие, а о глупых из числа умных — что они менее умны, чем другие. Соответственно из вариантов с *недостаточно* и *слишком* в каждом конкретном случае будет отдано предпочтение тому, который требует соответствующего прилагательного, т. е. о глупом предпочтут сказать (за глаза, конечно), что он слишком глуп, а об умном — что он недостаточно умен.

Видимо, при прочих равных условиях на выбор варианта оказывает определенное влияние и правило, по которому предпочтение отдается «семантически немаркированному» члену пары, каковым обычно является название большего (положительного) признака (или, другими словами, название высокого значения параметра — И. А. Мельчук¹⁶).

Иначе обстоит дело с нормой (напомним, что речь здесь идет о норме, понимаемой не как среднестатистическая величина того или иного параметра серии предметов, а как совокупность всех возможных значений данного параметра), для обозначения которой часто используется наречие *достаточно*. Нетрудно заметить, что, как правило, сочетания этого наречия с названиями противоположных признаков далеко не однозначны — *достаточно умный* и *достаточно глупый*, *достаточно далекий* и *достаточно близкий*, *достаточно сильный* и *достаточно слабый*. И вместе с тем возможны их схождения: в том же примере с пробками и бутылкой нужную по размеру пробку явно можно назвать и достаточно большой, и достаточной маленькой — на выбор варианта и здесь будут влиять те моменты, о которых была речь выше (когда мы говорили об уточнителях *недостаточно* и *слишком* — чтобы не повторяться, не будем вновь говорить о них здесь, но просим читателя всегда иметь их в виду), а также и то, каким мы считаем размеры горлышка бутылки (большим или маленьким), но отнюдь не то, что данные выражения являются обозначениями для разных смыслов.

Таким образом, здесь могут быть два случая.

Первый случай — когда норма ограничивает и максимальное и минимальное значение данного параметра. Таков пример с бутылкой — здесь норма это не больше такой-то величины и не меньше такой-то. На схеме норма будет распо-

¹⁶ «Из пар антонимов 'длинный — короткий' или 'высокий — низкий' именно первый выступает как представитель оппозиции, т. е. как семантический немаркированный член» [6, 359].

лагаться в этом случае в центре — по обе стороны от нее будут располагаться области возрастания значений обоих противоположных признаков, так что область нормы здесь действительно можно считать областью нейтрализации признаков (потому-то для обозначения ее возможно использование обоих прилагательных антонимичной пары).

Схема 6

О	<i>Недостаточно большой</i>	<i>Достаточно большой</i>	<i>Слишком большой</i>	М
М	<i>Слишком маленький</i>	<i>Достаточно маленький</i>	<i>Недостаточно маленький</i>	О

Второй случай — когда норма ограничивает значение данного параметра только с одной стороны, т. е. определяет лишь верхнюю или нижнюю ее границу, — здесь норма это не больше такого-то значения или не меньше такого-то («или», а не «и»). В этом случае норма будет занимать половину схемы, захватывая максимум одного из признаков (и нуль другого).

Схема 7

О	<i>Недостаточно умный</i>	<i>Достаточно умный</i>	М
М	<i>Слишком глупый</i>		О

Ясно, что симметрия здесь нарушена: для обозначения нормы годится название только одного признака — именно того, чей максимум приходится на область нормы; в другой же половине схемы все осталось как прежде — оба названия удобны на свой лад для обозначения этой области (об условиях, ограничивающих их употребление, говорилось выше — см. стр. 241—242).

Данный случай подводит нас к рассмотрению последней группы прилагательных, которые (каждая антонимичная пара) изначально, в обычном своем употреблении обозначают признаки не равноправные, а такие, один из которых как бы обозначает норму. Таковы прилагательные типа *острый — тупой*: в большинстве случаев употребления их один из этих признаков будет признаваться нормой, а другой — отклонением от нее. Норма для ножей — это острый нож, а тупой нож — это выход за пределы нормы (окказиональной нормой, нормой «на данный случай» тут может быть и «тупость»: *Этот нож достаточно тупой, чтобы им ничего нельзя было отрезать*, — но не об этой норме сейчас речь).

Интегрированная схема семантического пространства прилагательных этого типа будет иметь вид:

Нуль здесь не означает нормы — это абстрактная граница, межа, делящая сферы употребления антонимичных названий. Собственно говоря, семантическое отношение между членами подобных пар следовало бы назвать контрадикторным, ибо отрицание одного признака означает утверждение другого, и наоборот (*тупой* — это *не острый*, а *острый* — это *не тупой*).

Следует заметить, что употребление терминов «контрарный» и «контрадикторный» в настоящей статье является в определенном смысле нестрогим. Если не принимать в расчет некоторых антонимичных пар, один из членов которых является отрицательной модификацией противоположного (и образуется с помощью приставки *не-*), всегда, в самых, казалось бы, несомненных случаях наличия контрадикторных понятий между противоположными членами можно втиснуть какое-нибудь, говоря словами И. С. Тургенева, «ни то ни се» (ср.: *Варя была ни то ни се, ни любезна, ни грустна... ни хороша собой, ни дурна* [8, 77]), хотя в идеале, как нам кажется, третий компонент в семантическом противопоставлении в данном случае все-таки не участвует. Условно сохраняя термины «контрарный» и «контрадикторный», мы помним, что, несомненно они обозначают в статье только одно — что в одном случае имеется норма, объединяющая противоположные признаки и не совпадающая ни с одним из них, а в других — такой нормы нет¹⁷.

Думается, что в подобных отношениях могут находиться и прилагательные *умный* и *глупый*: в обычном словоупотреблении *умный* — это норма, а *глупый* — отклонение от нее (вместе с тем прилагательное *умный* может иметь значение «очень умный» и в этом случае не быть обозначением нормы, но это, видимо, другое его значение. Думается, что этот именно случай описывает И. А. Мельчук: «А — умный = *ум. А больше ума, который считается нормальным для предметов класса А'» [7, 437]).

Ср. в сказках — два сына умных и один дурак, причем умные рисуются такими красками, что не может, кажется, быть сомнения, что это не отклонение от нормы в сторону большого ума (таковым в конечном итоге оказывается именно дурак), а как раз сама средняя человеческая норма. И если у П. П. Ершова в «Коньке-Горбунке» соотношение иное («У крестьянина три сына, старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак»), то

¹⁷ А. Гурдов, автор интересной работы о качественных прилагательных [2], обратил наше внимание на статью А. Исаченко, в которой затрагивается вопрос о приложении понятий «контрарный» и «контрадикторный» к языковым явлениям; см. [4, 41]. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить его.

третий компонент тут все же не норма, а то самое «ни то ни се», о котором упоминалось выше.

В случае специальной фиксации нормы (при помощи уточнителя *достаточно*) интеграции признаков не происходит и сама схема имеет тот же вид, что и схема 7.

Схема 9

О Недостаточно острый	Достаточно острый М
М Слишком тупой	

Заканчивая рассмотрение, заметим, что предложенная схема приложима полностью к наречиям, соотносительным с качественными прилагательными, и, по-видимому, в какой-то мере — к словам со значением качества, относящимся к другим частям речи, в том числе и к существительным.

* * *

Наше изложение было бы неполным, если бы мы не упомянули, что рассмотренными случаями (когда отсчет степени качества ведется от нуля или от нормы, которая также служит практическим нулем) не исчерпывается употребление прилагательных с уточнителями и без них.

Очень часто точка отсчета является произвольной (в том смысле, что бывает отлична от нуля и нормы), иной в каждом конкретном случае; — как правило, она в таких случаях специально обозначается при прилагательном (наречии), но может и не выражаться специально, если она известна из контекста или ситуации. Таковы все случаи конкретного сравнения, когда точкой отсчета является степень качества, представленная в другом предмете или серии предметов. Сюда относится употребление сравнительной степени (степень качества, большая, чем в объекте сравнения), относительной превосходной степени (степень качества наибольшей в группе сравниваемых предметов, хотя во всех них она может быть представлена в малой степени; абсолютная превосходная степень относится к группе случаев, которые были объектом рассмотрения в настоящей статье), всевозможных оборотов типа *в сравнении с ... / сравнительно с ...* (если при сравнительной степени взаимоположение двух предметов по степени проявления признака устанавливается, то при таких оборотах подобное взаимоположение берется как данное; цель сообщения здесь другая — охарактеризовать привычное с новой точки зрения, взглянуть на него в новом ракурсе), оборотов типа *такой..., как... / в такой степени..., как...* (совпадение степеней признака, представленных в данном предмете, с таковым в объекте сравнения; это тоже

сравнение, тоже отсчет, только с нулевым отклонением от точки отсчета) и др.

Если объект сравнения не обозначен при прилагательном (наречии), но известен (хотя бы предположительно) из контекста или ситуации, могут быть употреблены уточнители *сравнительно*, *относительно*, которые сигнализируют о том, что точка отсчета степени качества в данном случае отлична от обычной. Объект сравнения может достаточно четко осознаваться, как в примере: *Мы зажгли сразу три коптилки, и сразу стало относительно светло* (Чаковский, Это было в Ленинграде) — светло по сравнению с тем, что бывало обычно, по-видимому, когда зажигали одну коптилку. Чаще он ощущается значительно более неопределенно.

Подобное употребление толковые словари, как правило, не выделяют особо, а соответствующие случаи употребления наречий *сравнительно* и *относительно* расценивают как совпадающие с выражением малой степени качества (ср.: Сравнительно: ...З. в известной мере, до некоторой степени, относительно; Относительно: в известной мере, до некоторой степени, сравнительно — характеристика значений и пример, приведенный выше, взяты из тт. 8 и 14 «Словаря современного русского языка», М.—Л., соответственно 1959 и 1966).

Слово «относительно» в словарной статье «сравнительно» и слово «сравнительно» в словарной статье «относительно» — это фактически отсылки от одной статьи к другой, значение же этих наречий передается словами «в известной мере, до некоторой степени».

Однако наречия *сравнительно* и *относительно* помимо указания на малую степень качества имеют и функцию указания на не явное сравнение. Функции эти связаны между собой, но не совпадают. Специфика уточнителей *сравнительно* и *относительно* заключается в том, что они, как правило, употребляются именно тогда, когда признак, выраженный прилагательным, использованным для характеристики того или иного предмета, в характеризуемом предмете выражен недостаточно. Таким образом, употребляясь для указания на то, что точка отсчета в данном случае отлична от обычной (т. е. для указания на сравнение), уточнители *сравнительно* и *относительно* в то же время реально означают малую степень соответствующего качества (если отсчет вести обычным способом). Отсюда уже полшага до употребления данных уточнителей просто в качестве показателя неполноты признака.

Но развившееся из указания на сравнение значение малой степени качества не заместило его полностью, что явствует, в частности, из того, что нередко наречия эти в сочетании с прилагательными употребляются и тогда, когда признак, выраженный соответствующим прилагательным, в характеризуемом предмете представлен в столь незначительной степени, что уместнее было бы употребить иной эпитет, даже антонимичный употребленному. Когда глубокие старики говорят о 50—60-летнем человеке, что он сравнительно молод (предполагается, что сравнительно с ними), то ясно, что с обычной точки зрения он никак молодым уже называться не может (ни «в известной мере», ни «до некоторой степени»). Так что здесь функция наречия *сравнительно* — указание на изменение точки отсчета степени качества.

Как видим, регистрируемое словарем значение (малая степень качества) все-таки не совпадает с функцией указания на изменение точки отсчета степени качества, и разграничение их было бы целесообразным.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. В. Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове, М.—Л., 1947.
2. А. Гурдов, Семантическая структура английских прилагательных *white* и *black* и туркменских *ак* и *гара* и их деривационный потенциал в сопоставляемых языках, канд. дисс., М., 1972.
3. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948.
4. А. В. Исаченко, Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения,— «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
5. А. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954.
6. И. А. Мельчук, К понятию словообразования,— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVI, вып. 4, 1967.
7. И. А. Мельчук, Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними,— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVII, вып. 5, 1968.
8. И. С. Тургенев, Повести и рассказы, М., 1955.

А. А. ЛЕОНТЬЕВ, Т. Н. НАУМОВА

О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИКИ ОТДЕЛЬНОГО СЛОВА И СЕМАНТИКИ ЦЕЛОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Последнее десятилетие развития лингвистики характеризуется все возрастающим интересом к семантике. Однако, говоря о слове, о значении слова, мы чаще всего говорим о нем как об изолированной единице словаря, являющейся выразителем некоторого жестко фиксированного значения. Мы вырываем слово из его «естественного» окружения. Исследование реального «бытия» слова приводит к попыткам переосмысления значения слова как словарной единицы с учетом выявления реализации (актуализации) значений неоднозначной языковой единицы, к попыткам уяснения самих принципов «цементирования» высказывания. Возникает проблема соотношения семантики изолированного слова и семантики целого высказывания.

Одним из возможных подходов к анализу этой проблемы является сопоставительно-типологический. Речь идет не о формальной и статической «типологии систем», или «типологии текстов», занимающейся аранжировкой языковых единиц и оперирующей либо текстами как реализациями некоторых системных абстракций, либо самими этими абстракциями, и даже не о «типологии речи» (по А. А. Холодовичу). Речь идет о типологии способов конкретной реализации этих систем для коммуникативных целей, о «типологии речевых действий», или о сопоставлении способов языкового воплощения одних и тех же коммуникативных намерений. Именно эта типология, которую хотелось бы назвать динамической, представляется адекватной самой задаче типологического анализа, которую можно сформулировать вслед за Э. Косериу как задачу выявления системы возможностей, реализуемых в конкретных языковых системах (так же как языковая система представляет собой систему возможностей, реализуемых в норме) [11].

Укажем кратко на некоторые из аспектов сопоставительно-типологического анализа (подробнее см. [8]).

1. Можно анализировать различные аспекты расчленения обозначаемого содержания, в частности отбор релевантных для обозначения признаков денотата [2]; [4].

2. Можно анализировать характер соотношения системных категорий и их коррелятов в речи. Приведем для примера статус части речи или члена предложения в русском и китайском языках (специфику последнего в этом плане прекрасно вскрыл Н. Н. Коротков [5]). Обычно, говоря о грамматических категориях, свойственных, допустим, имени, исходят из предпосылки, что все слова данного языка с самого начала распределены по грамматическим классам. На этом, в частности, построено понятие конверсии. Между тем материал ряда языков показывает, что, во-первых, не все языки знают подобное «исконное» распределение слов по частям речи, т. е. само понятие «части речи» имеет в них иное содержание; во-вторых, что грамматические категории, традиционно закрепленные за частями речи, могут на самом деле относиться к членам предложения. Именно так обстоит дело в самодийских, чукотско-камчатских, многих индейских языках; именно так происходит и во многих папуасских языках, где слова очень свободно переходят из одного грамматического класса в другой и где имеется целый ряд морфологических категорий, свойственных членам предложения. Заметим, что отсутствие грамматических классов характерно и для мимической речи глухонемых (см. подробнее [9]).

3. Может быть исследована мера факультативности тех или иных категорий при их появлении в потоке речи. Примером служат вьетнамский и китайский языки. По-видимому, правомерно говорить о факультативности некоторых грамматических явлений и в рамках такого грамматически «облигаторного» языка, как русский.

4. Возможен анализ системы функционально-речевых характеристик — специализированных форм речи, функциональных стилей и т. д., поскольку носители разных языков, находясь во внешне одной и той же ситуации общения, руководствуются разными факторами, обуславливающими функциональную вариантность речи, и могут выбирать разные варианты внутри «допуска», предоставляемого системой и нормой языка.

5. Можно говорить о прагматической типологии речевых действий, т. е. можно анализировать те различия в речевых реализациях, которые вызваны не просто разными обстоятельствами, в которых имеет место высказывание, а разным характером и разной мерой связанности речевого действия с неречевым (или речевого и неречевого компонентов действия). Б. Малиновский [12] отмечал, что в Полинезии и вооб-

ще у «первообытных» народов речь — это своего рода «речь-действие» (speech in action), что любое высказывание самым тесным образом связано с действиями людей, значение каждого слова самым непосредственным образом зависит от специфики этих действий, деятельности, а структура всего высказывания зависит от конкретной ситуации, в которой оно рождается.

6. Мы можем анализировать различные виды конкретизации или актуализации высказывания в потоке речи. (Об этом речь пойдет ниже.)

Остановимся несколько более подробно на некоторых из перечисленных аспектов типологии речевых действий, имеющих особенно близкое отношение к проблеме генезиса семантики целого высказывания. Прежде всего следует указать на возможность принципиально разных доминантных приемов построения высказывания. Для русского языка доминантным является морфосинтаксический способ: чтобы получить полноценное высказывание, необходимо построить его в соответствии с правилами формального синтаксиса и синтаксической морфологии.

Этому доминантному принципу подчинен лексико-синтаксический, т. е. способ линейного сочетания лексем, действующий однако, лишь в тех крайне редких случаях, когда морфосинтаксический способ по каким-либо причинам неприменим: *мать любит дочь, лягушка бух в воду*. Ср. в нивхском языке: *нивх дан ыңдъ* 'человек собаку ищет', *дан нивх ыңдъ* 'собака человека ищет'. Для языков типа вьетнамского и китайского доминантным является именно этот последний т. е. лексико-синтаксический способ; например, вьетн.: *Phân tích rất cần thiết* 'Анализировать необходимо', *Su' phân tích rất cần thiết* 'Анализ необходим', *Chúng tôi coi sự phân tích có ý nghĩa quan trọng* 'Мы придаем серьезное значение анализу', *Chúng tôi cho rằng phân tích là rất quan trọng* 'Мы считаем важным анализировать'.

Существуют языки, где доминантным является третий способ — позиционный, при котором лексический класс сочетаемых слов играет гораздо меньшую роль. В качестве примера можно привести папуасский язык асмат [7].

Возможен и четвертый способ, который можно назвать аффиксирующим. Так, в папуасском языке, гадсуп обычны высказывания типа следующего: *yunaam-pl'-te-pi-ni* 'из сада (огорода) ли [это]?', 'не из того ли это места, где пища?' (пища + показатель местонахождения + локативный послелог 'из' + показатель вопроса + показатель предикативности); *pood-inda-u'-i-ni* 'они принадлежат свинье' (свинья + + показатель неопределенной принадлежности + показатель числа + именной показатель + показатель предикативности). Заметим, что в данном случае показатель предикативности

не есть морфема, присущая глаголу как части речи. Он присоединяется к именам и словам других грамматических классов именно с целью обозначить их синтаксическую функцию.

Естественно, что ни один из этих способов не является в том или ином языке единственным способом построения высказываний, но почти всегда можно довольно точно указать на доминирование одного из них. Важно отметить, что различие здесь выходит далеко за пределы формально-грамматического расхождения; на это указывают данные об обучении вьетнамцев русскому языку, приводящие к выводу о целесообразности начинать такое обучение именно с понятия о разных способах построения высказывания.

При привлечении языков с доминированием разных способов построения высказывания становится особенно очевидной перспективность общеграмматической модели, предложенной С. И. Бернштейном в его статьях «Синтаксис», «Члены предложения», «Части речи» (БСЭ, изд. 2), в которых он показал, что существенные синтаксические различия между языками наблюдаются именно по признаку отношения слова к предложению, что слово в разных языках имеет в предложении различный удельный вес.

Рассмотрим далее типы конкретизации высказывания в потоке речи. Имеется в виду тот факт, что в разных языках имеются развитые способы точной локализации обозначаемого предмета, отношения или процесса. Так, немецкий язык имеет четко выраженную направленность на локализацию в пространстве, т. е. на речевую актуализацию пространственных отношений, для чего используется весьма расчлененная система предлогов и отделяемых глагольных приставок. В современном немецком языке предлоги с пространственным значением наиболее многочисленны. «Они образуют своеобразную „сетку“ пространственных отношений, которая как бы накладывается на образное видение пространства для говорящих на данном языке...» [6]. При этом важно отметить, что в немецком языке локализуется не только действие, процесс (например, *hinaufgucken* 'выглядывать отсюда вверх', *herunterklettern* 'лезть сюда вниз', *hinunterbringen* 'сносить туда вниз'), но и — в меньшей, правда, степени — местонахождение предмета относительно другого предмета. Так, например, предлоги *auf*, *an* выражают местонахождение одного предмета на поверхности другого (предлог + существительное в дат. пад.) или помещение одного предмета на поверхность другого (предлог + существительное в вин. пад.). Каждый из этих предлогов конкретизирует данное местонахождение: предлог *auf* выражает местонахождение предмета на поверхности другого в горизонтальной плоскости, предлог *an* — такое же соотношение на вертикальной плоскости, а

предлог *oberhalb* выражает местонахождение одного предмета над другим без непосредственного контакта с последним и без ограничения горизонтальным или вертикальным планом, но с уточнением направления этого соотношения. Интересно, что пространственная основа проглядывается и во многих предложениях с переносным значением.

В ряде кавказских языков (например, лакском, табасаранском) имеет место пространственная локализация предмета относительно другого предмета, для чего используется расчлененная система падежно-локативных значений: лакск. *оврчI къамлуву ур* 'мальчик в доме', *оврчI къамлувун увххунни* 'мальчик в дом вошел', *оврчI къамлузух най ур* 'мальчик сквозь дом идет'.

В большинстве папуасских языков действие очень точно локализуется во времени: есть специальные глагольные показатели для «сегодняшнего», «вчерашнего», «позавчерашнего» и тому подобных действий. Так, в таирора имеется два прошедших времени, противопоставленных друг другу по признаку временной глубины: «давнопрошедшее» время употребляется применительно к событиям, прошедшим несколько недель назад или еще раньше. В тоарипи таких времен четыре: неопределенное прошедшее (*terai* 'я шел'), давнопрошедшее (*terape*) и две промежуточные формы. В канум различается настоящее, «сегодняшнее» прошедшее, «вчерашнее» прошедшее, давнопрошедшее и будущее.

Можно указать на языки с актуализацией способа действия (видимо, сюда тяготеет и русский). Ср. в папуасском языке маилу: *isi-ba* 'съешь' и *isi-losi-ba* 'ешь'. В языке коми один и тот же глагол *мун'ны* 'идти' может, получая разные суффиксы, приобретать значения: 'ходить много раз', 'ходить по разным местам', 'потихоньку идти' или даже 'уйти, чтобы потом вернуться'. Имеются языки с актуализацией модальности, куда относится известное в финно-угорских языках различение форм, обозначающих разную степень очевидности действия.

Различие языков в этом плане можно, видимо, соотнести с недавно выдвинутой А. Кэпеллом классификацией языков по «синтаксической доминанте» [10]. По А. Кэпеллу, в принципе возможны два полярных типа языков: 1) языки с развитой морфологией глагола и соответственно с преобладанием в предложении глагольного синтаксиса (инкорпорация субъекта и объекта в глагольную форму, тонкое различение видовых, временных, модальных оттенков и т. п.); этот тип он называет языками с доминацией процесса, языками с глагольной (предикативной) доминантой (*event dominated*); 2) языки с развитой морфологией имени и соответствующей ориентацией синтаксиса (система классов, склонение, согласование и т. п.); этот тип А. Кэпелл называет языками с до-

минацией объекта, языками с именной (субъектно-объектной) доминантой (object dominated).

Примером языков первого типа служит папуасский язык кате, примером языков второго типа — языки банту, из папуасских — байнинг. Возможны, далее, доминантно нейтральные языки, где нет заметного преобладания ни того ни другого типа доминации (английский язык, в частности), а также различные степени преобладания того или иного типа. Особый случай представляют языки с «числовой доминацией» (numeral dominated), например папуасский язык кивай, где скрупулезно подсчитывается число субъектов, число объектов, повторяемость действия и т. д.

Перечисленные аспекты возможной «типологии речевых действий» не независимы. Так, в папуасских языках можно констатировать наряду со значительной ролью локализации распространенность нейтральных (морфологически не маркированных) глагольных и именных форм и легкость перехода слов из одного грамматического класса в другой, незакрепленность их за определенной частью речи. Аналогичную связь можно проследить во вьетнамском и китайском языках. Особенно важным нам кажется подчеркнуть связь семантического наполнения лексемы и синтаксического построения высказывания, которая очевидна в неязыковых коммуникативных системах типа мимического языка глухонемых.

Очевидно, мы стоим пока у истоков типологии речевых действий в понимании, очерченном нами выше. Конкретные способы реализации речевой интенции в разных языках практически не исследованы, но только в исследованиях такого рода — будь они экспериментально-психологические или сопоставительно-типологические — можно, по нашему мнению, приблизиться к решению одной из важнейших проблем языкознания — проблемы языка и мышления.

Важность создания такой типологической концепции определяется еще и тем, что, по-видимому, правомерно говорить о двух формах психологического существования семантических единиц — о существовании в определенном контексте употребления (или, возможно, даже в более широком экстралингвистическом контексте соответствующей неречевой деятельности) и существования как абстрактной «словарной» единицы. (В последнее время идеи подобного рода высказывались А. А. Брудным и Д. Деневым [1]; [3].)

В первом случае актуализуются преимущественно ситуативные связи данного слова, во втором — преимущественно системные. Именно в первом случае, т. е. при актуализации ситуативных связей данного слова в высказывании, мы получаем не механическую сумму значений всех входящих в высказывание слов, а качественно иное образование — аккумуляцию смыслов слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Брудный, К проблеме семантических состояний,— сб. «Сознание и действительность», Фрунзе, 1964.
2. В. Г. Гак, Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания,— сб. «Семантическая структура слова», М., 1971.
3. Д. Денев, Мыслене и език в говорното развитие на децата, София, 1969.
4. А. Н. Журинский, О семантической структуре пространственных прилагательных,— сб. «Семантическая структура слова», М., 1971.
5. Н. Н. Коротков, Основные особенности морфологического строя китайского языка, М., 1968.
6. В. Г. Лежава, Семантическая структура предлогов пространственного значения в современном немецком языке, автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1970.
7. А. А. Леонтьев, Папуасские языки, М., 1974.
8. А. А. Леонтьев, Проблема опоры на родной язык и типология речевых действий,— сб. «Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного», М., 1972.
9. А. А. Леонтьев, Язык, речь, речевая деятельность, М., 1969.
10. A. Capell, A Survey of New Guinea Languages, Sydney, 1969.
11. E. Coseriu, Sincronía, Diacronía y Tipología,— «Actes del XI Congreso internacional de linguística y filología románicas», Madrid, 1968.
12. B. Malinowski, The Problem of Meaning in Primitive Languages,— в кн.: C. K. Ogden and I. A. Richards, The Meaning of Meaning, London, 1960.

МАНИФЕСТАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ

Данность, которой располагают лингвисты, из которой они черпают сведения о языке,— это текст. А следовательно, и семантическая сторона языковых единиц, в частности значение слова, должна быть так или иначе отражена в текстах. Она и существует для того, чтобы быть передаваемой через тексты. Если бы мы могли составить свод всех употреблений некоторого слова, из этого свода можно было бы извлечь необходимые данные о его значении. Иначе говоря, манифестация, проявление значения происходит в ходе использования слова, в процессе его употребления, а при изучении значения можно с достаточной надежностью опираться на совокупность употреблений слова, совокупность контекстов, в которых оно используется.

Надо сказать, что, если основываться только на языковых контекстах употребления некоторого слова, можно получить сведения о значении как о лингвистическом явлении, но не полное представление о предмете. Это то же самое, что обращение к филологическому, а не к энциклопедическому словарю. Выяснив совокупность употреблений слова *карась*, мы узнаем, что имеются сочетания слов: *карась плавает, карась живет в пруду, карась пойман на удочку, карась под сметаной, карась вкусен, карась дышит жабрами, серебристый карась, золотистый карась, большой карась, небольшой карась, пруд заполнен карасями, карась — это Carassius, карась — род пресноводных рыб из семейства карповых, живой карась пахнет болотом, жареный в сметане карась вкусно пахнет*. Но мы не узнаем, как именно пахнет этот карась. Мы не увидим карася (хотя бы на картинке), у нас не возникает зрительный образ карася, соответствующий реальности, пока мы его не увидим, как, впрочем, не возникает обонятельный образ карася в результате обращения к энциклопедии, хотя, безусловно, для гурмана запах жареного карася

вместе с его вкусом составляет важнейшие его свойства, которые не могут быть исчерпывающе описаны словесно. Сколько ни кричи: «Халва! Халва!» — во рту сладко не станет, говорит восточная мудрость.

Из этого, однако, не следует, что, не зная запаха и вкуса караса, мы не узнаем и значения слова *карась* как лингвистического явления.

Мы узнаем все, что было сказано о карасе. Но парадокс статистики языка состоит в том, что для получения перечня всех употреблений некоторой языковой единицы необходимо извлечь его из всего практически бесконечного текста на данном языке. А порождение бесконечного текста длится в принципе неограниченное время, в течение которого происходят изменения в самом порождающем устройстве — языке. Следовательно, мы не можем полностью познать «статистику» языка и перемещаемся в динамику, познание которой первоначально не входило в поставленную задачу. Разумеется, на основании некоторого достаточно большого перечня можно с большой вероятностью предсказать наиболее вероятные (но не все!) последующие употребления данного слова. Но поскольку те факты, которые сегодня единичны, завтра могут стать редкими, а послезавтра обычными, может оказаться, что наши знания о потенциях употребления слова, а значит, о его значении были не полными.

Определенную аналогию такому познанию значения составляет знание языка иностранцем. Конечно, наличие достаточно полного перечня употреблений, например, слова *клюква*, который включает не только сочетания *кислая клюква*, *красная клюква*, *вкусная клюква*, *мороженая клюква*, *клюква — растение*, *сок из клюквы*, *варенье из клюквы*, но и сочетания *клюква растет на болоте*, *маленький полукустарничек клюквы*, могло бы помочь избежать построения сочетания *развесистая клюква*. Но незнание реалии (и ее использования, ее места в жизни) может привести не столько к непониманию некоторых контекстов, где употребление названия некоторой реалии может быть специфичным, сколько — и это для нас сейчас главное — к неспособности создать, построить новый контекст данного слова, построить ранее не употребленное, но и не запрещенное сочетание слов с данным словом. Носитель иностранного (чужого) языка — не языкотворец, он не принимает участия в эволюции языка.

И вместе с тем значение слова манифестируется в совокупности его употреблений. А изучение значений может базироваться на анализе употреблений слова. Правда, исходя из одного среза употреблений одного слова нельзя предсказать потенций его семантического развития, а значит, нельзя выяснить, каковы тенденции эволюции значения слова. Но это и не входит в задачу строго синхронического исследования

значения, а при необходимости можно изучить, с одной стороны, несколько срезов употреблений данного слова, а с другой — рассмотреть его употребления в сравнении с употреблениями других слов, выясняя таким образом тенденции изменения употребления слов некоторой так или иначе связанной группировки.

Утверждением о том, что значение слова может быть выявлено из анализа его употребления, не предопределяются конкретные способы, приемы, методы анализа этого употребления, т. е. конкретная методика семантического исследования. Более того, приведенная констатация допускает возможность если не множества, то по крайней мере нескольких пониманий того, что такое совокупность употреблений слова, что такое контекст, в котором слово употреблено, с одной стороны, а также каким способом анализировать совокупность употреблений, контекстов — с другой.

Прежде чем рассматривать эту сторону вопроса, надо, видимо, еще раз отметить, что описание значения слова не исчерпывается характеристикой его употребления. Само значение остается скрытым от исследователя и не поддается прямому наблюдению; в употреблениях слова представлен только результат деятельности «семантического механизма». Употребление слов производно от значения, но целиком сконструировать значение слова, основываясь на перечне контекстов, в которых оно использовано, видимо, нельзя, так как, с одной стороны, существует возможность новых употреблений слова, в которых проявится еще не зафиксированный элемент значения, а с другой стороны, возможно, имеются некоторые элементы «семантического механизма», которые получают воплощение не в употреблении слова, а в других его свойствах, например в словообразовательных связях. Но, по всей вероятности, наиболее существенные семантические свойства слов могут быть выведены из совокупности их употреблений.

Возможность появления новых употреблений обусловлена в конечном счете познанием объекта; открытие в нем новых признаков и качеств закрепляется так или иначе в языке, прежде всего в новых контекстах употребления слова. Ставшее для нас привычным сочетание *расщепление атома* отражает такой этап познания «неделимого» атома, на котором люди научились его расщеплять; в связи с этим углубились представления об атоме, расширилось научное понятие «атом», а следовательно, несколько изменилось значение слова *атом* (отступая, как это нередко бывает, от первичного, этимологического значения), что выразилось в появлении новых употреблений этого слова.

Можно заметить, что нередко изменение значения ведет за собой появление новых словообразовательных, фразеоло-

гических связей, а также подчас установление связей со словами другой семантической группы (ср. в этом плане соображения В. А. Московича относительно активности слова и его частотности [1, 23]. Сочетание слов *атомная энергия* связано со словом *атом* и в словообразовательном плане (*атомный*), и в трансформационном (*атомная энергия* → *энергия атома*), но, кроме того, слово *атом* хотя бы частично попадает и в группу слов, обозначающих источники энергии (*уголь, нефть, атом...*). Все это лишь подтверждает мысль о сложности значения, но не снимает ни возможности, ни целесообразности изучения значений слов (или хотя бы некоторого — достаточно существенного — фрагмента значений) через анализ контекстов, в которых слова эти употребляются.

Приступая к уточнению ряда понятий, связанных с изучением значений путем анализа их манифестаций, надо выяснить, что имеется в виду под словом (поскольку за этим недифференцированным термином фактически имеется не менее пяти-шести понятий, на что, например, указывал И. Ф. Вардуль [2]). Будем считать, что путем применения некоторых объективных критериев мы можем выделить лексемы, т. е. слова, взятые в одном лексическом значении, объединить в лексеме словоформы и словоупотребления, встречающиеся в тексте. Трудности, связанные с этим, достаточно серьезны, но на данном этапе работы можно от них отвлечься.

Возможно несколько пониманий контекста, в котором использовано слово, употребления слова, его окружения, его дистрибуции. Так, А. Я. Шайкевич в своих исследованиях применяет различные по размеру интервалы текста, в которых встречается интересующая его лексема [3]; его, в частности, интересует влияние размера таких интервалов на результаты изучения совместной встречаемости лексем. В группе Р. Г. Пиотровского прибегают к анализу «триад», т. е. трехсловных сочетаний, в центре которых анализируемое слово, а два других члена «триады» — соседи, окружения данного слова [5, 109]. Иначе подходит к определению дистрибуции Ю. Д. Апресян (в частности, при анализе семантических свойств русских глаголов [4]): он опирается на слова, грамматически связанные с данным глаголом. Ю. Д. Апресян интересуется, однако, только сама возможность того или иного сочетания, а не его действительная употребительность, в то время как в работах А. Я. Шайкевича, Р. Г. Пиотровского, В. А. Московича в центре внимания оказывается не дихотомическая констатация «встречается» (возможно) или «не встречается» такая-то дистрибуция, а статистическая оценка (на основании анализа текстов) вероятности реального употребления того или иного сочетания лексем.

Есть основания предположить, что при анализе значения на базе исследования сочетаемости данной лексемы с дру-

гими лексемами, т. е. при дистрибутивном анализе семантики, немаловажное значение имеют те слова, которые связаны с данным словом в тексте семантически. Связь между словами в тексте может выражаться различными способами — порядком слов, формами главного или формами зависимого слова, служебными словами. Общим является то, что такая связь приобретает форму грамматической связи. Поэтому вполне естественно при рассмотрении сочетаемости, дистрибуции слов в первую очередь обратить внимание на слова, грамматически связанные с данным. С другой стороны, едва ли можно оспаривать целесообразность осуществляемой в том или ином виде оценки веса тех или иных сочетаний данного слова. Дело в том, что среди допустимых сочетаний могут оказаться правильные, но весьма редкие сочетания слов. Ясно, что их вес сравнительно невелик для характеристики данного слова; они могут быть для него просто нетипичными. Если еще учесть весьма шаткую границу между грамматической и лексической допустимостью сочетаний, то окажется, что простой перечень возможных или допустимых сочетаний не дает еще необходимой картины сочетаемости данного слова. Для выявления реальной сочетаемости слова важно выяснить, какие сочетания его действительно широко используются, т. е. в этом смысле обладают большим весом. Надежным, хотя, быть может, и не абсолютно всесторонним инструментом выяснения реальной употребительности сочетаний, а значит и их типичности является статистика. Подсчет реально встретившихся в той или иной совокупности текстов сочетаний, если и не охарактеризует во всей полноте их типичность, то даст достаточно объективную оценку вероятности таких сочетаний в избранной по тем или иным критериям группе текстов.

При таком анализе надо учитывать неодинаковую степень «семантической» разных типов сочетаний, но можно полагать, что при суммарном анализе сочетаемости данного слова важно учесть и различные по семантической насыщенности сочетания. Прилагательные в сочетании с существительными и наречия в сочетании с глаголами указывают на признаки, присущие тем предметам и действиям, которые обозначены существительными и глаголами, т. е. здесь признаки являются как бы семантическими элементами существительных и глаголов. Эти типы сочетаний выражают нередко как бы единое понятие, выделяя в нем одну из сторон его содержания.

В сочетаниях типа *дом отца* правомерно усматривать эквиваленты сочетаний типа *отцовский дом*. Глагол же, выступающий обычно как процессуальный признак предмета, обозначенного существительным, которое играет в предложении роль подлежащего, выражает отношения между двумя

и более словами. Так, в предложении *Автомобиль движется по дороге в город* глагол *движется* обозначает признак предмета «автомобиль» и отношения между «автомобилем», «дорогой» и «городом». Неравномерность семантической функции слов прослеживается в связи с различной степенью устойчивости сочетаний: чем выше степень устойчивости сочетания, тем менее различимы в нем семантические свойства отдельных слов и тем ближе по значению данное сочетание к слову. Таким образом, в сочетаемости лексемы представлены различные аспекты ее значения.

Анализ сочетаемости слова позволяет не только выявить существенные стороны его значения, но и установить взаимоотношения слов и их семантических свойств между собой. Может оказаться, что выявленность некоторого семантического признака (выражающегося через использование того или иного типа сочетаний) сопряжена с выявленностью другого признака (выражаемого использованием другого типа сочетаний слов), но несовместима с третьим признаком (сочетания третьего типа не встречаются). Может быть установлена степень близости между выявлением некоторых признаков, с одной стороны, и степень сходства между значениями слов — с другой. Все эти материалы могут пополнить наши значения о семантике слов, отраженные в семасиологических исследованиях и в словарях, разумеется, при соответствующей их интерпретации.

Для иллюстрации изложенных соображений приведем результаты эксперимента, осуществленного на материале русского литературного языка. Из текстов объемом свыше 5 млн. словоупотреблений (произведения публицистического, философского, литературно-критического жанров) была произведена выборка всех существительных с общим значением «работа» (*дело, действие, деятельность, работа, создание, творчество, труд*), которых оказалось более 23 тыс.

Эти сочетания распределены по грамматическим типам (сочетания, включающие согласованные определения, несогласованные определения, сказуемые, управляющие глаголы и т. п.) и классифицируются по принадлежности входящих в них (кроме слов со значением «работа») слов к тем или иным семантическим группировкам (например, определения-прилагательные со значением «хороший», сказуемые-глаголы движения и т. п.). Всего, таким образом, оказалось, что имеется около 80 групп сочетаний с анализируемыми словами. В качестве рабочей гипотезы можно принять, что каждая такая группа сочетаний соответствует некоторому компоненту значения рассматриваемого слова. Тогда вес такого компонента будет определяться частотностью соответствующих сочетаний. Он может быть выражен, в частности, как доля от всей дистрибуции данного слова: сочетания типа *кон-*

чить дело составляют 3% всех зафиксированных сочетаний со словом *дело*.

Можно сравнивать анализируемые слова как по весу отдельных компонентов их значения (по частотности сочетаний того или иного типа), так и по совокупности соотношений весов компонентов значения сравниваемых слов. Так, например, названия лиц (в том числе и собственные имена) в конструкции типа *работа ученого* встретились со словом *работа* 245 раз, что составляет 5% всех сочетаний с этим словом, а в сочетании с существительным *деятельность* те же слова встретились 437 раз, т. е. сочетания типа *деятельность Иванова* и т. п. составили 15% всех сочетаний слова *деятельность*. Следовательно, для слова *деятельность* принадлежность ее некоторому лицу является более существенным признаком, в то время как для слова *работа* эта личная приписанность менее существенна.

Сравнение рассматриваемых существительных во всей совокупности компонентов значения осуществлялось при помощи коэффициента корреляции, вычисляемого попарно для сопоставляемых слов. Чем ближе полученный коэффициент к единице, тем выше связь между значениями слов (как они проявились в особенностях их сочетаемости), чем ниже коэффициент, тем слабее связь (см. табл.).

КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ СЛОВАМИ

Слово	Создание	Творчество	Деятельность	Действие	Труд	Дело
<i>Работа</i>	0,56	0,60	0,82	0,86	0,84	0,81
<i>Дело</i>	0,48	0,39	0,65	0,86	0,75	
<i>Труд</i>	0,50	0,54	0,76	0,80		
<i>Действие</i>	0,60	0,50	0,73			
<i>Деятельность</i>	0,54	0,86				
<i>Творчество</i>	0,43					

Определенный интерес представляет и обобщенная характеристика сочетаемости слов данной группы, которую можно получить суммированием долей (процентов) каждой подгруппы у отдельных слов. Сравнивая сочетаемость отдельных слов с этой обобщенной сочетаемостью, можно получить представление о том, в какой мере отдельные слова, входящие в группу, отражают ее общие свойства (и как общие свойства группы складываются из свойств отдельных слов). Оказывается, что наиболее близко по своей сочетаемости (а значит, и семантике) к группе в целом в современном русском языке слово *работа*, несколько дальше — слова *дей-*

ствие, труд, деятельность, дело; меньше общего со всей группой в сочетаемости слов *творчество* и *создание*. Эти данные неплохо согласуются с тем, как отображается семантика рассматриваемых слов в словарях. Если принять, что толкование одного слова через другое в толковом словаре или приведение пары слов-синонимов для перевода некоторого иноязычного слова в переводном словаре означает наличие связи между словами (а использование в переводе трех слов будет означать уже наличие двух связей у каждого из них и т. д.), то сумма связей у слова по ряду словарей в определенной мере характеризует выявленность у слова общих свойств группы. По материалам нескольких обследованных словарей на первое место выдвинулось опять-таки слово *работа* (91 связь), далее следуют слова *действие*, *дело*, *труд* (64, 56, 54 связи), *деятельность* (32 связи) и слова *создание* и *творчество* (14 и 11 связей). Такое совпадение — одно из свидетельств объективности и надежности рассмотренной методики изучения значений как одного из подходов к исследованию семантики на основании манифестации значений слов в употреблении их.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. А. Москович. Статистика и семантика, М., 1969.
2. И. Ф. Вардуль, Слово как часть речи, — сб.: «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР (Ноябрь 1965)», Л., 1965.
3. А. Я. Шайкевич, Интервал текста и характер статистических распределений языковых единиц, — сб. «Труды ЦНИИПИ», серия 3. Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ» вып. III, М., 1970.
4. Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967.
5. А. В. Зубов, К. Ф. Лукьяненко, Р. Г. Пиотровский, Э. Н. Хотяшов, Лексико-статистическое описание текста на электронно-вычислительных машинах, — сб. «Статистика речи», Л., 1968.

Б. М. ЛЕЙКИНА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ И КОНТЕКСТ

Область согласия в многочисленных определениях понятия «контекст» и тем более в неформулируемом понимании этого термина, просвечивающем сквозь разнообразные случаи употребления его в лингвистической литературе, чрезвычайно граниченна. Расхождения наблюдаются в понимании объема данного понятия, в трактовке понятий, с ним сопряженных, в оценке возможностей исследования и строгого описания контекста и т. д. «Точкой пересечения» различных подходов является в основном функциональный момент — уточняющая функция контекста, выявление контекстом реализованного в речи значения языковой единицы. В настоящее время представляется несомненным принципиальное различие между речевым («вербальным») контекстом, который может служить объектом чисто лингвистического исследования, и речевой ситуацией — неречевыми условиями выявления значения языковых единиц¹, исследование которых требует учета целого ряда экстралингвистических факторов². Под контекстом в дальнейшем будет пониматься лишь вербальный контекст.

Контекстуальное уточнение подразумевает исходную неоднозначность уточняемого. Понятие неоднозначности неразрывно связано с понятием соответствия, предполагающим наличие двух множеств элементов, соотносимых друг с другом. В лингвистике в качестве таких сопоставляемых множеств выступают обычно множество означаемых (элементов плана содержания) и множество означающих (элементов плана выражения). Под неоднозначностью языковых единиц

¹ Ряд исследователей включают неречевые уточнители в понятие «контекст», ср., например, «мыслительный контекст» Г. Стерна [7, 139], «контекст вещей, чувств и отношений» Р. Робинза [6, 125] и т. п.

² Убедительную критику расширительного понимания контекста дала Н. Амосова [1, 22 и сл.].

и будем понимать неоднозначное соответствие элементов эти двух множеств, т. е. такое соответствие, при котором одному элементу множества, принимаемого за исходное («область отправления» — термин, используемый А. А. Холодовичем [3]), соответствуют два или более элемента второго множества («области прибытия»). Элемент исходного множества, находящийся в отношении неоднозначного соответствия с элементами области прибытия, будем называть неоднозначно языковой единицей. В зависимости от того, какой из языковых планов принять за область отправления, выделяются два основных типа неоднозначности: неоднозначность формальных единиц или их типов (например, полисемия и омонимия словоформ, омонимия дистрибутивных моделей, синтаксических конструкций) и неоднозначность семантических единиц — «полиморфия» (например, супплетивизм основ, синонимия словоформ или синтаксических конструкций).

Понятие неоднозначности выделяет то общее, что характеризует самые разнообразные объекты контекстуального уточнения, и является поэтому удобным конструктом для контекстологической теории. Контекст может быть предварительно определен как минимальный отрезок речи (текста), в котором реализуются языковые средства выявления речевого значения неоднозначных языковых единиц.

Для краткости ограничимся рассмотрением неоднозначности формальных единиц, с которой мы сталкиваемся при восприятии речи, а в прикладной лингвистике — при анализе текста.

Понятие неоднозначности формальных единиц основывается на постулировании наличия в системе языка дискретных семантических единиц — значений (или семем), регулярно соотносимых со строго определенными формальными единицами данного языка, и на допущении возможности как однозначного, так и неоднозначного отображения элементов множества формальных единиц в множестве семантических.

В зависимости от однозначности или неоднозначности соответствия формальных языковых единиц единицам семантическим формальные единицы языка можно разбить на две группы: семантические константы, функционирующие всегда в одном и том же значении, закрепленном за ними в системе языка, и семантические переменные, значение которых при их употреблении в речи может варьировать в пределах соответствующего им набора семем. Примером семантически констант могут служить словоформы *вследствие*, *ибо*, *пневмония*, *кокарбоксилаза*; примером семантических переменных — словоформы *стол*, *ключ*, *тупой*, *открыть* и т. п. Список семантических констант в языках, видимо, значительно более ограничен, чем список семантических переменных.

С контекстологической точки зрения к семантическим переменным в качестве особого их типа целесообразно отнести слова, имеющие рекурсивный характер и соответственно релятивное значение и, указывающие на объект, обозначаемый ими (в данном вхождении их в речь) не путем непосредственного его названия (как слова с «абсолютивным» значением), а путем указания на отношение между данным объектом и объектом, названным другим элементом данного отрезка речи. Формальные единицы рекурсивного типа — назовем их для краткости рекурсивами — получают в пределах единого релятивного языкового значения (на этом уровне они являются константами) различную речевую актуализацию, обусловленную закономерностями данного языка (интралингвистическую по природе), которую можно назвать «контекстуальной» (в отличие от «ситуационной» речевой актуализации, экстралингвистической по своему характеру). Ср., например, такие предложения в английском языке, как *He eats more than I do* и *He reads more than I do*, в которых одно и то же языковое значение глагола *do*, значение, которое можно определить как «действие, тождественное упомянутому выше», актуализируется либо как семема *eat* 'есть', либо как семема *read* 'читать'.

Контекстуально актуализированное релятивное значение рекурсива, в свою очередь получает дальнейшую ситуационную речевую актуализацию, характеризующую любое знаменательное слово при его употреблении в речи.

Отдельные рекурсивы могут различаться между собой характером контекстуальной реализации их в речи. Относительное значение одних рекурсивов актуализируется как определенная абсолютивная семема — элемент семантической системы данного языка (ср. приведенные выше примеры), других — как сложное семантическое образование, которое является речевым значением определенного фрагмента предшествующего или последующего текста, формируемым по правилам данного языка. Примером может служить относительное местоимение *что*, заменяющее целое предложение и соответственно обозначающее определенную ситуацию вместе с ее модальной оценкой: *Цветные кинокопци изготавливаются здесь гидротипным способом, что позволило значительно увеличить срок службы каждой ленты.*

Семантическая вариабильность рекурсивов относится к другому уровню, нежели вариабильность, обусловленная неоднозначностью формальной языковой единицы. Релятивное отношение рекурсива может быть лишь одним из языковых значений неоднозначного слова. Примеры: *do, that, one* и т. п. в английском языке. В таких случаях на одном уровне контекстуального уточнения слова выявляется данное релятивное его значение и отсеиваются все остальные (например, зна-

чения «делать», «выполнять», «обходиться (без)», «устраивать» и т. д. в случае глагола *do*); на другом — происходит контекстуальная актуализация контекстуально выявленного релятивного значения. Семантическая вариабильность неоднозначных языковых единиц при их функционировании в речи является, таким образом, интерсемемной; семантическая вариабильность рекурсивов — интрасемемной. В первом случае переменной величиной, значением переменной в математическом смысле этого слова (*value*, а не *meaning*) является реализуемое в речи языковое значение данной формальной единицы, во втором — его контекстуальная актуализация. Общим для всех типов семантических переменных является то, что их семантическое значение в речи (*value*) является переменным, т. е. число возможных для них речевых семантических значений (*values*) больше единицы. С точки зрения семантического значения формальной единицы в речи неоднозначными являются, таким образом, и рекурсивы.

Рекурсивные и нерекурсивные семантические переменные значительно различаются между собой размером области изменения их значений³. Все значения нерекурсивных переменных могут быть указаны явно путем перечисления соответствующих семем — лексических (ср. общепринятую лексикографическую практику) или грамматических. В случае рекурсивов такое перечисление практически (иногда и в принципе) невозможно, так как число возможных значений либо очень велико (возможным значением *do*, например, является почти любая семема, сочетающаяся с грамматической семемой «действие»), либо бесконечно (в случае рекурсивов, значением которых являются неэлементарные семантические образования).

Независимо, однако, от размеров области изменения значений семантической переменной контекст выявляет одно определенное значение (в пределах этой области), характеризующее семантическую переменную при данном вхождении ее в речь. Контекст соответственно можно представить как систему уравнений, в которой реализуется определенное значение данной семантической переменной, или (рассматривая контекст с позиции субъекта «решения» неоднозначности) как систему уравнений, на основании которой вычисляется искомое значение семантической переменной. Поскольку значение одних переменных определяется в значительной степени через значение других переменных (как уже отмечалось, число семантических констант в языках, видимо, крайне ограничено), операция вычисления значений и нерекурсивной

³ Здесь и далее, если это не будет оговорено иначе, термин «значение» используется в смысле *value*, а не *meaning*.

переменной связана обычно с учетом значений других переменных в пределах данного контекста, т. е. является операцией рекурсивной. Задача вычисления значений всех взаимосвязанных переменных является разрешимой лишь при наличии достаточной системы уравнений и заключается в нахождении таких значений каждой переменной, которое делало бы «истинным» каждое из элементарных уравнений данной системы.

Тем самым встает вопрос о критериях «лингвистической истинности» (отнюдь не тождественной истинности логической). Из чего мы исходим, определяя одно из значений семантической переменной как допустимое в данном контексте, другое — как недопустимое? Существенным конструктом при моделировании механизма контекстуального выявления значений семантических переменных нам представляется понятие правильной семантической структуры. Любая деятельность предполагает наличие некоторого эталона, который определяет направленность осуществляемых действий и с которым сличаются результаты деятельности. Естественно поэтому предположить, что рекурсивные операции вычисления значений семантических переменных неразрывно связаны с операцией сличения результатов вычисления с некоторым эталоном правильности формальной и семантической структуры в пределах данной области рекурсии при учете возможных в данной речевой ситуации отступлений от такого эталона.

Будем различать «эталонную», каноническую и неканоническую семантические структуры, понимая под канонической семантической структурой, обладающую свойствами семантической связанности, семантической насыщенности, нетавтологичности, непротиворечивости, функциональной одноплановости, нетривиальности и нееретичности (согласуемости с «азбучными истинами») [2]; [3, 47 и сл.]. Первые пять свойств характеризуют каноничность сочетаний семантических элементов в речевых цепочках, являются интралингвистическими по своему характеру и, следовательно, непосредственно относящимися к контекстологии. Нетривиальность и нееретичность характеризуют каноничность соотношения значения речевой цепочки в целом с некоей «ядерной частью» тезаурусов носителей языка, т. е. отражают связь между осмыслением речевых цепочек и нашими экстралингвистическими знаниями и, следовательно, выходят за рамки контекстологии как узколингвистической области, относясь к тесно смыкающейся с ней области психо- и социолингвистического исследования ситуационных условий функционирования языка, к многоаспектной теории речевой деятельности.

Неканоническая семантическая структура может быть правильной, если речевая ситуация позволяет восстановить ее

до канонической. В противном случае неканоническая структура оценивается как неправильная.

Наблюдения и экспериментальные данные подсказывают еще одно положение, которое нам представляется существенным при моделировании механизма контекстуального «снятия» неоднозначности. Решение различного рода неоднозначностей является такой «массовидной» задачей в речевой деятельности человека, что соответствующие действия отработаны до степени, близкой к автоматизму, и обычно не осознаются воспринимающим речь. Задача «снятия» неоднозначности языковых единиц выступает обычно не как самостоятельная задача, а как невычленимый компонент общей многогранной перцептивной задачи выявления смысла воспринимаемой речи. Лишь в тех редких случаях, когда «динамический стереотип» речевосприятия заводит в тупик, когда сличение с эталоном семантической правильности вскрывает неприемлемость результатов, полученных стандартным путем, решение неоднозначности становится целью на данном отрезке акта речевосприятия, становится тем самым осознанным и заставляет вернуться к исходной точке соответствующей области рекурсии и прибегнуть к более активным операциям вычисления значения семантических переменных (осознанному анализу контекста, логическим построениям и выводам)⁴. В подавляющем же большинстве случаев решение «контекстуальных уравнений» происходит в свернутом виде по типу решения задач распознавания образа, т. е. по программе, не предусматривающей полного описания воспринимаемого объекта, а формирующей перцептивный образ, сличаемый с хранящимися в памяти эталонными образами различных классов объектов, на основании небольшого числа опознавательных признаков — информативных «пиков» образа.

Естественно предположить, что существенным в акте решения неоднозначности как задачи из области распознавания образа является распознавание «основания семантической однородности» неоднозначных единиц и их окружения, обусловленное требованием семантической связности как обязательного свойства канонической семантической структуры речевой цепочки. Информативными пиками при этом являются расходящиеся участки семантической микроструктуры различных значений семантической переменной или соответст-

⁴ Размер статьи не позволяет остановиться на специальных психолингвистических экспериментах (результаты которых убедительно интерпретируются на основе излагаемой здесь концепции), в которых, в частности, испытуемым (достаточно хорошо владеющим английским языком) предлагалось последовательно переводить возрастающие на одно слово фрагменты пословно кредъявлявшихся им английских предложений с реализованным «недоминантным» значением семантико-структурной переменной, например: *They both looked at the paper curl and blacken.*

вующих им сочетательных потенциалов — наборов валентностей, характеризующих конкурирующие значения.

Своеобразными действующими функциональными моделями знаниями и, следовательно, выходят за рамки константы автоматического перевода. Разновидности и комбинации типов неоднозначности, встречающихся в реальных текстах, столь многообразны, что наиболее перспективным для автоматического решения неоднозначности представляется единый общий метод, оперирующий не отдельными неоднозначными единицами, а целыми классами таких единиц, решающий неоднозначность попутно с общей задачей анализа и приложимый к любому анализируемому предложению или другому отрезку текста, выступающему в качестве автономной единицы анализа.

Попытка такого подхода к проблеме автоматического анализа была положена в основу англо-русского АП, разработанного в Лаборатории математической лингвистики ЛГУ [4, 40 и сл.]. Представлялось несомненным, что алгоритмическая форма описания плохо приспособлена к реальным лингвистическим закономерностям и что значительно более адекватным является описание, устанавливающее некоторое соответствие между исходными данными и конечным результатом анализа. Используемая в данной системе грамматика синтаксического анализа имеет вид условия, связывающего исходные данные с результатом и задаваемого в виде конъюнкции большого числа отдельных элементарных условий, что аналогично заданию системы из большого числа уравнений [4, 45—46]. Элементарные условия сформулированы либо в терминах двух слов, связанных непосредственной синтаксической связью (слово A может управлять словом B в счет валентного места M при условии P), либо в терминах двух синтаксических связей с одним общим членом (если слово A управляет словом B по месту M при условии P , то $A(B)$ управляет (не управляет) словом C по месту M^1 при условии Q). Ограничительные условия P и Q содержат определенные признаки слов A , B , C , и позиционного соотношения между ними (признаки окружения).

Задача снятия неоднозначности решается в данной системе АП на всех этапах анализа попутно с другими задачами, решаемыми на каждом из таких этапов. В основе анализа лежит понятие правильной структуры данного уровня. Условия, которым должна удовлетворять правильная структура, сформулированы в грамматике соответствующего этапа анализа, и задача анализирующего алгоритма заключается в том, чтобы найти вариант (или варианты) анализа, согласующийся с этим фиксированным в грамматике эталоном. По некоторым, чисто техническим соображениям в первом варианте системы выделяются единичные блоки, специаль-

ной задачей которых является решение неоднозначности определенного типа (блок предварительного решения грамматической омонимии, блоки выбора лексического варианта в случае определенных типов лексической неоднозначности). Во втором, еще не завершеном варианте общий принцип нахождения результата анализа путем исчисления, опирающегося на требование правильной структуры, выдерживается строже и выбор лексического значения семантических переменных не выделяется в качестве самостоятельной задачи определенного этапа анализа.

Основными свойствами канонической семантической структуры, учитываемыми в действующем экспериментальном варианте данной системы АП, являются требование насыщенности, учитываемое в виде условий обязательности некоторых видов валентностей, и требование связности, учитываемое в виде ограничений на область изменения значений переменных, заполняющих валентные места слов с активной валентностью⁵, и как требование представления структуры анализируемого предложения в виде правильного дерева зависимостей. В известной мере учитываются свойство непротиворечивости (в виде списка несовместных синтаксических связей) и свойство нетавтологичности (в виде правила однократности валентных мест).

Даже такой ограниченный учет свойств канонической структуры позволяет решать большой круг контекстуальных задач, решение которых плохо поддается формулированию при алгоритмическом и «локальном» подходе. Результаты комплексной экспериментальной проверки первого варианта рассматриваемой системы АП показывают, что принципы, положенные в основу системы, позволяют решать чрезвычайно многообразные виды неоднозначности: лексическую и грамматическую неоднозначность языковых единиц различных уровней (морфем, словоформ, устойчивых комплексов словоформ), неоднозначность дистрибутивных моделей и синтаксических конструкций. Так, например, в случае предложения *This will always result in the suppression of desired target echoes and receiver noise* система успешно справилась (как об этом свидетельствует перевод: 'Это всегда будет приводить к подавлению сигналов, отраженных от действительной цели, и шумов приемника') с неоднозначностью класса словоформ (*this* — детерминатив или местоимение,

⁵ Такие ограничения, например, позволяют решить структурную неоднозначность (неразрешимую на морфологическом или формально-синтаксическом уровне) предложения *На четырнадцатом году жизни Арно разбил паралич* (Ю. Альперович): *Арно* — подлежащее, *паралич* — дополнение (ср. *Арно разбил вазу*) или *Арно* — дополнение, *паралич* — подлежащее? Вычисленное значение структурной переменной позволяет выбрать и соответствующее лексическое значение глагола *разбить*.

will result и *echoes* — существительное или глагол), с неоднозначностью видовой семантики глагольной формы (*will result* — однократное или многократное действие), с лексической неоднозначностью (*result* 'приводить (к)', 'быть результатом' или 'получаться'), со структурной неоднозначностью (*desired target, desired echoes* или *desired noise; echoes and receiver, echoes and noise* или *suppression and noise*).

Последующие варианты системы строятся с учетом некоторых недостатков первого варианта. Изменения идут в первую очередь по линии более последовательного применения принципа комплексности анализа (последовательного учета в «системе уравнений» и лексической переменной) и по линии детализации требований правильной семантической структуры, формулируемых в лингвистическом описании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Н. Амосова, Основы английской фразеологии, Л., 1963.
2. Б. М. Лейкина, К проблеме семантической правильности, — сб. «Научно-техническая информация», серия 2, № 7, М., 1971.
3. Б. М. Лейкина, Некоторые свойства канонической семантической структуры, — «Структурно-математические методы моделирования языка. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции», Киев, 1970.
4. Б. М. Лейкина, Т. Н. Никитина, М. И. Откупщикова, С. Я. Фиталов, Г. С. Цейтин, Система автоматического перевода, разрабатываемая в группе математической лингвистики ВЦ ЛГУ, — «Научно-техническая информация», 1966, № 1.
5. А. А. Холодович, Залог, — сб. «Категория залога», Л., 1970.
6. R. H. Robins, A Problem in the Statement of Meaning, — «Lingua», vol. III, 1952, № 2.
7. G. Stern, Meaning and Change of Meaning, — «Göteborgs Högskola Arsskrift», vol. XXXVIII, Göteborg, 1931.

Л. В. МАЛАХОВСКИЙ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ОМОНИМИИ

(К вопросу о семантических универсалиях)

Явление омонимии издавна привлекает внимание исследователей. Первые упоминания об омонимах можно встретить в лингвистических трактатах XVII в. [8]. Однако долгое время к омонимии относились как к курьезу, случайности, не представляющей интереса для научного исследования.

Об этом, может быть, не стоило бы говорить, если бы подобная точка зрения не сохранилась и до наших дней, несмотря на то что серьезное изучение омонимии ведется на протяжении нескольких десятилетий. Имеется в виду известное высказывание В. И. Абаева о том, что омонимия — явление несистемное и что познавательный интерес омонимии в отличие от полисемии ничтожен [1, 40]. Того же мнения придерживаются и некоторые другие ученые, например С. И. Ожегов, который считает, что омонимы (по крайней мере этимологические) — явление случайное, что это не лингвистическая, а коллекционная проблема [4, 70], и А. А. Уфимцева, по мнению которой омонимы представляют интерес лишь для изучения истории словарного состава, но не для исследования синхронного состояния лексико-семантической системы [7, 156].

Здесь нет необходимости заниматься опровержением этой точки зрения. Достаточно лишь отметить, что наличие огромного числа исследований в области омонимии, ведущихся на материале различных языков мира, само по себе показывает, как велик интерес к этому «случайному», «неинтересному в познавательном отношении» явлению.

Что же влечет исследователей к изучению омонимии? По-видимому, именно ее кажущаяся случайность, ненуж-

ность, ее несистемность. Полисемия понятна: новое значение слова всегда как-то связано с его исходным значением, объяснимо. Полисемия не нарушает «закона знака» (согласно которому одному означающему всегда соответствует одно и то же означаемое); она говорит лишь о характерном для языкового знака свойстве вариативности. Это свойство, состоящее в том, что как означающее, так и означаемое могут варьировать, оставаясь в пределах определенного инварианта, мы наблюдаем и на других уровнях языка; здесь же оно проявляется в том, что значения полисемантического слова при всем их многообразии, группируются вокруг единого семантического центра, выступающего в качестве их инварианта.

Иначе обстоит дело с омонимией. Омонимия — это в полном смысле нарушение «закона знака»: при омонимии одному и тому же означающему соответствуют разные означаемые, т. е. такие, между которыми нет ничего общего, не считая, разумеется, некоторых «весьма абстрактных элементов» [6, 431]. Обращаясь к изучению омонимии, мы пытаемся понять, как язык «терпит» такое нарушение, обязательно оно для языка или является случайным.

Факт широкой распространенности омонимии в языках мира свидетельствует о том, что говорить о случайности омонимии было бы по меньшей мере неосторожно. Конечно, появление в языке каждой конкретной пары омонимичных слов может объясняться действием той или иной случайной причины, специфичной для истории именно этой пары слов. Слова могут случайно совпасть по звучанию и стать омонимами; омонимы могут образоваться в результате постепенного расхождения значений полисемантического слова; наконец, омонимия может возникнуть в результате заимствования из другого языка слова, которое случайно оказалось совпадающим по звучанию со словом, уже имевшимся в данном языке.

Однако все эти причины являются результатом действия факторов, которые отнюдь не являются случайными. Фонологическая система языка, так же как и его лексико-семантическая система, находится в постоянном движении. В любом языке непрерывно происходят фонетические и семантические изменения, изменения, весьма разнообразные и многочисленные, и в принципе можно показать, что они неизбежно должны приводить к появлению в языке омонимических пар и групп слов. Вопрос, следовательно, не в том, почему омонимы возникают, — это закономерный результат стихийного развития языка, — а в том, почему возникшие омонимы удерживаются, сохраняются в языке.

Исчерпывающего ответа на этот вопрос пока нет, но ясно одно: сохранение омонимов в языке — явление не случайное,

а закономерное. Язык, по-видимому, представляет собой семиотическую систему с нежестким соотношением между означающим и означаемым, т. е. такую систему, в которой соблюдение «закона знака» не является абсолютно обязательным¹. Совершенно очевидно, что в большинстве случаев «закон знака» соблюдается,— без этого процесс коммуникации был бы невозможен. Но столь же очевидно и то, что при каких-то условиях допускается и нарушение этого закона. Каковы эти условия, каков допустимый процент нарушений, одинаков ли он в разных языках или различен — все это пока неясно и требует изучения.

Сравнительно-типологическое исследование омонимии на материале разных языков могло бы пролить свет на сущность омонимии, ее роль в той знаковой системе, какой является язык. Однако методика таких исследований еще не разработана. Даже чисто количественное сопоставление омонимии двух или нескольких языков пока невозможно, так как не существует единой, приемлемой для разных языков классификации омонимов. Более того, даже в вопросе о классификации омонимов внутри того или иного конкретного языка царит полный разнобой. Можно без преувеличения сказать, что логически последовательной и непротиворечивой классификации омонимов пока ни для одного языка не предложено, не имеется и универсальной или межъязыковой классификации омонимов.

В настоящей статье делается попытка наметить возможные пути к построению такой классификации.

Очевидно, что межъязыковая классификация омонимов должна строиться на основе только тех признаков омонимии, которые действительны для всех рассматриваемых языков. Признаки же, специфичные для омонимии какого-либо одного языка, должны найти отражение лишь в «частной» классификации омонимов этого языка.

Одно из наиболее общих определений омонимов принадлежит Ш. Балли, который считал омонимами «два знака, имеющие тождественные означающие и разные означаемые» [3, 189]. На уровне слов — а мы будем рассматривать только омонимию слов — такими знаками являются слова, тождественные в плане выражения и различающиеся в плане содержания. Поскольку во всех языках, обладающих письменностью, в плане выражения мы имеем дело как со звуковой, так и с письменной формой слова, а в плане содержания — как с лексическим, так и с грамматическим значением, то для описания омонимических отношений нам достаточно — при первом приближении — четырех признаков, к которым отно-

¹ На это свойство языка указал в свое время С. Карцевский, сформулировав принцип «асимметрии» языкового знака [9].

сятся: тождество или различие звучания (что обозначается далее через A или \bar{A}), тождество или различие написания (B или \bar{B}), тождество или различие инвариантов лексических значений (C или \bar{C}) и тождество или различие инвариантов грамматических значений, например значения принадлежности к той или иной части речи, к тому или иному роду и т. п. (D или \bar{D}).

В связи с тем что сопоставление такого количества признаков в обычной, двумерной таблице невозможно, предлагается использовать для этой цели четырехмерную матрицу, успешно применяющуюся И. В. Арнольд для решения ряда лексикологических задач [2, 53 и сл.]. Расположение входов в матрицу в настоящей работе несколько иное, чем у И. В. Арнольд. Матрица устроена следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

УСТРОЙСТВО ЧЕТЫРЕХМЕРНОЙ МАТРИЦЫ,
ИСПОЛЗУЕМОЙ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ОМОНИМОВ

	A		\bar{A}		
\bar{C}	$\bar{A}\bar{B}\bar{C}D$ 1	$AB\bar{C}D$ 5	$\bar{A}B\bar{C}D$ 9	$\bar{A}\bar{B}\bar{C}\bar{D}$ 13	D
	$\bar{A}\bar{B}\bar{C}\bar{D}$ 2	$AB\bar{C}\bar{D}$ 6	$\bar{A}B\bar{C}\bar{D}$ 10	$\bar{A}\bar{B}C\bar{D}$ 14	\bar{D}
C	$\bar{A}\bar{B}C\bar{D}$ 3	$ABC\bar{D}$ 7	$\bar{A}BC\bar{D}$ 11	$\bar{A}\bar{B}C\bar{D}$ 15	
	$\bar{A}\bar{B}CD$ 4	$ABCD$ 8	$\bar{A}BCD$ 12	$\bar{A}\bar{B}CD$ 16	D
	\bar{B}	B	\bar{B}		

В двух левых вертикальных столбцах размещаются классы слов, характеризуемые наличием признака A (в данном случае — тождеством звучания), а в двух правых — классы, у которых этот признак отсутствует (тождества звучания нет). В средних столбцах размещены классы, характеризуемые наличием признака B (тождество написания), а в крайних — классы, у которых этого признака нет (написание раз-

лично). Подобно этому, размещаются в горизонтальных строках классы, обладающие признаками \bar{C} и \bar{D} (различие инвариантов лексических и грамматических значений).

При таком устройстве матрицы в 16 ее клетках оказываются представленными все возможные сочетания указанных признаков, причем в соседних клетках размещаются классы, содержательно наиболее близкие друг другу, т. е. различающиеся значением всего лишь одного признака.

С помощью матрицы все множество словесных пар языка может быть разбито на 16 подмножеств, соответствующих всем возможным при данной системе описания видам формально-смысловых отношений между членами словесных пар. Из этих подмножеств соответствуют омонимическим отношениям только те, которые в согласии с определением омонимии содержат одно из следующих сочетаний признаков — $A\bar{C}$, $B\bar{C}$, $A\bar{D}$ или $B\bar{D}$ ². Такие сочетания признаков представлены в клетках 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10 и 11. Эти девять клеток и соответствуют девяти классам омонимов, возможным в любом языке, для которого действительно сформулированное выше определение омонимов³.

Что это за классы?

Рассмотрим их подробнее, выделив полученные девять клеток в отдельную таблицу, в которой омонимические классы перенумерованы римскими цифрами (табл. 2).

В клетках левого и среднего столбцов представлены омонимы фонетические, т. е. характеризующиеся тождеством звучания; в клетках среднего и правого столбцов — графические, т. е. обладающие тождеством написания. Омонимы, занимающие клетки среднего столбца, являются, таким образом, одновременно и фонетическими и графическими; их мы назовем фонетико-графическими. Омонимы в клетках левого столбца будем называть чисто фонетическими (или омофонами), а в клетках правого — чисто графическими (или омографами).

Подобным же образом в клетках горизонтальных строк получаем омонимы лексические, грамматические и лексико-грамматические, а также чисто лексические и чисто грамматические.

Таким образом, рассматривая классы омонимов с точки зрения признаков плана содержания, мы получили пять разных типов омонимов — два больших (фонетические и графические)

² Этот же результат может быть получен и путем раскрытия логической формулы, используемой для описания формально-смысловых отношений при омонимии:

$$(AVB) \wedge (\bar{C}\bar{V}\bar{D}) = A\bar{C}\bar{V}A\bar{D}\bar{V}B\bar{C}\bar{V}B\bar{D}$$

³ Для бесписьменных языков матричные входы A и B совпадут, и вместо девяти классов мы получим только три.

Таблица 2

ГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ
ОМОНИМИЧЕСКИХ КЛАССОВ И ТИПОВ

		Фонетические				
		омофоны	фонет.-граф.			
Лексические	чисто-лекс.	V 1	II 5	VIII 9		
	лекс.-грамм.	IV 2	I 6	VII 10	лекс.-грамм.	Грамматические
		VI 3	III 7	IX 11	чисто-грамм.	
		фонет.-граф.		омографы		
		Графические				

ческие омонимы) и три малых (омофоны, фонетико-графические омонимы и омографы). В каждый большой тип входит по шесть классов, а в малый — по три. Иначе говоря, имеется три класса фонетико-графических омонимов, три класса омофонов и три класса омографов. Фонетико-графические омонимы могут быть лексико-грамматическими (класс I), чисто лексическими (II) и чисто грамматическими (III); по три таких же класса входит в тип омофонов (IV, V, VI) и в тип омографов (VII, VIII, IX).

Точно так же с точки зрения признаков плана содержания мы имеем два больших и три малых типа, которые делятся подобным же образом на классы.

Полученные девять омонимических классов представляют собой лишь потенцию языка, которая в разных языках может реализоваться по-разному. В одних языках могут быть представлены все классы, в других — отдельные классы могут отсутствовать; в некоторых языках количественно преобладают омонимы одних типов (или классов), в некоторых — других.

Заполнение матрицы на материале английского языка [5] показывает, что в английском языке наиболее многочисленным является класс III (чисто грамматические фонетико-графические омонимы). Это омонимы типа *love* (n) 'любовь'—

love (v) 'любить', обычно называемые конверсионными. В других языках, например в русском, немецком или французском, подобные омонимы встречаются значительно реже, зато другие классы представлены более широко, чем в английском языке. Например, во французском языке очень часто встречаются чисто грамматические омофоны (класс VI) типа *inviter* (v) 'приглашать' — *invité* (n) 'гость'; в английском же языке таких омонимов почти нет.

Сравнение матриц, заполненных на материале разных языков, позволит проводить количественное и качественное сопоставление омонимии этих языков и выявлять их типологическое сходство или различие. Таким образом, использование предлагаемой методики открывает возможности для сравнительно-типологического подхода к изучению омонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Абаев, О подаче омонимов в словарях, — «Вопросы языкознания», 1957, № 3.
2. И. В. Арнольд, Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования, Л., 1966.
3. Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.
4. Лексикографический сборник, вып. IV, М., 1960.
5. Л. В. Малаховский, Соотношение графической и фонетической дифференциации омонимов в современном английском языке, — сб. «Лингвистические исследования», Л., 1970.
6. И. А. Мельчук, Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними, — «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка», т. XXVII, 1968, № 5.
7. А. А. Уфимцева, Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968.
8. С. Соорег, *Grammatica Linguae Anglicanae*, London, 1685.
9. S. Karcevský, *Du dualisme asymétrique du signe linguistique*, — «Travaux du Cercle linguistique de Prague», vol. I, Prague, 1929.

Л. Б. НИКОЛЬСКИЙ

СВЕРНУТАЯ ЗНАКОВАЯ СИТУАЦИЯ, ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ЕГО МОТИВИРОВАННОСТЬ

Вопрос о значении слова обычно рассматривается в условиях полной знаковой ситуации — либо в гносеологическом плане, когда прослеживают процесс становления значения, либо в статическом, когда изучают соотношенность слова через мыслительную единицу с предметом или явлением реальной действительности. Но в обоих случаях изучению подлежат соотношения единиц трех типов: единиц предметного ряда (денотатов), мыслительных единиц (понятий или других отражательных категорий), языковых единиц — слов¹. При рассмотрении как в том, так и в другом плане проблема значения предстает не только как лингвистическая, но и как философская, поскольку изучение соотношения «предмет действительности — мыслительная единица» заставляет лингвистов вторгаться в область философии.

В данной работе предлагается рассмотреть вопрос о значении слова на основе анализа свернутой знаковой ситуации, которая возникает при переименовании. Свернутой ее можно назвать потому, что в этом случае из знаковой ситуации исключается один из элементов — денотат, так как переименование сводится лишь к соотносению новой языковой единицы с имеющейся и закрепленной в сознании мыслительной единицей.

Лингвистам известно, что необходимость переименования часто возникает в языках и объясняется не только лингвистическими причинами. В частности, в последние годы во многих языках Востока проявляется тенденция заменить исконными словами многочисленные заимствования. Корейский язык не представляет исключения. Так, английское по происхожде-

¹ См. определения значения слова у А. И. Смирницкого, В. А. Звегинцева, О. С. Ахмановой, а также рассмотрение этой проблемы В. И. Мальцевым, Б. И. Востоковым [6].

нию *нетхы* (*net*) 'сеть, сетка' заменяется кор. *кымул*: 1) 'сеть для ловли (рыбы, зверей)'; 2) 'сетка (например, для волос)'; 3) перен. 'сети'; 4) 'система'. Предлагается использовать корейское слово [*пэгу*] *кымул* и в значении «волейбольная сетка». Русское заимствование *норума* (*норма*) заменяют иероглифическими (т. е. китайскими, но адаптированными языком и этимологически ясными): 1) *киджун* 'образец'; 2) *киджуннянъ* 'установленное количество'; 3) *чхэгимнянъ* 'норма (выработки)'. Китайское *ч нгэхада* 'развертывать (борьбу, движение, работу, кампанию, боевой порядок и т. п.)' заменено собственно корейским глаголом *пэллида*: 1) 'раздвигать; расставлять (например, ноги)'; 2) 'расстилать (платок, в котором носят вещи)'; 3) 'раскрыть (рот)'; 4) 'расправлять (крылья)'; 5) 'раскрывать (книгу)'.

Процесс переименования принципиально тождествен процессу перекодирования, осуществляемому в искусственных информационных системах.

И при переименовании, и при перекодировании одно означающее заменяется другим (более удобным исходя из каких-либо соображений), соотносимым с тем же (константным) означаемым. Результатом процесса будет установление соотношения нового означающего с этой константной единицей.

Языковое означающее (слово) и означающее искусственной системы являются однородными единицами: они материальные единицы (звук, цвет), что-то обозначающие, т. е. имеющие свои означаемые. При этом они оказываются мобильными, поскольку одно заменяется другим. Принимая во внимание их мобильность, мы не можем разделить точку зрения, в соответствии с которой связь между языковым означающим и означаемым имеет органический характер, не можем согласиться с тем, что означаемое входит в слово и является его стороной.

С нашей точки зрения, языковым означающим можно считать лишь звуковой комплекс, так сказать, слово в его звуковой репрезентации, звуковой комплекс-знак, соотношенный с мыслительной единицей, лежащей вне его. Это и объясняет его мобильность. «Звуковой комплекс потому мобилен, что он является по своей природе знаком» [8, 45].

При определении значения языкового знака (слова) в условиях свернутой знаковой ситуации мы можем исходить только из того, что у нас имеется два элемента — звуковой комплекс и мыслительная единица. Поэтому для нас значением слова может быть лишь соотношение звукового комплекса с мыслительной единицей. Но поскольку в каждой полной знаковой ситуации присутствует как обязательный компонент рассматриваемая нами свернутая знаковая ситуация, то наше определение может быть экстраполировано

и на значение слова вообще. Короче говоря, значение слова—связь, отношение (соотнесенность) звукового комплекса и мыслительной единицы.

Если звуковой комплекс (слово) есть знак, то и характером своей связи с означаемым он не должен отличаться от неязыковых знаков, т. е. он должен отвечать и второму требованию, предъявляемому к знаку,—не быть связанным с означаемым причинной связью. Свойство субстанциональной конвенциональности характеризует языковой знак, как и любой другой, и это хорошо показано в общем плане, например В. М. Солнцевым [9].

Но конвенциональность как свойство знака не следует отождествлять с немотивированностью. Знак мотивирован. Мотивированность знака проистекает из того, что отношение «человек — знак», обратимо, и из того, что знак является элементом знаковой системы.

Говоря иначе, языковой знак мотивирован в следующих двух планах:

1) в плане внешнем по отношению к данной системе, отражающем отношение человека к знаку: заимствованные слова плохи тем, что они унижают чувство национального достоинства (пуристическая мотивировка); заимствованные слова нехороши, так как не имеют опоры в языке, не этимологизируются и потому плохо воспринимаются и запоминаются (психологическая мотивировка). Подобных мотивировок может быть множество, и они должны изучаться в социолингвистике и психолингвистике, поскольку могут стать импульсом или тормозом языковых изменений;

2) в плане внутреннем, изнутри системы, в которой ее элементы — означающие, соотносящиеся с мыслительными единицами (элементами плана содержания), вступают в контрастные отношения друг с другом. Поскольку как соотношения означаемых и означающих, так и отношения между означающими для данного состояния системы постоянны и стабильны, знаки оказываются взаимозависимыми. Взаимозависимость знаков в закрытой знаковой системе наиболее наглядно проявляется в том, что изменение соотношения даже одного означающего с означаемым затрагивает эти соотношения у другого или других.

Такую взаимозависимость знаков можно назвать системной мотивированностью. Слово, как мы увидим ниже, также мотивировано системой.

Язык отличается от искусственных знаковых систем, построенных рационально на основе одно-однозначного соответствия означающего и означаемого, не только большей сложностью, но и вариативностью знаков. Сущность вариативности заключается в том, что с одной мыслительной единицей соотносится не одна, а несколько различающихся языковых

знаков. Наличие свойства вариативности обуславливается тем, что язык несет в отличие от искусственных знаковых систем больше функций (не только информативную или коммуникативную, но и экспрессивную [5, 372]). Вариативность также следствие социальной стратификации. Другой причиной вариативности знаков является то обстоятельство, что в языке в виде различных слов, которые соотносятся с понятиями об одном денотате, как бы рассмотренном с разных сторон, закрепляются результаты познавательной деятельности человека.

Вариативность проявляется на уровне лексики в существовании синонимов. В зависимости от причин, вызвавших их возникновение, синонимы распадаются по меньшей мере на два типа: 1) стилистические синонимы; 2) семантические синонимы.

Синонимы по значению (соотношению звукового комплекса с мыслительной единицей) объединяются в микросистемы, различаясь между собой каким-либо дифференциальным признаком (эмоциональность, вежливость, дополнительный семантический признак). Примером таких микросистем, стало быть, могут быть не только синонимические ряды, в которых слова отличаются друг от друга степенью эмоциональности или вежливости, но и, например, слова, обозначающие передвижение из одного пункта в другой, — глаголы движения, которые различаются указанием на способ передвижения (передвигаться шагом, ползком, бегом и т. п.), а также слова, связанные с одним понятием, например типа «земля»².

Отношения слов внутри таких микросистем можно назвать значимостью³. По значимости синонимы первого типа путем отождествления дифференциального признака объединяются в пределах стилистических подсистем или подсистем социально окрашенной лексики.

Для данного состояния языка значение и значимость слова постоянны. Изменение того или другого, проникновение в микросистему новой единицы или выпадение из нее старой ведет к перераспределению отношений по значению и значимости. Системную мотивированность в связи со значением иллюстрирует пример, взятый из статьи В. Бланара [1]. В латинском и румынском языках манифестируется единая микросистема мыслительных единиц «река». Лексическая микросистема была заимствована румынским из латыни, но в румынском один из элементов микросистемы (слово *amnis* 'большая река') выпал. В результате произошло перерас-

² Одним из оснований объединения таких слов в микросистемы является системная мотивированность, характеризующая каждый элемент такой микросистемы, что показано в работах, например, А. А. Уфимцевой [11].

³ Значимость не совпадает с понятием ценности (*valeur*) слова у Ф. де Соссюра [10, 116].

пределение соотношений означающих и означаемых, «пустое» место в микросистеме было заполнено заимствованным словом (см. таблицу 1).

Означаемое	Означающее	
	Латинский	Румынский
Большая река	<i>amnis</i>	<i>fluvin</i>
Река	<i>flumen</i>	<i>riu</i>
Ручей	<i>rius</i>	<i>piriu</i> (заимствованное слово)

Теперь снова вернемся к корейским примерам, но рассмотрим подробно только последний. Итак, предлагается заменить корейским глаголом *пэллида* глагол с китайской именной основой *чжэньгэхада* и использовать его в словосочетаниях «развернуть борьбу», «развернуть движение», «развернуть кампанию». Но у корейского глагола (см. выше) отвлеченное значение «развертывать» отсутствует. Чтобы употребляться в приведенных выше словосочетаниях, он должен это значение получить. И он действительно, как об этом свидетельствуют современные корейские тексты, получает значение «развертывать». Новое значение возникает в результате искусственного переноса значения заменяемой китайской единицы на заменяющую. Происходит своеобразный семантический сдвиг, который мы называем экстраполяцией значения, учитывая его искусственный характер. Но для того чтобы новое значение было принято, надо убедить говорящего, что именно глагол *пэллида*, а не другой может наиболее адекватно выразить данное значение. Иначе говоря, экстраполяция значения должна осуществляться по правилам переноса наименований, интуитивно ощущаемым в данном языковом коллективе, должна воспроизводить механизм спонтанных семантических сдвигов. Мотивировка экстраполяции, как и семантического сдвига, производится на уровне мыслительных единиц. Поэтому «акту переименования предшествует операция выявления связей между единицами понятийного уровня» [7, 3—6], с которыми соотносятся заменяющее и заменяемое слова. Операция позволяет вычленить инвариантное [3, 217] (опорное [7, 4]) значение, или внутреннюю форму. Эта категория независимо от названия имеет выводной, а не объективный характер.

Так именно и поступают, когда корейскому глаголу *пэллида* придают новое значение: из его конкретных значений-вариантов выводят общее значение-инвариант; это инва-

риантное значение сопоставляют со значением китайского глагола и выносят решение, что такая замена семантически возможна, т. е. мотивирована.

При этом, однако, не вполне учитывается значимость этих слов, а именно то, что глаголы *чэнгэхада* и *пэллида*, составляющие наряду с другими синонимами лексико-семантическую микросистему, различаются стилистически. Кроме того, не обращают внимание на то, что в эту же микросистему входит глагол *пхйэ да*, обладающий следующими значениями: 1) 'расстилать'; 2) 'распространять'; 3) 'расширять'; 4) 'разглаживать (смятое)'; 5) 'распрямять'; 6) 'развертывать (работу)'. Последнее значение этого глагола, казалось бы, наиболее близко значению китайского глагола, тем не менее не этим глаголом, а другим заменяют иноязычное слово.

Единицы данной микросистемы, как уже было сказано, различаются в стилистическом плане: если иноязычный глагол относится к литературному, то два других — к народно-разговорному языку. Употребление корейского глагола в литературных текстах и в народно-разговорном языке означает, что различие по стилю между ними нейтрализуется. Если же китайское слово некоторое время продолжает употребляться, что действительно имеет место, то оно теряет свой стилистический дифференциальный признак и превращается в дублет корейского слова. Дальнейшее сосуществование дублетов может привести к архаизации китайского слова либо к приобретению им нового стилистического дифференциального признака; оно еще долго может употребляться теми, кто не согласен с новыми веяниями в языковой политике, и приобрести социальную значимость.

Подведем итоги: 1) только слово в звуковой репрезентации (звуковой комплекс) может считаться знаком; 2) словесный знак — односторонняя сущность; 3) значением слова является соотношение звукового комплекса с мыслительной единицей; 4) словесный знак, как и любой знак, обладает свойством субстанциональной конвенциональности, вместе с тем: а) слово — единица лексической системы и потому мотивировано этой системой; б) слово входит в стилистическую подсистему и мотивируется этой подсистемой; в) значение слова, как показывает анализ явления экстраполяции, оказывается мотивированным также на уровне мыслительных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. О. Бланар, О внутренне обусловленных семантических изменениях, — «Вопросы языкознания», 1971, № 1.
2. Б. И. Востоков, О значении слова, — сб. «Проблема знака и значения», М., 1969.

3. В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957.
4. В. И. Мальцев, Лексическое значение и понятие,— сб. «Проблема знака и значения», М., 1969.
5. А. Мартине, Основы общей лингвистики,— «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.
6. Проблема знака и значения, М., 1969.
7. Г. П. Мельников, Типы мотивированности языковых знаков,— «Материалы семинара по мотивированности языкового знака», Л., 1969.
8. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, под ред. Б. А. Серебренникова, М., 1970.
9. В. М. Солнцев, Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания,— сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970.
10. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933.
11. А. А. Уфимцева, Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968.

Р. С. МАНУЧАРЯН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

(на материале русского и армянского языков)

Принципы и методы сопоставительно-типологического исследования определяются рядом факторов, и в частности взаимоотношением языков, привлекаемых к сравнению. При синхронном сопоставлении языков на словообразовательном уровне можно, например, идти от материально-генетически идентичных аффиксов к особенностям их функционирования в каждом из языков или исходить из определенных основ и аффиксов одного языка и выяснять степень функционального соответствия материально-генетически тождественных словообразовательных элементов остальных языков; ср. [3]; [9]; [10]. Такие методы, не исключающие и иные, очевидно, возможны и целесообразны при сравнении языков близкородственных. Сопоставление языков, не находящихся в отношении близкого родства, — таких, как русский и армянский, — требует иного подхода, поскольку материальная идентичность аффиксов (даже с учетом заимствованных, занимающих, конечно, особое место) здесь является скорее исключением. Вместе с тем русский и армянский языки обладают определенным сходством в средствах и способах словообразования, морфемном составе слова, группировке слов (словоформ) по частям речи, хотя и относятся к различным морфологическим типам — фузионному и агглютинативному (по преимуществу).

Базой сопоставления неблизкородственных языков, как, впрочем, и любых иных, могут быть избраны такие семантические категории, которые по крайней мере в одном из них находят выражение преимущественно посредством словообразовательных средств. Выявляемые при таком подходе словообразовательные категории представляют собой структурно-семантические классы слов в пределах отдельных частей речи, обладающие общностью словообразовательного

значения. Сравнению подлежит прежде всего набор свойственных языкам словообразовательных значений, общих и частных¹, их совмещаемость, а также комплексность (или «смежность»), т. е. выражение некоторого ряда таких значений на базе одного и того же класса мотивирующих (производящих) основ с помощью тех или иных словообразовательных показателей.

Под этим углом зрения целесообразным представляется использование и дифференциация такого понятия, как «словообразовательная парадигма». Характерное для современной лингвистики стремление к последовательному и эксплицитному осуществлению принципа системности, а также представление об изоморфизме уровней языка обусловили распространение первоначально морфологического понятия парадигмы на самые различные области исследования — фонологию, лексикологию, словообразование, синтаксис и даже стилистику. Круг понятий, связанных с понятием парадигмы, в частности словообразовательной, находится еще в стадии разработки.

Словообразовательной парадигмой называют разные явления и соотношения: словообразовательное гнездо в целом; словообразовательное гнездо в пределах одного типа словообразования; оппозицию мотивирующей и мотивированной основ; оппозицию словообразовательных типов различной функциональной ценности; ряд одноструктурных слов; словообразовательные связи частей речи; набор словообразующих сегментов, сочетающихся с базами одного и того же ряда; ср. [1, 96—98]; [6, 106, 117]; [13, 260, 323]; [15, 145]. Все эти трактовки словообразовательной парадигмы объединяются только тем, что так или иначе имеется в виду частичное тождество ряда явлений данного уровня при частичном различии.

Применительно к указанным выше задачам исследования словообразовательная парадигма определяется нами как комплекс словообразовательных значений, реально или потенциально выражаемых на базе мотивирующей основы по моделям мотивационных отношений, свойственных данному языку. Такую парадигму удобнее назвать словообразовательно-семантической — ССП². Особую задачу составляет изучение в том или ином аспекте гнездовых словообразовательных парадигм [16, 14—15], включающих в себя и «субпарадигмы» — ответвления на базе основ, производных от данной, так как эти основы обладают в значительной

¹ Имеется в виду то понимание общих и частных словообразовательных значений, которое представлено в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» [11].

² Иногда говорят также о «семантической парадигме», имея в виду совокупность форм словообразования, т. е. словообразовательное гнездо; см. [12, 266].

мере новыми словообразовательно-семантическими свойствами.

Состав и объем словообразовательно-семантических модификаций и — шире — трансформаций мотивирующей основы зависят помимо набора словообразовательных значений, известных данному языку, от ряда ее семантических признаков различных уровней абстракции, а также полисемантической на одном уровне. Конструктивная ценность ССП определяется прежде всего выявлением типовых комплексов словообразовательных значений, выражаемых на базе разных классов основ с релевантными в данном отношении семантическими признаками, в каждом из сравниваемых языков.

Наиболее общим релевантным семантическим признаком основы является, по-видимому, ее принадлежность к той или иной части речи, точнее, категориально-функциональному классу³. На этом уровне абстракции мотивирующей основы нами подвергнуты сравнению ССП русского глагола и армянского. Глагольная основа, обладающая категориальным (общеграмматическим) значением действия, допускает ряд словообразовательно-семантических преобразований, которые на уровне частей речи в сравниваемых языках совпадают: на данной базе оформляются классы субстантивных, адъективных, адвербиальных слов (словоформ), а также вербальных, модифицирующих исходную семантику. В соответствии с этим мы выделяем четыре зоны ССП глагола, которые характеризуются следующими параметрами: набором частных лексико-словообразовательных значений; набором общих словообразовательных значений; совмещаемостью частных значений в пределах общих; степенью реализуемости общих значений.

Таким образом, зоны в отдельности и ССП в целом характеризуются как качественно, так и количественно. Недостающие в сравнении с ССП другого языка словообразовательные значения так или иначе компенсируются предусмотренными системой данного языка возможностями обозначения соответствующего «поля» иными, неморфемными средствами. Принципиальный учет этих компенсирующих возможностей, так же как параллельных, синонимических, составляет косвенную характеристику ССП, намечая ее место в общей парадигматике конкретного языка. В рамках данной статьи мы ограничимся краткой характеристикой лишь некоторых основных соотношений глагольных ССП русского и армянского языков.

³ Идентифицируя части речи разных языков, мы исходим из признания этих абстракций категориально-функциональными универсалиями. Убедительное, на наш взгляд, обоснование категориального значения и комбинаторной потенции как универсальных дифференциальных признаков частей речи содержится в статье Э. Р. Атаяна [2].

В субстантивной зоне значения основных семантических групп отглагольных производных в сопоставляемых языках совпадают, в то время как словообразовательный статус этих значений во многом неодинаков. Значение действующего лица в обоих языках имеет самостоятельное структурное выражение и является, следовательно, словообразовательным. Что касается словообразовательных типов, обслуживающих семантический класс орудия действия, то некоторые из них в русском, как и в других индоевропейских языках, выполняют эту функцию наряду с обозначением действующего лица (ср., например, производные на *-тель*). В основе этого явления лежит «представление орудия действователем» (Потебня). Такое положение позволяет говорить о наличии наряду с самостоятельными словообразовательными значениями действующего лица и орудия более общего словообразовательного значения производителя действия. Данная тенденция отразилась и в армянском языке, но с тем отличием, что здесь и вообще нет продуктивных словообразовательных типов, специализированных на обозначении орудия действия: это значение совмещается со значением либо действующего лица, либо места действия. Таким образом, значение орудия действия в армянском можно признать частным лексико-словообразовательным.

Значение места действия в продуктивных, действующих словообразовательных типах армянского языка оказывается в свою очередь совмещенным со значением орудия действия. Это позволяет усматривать здесь общее словообразовательное значение «средства выполнения действия», или «субстанции, предназначенной для выполнения действия». Такое совмещение также известно другим индоевропейским языкам. В русском и в этой сфере обнаруживается большая в сравнении с армянским дифференцированность: наряду с образованиями на *-лка*, относящимися и к месту действия и к орудью, существует и специальное продуктивное обозначение места действия с помощью форманта *-льня*.

Значение объекта действия в русском языке на словообразовательном уровне может лишь сопутствовать значению результата действия, но, с другой стороны, существуют типы, специализированные на выражении последнего (ср., в частности, *объедки, выварки*). В армянском сфере объектно-результативных значений оказывается, напротив, структурно более дифференцированной: и результат, и объект действия выступают как словообразовательные категории. Следует заметить, что значение объекта действия включает в себе такие семантические признаки, как пассив и предназначенность для действия. Последний признак, как мы видели, служит основой объединения на словообразовательном уровне частных значений орудия и места действия. Признак предназна-

ченности, по-видимому, вообще характерен для словообразовательной семантики армянского языка. Своеобразным преломлением категоризации под таким углом зрения является наличие в иной — отсубстантивной — парадигме особого словообразовательного значения предмета, назначение которого указано мотивирующей основой (ср. *šalvar + açu* 'материал на брюки').

Имена действия в обоих языках представлены в разнообразных словообразовательных типах, которые отчасти дифференцированы по признаку временной ограниченности — неограниченности. Своеобразие данной категории в армянском языке во многом определяется регулярной и неограниченной субстантивацией инфинитива. Вхождение инфинитива в имена действия обуславливает, в частности, последовательную маркированность признака временной неограниченности, а также неограниченную реализуемость словообразовательного значения опредмеченного действия. Определенные различия между сравниваемыми языками имеются и в сфере вторичных словообразовательных значений, вообще свойственных именам действия.

В адъективной зоне (охватывающей и причастные значения) между словообразовательными значениями русского и армянского языков четко прослеживаются все возможные виды соотношений — совпадение, вложение, пересечение, отсутствие общей части; см. [8]. Совпадают значения: склонный к такому-то действию; не способный производить или подвергаться такому-то действию; связанный с таким-то действием. В русской отглагольной парадигме нет словообразовательного соответствия особому значению армянских прилагательных и причастий — «подлежащий такому-то действию» (ср. *kardalik'girk'* 'книга, подлежащая прочтению').

Остальные словообразовательные значения данных языков обнаруживают по составу частных значений групп производных частичное сходство при частичном различии, т. е. соотносятся по вложению и пересечению. Значение «предназначенный для такого-то действия» (ср. *читальный, вязальный*), являясь в армянском частным, лексико-словообразовательным, выражается такими образованиями, которые включаются в морфологическую парадигму глагола, поскольку соответствуют генитивной форме склоняемого инфинитива. Этому явлению изоморфно выражение предназначенности в отсубстантивной парадигме, где в соответствии с русскими прилагательными типа *настенный, настольный* (= предназначенный для нахождения на таком-то предмете) регулярно выступают опять-таки генитивные формы.

Почти все адъективные словообразовательные значения известны и в отрицательных (антонимических) вариантах (ср. *уступчивый — неуступчивый, подходящий — неподходя-*

ций и т. д.), но лишь в небольшой части случаев есть основания говорить о выражении таких модификаций русских прилагательных непосредственно на базе глагола (ср. *несгораемый, неподкупный* при отсутствии *сгораемый, подкупный*). Особенностью армянского языка является регулярное выражение весьма широкого значения «характеризуемый отсутствием такого-то действия» непосредственно на глагольной базе, причем в плане выражения обращает на себя внимание то, что единственным материально выраженным транспонирующим и модифицирующим средством оказывается отрицательный префикс (*an-meř* 'неумирающий', *an-anč* 'непреходящий').

В целом армянская адъективная зона ССП глагола отличается бóльшим числом и широтой словообразовательных значений, распространенностью нейтрализации по признаку актив—пассив, большей свободой реализации и более широким выбором средств выражения, особенно за счет сложений, синонимичных аффиксальным моделям.

Адвербиальные значения, т. е. значения внешнего или внутреннего признака, сопутствующего другому признаку, в обоих языках на базе глагола выражаются в основном образованиями, включаемыми в его морфологическую парадигму. Однако русские деепричастия обоих видов способны выражать как обстоятельственный признак (в основном временной), являющийся внешним по отношению к определяемому, так и определительный, качественно характеризующий; в армянской же адвербиальной зоне выражение этих признаков частично дифференцировано.

Вербальные словообразовательные значения, выражаемые на базе глагола, весьма разнообразны, особенно в русском языке. В интересах краткости описания они могут быть сгруппированы по некоторым общим признакам⁴, таким, как направление действия в пространстве, степень интенсивности и мера действия, количество объектов и субъектов действия, совершение действия во времени и некоторые другие.

Словообразовательно-семантические модификации глагольного действия в армянском языке по сравнению с русским весьма ограничены как по составу, так и по реализуемости. По составу модификаций наиболее общим отличием армянского языка является относительно широкая (но все же уступающая русскому) представленность внешней квалификации действия, проявляющейся в различных пространственных уточнениях, и, с другой стороны, чрезвычайно ограниченная представленность внутренней квалификации, т. е. способа действия. По сравнению с русской армянская сфера «совер-

⁴ В основном в соответствии с общей группировкой, принятой в «Грамматике современного русского литературного языка» [4].

шаемостей» (термин А. В. Исаченко) представляется неполной и притом асимметричной, а именно: здесь представлены в определенной мере глаголы многократные и интенсивные, но отсутствуют глаголы таких совершаемостей, которые характеризуют ограничение или ослабление действия.

В целом семантика действия в армянском языке на словообразовательном уровне проявляет тенденцию оставаться неуточненной, недетерминированной. С определенными оговорками можно согласиться с А. В. Исаченко в том, что совершаемостные глагольные образования являются как бы формами «субъективной оценки» действия [7, 237]. С этой точки зрения слабая представленность совершаемостей в сфере армянского глагола «согласуется», находит себе параллель в сфере имен, где слабо представлены «формы субъективной оценки» (но отыменная парадигма, напротив, асимметрична в смысле отсутствия образований усилительно-увеличительного характера).

Регулярность и типизированность выражения глагольных модификаций армянского языка тоже невысоки, и в этом смысле можно утверждать, что они еще менее грамматичны, чем модификации русского⁵. Большая лексичность внутриглагольных модификаций армянского языка, по-видимому, должна быть поставлена в определенную связь с тем фактом, что и значение вида действия в этом языке не пронизывает всю морфологическую парадигматику глагола, а проявляется лишь в противопоставлении некоторых временных форм.

Подробности протекания действия в принципе не остаются без внимания и обозначаются такими средствами армянского языка, которые в целом можно назвать неморфемными, внесловными. Эти средства частью являются чисто описательными, а частью — более или менее типизированными, воспроизводимыми. Среди последних выделяется широкая область так называемых составных глаголов, разные типы которых в той или иной степени могут признаваться словообразовательными комплексами. Поскольку в большинстве случаев компоненты таких комплексов обладают более конкретной семантикой, чем аффиксы, можно констатировать различие внутриглагольной словообразовательной семантики сравниваемых языков и по признаку абстрактности—конкретности. К тому же это различие складывается не только за счет выражения части модификаций действия армянскими составными глаголами, но и в силу того, что семантический диапазон армянских аффиксальных, собственно словообразователь-

⁵ А. В. Исаченко [7, 219—221] говорит о лексико-грамматическом характере совершаемостей в славянских языках.

ных, средств в основном складывается из модификаций пространственного характера, которые, как известно, отличаются конкретностью.

Таким образом, глагол как база словообразования используется русским и армянским языками неодинаково: вербальная зона ССП армянского глагола в отличие от остальных зон предстает значительно более узкой. Ее «недостаточность» восполняется неморфемными средствами. В других зонах в выражении словообразовательных значений весьма широко используются такие модели армянского языка, которые по определенным признакам считаются формообразующими.

Это явление, наблюдаемое — в меньшей мере — и в русском языке, свидетельствует о своего рода пересечении словообразовательно-семантической и морфологической парадигм глагола. В самом деле, по таким признакам, как регулярность и стандартность образования и значения, или — в психолингвистическом аспекте — по признаку производимости в речи по мере надобности, причастия, деепричастия, имена действия и некоторые другие образования часто включаются в состав парадигматических форм глагольной лексики, что, однако, не противоречит их отнесенности к категориально-функциональным классам прилагательных, наречий, существительных, а следовательно, и к участию соответствующих моделей в выражении межкатегориальных мотивационных отношений. Причастие, например, мотивируется исходной глагольной основой в принципе так же, как отглагольное прилагательное (ср. *стоящий* 'тот, который стоит', *стоячий* 'такой, который стоит').

Область пересечения двух парадигм глагола в армянском языке шире, что обусловлено разнообразием структурно-семантических типов неличных форм, их категориально-функциональной соотносительностью как с адъективным и адвербиальными классами, так и с субстантивным. Здесь сказывается и полифункциональность многих армянских образований: благодаря слабому формальному обособлению частей речи в этом языке аффиксальные средства выражения мотиваций одной части речи нередко обслуживают и другую; в одной и той же причастной модели в зависимости от синтагматического окружения актуализируются словообразовательные значения адъективные или субстантивные, адъективные или адвербиальные (ср. *ašxatoč* 'работающий' или 'работник', *hizvac* 'взволнованный' или 'взволнованно').

Большой удельный вес причастий и регулярно образуемых имен действия и вообще значительная свобода словопроизводства, присущая армянскому языку, относятся к числу черт, связываемых преимущественно с агглютинативными языками (см., в частности, [14]).

На рассмотренном уровне абстракции мотивирующей основы ССП приписывалась только классу глагольных основ в целом.

Следующая задача заключается в сопоставлении более узких классов (подклассов) основ, на базе которых в сравниваемых языках реализуются количественно и/или качественно различные комплексы «смежных» словообразовательных значений. В этом направлении интерес представляет выяснение тех ограничений, которые накладываются на словообразовательно-семантическую порождающую способность основы ее мотивированностью основами определенных частей речи, а также — при следующем разбиении на подклассы — ограничений, связанных с принадлежностью основы к определенным словообразовательным категориям; ср. [5]. В одном и том же и в разных языках подобные ограничения носят неодинаково категорический характер, в связи с чем построение соответствующих частных парадигм нуждается в вероятностном подходе.

Сопоставительно-типологическое изучение словообразовательно-семантических потенций двух и более языков требует, конечно, и специального сравнения средств и способов реализации этих потенций, и учета возможностей обозначения соответствующих семантических полей средствами разных уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Д. Андреев, Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании, Л., 1967.
2. Э. Р. Атаян, Части речи, их дифференциальные признаки и критерии классификации, — сб. «Теоретические и практические вопросы преподавания иностранных языков», М., 1970.
3. З. М. Волоцкая, К выработке методики сравнительных исследований в области славянского словообразования, — сб. «Структурная типология языков», М., 1966.
4. Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.
5. В. П. Даниленко, Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования, — сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964.
6. Г. С. Зенков, Вопросы теории словообразования, Фрунзе, 1969.
7. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 2, Братислава, 1960.
8. И. А. Мельчук, Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними, — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVII, 1968, вып. 5.
9. А. И. Моисеев, К сопоставительному изучению славянских языков, — сб. «Очерки по словообразованию и словоупотреблению», Л., 1965.
10. В. А. Никонов, Метод исследования суффиксов прилагательных, — сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

11. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М., 1966.
12. И. И. Ревзин, Метод моделирования и типология славянских языков, М., 1967.
13. А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967.
14. Б. А. Серебрянников, Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка, — «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965.
15. Э. Хэмп, Словарь американской лингвистической терминологии, М., 1964.
16. С. К. Шаумян, П. А. Соболева, Основания порождающей грамматики русского языка, М., 1968.

Н. Д. ФИНКЕЛЬБЕРГ

О СООТНОШЕНИИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО В ПОДХОДЕ К СЕМАНТИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ СЛОВА

*(на материале современного литературного
арабского языка)*

При всем многообразии взглядов на содержательную структуру слова и при всей множественности подходов к этой проблеме [1, 5—24] можно выделить два доминирующих направления, по которым ведется изучение значения слова. Разграничение между этими направлениями проходит по линии подхода к объекту изучения.

Одни исследователи в качестве объекта изучения принимают значение слова как знака языка, понимая значение как сплошное недискретное семантическое пространство, независимое от контекста.

Другие исследователи берут слово в речи, изучают семантическую функцию слова в процессе общения и определяют значение слова эксплицитно, через «совокупность потенциальных типовых сочетаний, в которых фиксируется область использования данного слова» [2, 125—126].

Первое направление можно назвать традиционным. Это аналитическое, или генетическое, изучение значения слова, при котором внимание направлено главным образом на диахронические изменения в семантике слова. Второе направление возникло значительно позже и получило название «операционного» [3, 59] или «функционального» [4, 59]. При генетическом подходе к семантике слова объектом изучения оказывается значение слова на диахронической оси семантического развития, тогда как при функциональном подходе (при правильной научной методологии) исследуется синхронический срез семантической жизни слова. В упрощенном виде взаимное расположение этих двух направлений можно пред-

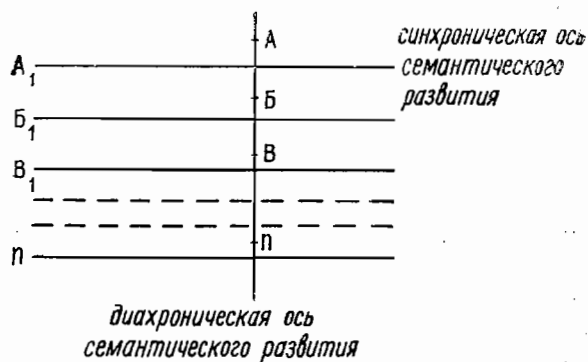

Схема 1

ставить на линейной схеме¹ (схема 1). При генетическом исследовании значение слова рассматривается либо в какой-то одной точке на диахронической оси (например, в точке А или в точке Б), либо одновременно в нескольких с анализом изменения, происшедшего в семантике слова за период времени, соответствующий расстоянию между этими точками. При функциональном подходе исследуются значения слова на синхронической оси (например, на линии А₁ или на линии Б₁) путем анализа реально встречающихся на данном этапе развития языка случаев употребления слова.

Слово на диахронической оси является единицей словаря, т. е. представляет собой элемент языка, обладающий некоторым самостоятельным значением (СЗС)². Однако такое слово не имеет конкретного смысла, так как потенциально в контексте оно может повернуться любой из своих сторон. СЗС с «его многозначностью, с его до поры до времени скрытыми смысловыми и стилистическими оттенками» [5, 265] есть внутренняя, существенная сторона предмета, т. е. слова, и непосредственно не дано. В СЗС заложена возможность для слова вступать в различные словосочетания, употребляться в различных ситуациях, в которых проявляются те или другие стороны СЗС. Слово в контексте, таким образом, обладает значением, не совпадающим полностью с СЗС, но представляющим лишь некоторую часть его,— это реализованное значение слова (РЗС). Если СЗС — потенция, то РЗС — реализованная возможность, т. е. если СЗС — внутренняя сторона предмета, то РЗС — внешнее проявление. Не будучи равно внутреннему, это внешнее имеет неоценимое

¹ Линейная схема, безусловно, не отражает сложной структуры взаимодействия между этими направлениями и принимается исключительно из соображений наглядности.

² «Расчлененное содержание слова составляет некоторую структуру. Элементы структуры сводятся в единый фокус-звук и воспринимается как единый сигнал» [1, 59].

качество: оно выражено эксплицитно. Значение слова в речи наглядно, свободно от расплывчатых толкований и субъективных оценок. Блумфилд удачно сравнивал лингвиста, определяющего значение слова, с математиком, который, «выступая в качестве лингвиста, не может определить термины типа *один* или *складывать*, но если мы дадим ему их определения, то он сможет определить *два* как „один + один“, а *три* как „один + два“, и так до бесконечности» [6, 149].

Однако понимание РЗС только как внешнего проявления СЗС было бы упрощением действительного положения вещей, так как такое соотношение отражает правильную картину лишь для одного звена в цепи реального развития семантики слова. На схеме это звено может быть представлено в виде какой-либо точки на диахронической оси и рядом конкретных случаев употребления этого слова на синхронической оси (например, A и A_1 на схеме 2).

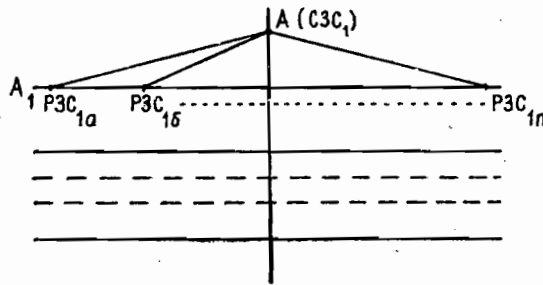

Схема 2

При диалектическом подходе к явлению это соотношение представляется как дуалистическая связь, где оба компонента оказывают определенное влияние друг на друга.

Безусловно, СЗС является для РЗС исходным и поэтому основополагающим, однако так как в реальном языке слово оказывается носителем смысла, который выступает как «выражение связи между понятиями, с одной стороны, и как выражение реальных ощущений — с другой» [7, 310], то в результате происходит некоторая «химическая реакция» [8, 230], которая в конечном счете изменяет, обогащает и само СЗС, так как «новый кусок живой речи иной раз способен дать нам понятие о таком новом значении хорошо известного слова, о котором мы и не догадывались» [9, 186]. Процесс взаимного влияния СЗС и РЗС показан на схеме 3.

На схеме СЗС₁ сделало возможным появление в языке слов с РЗС a_1, a_2, \dots, a_n . Со временем появляются новые словосочетания, основывающиеся на каких-то отдаленных оттенках СЗС₁ (у Блумфилда — «периферийные значения»). Активным элементом в этих словосочетаниях с точки зрения семантического управления является исследуемое слово (на-

зовем его словом 1). Но и присоединяемое слово (слово 2) будет оказывать свое влияние, так как оно входит в состав определенного синонимического ряда, а также в группу слов, смежных по ассоциативному признаку (слова 3, 4, ..., n)³.

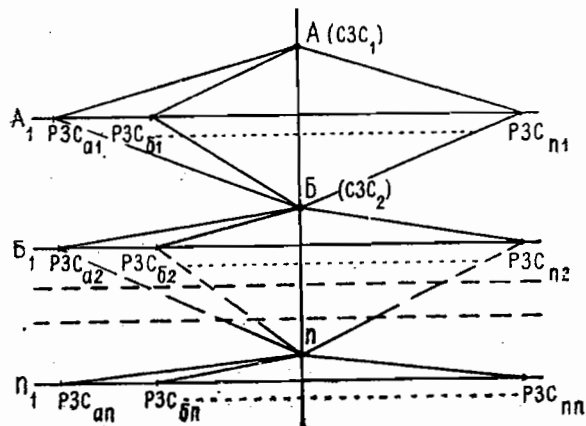

Схема 3

В результате устоявшееся сочетание слово₁ + слово₂ может привести к появлению сочетаний слово₁ + слово 3, 4, ..., n, так как, став близким слову 1, слово 2 может как бы установить опосредствованную связь слова₁ со словами 3, 4, ..., n, хотя в СЗС слова₁ и нет как будто семантического обоснования для подобного употребления. Таким образом, появляется СЗС₂, качественно отличное от СЗС₁ и в свою очередь позволяющее образовать словосочетания, в которых слово₁ будет иметь РЗС б₁, б₂, ..., б_n. Таким образом, СЗС, порождая РЗС, в то же время само может измениться под влиянием последнего.

В качестве примера рассмотрим арабский глагол *dāra*. Под СЗС₁ примем разработку словарной статьи этого глагола в словаре Х. К. Баранова: 1) 'вращаться, вертеться', 'обращаться (вокруг чего-л.)'; 2) 'огибать, обходить'; 3) 'циркулировать'; 4) 'иметь место, происходить'; 5) 'функционировать, быть на ходу, действовать'; 6) 'обходить кого-л.'. Со временем у первого значения ('вращаться, вертеться') появилась метафоричность, значение конкретное переросло в более отвлеченное. Об этом свидетельствует множество словосочетаний типа «разговор шел о...; вертелся вокруг...» — (*dāra-l-ḥadīṭ ḥawla...*; «споры велись относительно...» — *dārat al-munāqāṣāt ḥawla...*; «переговоры касались...» — *dārat al-mubāḥaṭāt ḥawla...* и т. д.

Эти устоявшиеся словосочетания позволили глаголу (слово₁) вступить в опосредствованные отношения со словами, близкими по ассоциативному признаку со словами *munāqāṣāt*,

³ Ср. с «словыми полями» И. Трира и В. Порцига [11].

hadit, такими, как *qarārūt, uatā'iq* (слова_{3,4,...,n}), например: *tadūru-l-uatā'iq ḥaūla-t-tabāduli-t-tiḡāri* 'решения касаются демократических свобод'; *tadūru-l-qarārūt ḥaūla-l-ḥurriyyāti-d-dimūqrātījia* 'в документах идет речь о торговом обмене'. В результате СЗС₁ пополнилось значением: «касаться, затрагивать что-л.», т. е. СЗС₁ превратилось в СЗС₂.

Безусловно, что не все РЗС имеют равное значение для изменения СЗС. Во-первых, следует различать узуальные и окказиональные словосочетания. На СЗС в конечном итоге оказывают влияние лишь РЗС массового употребления. Кроме того, по-видимому, следует из числа РЗС, влияющих на СЗС, исключить фразеологические словосочетания, которые сами независимо от их уровня возвращаются на уровень слова. Фразеологизмы «по семантике представляют собой единицы номинации на уровне слова, значения которых не вытекают (или не прямо вытекают) из суммы значений слов, их составляющих, а сам фразеологизм формируется на синтаксическом уровне из сочетаний слов любой структуры независимо от дистрибутивных качеств слов» [10, 230]. Вместе с тем чрезвычайно важно отметить, что слова в реальном контексте испытывают влияние не только отдельных слов, сочетающихся с ними, но и всей ситуации целиком. Другими словами, синтаксическая дистрибуция может быть не только лексической (минимальная дистрибуция), но и ситуативной (максимальная дистрибуция).

С другой стороны, возникает вопрос: на все ли параметры СЗС может оказывать влияние РЗС? Сейчас в семантическом рисунке слова принято различать четыре основных компонента СЗС:

- а) денотативный, т. е. собственно понятийное значение слова;
- б) коннотативный, под которым понимается эмоционально-экспрессивная информация, заложенная в слове;
- в) социальный, т. е. принадлежность слова к определенному стилю языка;
- г) этимологическая мотивация, так называемая внутренняя форма слова.

Для каких из этих компонентов РЗС будут корректирующим фактором?

Прежде всего это относится к первому, денотативному компоненту СЗС. Именно в речи (и только в речи) возможно выявить появление сдвига значения слова в сторону конкретизации называемого понятия, обобщения, более сложной абстракции и т. п. Так, например, успехи в хирургической медицине привели к тому, что арабское слово *zirā'ātun* 1) 'земледелие'; 2) 'возделывание, сеяние, разведение, культивирование'; 3) 'сельское хозяйство' стало употребляться в сочетаниях, со словами «сердце», «гортань» типа *zirā'atu-l-*

qalb, zirāʿatu-l-ḥanḡara. Это позволило уточнить его СЗС, дополнив его значением 'пересадка'. В экономической литературе в последнее время стало часто появляться слово *taḥaddin* в словосочетаниях *taḥaddijāt 'iqtiṣādijja (malijja)* 'экономические (финансовые) трудности', *taḥaddijātu-t-taurid* 'затруднения с импортом'. Эти словоупотребления пока не находят подтверждения в словарных значениях данного слова, их, следовательно, можно считать новообразованиями, которые при дальнейшем повторении могут пополнить СЗС *taḥaddin*.

Словоупотребление (и только словоупотребление) может свидетельствовать о появлении у слова нового значения. Так, например, ситуативная дистрибуция слова *naksa* 'рецидив, возврат болезни' в целом ряде текстов выявила у этого слова новое значение, появившееся после июня 1967 г.: 'агрессия 5 июня 1967 г.', 'июньская агрессия'.

РЗС является корректирующим фактором и для коннотативного компонента СЗС. Например, РЗС арабского глагола *'ašāda* требует уточнения его СЗС, так как он употребляется только в словосочетаниях с положительной коннотацией: *'ašāda bi-n-naḡāḡāt* 'указать на успехи', но *'ašara 'ilā-l-istifzāzāt* 'указать на провокации'. А, например, РЗС слова *zumra* указывает на то, что это слово не несет эмоционально-экспрессивной информации, поэтому оно может использоваться в словосочетаниях, совершенно различных по эмоциональному характеру: *zumra-l-ḥaṣana* 'клика предателей', *zumaru-l-fātihīna* 'орды завоевателей', *zumratu-l-kuttāb* 'плеяда писателей', *zumratu-l-midfaʿ* (воен.) 'орудийный расчет'.

Принадлежность слова к определенному стилю языка обычно выявляется не из лексической, а из ситуативной дистрибуции, так как стилистические синонимы обладают способностью выступать в единых дистрибутивных условиях.

Что касается последнего компонента СЗС — «внутренней формы слова», то она как категория диахронического развития слов обычно не находит своего выражения в категориях синхронической синтаксической дистрибуции.

Итак, (1) значение слова в словаре и значение слова в контексте соотносятся как категория возможности и действительности. (2) СЗС и РЗС оказывают друг на друга взаимное влияние. (3) РЗС является корректирующим фактором, главным образом для денотативного и коннотативного компонентов СЗС. (4) Полностью разделяя мнение о том, что «отказ от изучения значения как не данного непосредственно (ортодоксальный структурализм) знаменует собой желание остаться лишь в плоскости проявлений сущности, в плоскости внешнего» [11, 54], мы считаем, что функциональный подход к изучению семантики слова облегчает проникновение

в эту сущность, дает реальную основу для дальнейших теоретических обобщений. (5) Функциональный подход к семантике слова имеет огромное прикладное значение, так как слово в словаре практически никогда не совпадает с переводимым словом по всему объему значения. Уточняющие синонимы и пояснения тоже до конца не очерчивают слово, так как сами синонимы и поясняющие слова являются носителями многогранных значений. Различия в организации живого опыта, отражающегося в словах различных языковых систем, приводят к нечеткости представлений об истинной сущности семантической нагрузки иностранного слова и в конечном счете к неправильному его употреблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Г. Комлев, Компоненты содержательной структуры слова, М., 1969.
2. В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957.
3. S. Ullman, [цит. по:] В. А. Звегинцев, Теоретическая и прикладная лингвистика, М., 1968, стр. 59.
4. В. А. Звегинцев, Теоретическая и прикладная лингвистика, М., 1968.
5. Е. Эткин, Слово как сюжет, — «Мастерство перевода. 1966», М., 1968.
6. Л. Блумфилд, Язык, М., 1968.
7. Г. М. Стрелковский, Коммуникативное задание как понятие функциональной семантики, — «Труды ВИИЯ», М., 1970.
8. Ю. Абызов, О культуре перевода, — «Мастерство перевода. 1969», М., 1970.
9. Л. Успенский, Слово о словах, М., 1957.
10. М. Т. Тагиев, Окружение фразеологизма и слова, — «Труды Самаркандского университета им. Алишера Навои», Самарканд, 1970.
11. Л. К. Латышев, Понятие валентности слова и его соотношения с понятиями вероятности словосочетания, дистрибуции слова и лексического значения, — «Труды ВИИЯ», М., 1970.
12. J. Trier, Sprachliche Felder, 1932;
13. W. Porzig, Das Wunder der Sprache, Bern, 1957.

О СЕМАНТИКЕ КОПУЛЯТИВНОГО СЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Важной проблемой современной семантики является проблема сочетаемости элементов и выводимости значения целого из значения его частей. Здесь рассматриваются некоторые аспекты этой проблемы на материале копулятивного сложения в китайском языке.

Копулятивное сложение широко распространено в китайском языке как на морфосемантическом, так и на лексико-семантическом уровне. На всем протяжении существования китайского языка оно является продуктивным способом обогащения его лексики.

В русском языке данный вид сложения непродуктивен. Встречаются немногие образования в основном на лексико-семантическом уровне в фольклоре и в художественных текстах¹. В китайском языке копулятивное сложение распространено не только в фольклоре и в художественных текстах, но и в научной и общественно-политической лексике. Согласно подсчетам, произведенным нами на материале языка современных китайских газет, копулятивные комплексы составляют в них 33% всех типов комплексов. Соответствующие подсчеты на материале всей лексики показывают, что наибольшую распространенность копулятивные комплексы имеют в общественно-политической лексике. Подобное явление, по-видимому, объясняется тем, что для этого слоя лексики больше всего характерна тенденция к коммуникативной четкости, общедоступности, легкости восприятия на слух. А это достигается прежде всего такими факторами, как устрание-

¹ Н. М. Шанский выделяет среди них: 1) синонимические сближения типа *звать-величать, судьба-доля, путь-дорога, стежки-дорожки, ум-разум, друг-приятель, грусть-тоска*; 2) парные сближения с суммарным значением типа *хлеб-соль* — угощение, *отец-мать* — родители, *внуки-правнуки* — потомство (Н. М. Шанский, *Очерки по словообразованию*, М., 1968, стр. 271).

ние полисемии и омонимии языковых единиц. В этом плане интересно возникновение копулятивных комплексов. Оно тесно связано с явлениями полисемии и омонимии и обусловлено спецификой китайского языка как языка изолирующего типа.

Количественной нормой древнекитайского языка был однослог. Односложные слова чаще других бывают полисемантическими. При этом, как известно, полисемантическими являются наиболее употребительные слова. Кроме того, в китайском языке широко распространено явление омонимии. Полисемия наиболее употребительных слов и обилие омонимов затрудняют понимание и служат препятствием в процессе общения. Проблема полисемии и омонимии решается в контексте. Обычно для этой цели бывает достаточно контекста длиной в одно предложение. Контекстом минимальной длины является двучленное сочетание. Копулятивный комплекс может быть рассмотрен как такой контекст минимальной длины, в котором устраняется лексическая многозначность и омонимия. Это достигается путем образования на основе одного из значений многозначного слова (или на основе одного из омонимов) парного сочетания слов с присоединением к уточняемому слову его синонима, антонима или другого тематически близкого слова. Таким путем, например, возникает копулятивное образование *хаодай* 'хорошее — плохое' = 'плохое', 'несчастье'. Первоначально это было свободное сочетание слов, входивших в одну семантическую пару. Постепенно в результате частого употребления происходит стабилизация лексического состава и закрепление порядка слов в таких семантических парах. Они превращаются в устойчивые словосочетания. Потребность языка в средствах усиления, обобщения, а также новых словах способствует лексикализации таких устойчивых словосочетаний. (При этом следует учитывать, что копулятивные комплексы возникают не только в результате лексикализации словосочетаний, но и по моделям, имеющимся в языке.)

Можно сказать, что образование копулятивных комплексов является эффективным средством решения многочисленных случаев многозначности и омонимии.

Копулятивный комплекс представляет собой результат сложного взаимодействия составляющих его (по линии парадигматики и синтагматики). Значение копулятивного комплекса — не простая сумма значений компонентов. Оно выводится лишь с помощью более или менее сложных семантических реляций, присущих языку. Проблема выводимости значения комплекса из значения компонентов может быть решена на основе их исчерпывающей семантической характеристики. В семантическую характеристику входят семантические типы компонентов (по их отношению к семантиче-

ским полям), а также парадигматические отношения между компонентами (семантические корреляции) и синтагматические отношения между компонентами (семантические реляции).

Ниже мы остановимся на синтагматических отношениях между компонентами (семантических реляциях) при копулятивном сложении и основных типах семантической мотивированности копулятивного комплекса.

Для проведения исследования было необходимо произвести инвентаризацию копулятивных комплексов по имеющимся нормативным словарям китайского языка. Количество копулятивных комплексов велико, практически их трудно исчислить все (если учитывать не только зафиксированные в словарях, но и потенциальные комплексы, которые возникают в речи, что широко распространено в китайском языке).

Копулятивные комплексы можно исчислить путем составления перечня основных видов синтагматических отношений между компонентами (семантических реляций). В результате сплошного анализа зафиксированных копулятивных комплексов такой перечень был составлен. Он включал в себя 14 семантических реляций. Можно считать, что этот перечень является основным, исчерпывающим, и значение копулятивного комплекса может быть объяснено при помощи какой-либо одной из 14 семантических реляций.

От семантических реляций зависит степень семантической слитности компонентов. Исследованный материал дает возможность выделить три основных типа семантических реляций копулятивного комплекса по их влиянию на семантическую слитность компонентов и на выводимость значения комплекса из значения компонентов.

I. Семантические реляции могут суммировать значения компонентов. В этом случае значение копулятивного комплекса включает в себя все значения компонентов. Можно сказать, что оно представляет собой простую сумму значений компонентов, хотя и таит в себе уже некоторые элементы обобщения. Примеры:

иньши 'питье — еда' = 'пища, питание';

енян 'отец — мать' = 'родители';

цзюгу 'свекор — свекровь' = 'родители мужа';

няр 'мать — сын' = 'мать с сыном';

цину 'жена — дети' = 'жена и дети'.

Комплексы, построенные с помощью реляции суммирования, обладают наибольшей мотивированностью. Следует особо отметить наибольшую распространенность реляций суммирования в комплексах, обозначающих термины родства.

II. Семантические реляции могут не только суммировать значения компонентов, но и обобщать их. В этом случае значение копулятивного комплекса, хотя и включает в себя зна-

чения компонентов, но не тождественно им. Значение копулятивного комплекса может быть шире значений составляющих его компонентов. В него может входить ряд смежных значений, однородных со значениями компонентов. В этом случае оно является обозначением родового понятия, характерные представители которого выражены компонентами, образующими комплекс. С помощью данных реляций образуются комплексы с абстрактным или обобщающим значением.

Примеры:

цзыди 'сын — младший брат' = 'младшие', 'младшее поколение';

инхуань 'море — суша' = 'мир, земной шар';

циншоу 'птицы — звери' = 'животные'.

Копулятивные комплексы могут образовываться в результате переосмысления значений компонентов. В результате объединения значений компонентов происходит их переосмысление и перенос значения в иную сферу. Примеры:

нюма 'корова — лошадь' = 1) 'коровы, лошади, рабочий скот'; 2) 'рабы', 'рабский, кабальный';

мэйцзе 'брови — ресницы' = 1) 'выражение лица'; 2) 'находиться в непосредственной близости'; 'неминуемый, близкий';

таочжу 'обжигать глину — плавить металл' = 1) 'обжигать и плавить'; 2) 'перевоспитать, просветить';

синьсуань 'горький — кислый' = 'горестный, тягостный', 'муки, страдания';

синьсюе 'сердце — кровь' = 'помыслы, душевная сила (энергия)';

мяньму 'лицо — глаза' = 1) 'лицо, выражение лица'; 2) 'облик, сущность';

хоушэ 'горло — язык' = 'голос, рупор, глашатай';

яньму 'глаз — глаз' = 1) 'глаза'; 2) 'важный пункт'.

Реляции суммирования и переосмысления во многих случаях объединяют значения компонентов, обозначающих части организма.

Среди комплексов, образованных с помощью реляций переосмысления, выделяется группа особо переосмысленных, немотивированных. Источником их происхождения являются выражения, связанные с историческими фактами, мифологией, специальной терминологией.

маодунь 'копье — щит' = 'противоречие';

гуйцзюй 'циркуль — угломер' = 'порядок, правила приличия';

сяоси 'исчезать — появляться' = 'новости, известия'.

III. Семантическая реляция может выражать поглощение значения одного компонента другим. Семантическая реляция поглощения занимает особое место среди других видов реляций. С помощью данной реляции образуются копулятивные

комплексы, значения которых тождественны значению только одного из компонентов. Другой компонент не оказывает никакого влияния на значение комплекса и, следовательно, теряет свою семантическую равноправность. Эти комплексы можно назвать квазикоуплятивными комплексами. Примеры:

юаньпу 'сад — огород' = 'огород';

тунло 'медь — хром' = 'хром';

цзичжу 'ткацкий станок — ткацкий челнок' = 'ткацкий станок';

ганте 'сталь — железо' = 'сталь'.

Ю. А. РУБИНЧИК

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

(на материале персидского языка)

Изучение семантики фразеологических единиц (далее — ФЕ) происходило главным образом под углом зрения определения статуса фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Теоретические взгляды на фразеологию акад. В. В. Виноградова, основанные на анализе общего значения ФЕ и на возможности выведения этого значения из значений составляющих компонентов, послужили толчком к изучению семантической структуры различного типа устойчивых словосочетаний. Семантические критерии, выработанные В. В. Виноградовым на основе изучения фразеологии русского языка, впоследствии были положены в основу классификации ФЕ авторами многих работ по фразеологии различных языков. Труды В. В. Виноградова в течение многих лет оказывали большое влияние почти на все исследования по фразеологии, ибо они, по образному выражению А. В. Кунина, «заполнили ту брешь, которая образовалась ввиду недостаточного изучения семантики устойчивых сочетаний слов» [5, 270].

И только в последние годы, когда наметился новый подход к фразеологии как особому уровню языка, существующему так же самостоятельно, как и уровень лексики, многие ученые стали подчеркивать специфику значения ФЕ, указывая на неправильность отождествления его с лексическим значением слов [7, 205]; [8, 232]. Стали появляться работы, в которых дается более детальное описание значений фразеологизмов, анализируются пути образования значений ФЕ, делаются попытки наметить основные типы фразеологических значений [5, 316—328]; [4]; [3, 50—51]; [7].

Фразеологизм, будучи устойчивым сочетанием слов, представленным как минимум двумя лексемами, и обладая

нечленимостью значения, по своей семантике резко отличается от переменных словосочетаний, в которых каждое слово сохраняет лексическое значение. Именно слитность, нечленимость значения, послужившая основой для выделения устойчивых словосочетаний в особый разряд, рассматривается в настоящее время многими фразеологами как один из релевантных признаков ФЕ. Указывая на глобальность значения, выражаемого ФЕ, О. С. Ахманова характеризует это семантическое свойство как «цельность номинации»: «Можно сказать, что во фразеологической единице „цельность номинации“ довлеет над структурной раздельностью...» [2, 169].

ФЕ, как и слово, характеризуется постоянством своего значения. Но гораздо важнее подчеркнуть особый характер значения ФЕ, основанный на ее лексемном составе и поэтому отличный от лексического значения слова. «...Значение ФЕ качественно отличается как от значения слова, так и от значения свободного словосочетания или предложения. Есть основания говорить о значении ФЕ как особом *фразеологическом значении*» [1, 124]. Подчеркивая специфику фразеологического значения, В. Л. Архангельский справедливо указывает на то, что слитность значения ФЕ противостоит монолитности значения отдельного слова; глобальность значения устойчивого сочетания слов отличается от аналитичности значения свободного словосочетания и предложения [1, 124, 216—219].

Итак, если в отношении слова мы говорим о лексическом значении, то в отношении ФЕ следует говорить об особом значении — фразеологическом¹.

Проблема значения ФЕ является новой и почти не разработанной. Слабо изучены взаимоотношения лексического и фразеологического значений, не установлены и слабо исследованы типы значений ФЕ.

Невозможно изучать семантику фразеологии без учета определения объема фразеологии, без рассмотрения своеобразия значений основных структурно-семантических типов ФЕ. Строение ФЕ весьма существенно сказывается на характере фразеологического значения, ибо различия в плане выражения, как правило, сопровождаются различиями в плане содержания. И хотя ФЕ представляют собой образования,

¹ Хотя во многих работах по фразеологии убедительно показаны особенности значения фразеологизмов по сравнению со значением слов, а за фразеологией признается право существования как самостоятельной лингвистической дисциплины, тем не менее некоторые авторы все еще употребляют термин «лексическое значение фразеологизма». Поэтому нам представляется справедливым замечание И. И. Чернышевой о неправомерности использования этого термина в настоящее время [8, 232].

компоненты которых тесно связаны между собой, степень этой связи далеко не одинакова в различных типах фразеологизмов. Общим для фразеологического значения разных структурных типов ФЕ является то, что их значение передается не словом, а описательным оборотом.

В данной статье основой для анализа фразеологического значения служит персидская фразеология. Здесь обобщаются лишь некоторые результаты наблюдений над характером значений, выражаемых разными типами ФЕ. Однако, поскольку основные структурные типы персидской фразеологии исследованы еще недостаточно глубоко, наши выводы носят предварительный характер и имеют целью наметить пути дальнейшего, более углубленного анализа фразеологического значения и выделения типов значений ФЕ.

Ознакомление с большим фразеологическим материалом персидского языка в процессе работы над составлением двухтомного персидско-русского словаря показало, что ФЕ персидского языка целесообразно классифицировать на основе структурно-семантического принципа [6, 205—207]. Это позволяет наиболее полно и объективно охватить разновидности ФЕ персидского языка и отражает основные функции (номинативную и коммуникативную), выполняемые фразеологизмами. Такой подход вызван также и тем, что основные синтаксические единицы языка — словосочетание и предложение, служащие структурной моделью для ФЕ, — имеют в персидском языке строгий и четкий порядок расположения своих членов; в атрибутивных словосочетаниях (за исключением некоторых случаев, которые строго регламентированы) определяемое предшествует определению, а в предложении сказуемое всегда занимает последнее место. В связи с этим количество структурных разновидностей ФЕ ограничено и может быть подвергнуто более четкому и объективному описанию. Нельзя также не учитывать и практического значения структурно-семантической классификации фразеологии: она облегчает лексикографическую инвентаризацию персидских фразеологизмов.

Согласно структурной классификации выделяются ФЕ, соотносимые со словосочетаниями, и ФЕ, соотносимые с предложениями². Вполне естественно, что в соответствии с этим делением следует говорить и о разном характере значений, выражаемых различными структурными типами ФЕ. Так,

² Далеко не все фразеологи устойчивые предложения включают в состав фразеологии. Некоторые ученые не считают возможным относить к фразеологии устойчивые предикативные сочетания слов и предложения на том основании, что это якобы нарушает принцип структурного единообразия (С. И. Ожегов, Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин и др.). Однако, на наш взгляд, такой подход к объему фразеологии не является достаточно аргументированным.

значение таких ФЕ, как *zāng-e dāl* 'горе, печаль' (букв. 'ржавчина сердца'), *bā xun-ə dāl* 'с большим трудом' (букв. 'с кровью сердца'), *sārma xordān* 'простужаться' (букв. 'холод есть'), являющихся по форме разными типами словосочетаний, носит номинативный характер, а значение ФЕ-предложений *nādār-ām niš-e češm-ām amād* 'я света невзвидел', 'я дошел до изнеможения' (букв. 'мой отец перед моими глазами явился'), *dūd āz sār-ām bolānd šod* 'я был ошеломлен' (букв. 'дым из моей головы поднялся') — коммуникативный характер.

Определение характера значений ФЕ зависит от определения объема фразеологии, от понимания природы устойчивости ФЕ, от включения или невключения словосочетаний разной степени устойчивости в состав фразеологии. Среди лингвистов нет единого мнения на этот счет. Оставляя в стороне отдельные несущественные различия во взглядах исследователей, отметим, что по вопросу об объеме фразеологии наметилось два основных направления: сторонники широкого понимания объема фразеологии считают, что объектом ее изучения должны быть все устойчивые сочетания слов (В. Л. Архангельский, Н. М. Шанский и др.); сторонники узкого понимания включают в состав фразеологии устойчивые сочетания слов немоделированного характера с полностью или частично переосмысленным значением (Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, И. И. Чернышева и др.). Сторонники второй точки зрения выводят за пределы фразеологии все, по их терминологии, «устойчивые образования нефразеологического типа» (моделированные образования, различного рода названия, составные термины с непереосмысленным значением компонентов и т. д.).

Структурно-семантические особенности ФЕ персидского языка не дают возможности исключить моделированные образования из состава фразеологии. Так, среди сложных глаголов персидского языка, являющихся одной из разновидностей глагольных фразеологизмов, выделяются глагольные словосочетания, строящиеся по одинаковым структурно-семантическим моделям (моделированные образования), и глагольные словосочетания — собственно фразеологизмы. Можно ли, не нарушая единого структурного принципа классификации, одни устойчивые словосочетания типа сложного глагола включать в состав фразеологии, а другие — как устойчивые образования моделированного характера — выводить за пределы фразеологии? Думается, что нет. Персидские сложные глаголы, представляющие собой весьма пеструю картину как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических отношений между ними, должны изучаться в составе фразеологии. По этой же причине не следует исключать из состава фразеологии и другие устойчи-

вые словосочетания, образующиеся по определенным структурно-семантическим моделям (например, устойчивые наречные словосочетания). Моделированные словосочетания находятся на самой периферии фразеологического состава языка и нередко служат базой для образования сложных слов или превращаются в переменные словосочетания и собственно фразеологизмы.

Значение моделированных образований отличается от значения собственно ФЕ тем, что оно имеет типовой характер, его можно прогнозировать. Среди моделированных образований различаются два типа словосочетаний:

1) словосочетания, в которых сохраняются значения компонентов; примером такого рода словосочетаний служат многие персидские сложные глаголы, образованные по определенной структурно-семантической модели: *иджад кърдән* 'создавать' (букв. 'создание делать'), *азад кърдән* 'освободить' (букв. 'свободным делать'), *воджуд даштән* 'быть в наличии', 'иметься' (букв. 'наличие иметь') и т. д.;

2) словосочетания с переосмысленным значением моделирующего компонента; причем в словосочетаниях последнего типа переосмысление имеет регулярный, повторяющийся характер. Таковы, например, сложные глаголы, в которых наиболее употребительный компонирующий глагол *кърдән* 'делать' заменен на компонирующие глаголы-эквиваленты *нәмудән* 'показывать' или *сахтән* 'строить', которые утрачивают свое лексическое значение. Несмотря на эту замену, значение сложных глаголов сохраняется: *иджад нәмудән* и *иджад сахтән* 'создавать', *азад нәмудән* и *азад сахтән* 'освободить' и т. д.

Таким образом, по нашему мнению, в состав персидской фразеологии входят разного рода устойчивые сочетания слов, общее значение которых бывает не только переосмысленным, не вытекающим из значений компонентов, но и прямым, мотивированным, слагающимся из значений компонентов.

На основе анализа семантических взаимоотношений между лексемами, образующими фразеологизм, выводимости или невыводимости общего значения ФЕ из значений компонентов, можно выделить три вида фразеологических значений: мотивированное, частично мотивированное и немотивированное. Это деление охватывает наиболее общие виды семантических отношений между компонентами ФЕ, но оно, как и всякая классификация, не может отразить полностью все многообразие устанавливаемых отношений: существуют и такие разновидности фразеологических значений, которые занимают промежуточное положение между одним и другим видом.

Мотивированное значение — это такое фразеологическое значение, когда компоненты ФЕ, не теряя своего

лексического значения, образуют структурно-семантическое единство; оно непосредственно выводится из значений составных компонентов³. К числу ФЕ с мотивированным значением относятся многие персидские, сложные глаголы: *tār-dжомэ кърдән* 'переводить' (букв. 'перевод делать'), *сохән гофтән* 'говорить' (букв. 'слово говорить'), *шеркят даштән* 'участвовать' (букв. 'участие иметь') и т. д.; именные фразеологизмы-составные термины: *офунят-э хун* 'сепсис' (букв. 'заражение крови'), *машин-э джуджекеши* 'инкубатор' (букв. 'машина инкубации') и т. д.; фразеологизмы-предложения: *рәһм-әм амәд* 'мне стало жалко' (букв. 'жалость мне пришла'), *бим-э ан мирәвәд ке...* 'имеется опасение, что...' (букв. 'опасение того идет, что...') и т. д.

Частично мотивированное значение характеризуется тем, что один из компонентов ФЕ утрачивает лексическое значение, подвергается переосмыслению, а другой компонент сохраняет свое реальное значение. В ФЕ трех- и четырехкомпонентного состава переосмыслению могут подвергаться два и три компонента. Среди ФЕ с частично мотивированным значением встречаются фразеологизмы разных структурных типов: именные фразеологизмы — *доруг-э шахдар* 'явная ложь' (букв. 'рогатая ложь'), *йар-э гар* 'преданный друг' (букв. 'друг пещеры'); глагольные фразеологизмы — *фал дидән* 'гадать' (букв. 'гадание видеть'), *сих истадән* 'вставлять дыбом' (букв. 'вертелом вставлять'), *сәвар-э кар шодән* 'осваивать дело' (букв. 'на дело садиться верхом'); фразеологизмы-предложения — *сәр-әш шанэ нәдарәд* 'он не причесан' (букв. 'голова его расчески не имеет'), *һәрф-әт пиш нәмирәвәд* 'твои слова не имеют веса' (букв. 'твои слова не идут вперед') и т. д.

У ФЕ с немотивированным значением общее значение не вытекает из суммы значений составных компонентов и не создается в результате частичного изменения или ослабления этих значений, а образуется как бы заново. Новое фразеологическое значение накладывается на значения лексем, в результате чего они превращаются в строевые элементы структуры фразеологизма.

Синхронный подход к анализу немотивированного значения позволяет включить в единую группу выделенные В. В. Виноградовым такие ФЕ, как «фразеологические сращения» и «фразеологические единства», поскольку для определения немотивированности значения несущественно, каким путем образовался тот или иной фразеологизм и совпа-

³ Данное понимание мотивированности следует отличать от другого понимания мотивированности как особого образного значения ФЕ, которое легко выводится из переменного словосочетания такого же лексемного состава.

дает ли он по форме со свободным словосочетанием того же лексического состава. Немотивированное значение свойственно всем структурным типам персидских фразеологизмов: именным ФЕ — *горг-е барандидэ* 'стреляный воробей' (букв. 'волк, выдавший дождь'), *аз бад-э һава* 'из ничего' (букв. 'из ветра воздуха'); глагольным ФЕ — *сәрма хордән* 'простужаться' (букв. 'холод есть'), *дуд-э черағ хордән* 'работать ночами' (букв. 'копоть лампы есть'); ФЕ-предложениям — *дэл-әм аб шод* 'мне очень хочется' (букв. 'сердце мое растаяло'), *пәһлу-йәш чәрб әст* 'у него есть чем поживиться' (букв. 'бок его жирный') и т. д.

Подобно слову, ФЕ бывают однозначными и многозначными. И для слова, и для ФЕ характерна возможность наличия переносного значения. Однако различие между ними состоит в том, что у слова не могут быть все значения переносными, а у ФЕ все значения могут быть переносными.

В плане изучения семантической структуры фразеологизмов большой интерес представляет вопрос о путях образования основных и вторичных переносных значений. Однако еще не разработаны объективные приемы и методы обнаружения и разграничения значений ФЕ.

Среди ФЕ персидского языка, имеющих немотивированное или частично мотивированное значение, немалое количество составляют фразеологизмы с образным, метафорическим значением. Метафоричность ФЕ возникает благодаря возможности употребления тех же слов в составе аналогичных по структуре свободных словосочетаний. Сопоставление реального значения свободных словосочетаний с образовавшимся на его базе фразеологическим значением создает образность ФЕ, например: *хәрс-э тирхордэ* 'разъяренный человек' (букв. 'медведь, раненный пулей'), *зәһр-э мар* 'мерзость', 'пакость' (букв. 'яд змеи'), *бәр йәх нәвзштән* 'толочь воду в ступе' (букв. 'писать на льду'). Образное значение фразеологизма может существовать только тогда, когда оно опирается на значение свободного словосочетания того же лексемного состава.

ФЕ с образным значением включают в свой состав большое количество метафорических оборотов, имеющих устойчивый характер и получивших распространение в поэзии. Это так называемые «кенайе» ('аллегория', 'метафора'), широко употреблявшиеся в классической поэзии; многие из них перешли в современную персидскую поэзию. Образность подобного рода оборотов создается благодаря тому, что предмет или явление как бы получает новое наименование тропового характера, основанное на каких-либо его внешних или внутренних качествах или просто на субъективной оценке этих качеств мастером поэтического слова: *хәндэ-йе джам* 'блеск вина' (букв. 'улыбка бокала'), *бану-йе, мәшрэг* 'солнце'

(букв. 'госпожа востока'), *золф-э шяб* 'полная тьма' (букв. 'кудри ночи') и т. д.

Образное значение влияет на характер функционирования ФЕ: фразеологизмы с образным значением выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию в предложении. Однако экспрессивная характеристика предметов и явлений, свойственная многим ФЕ, не исключает их номинативной или коммуникативной функции, а лишь придает ей определенную стилистическую направленность.

Значение многих ФЕ создается на базе первичного метафорического сдвига, т. е. путем метафорического переосмысления значений свободных словосочетаний. Так, значения глагольных фразеологизмов *дәст-э кәс-и-ра бәстән* 'связывать кого-л. по рукам и ногам' (букв. 'руки кому-л. связывать') и *дәст-э кәс-и-ра герәфтән* 'помогать кому-л.', 'поддерживать кого-л.' (букв. 'руки кого-л. брать'), совершенно очевидно, возникли на основе переосмысления значений свободных глагольных словосочетаний.

Образное значение не является принадлежностью всех ФЕ с немотивированным или частично мотивированным значением: часть фразеологизмов полностью утратила первоначальную образность и выступает в речи в чисто номинативной функции (*сәрма хордән* 'простужаться', букв. 'холод есть', *джан сәпордән* 'погибать', букв. 'душу отдавать', *хук-е дәрйайи* 'дельфин', букв. 'морская свинья'), а некоторые фразеологизмы, видимо, вообще не имели образного значения.

Персидская фразеология включает в свой состав большое количество фразеологизмов, которые, подобно отдельному слову, вступают в синтаксические отношения с другими словами предложения, обнаруживая грамматические свойства той или иной части речи. По своим грамматическим свойствам они эквивалентны словам. Способность вступать в отношения с другими словами предложения, не будучи синтаксически разделенными на отдельные члены, свидетельствует о семантическом единстве, о семантической слитности ФЕ.

В персидском языке получили особое развитие определенные грамматические классы фразеологизмов в связи с недостаточностью выражения словами таких частей речи, как глагол, наречие, союзы, модальные слова и междометия. Среди них имеются ФЕ, которые являются единственными выразителями какого-либо понятия или употребляются чаще, чем их синонимы, обозначенные одним словом. Такого рода фразеологизмы обладают не только фразеологическим, но и определенным грамматическим значением. К их числу относятся так называемые сложные глаголы, которые в количественном отношении значительно преобладают над простыми

глаголами. С точки зрения соотнесенности сложных глаголов с простыми можно выделить две группы: сложные глаголы, обозначающие действия, которые не выражаются простыми глаголами (т. е. язык не знает однословного выражения этих действий), и сложные глаголы, выступающие как стилистические или семантические синонимы простых глаголов. Благодаря компонирующему глаголу сложные глаголы получают все грамматические свойства глагола. По своей семантической структуре они, как правило, лишены внутренней образности и эмоционально-экспрессивной окрашенности и выполняют номинативную функцию. Сложные глаголы образуют наиболее продуктивный и структурно однотипный класс фразеологизмов персидского языка.

Значительное количество устойчивых словосочетаний используется в роли наречий. Фразеологические словосочетания употребляются также в роли союзов, модальных слов и междометий.

Наличие большого количества ФЕ, выполняющих одинаковые грамматические функции, позволяет выделить классы ФЕ с одинаковым категориальным (грамматическим) значением, а у относящихся к этим классам ФЕ — особое фразеолого-грамматическое значение.

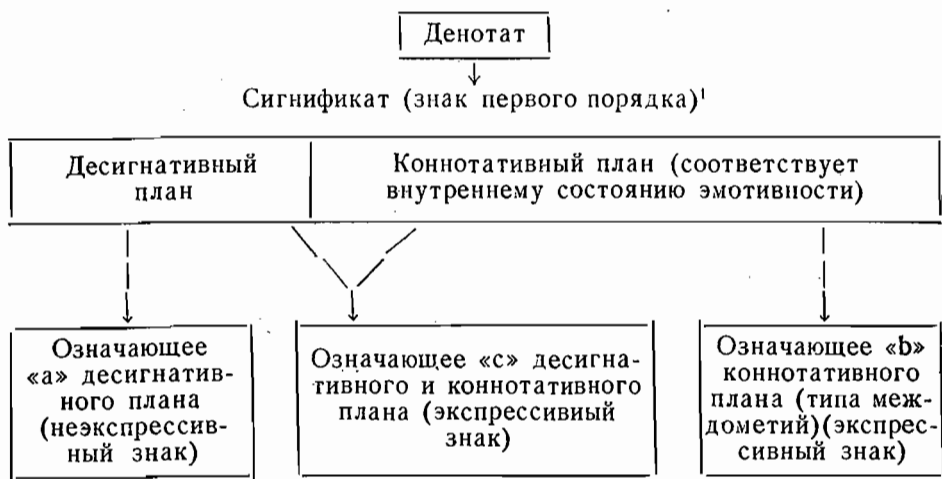
ЛИТЕРАТУРА

1. В. Л. Архангельский, Устойчивые фразы в современном русском языке, Ростов-на-Дону, 1964.
2. О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957.
3. В. П. Ж у к о в, Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом, — «Вопросы фразеологии. III, Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои», новая серия, вып. № 178, Самарканд, 1970.
4. М. М. К о п ы л е н к о, З. Д. П о п о в а, Лексемы и фразеосочетания как объекты языкознания, — «Вопросы фразеологии. III, Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои», новая серия, вып. № 178, Самарканд, 1970.
5. А. В. К у н и н, Английская фразеология, М., 1970.
6. Ю. А. Р у б и н ч и к, О структурной классификации фразеологических единиц (на материале персидского языка), — сб. «V межвузовская научная конференция по иранской филологии (Тезисы докладов)», Душанбе, 1966.
7. М. Т. Т а г и е в, К проблеме разграничения типов значений лексических и фразеологических единиц, — сб. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе», Вологда, 1967.
8. И. И. Ч е р н ы ш е в а, Некоторые семантические категории фразеологии в сопоставлении с категориями лексики (на материале немецкого языка), — «Вопросы фразеологии. III, Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои», новая серия, вып. № 178, Самарканд, 1970.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В настоящей статье под идиоматическими единицами мы будем понимать такие языковые единицы, в которых хотя бы один компонент, непременно встречающийся в составе других единиц, имеет такой перевод, которого он не имеет вне данных единиц. Другими словами, мы принимаем известное определение идиоматичности, данное И. А. Мельчуком [3, 76].

Под экспрессивностью мы будем понимать выражение внутреннего состояния самого говорящего (эмотивность). Таким образом, средства экспрессивности будут планом выражения (означающими) для внутреннего эмоционального состояния говорящего (означаемого) [6, 83]. В связи с этим можно построить следующую схему преобразования знаков:

Три разновидности знаков второго порядка
(языковые знаки)

Автор приносит глубокую благодарность А. В. Зубову, М. М. Копыленко, И. А. Мельчуку, В. Н. Телия и Е. Н. Толикиной, ознакомившимся с первоначальными вариантами статьи и сделавшим ценные замечания.

¹ О возможности рассматривать план «смысла», план отражения ситуации в мозгу человека как знак см. работу Ю. С. Степанова [6, 87—91].

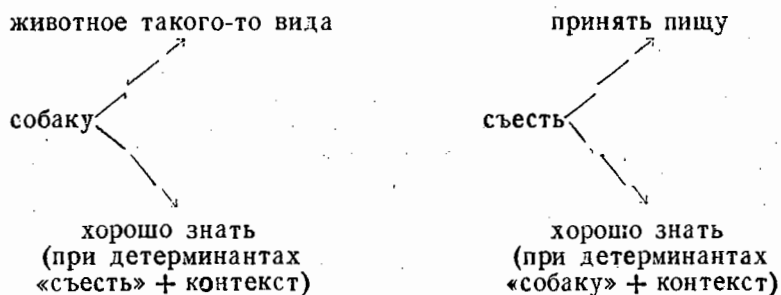
Из схемы видно, что мы рассматриваем знак не как двустороннюю, а как одностороннюю сущность, только как означающее [5, 214—223]. Означающее хотя и предполагает наличие означаемого, но функционирует независимо от него, имеет собственные законы существования. Относительная независимость означающего от означаемого подтверждается фактами «принятия» означающими новых означаемых и т. п.

Важно подчеркнуть, что экспрессивные знаки («b» и «с» на схеме) служат не только для выражения внутреннего состояния субъекта, но могут служить и для воздействия на внутреннее состояние собеседника.

Можно предположить, что означающие типов «а», «b», «с» различаются не только характером своего внутреннего содержания, но и своими внешними свойствами. В настоящей статье мы не ставим целью анализировать свойства различных экспрессивных знаков, а попытаемся лишь рассмотреть отношение идиоматических знаков и экспрессивности.

Мы исходим из предположения, что план коннотативно-эмотивный в противопоставлении плану десигнативному должен быть в какой-то мере специфическим, поскольку противопоставление десигнативного коннотативному подобно противопоставлению стилистически нейтрального стилистически окрашенному.

Мы считаем, что специфичность функции языковых знаков в составе идиоматических единиц обусловлена разрывом той связи означающего с означаемым, которая интуитивно, в силу высокой частотности воспроизведения, представляется «естественной», само собой разумеющейся, и с установлением связи этого означающего с другим означаемым, для которого в свою очередь в большинстве случаев есть свое «естественное» означающее. Таким образом, существует необходимая связь потенциальной экспрессивности знаков с их асимметрией [2, 85—90]. Схематически изложенные выше рассуждения можно изобразить следующим образом:

Верхние стрелки обозначают более прочную, устойчивую связь означающего и означаемого. Нижние стрелки обозначают неожиданное, специфическое функционирование знака.

Для смысла «хорошо знать», «разбираться» есть более употребительные и более мотивированные означающие.

Видимо, экспрессивность как качественная категория должна быть связана с количественной стороной. Для установления характера взаимосвязи между этими сторонами необходимы психологические эксперименты. Однако и сейчас можно предполагать, что частое употребление идиом снижает их экспрессивность, а идиомы, чрезвычайно часто (относительно других средств выражения) употребляемые для передачи какого-либо смысла, и вовсе не являются экспрессивными. Это, например, терминологические словосочетания типа *железная дорога* (это словосочетание идиоматично потому, что оно обозначает дорогу, но не из железа, ср. англ. *railway* букв. 'рельсовый путь'), *холодное оружие* — араб. *силāḫ* 'абйад' букв. 'белое оружие' и т. п.

Возникает вопрос, все ли терминологические идиомы неэкспрессивны? Можно предположить, что, несмотря на прочную связь означающего и означаемого такие терминологические идиомы, как араб. *мāлику-л-ḫазйн* 'цапля', букв. 'грустный правитель', *химару-з-зарад* 'зебра', букв. 'осел кольчуги', сохраняют свою экспрессивность благодаря конкретной, наглядной образности и относительно слабой мотивированности [10, 446—447].

Однако подобные случаи не противоречат тому положению, что воспроизводимость идиом и единственность (или преимущественность) их связи с означаемым являются деэкспрессирующими факторами. Именно поэтому в идиоматике широко прибегают к синонимии². Широко распространена синонимия в таких идиоматических знаках, как пословицы [9, 230]. Для выражения одной обобщенной ситуации (или самых различных частных ситуаций) могут быть использованы различные идиоматические знаки коммуникативного уровня, т. е. пословицы. Например, в современном арабском языке для выражения общей идеи «способности (навыки, умения) родителей передаются детям» употребляются пословицы: «Детеныш гуся — пловец» (*'ибн 'ил-йизз 'аўйām*); «Утенок — пловец» (*фарḫ 'ил-батт сāбиḫ*); «Детеныш мыши — мастер копать» (*бинт-'ил фāра хэффāра*); «Щенок — мастер лаять» (*джирй 'ил-калб нāбиḫ*). Видимо, стремлением к экспрессивности, стремлением избежать повторяемости вызвано нередкое использование окказиональных, индивидуальных идиом. Именно среди идиоматических знаков наибо-

² Литературу о синонимии в области фразеологии см. у В. Т. Шклярова [13, 227—232]. Одной из причин возникновения синонимов, вообще может быть стремление выразиться пооригинальнее, повысить выразительность. Но дальнейшая воспроизводимость, повторяемость сводит эту выразительность на нет. Возможно, что этот процесс является одним из немаловажных факторов развития языка.

лее распространены окказионализмы. Еще одним из средств избежать повторяемости идиом является распространенность их вариантов³.

Интересно, что идиоматические экспрессивные знаки нередко употребляются для того, чтобы расширить шкалу экспрессивности для выражения оценочных смысловых параметров, таких, как Magn, AntiMagn, Bon, AntiBon [1, 187—188].

Для иллюстрации этого можно построить такую приближительную⁴ схему.

	Magn для «знать»
идиомы	5 — собаку съест (склеенный Magn типа ливень для дождь [1, 195])
	4 — (знать) как свои пять пальцев
	3 — превосходно (знать)
	2 — очень хорошо ⁵ (знать)
	1 — хорошо ⁵ (знать)

Выражение с помощью идиом смысловых параметров Magn, Bon, AntiMagn, AntiBon, видимо, является универсалией. Анализ идиом арабского литературного языка [8, 31—179] показал большую распространенность среди идиом единиц, представляющих собой склеенный Magn. Приведем некоторые примеры:

дараба сафхан 'анху 'пренебрегать, не обращать никакого внимания' (букв. 'ударить от него поверхность', ср. 'ах-мала 'пренебрегать'; приведенная идиома как бы равна 'ахмала + Magn;

биқаḍḍихим ўа қаḍḍихим 'целиком и полностью', букв. 'с песком и с галькой' (-*джамī* 'ухом — все + Magn);

сақилу-д-дам 'скучный, неприятный, противный (о человеке)' — склеенный AntiBon, букв. 'тяжелый кровью'.

Склеенный Magn содержится и в таких идиомах как *сәйлисату-л-асәфй* 'худшее из зол', букв. 'третья опора для установки котелка'; *фаркату ка'бин* 'рукой подать, очень близко', букв. 'растирание каблука'.

Ряд подобных примеров можно было бы продолжить.

³ Проблемам вариантности фразеологических единиц посвящен целый раздел в сб. «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц» (Тула, 1968, стр. 120—189), см. также работы В. Н. Телии [14]; [15, 172—188].

⁴ Построение не приближительной, а точной схемы возможно было бы, если бы фиксировалась реакция реципиента на знаки объективным образом. Поскольку такой фиксации нет, порядок расположения приведенных сочетаний строится на основе интуиции. Однако внесение каких-либо изменений в порядок расположения словосочетаний не может принципиально повлиять на ход наших рассуждений.

⁵ Хорошо здесь выступает в функции именно Magn, а не Bon. «Хорошо» можно знать и дурного человека. Ср. более «корректный» Magn у А. С. Пушкина в «Выстреле»: *Я его очень знал.*

Среди идиом распространены и «несклеенные» Magn'ы типа *тафаррақа 'айдй сабй* 'рассеяться, разойтись в разные стороны', букв. 'разойтись руками Сабы'; *самту л-кубур* 'гробовое молчание'; *бисур'ати-л-барақ* 'с быстротой молнии'.

Схему возрастания степени экспрессивности можно построить и для предписывающих (prescriptive), по Ч. Моррису, знаков [12, 4]:

Уйди! Пошел вон!

Убирайся ко всем чертям (сложный знак идиоматичен, так как содержит компонент с единичным переводом, не идет речи ни о каких «чертях»).

Соответственно возрастает коннотативность и убывает десигнативность.

Как экспрессивными, так и неэкспрессивными могут быть и идиомы морфологического и синтаксического уровней языка [4, 13]; [7, 120—122]. Лишенными экспрессивности окажутся идиоматизмы, которые привязаны достаточно прочной связью к означаемым, либо такие грамматические идиоматизмы, в которых нарушение грамматических норм регулярно (так, глагол *лайса* 'не быть', 'не являться' в арабском литературном языке всегда употребляется только в форме прошедшего времени, а переводится настоящим временем, и имеет нарушения в спряжении).

Экспрессирующим, создающим то или иное впечатление, является факт смешения стилей (например, эффект употребления того же глагола *лайса* в стиле бытового общения).

Интересно, что местные, диалектальные, грамматические или лексические нарушения неэкспрессивны, не создают впечатления, неконнотативны среди носителей этого диалекта [*быват, делат, вкусная яблока, адя (пойдем)* — примеры из речи русских жителей Мордовской АССР], но они воздействуют каким-либо образом (удивляют, неприятно поражают и т. п.) на людей, не являющихся носителями этого диалекта. Экспрессивно всякое необоснованное смешение стилей. Поэтому странно, «чуждо» использование литературного арабского языка в стиле бытового общения.

В результате изложенного выше можно сделать следующие выводы: 1) хотя некоторые идиоматические единицы могут быть лишены экспрессивности, главным свойством большинства идиоматических средств как специфических языковых единиц является экспрессивность; 2) большинство идиоматических единиц имеют как экспрессивную (коннотативную), так и денотативную функции. Однако назначение идиоматических единиц заключается главным образом в их экспрессивности, поскольку для выражения чисто денотативного плана существуют другие языковые средства. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением о том, что «фразеологиче-

ским единицам свойственна прежде всего номинативная функция» [11, 187]; а эмотивная функция якобы «является вторичной»; 3) деэкспрессирующими факторами идиом можно считать повторяемость и мотивированность.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, — «Проблемы кибернетики», вып. 19, М., 1967.
2. С. Карцевский, Об асимметричном дуализме лингвистического знака, — в кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, М., 1964.
3. И. А. Мельчук, О терминах «устойчивость и идиоматичность», — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.
4. И. А. Мельчук, Обобщение понятия фразеологизма (морфологические «фразеологизмы»), — «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов межвузовской конференции 30 мая — 2 июня», Череповец, 1965.
5. В. М. Солнцев, Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания, — сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», — сб. М., 1970.
6. Ю. С. Степанов, Семиотика, М., 1971.
7. В. Д. Ушаков, Идиоматичность как свойство языка на разных уровнях, — «Народы Азии и Африки», 1970, № 3.
8. В. Д. Ушаков, Несвободные словосочетания в современном литературном арабском языке, канд. дисс., М., 1964.
9. В. Д. Ушаков, Соотношение слова и фразеологизма (на материале арабского языка), — «Вопросы фразеологии, III, Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои», новая серия, вып. № 178, Самарканд, 1970.
10. В. Д. Ушаков, Термины «мотивированность» и «немотивированность» в связи с классификацией идиоматических словосочетаний (на материале арабского литературного языка), — сб. «Семитские языки», вып. 2 (ч. 2), М., 1965.
11. А. М. Эмирова, О соотносительности содержательной структуры фразеологической единицы и ее компонентов слов, — «Научная конференция. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов», ч. II, Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, М., 1971.
12. Ch. W. Morris, Signification and Significance, a Study of the Relations of Signs and Values, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge (Mass.), 1964.
13. В. Г. Шкляр, О словаре фразеологических синонимов, — сб. «Проблемы фразеологии. Материалы и исследования, М.—Л., 1964.
14. Гелия, Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка, автореф. канд. дисс., М., 1968.
15. В. Н. Гелия, О вариантности слов и вариантности идиом, — «Труды СамГУ им. Алишера Навои. Вопросы фразеологии», III, новая серия, вып. 178, Самарканд, 1970.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

1. Появление нового способа для выражения нового содержания всегда связано с нуждами коммуникации. Необходимость в выражении нового содержания, однако, может столкнуться с отсутствием в данном языке специальной формы для передачи этого содержания. В этом случае приходит в движение система языка. При системном подходе к явлениям языка, представляющего собой, по словам В. М. Солнцева, целостный объект, где элементы языка находятся во взаимных отношениях [8, 11], достаточно четко выявляются причины взаимосвязи и взаимообусловленности всех языковых элементов.

1.1. Так, некоторые явления тюркских языков с позиций системной лингвистики были рассмотрены Г. П. Мельниковым. Г. П. Мельников определяет язык как некую адаптивную систему, главной характеристикой которой является способ функционирования. Присущий каждому отдельно взятому языку свой способ функционирования создает такие условия, при которых в результате адаптации языка все его элементы оказываются в определенной взаимосвязи, необходимой для обеспечения этого способа функционирования [6, 6].

При своем функционировании всякий язык, как известно, стремится к экономии средств [4]. Но та сфера, в которой проявляется экономия в языках различных типов, неодинакова. Так, всю систему тюркских языков пронизывает экономия служебных элементов. Она проявляется на всех языковых уровнях и является основным способом функционирования языка, его детерминантой [5, 123]. Поскольку в соответствии с принципом экономии служебных элементов в тюркских языках существует тенденция избегать употребления словообразовательных элементов там, где содержание достаточно очевидно из контекста, в этих языках весьма

распространено употребление чистых корней в качестве самостоятельных лексических единиц. А когда в речи возникает необходимость конкретизировать содержание, то это достигается синтаксическими средствами, т. е. в состав высказывания приходится вводить уточняющие слова или расширять контекст.

1.2. Таким образом, если признать, что турецкий язык представляет собой самонастраивающуюся систему, которая на всех ярусах стремится к экономии служебных элементов, то можно объяснить тот факт, что в этом языке при выражении нового содержания вспомогательную роль в случае необходимости могут иногда принимать на себя полнозначные слова. Использование во вспомогательной роли довольно большого количества полнозначных слов весьма распространенное явление в турецком языке, и возможно оно потому, что значение тюркского слова в большинстве случаев имеет менее конкретный характер по сравнению со значением соответствующих слов большинства европейских языков. Например, слово в русском языке включает в свою структуру уточняющие его семантику элементы языка, что позволяет ему передавать мельчайшие оттенки значений: «ехать», «выехать», «заехать», «переехать», «поехать», «подъехать» и т. д.; в турецком же языке подобного рода оттенки значения слова, как правило, не находят выражения в структуре слова. Так, глагол *gitmek* в турецком языке передает общую идею удаления от какого-либо места и соединяет в себе такие значения, как «уходить», «идти», «отправляться», «уезжать», «ездить», «исчезать», «расходошаться» и т. д.

Установление и выявление лексического значения отдельно взятого слова в турецком языке связано с большими трудностями, поскольку тюркское слово как элемент адаптивной системы с детерминантой экономии служебных элементов призвано весьма разносторонне обслуживать речь. Так как для тюркского слова, как было сказано выше, характерна неконкретность содержания, оно может в разнообразных ситуациях обозначать категориально разнородные явления. Например, общеизвестно, что в тюркских языках роль наречия могут выполнять прилагательные (ср. *güzel kız* 'красивая девушка', *kız güzel yazıyor* 'девушка красиво пишет'). Некоторые из них в свою очередь могут в определенных контекстах выступать в роли имени существительного (*güzel* 'красавица').

2. В лингвистической литературе в работах многих советских и зарубежных ученых значение слова исследуется с различных позиций. Однако все исследователи единодушны в том, что смысловое содержание слова в большинстве случаев раскрывается как совокупность ряда значений. Одни предлагают для многозначного слова выделить «общее зна-

чение слова» и «частное значение слова» [9]; другие считают, что слово имеет основное номинативное значение и производное значение [1] или же что деривационная структура полисемии слова характеризуется тем, что слово имеет одно основное, или главное, значение, а другие значения этого слова находятся в прямом или косвенном подчинении к главному [2]. Несомненно одно, и об этом говорят все исследователи,— слово в речевой ситуации актуализирует только одно свое значение. Но остается неясным, какое из своих значений актуализирует, например, тюркское слово и как это значение может быть выявлено.

2.1. Сколько значений имеет тот или иной простой глагол в турецком языке? Примерно так был в свое время поставлен вопрос К. М. Любимовым, который утверждал, что турецкий глагол *kesmek* имеет одно нечленимое значение и это значение лучше всего передается русским словом «прерывать» [3, 80]. Частные значения турецкого глагола выявляются в контексте и находятся в прямой зависимости от слов, окружающих простой глагол. Стало быть, для турецких глаголов «истинные значения» (термин К. М. Любимова) могут быть выявлены только в контексте.

Г. П. Мельников подобное значение называет «опорным значением слова». Опорные значения, представляющие собой «мыслительные единицы», не являются, по словам Г. П. Мельникова, актуализированными единицами, а служат лишь «посредником между знаком и конкретным сигнификатом», который по отношению к опорному значению является актуальным значением [7, 128]. Таким образом, применительно ко многим турецким словам можно сказать, что они имеют одно опорное значение, передающее неконкретное содержание. Это неконкретное содержание слова наполняется конкретным для каждого случая его употребления содержанием при прямой или переносной актуализации его в определенном контексте. Но, как известно, сам контекст может быть свободным и несвободным. И от того, в каком контексте используется турецкое слово, оно выступает в различных актуальных значениях — свободном и связанном. При употреблении в свободных конструкциях реализуется номинативно-актуальное значение слова, выявляемое и устанавливаемое для данного конкретного контекста. Это значение слова находится в прямой зависимости от окружающих слов, от позиции, занимаемой данным словом в речевой ситуации, а также от лексико-семантического и структурно-грамматического оформления окружающих слов. А частота и регулярность употребления слова в номинативно-актуальном значении в определенных окружениях дифференцирует, профилирует то или иное его значение. Так в языке устанавливаются узуальные значения данного слова, которые затем получают

отражение в толковых и иных словарях при сохранении опорного значения.

Вместе с тем известно, что для определения места слова в лексической системе языка большое значение имеет анализ функционирования данного слова вне его непосредственных прямых и переносных актуально-номинативных значений, использования слова во фразеологических единицах и функционирования его в служебной роли.

При употреблении слова во фразеологизме оно актуализируется в несвободном контексте, где, как правило, нет прямой связи между значениями компонентов и значением фразеологизма как целого. При этом приходят в движение всякого рода метафорические, ассоциативные и иные формально не находящие отражения в тексте факторы. Слово во фразеологизме не теряет связи с опорным значением, а актуальные значения его во фразеологизме выявляются лишь при сочетании или с одним словом, или с определенным кругом слов. Такое значение слова можно назвать фразеологически-актуальным значением слова. Смысловое содержание фразеологизма как целого в этом случае, т. е. как единицы узуса, индивидуализировано так же, как семантика отдельно взятого слова.

3. В данной статье исследуется функционирование слова во фразеологической единице, а именно рассматриваются случаи формирования смысловой структуры у некоторых глагольных фразеологизмов турецкого языка.

С точки зрения системного подхода к явлениям турецкого языка материалом для выражения нового понятия во всех случаях служит имеющийся на данный момент его существования элемент языка или комбинация языковых элементов, а суть языковых изменений, происходящих при образовании нового содержания, сводится к переосмыслению прежних имеющихся уже в языке структурно-грамматических и лексико-семантических факторов. Вследствие этого процесса в языке происходит перераспределение, переосмысление семантических и функциональных признаков, объединение языковых элементов, которые и синтезируют в себе семантические и грамматические признаки элементов языка, образуя новое содержание. При образовании некоторых глагольных фразеологизмов в турецком языке полнозначные слова в составе последних выступают как факторы формирования нового языкового содержания при обязательном сохранении определенного структурно-грамматического и лексико-семантического оформления. Все языковые элементы глагольных фразеологизмов находятся в определенной взаимосвязи и взаимозависимости. Расхождение, например, в грамматическом оформлении именного компонента сигнализирует об изменении семантики глагольного компонента.

Как уже говорилось, в своих рассуждениях мы исходим из того, что смысловое содержание слова заключено в опорном значении, а во фразеологической единице слово совместно с другим словом выступает как языковой элемент, используемый для образования нового языкового содержания за счет актуализации одной из своих семантических возможностей, вытекающей из опорного значения. Поскольку речь идет о глагольных фразеологизмах, семасиологическому рассмотрению подверглись глагольные компоненты.

3.1. Турецкий глагол направленного действия *gelmek*, опорное значение которого «прибывать», при использовании его в свободных словосочетаниях передает такие значения, как «прибывать», «приходить», «приезжать», «идти», «наступать», «подходить», «соответствовать», «получаться» и т. д. «Türkçe Sözlük» (толковый словарь турецкого языка) для слова *gelmek* выделяет 27 прямых и переносных значений. Тот же самый глагол *gelmek*, выступая в роли компонента турецких глагольных фразеологизмов, каждый раз получает свое особое значение, отличное от номинативного значения, которое актуализируется в свободных конструкциях.

Поскольку лексико-семантическое и структурно-грамматическое оформление компонентов фразеологизма играет смысловозначительную роль, фразеологизмы рассматриваются ниже по структурно-семантическим моделям.

1) *Gelmek* передает значение «направленность действия на приобретение того, что обозначено именным компонентом». Именной компонент в дательном падеже: *vücade gelmek* 'появляться', 'возникать' (*vücut* 'тело'); *meydana gelmek* 'появляться', 'возникать', 'образовываться' (*meydan* 'площадь'); *dine gelmek* 'стать на истинный путь', 'образумиться' (*din* 'религия'); *yola gelmek* 'образумиться', 'исправиться' (*yol* 'путь'); *insafa gelmek* 'стать справедливым', 'прислушиваться к голосу совести', 'сжалиться' (*insaf* 'справедливость'); *merhamete gelmek* 'проявлять милосердие', 'сожалеть' (*merhamet* 'милосердие', 'жалость', 'сожаление'); *dile gelmek* 'заговорить', 'обрести дар речи' (*dil* 'язык').

В толковом словаре турецкого языка глагол *gelmek*, употребляемый в составе приведенных выше фразеологизмов, выделен пометой «вспомогательный». Важно помнить, что в окказионально-вспомогательной роли глагол *gelmek* с этой семантикой может выступать только в упомянутой выше структурно-семантической модели. Употребляемый в других фразеологизмах в той же структурной, но другой семантической модели глагол *gelmek* приобретает иное значение. Ср.: *dünyaya gelmek* 'родиться', 'появиться на свет' (*dünya* 'свет', 'мир'); *hatırına geldi* 'он вспомнил' (букв. 'ему пришло на память').

2) *Gelmek* передает значение «распространение того, что

обозначено именным компонентом, на объект высказывания». Именной компонент не имеет грамматического оформления: *şüpheli olmak* 'усомниться' (*şüpheli* 'сомнение'); *meraklanmak* 'беспокоиться' (*merak* 'беспокойство'); *zarar görmek* 'испытывать ущерб' (*zarar* 'вред', 'ущерб', 'урон'); *iyi olmak* 'испытывать благоприятное действие' (*iyi* 'хороший'); *ağır olmak* 'испытывать тяжесть' (*ağır* 'тяжелый'); *fena olmak* 'испытывать неблагоприятное действие' (*fena* 'плохой').

3.2. Турецкий глагол направленного движения *düşmek* с опорным значением «падать» в свободных словосочетаниях передает следующие значения: «падать», «упасть», «свалиться»; «падать», «спадать», «стихать», «уменьшаться»; «падать», «лишаться»; «падать», «попасть», «оказаться» и т. д. Следует заметить, что общесмысловое содержание этого глагола при употреблении его в контексте с относящимся к нему именем находится в семантической оппозиции к этому имени. Толковый словарь турецкого языка выделяет для глагола *düşmek* 17 прямых и переносных значений.

С глаголом *düşmek* в турецком языке можно выделить три типа глагольных фразеологизмов, построенных по определенным структурно-семантическим моделям.

1) Глагол *düşmek* передает значение «потеря, лишение того, что обозначено именным компонентом». Предполагается, что в широком контексте предмет или явление находились в семантической оппозиции. Именной компонент в исходном падеже: *gözden düşmek* 'потерять расположение' (*göz* 'глаза'); *devletten düşmek* 'лишиться состояния' (*devlet* 'состояние'); *etten düşmek* 'похудеть' (*et* 'мясо'); *elden ayaktan düşmek* 'обессилеть', 'ослабеть' (*el* 'рука', *ayak* 'нога').

2) Глагол *düşmek* передает значение «внезапно оказаться, попасть в то положение или состояние, которое обозначено именным компонентом». С подобного рода значением глагол *düşmek* выступает в глагольных фразеологизмах, именные компоненты которых по своей семантике являются словами, передающими нежелательное для субъекта действия положение или состояние. Предполагается, что прежнее положение или состояние было противоположным. Именной компонент в дательном падеже: *belâya düşmek* 'попасть в беду' (*belâ* 'беда', 'несчастье'); *dara düşmek* 'бедствовать', 'попасть в затруднительное положение' (*dar* 'затруднительное положение'); *sıkıntıya düşmek* 'испытывать затруднения', 'затрудняться' (*sıkıntı* 'затруднительное положение'); *şüpheye düşmek* 'сомневаться' (*şüpheli* 'сомнение'); *tereddüte düşmek* 'колебаться', 'быть в нерешительности' (*tereddüt* 'колебание', 'сомнение').

3) Глагол *düşmek* передает значение «превратиться, стать (сделаться) тем, что называет именной компонент». В широком контексте предполагается наличие семантической оп-

позиции: «богатый—бедный», «здоровый—больной» и т. п. Именной компонент выступает без грамматического оформления: *hasta düşmek* 'заболеть' (*hasta* 'больной'); *şakir düşmek* 'обеднеть' (*şakir* 'бедный'); *zayıf düşmek* 'похудеть' (*zayıf* 'слабый', 'немогущий', 'худой'); *sefil düşmek* 'превратиться в жалкое существо', 'стать жалким' (*sefil* 'жалкий', 'бедный').

4. Таким образом, неконкретный характер семантики большинства турецких глаголов дает возможность языку использовать некоторые из них при формировании нового языкового содержания, что заключается в выражении конкретного действия при помощи сочетания определенных глаголов с определенными именами. Тем самым создаются не существовавшие до этого в языке новые понятия по строго установленным структурно-грамматическим и лексико-семантическим моделям. В турецком языке образование таких неразложимых на синтаксическом уровне глагольных фразеологизмов носит регулярный характер, и вовсе не обязательно, чтобы созданные в момент речи на данный случай употребления единицы стали достоянием словаря. Структурная модель глагольного фразеологизма определяет и разграничивает значение глагола.

В составе глагольного фразеологизма тот или иной глагол, создавая совместно с именем новое содержание, актуализирует в этом случае свое опорное значение. Отсюда — глагольный компонент, как правило, не поддается синонимической замене и не может быть опущен.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, — «Вопросы языкознания», 1953, № 5.
2. С. Д. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л., 1965.
3. К. М. Любимов, Сколько значений у турецкого глагола *kesmek*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 60, 1962.
4. А. Мартине, Основы общей лингвистики (принцип экономии в языке), — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.
5. Г. П. Мельников, Принцип системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии, — сб. «Структура и история тюркских языков», М., 1971.
6. Г. П. Мельников, Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики, — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6.
7. Г. П. Мельников, Типы мыслительных единиц, обозначаемые языковым знаком, — «Вопросы семантики. Тезисы докладов», М., 1971.
8. В. М. Сидлицев, Язык как системно-структурное образование, М., 1971.
9. Р. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением, — «American Contribution to the IV International Congress of Slavistics S'Grabenhage», 1958.

О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ АРАБСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Не подлежит сомнению, что фразеологизм обладает сложной смысловой структурой, которая является как бы фокусом скрещения как внеязыковых факторов, так и собственно языковых.

Смысловая структура фразеологизма несет в себе понятийную и предметную отнесенность. Понятие, выраженное тем или иным фразеологизмом, дает содержательную характеристику самым различным предметам, явлениям, отношениям, признакам и т. д. окружающей действительности. При этом понятие, выраженное фразеологизмом, не только называет предметы, явления и т. д., но и придает им выразительную и эмоциональную характеристики. В этом легко убедиться при сравнении хотя бы так называемых фразеологических серий, образованных в результате «семантической расслабленности» некоторых широко употребляемых глаголов, с теми отдельными словами, которые выражают те же самые понятия. Так, вокруг глагола *qāma bi* 'совершать, выполнять' образуются многие фразеологизмы, в каждом из которых, как известно, семантическая нагрузка всего фразеологизма лежит на неглагольном компоненте, а глагол *qāma* в результате «семантической расслабленности» приобретает новое качество — выражение совершения действия вообще. Например, *qāma bi-l-laʿibi* 'играть', *qāma bi-l-kitābati* 'писать', *qāma bi-l-qirāʾati* 'читать', *qāma bi taḥsini l-mustawa l-maʿišiyyi* 'улучшать жизненный уровень', *qāma bi-t-taʿlifi* 'писать произведение, сочинять', *qāma bi-s-safāri* 'езжать' и т. д. Такие фразеологизмы соответствуют с точки зрения выраженного понятия отдельному глаголу: *sāfara* 'езжать', *ʿallafa* 'сочинять', *ḥassana* 'улучшать', *qaraʾa* 'читать', *kataba* 'писать', *laʿiba* 'играть'.

Однако нельзя ставить знак равенства между данными фразеологизмами и синонимичными словами. Ведь фразеоло-

логизм выражает понятие с особой выразительностью, с особой экспрессией. Приведенные выше примеры показывают, что фразеологизмы данного типа вносят в понятие оттенок динамичности, ср. также: *'agrā munāqašatan* 'вести обсуждение' и *nāqaša* 'обсуждать'; *qaddama l-musā' adata* 'оказывать помощь' и *sā'ada* 'помогать'; *qaddama hadiyyatan* 'преподнести подарок, дать в подарок' и *'ahdā* 'подарить'; *'atamma tanfīda* 'завершать выполнение чего-л.' и *naffada* 'выполнять'; *'atamma taḥqīqa l-hadafi* 'завершать осуществление цели' и *ḥaqqāqa l-hadafa* 'достигать цели'.

Кроме того, смысловая структура фразеологизма имеет свою внутреннюю форму, способствующую раскрытию его образности. Характерной чертой подавляющего большинства фразеологизмов является наличие образа. Образ в арабском фразеологизме создается на основе различных видов приемов переноса значения: аллегории — *'at-tašbiḥu*, метафоры — *'al-isti'āratu*, метонимии — *'al-kināyatu*, двусмысленности — *'at-tawriyatu*, синекдохи — *'al-māgāzu l-mursalu* и приемов омонимии — *'al-ḡināsu*, синонимии — *'it-taradufu* и антонимии — *'al-muqābalatu*.

Однако следует отметить, что степень применения каждого из этих приемов относительно разных единиц фразеологической системы арабского языка неодинакова. Так, например, наивысшей степенью в создании фразеологизмов пословично-поговорочного типа обладает метонимия: *'aṭ-ṭuyūr ʿala 'aškāli-ha taqa'ū* 'рыбак рыбака видит издалека'; *kullu fa-tātin bi 'abī-ha muḡabatun* 'всяк кулик свое болото хвалит'; *'awwalu l-ḡazw 'aḥraqu* 'первый блин комом'; *taḥta ḡildi d-dā'ni qalbu l-'aḡ'ubi* 'волк в овечьей шкуре'.

Не менее употребительна и аллегория: *kamu'allimatu 'ummi-ha l-bbiḏā'ea* 'яйцо курицу не учит'; *ka-l'ibrati takṣu n-nāsa wa hiya ʿaryānatun* букв. 'как иголка одевает людей, а сама гола'.

Аллегория также характеризует почти все арабские фразеологизмы, созданные на основе употребления сравнительной степени прилагательных, например: *'ašbahu mina-l-mā'i bi-l-mā'i* 'как две капли воды'; *'aḡwa'ū min dī'bin* 'голоднее волка'; *aḥmaqu min ḡuḥa* 'глупее Гохи'.

Перенос значения широко применяется и во фразеологизмах номинативного типа: *naqqat ʿašāfiru baṭni-hi* 'живот подвело'; *raḡa'ea bi ḥuffay ḥunaynin* 'не солоно хлебавши'; *ḥa-ṣā'idu l-'alsinati*, 'бабьи сказки'; *tabilu l-yadi* 'щедрый'; *taqula sam'ū-hu* 'туг на ухо'; *ʿaḏḏa ʿala yadi-hi* 'кусать локти'; *sabara gawru-hu* 'прощупать'.

На наш взгляд, интересно было бы проследить применение того или иного приема, чтобы иметь полное представление о способах фразеологизации различного рода сцеплений слов в арабском языке. Эти приемы способствуют не только

отвлеченному обобщению отражения действительности, но и созданию экспрессивности, выразительности и эмоциональности, которые являются в той или иной мере неотъемлемой частью характеристики смысловой структуры фразеологизма.

На соотношении данных элементов основывается как объем смысловой структуры фразеологизма и закономерность его сочетаемости с другими языковыми единицами, так и существование самих фразеологизмов и группировка их в языковой системе. Анализ смысловой структуры фразеологических единиц способствует более точной передаче фразеологизмов при лексикографической разработке фразеологизмов в двуязычных словарях и при процессе перевода.

З. П. КОМОЛОВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ПРАГМОНИМОВ

(на материале товарных знаков СССР и США)

Среди различных групп имен собственных, таких, как топонимы, антропонимы, астрономимы и другие, выделяется обширная, но малоизученная группа имен собственных товаров, которые называют товарными марками или словесными товарными знаками, например: *Россия* — товарная марка часов, *Малахит* — товарная марка холодильника, *Всегда с тобой* — товарная марка духов. Выделяя данные имена собственные в отдельную группу ономастики, мы предлагаем для них термин «прагмонимы», составленный из греческих слов праγμα 'вещь, товар' и ὄνομα 'имя'.

Материалом исследования послужили около 4000 товарных марок СССР и свыше 10 000 марок США, выбранных из информационных бюллетеней, прейскурантов, из различных журналов и других публикаций.

К анализу будут привлекаться прагмонимы, образованные самыми различными способами. Представляется целесообразным перечислить ряд продуктивных способов образования прагмонимов.

Как в русском, так и в английском языке прагмонимы образуются в результате: 1) словосложения; 2) деривации; 3) сокращения; 4) переосмысления; 5) субстантивации; 6) заимствования; 7) лексикализации словосочетаний или предложений; 8) одновременного использования нескольких способов словообразования.

Примеры: 1) *Фотоснайпер* — фоторужье; *All-pure* ('все чистое') — сухое молоко;

2) *Снежана* — ткань; *Flyco* ('муха' + *-co*) — инсектицид (*-co* — суффикс, используемый в товарных марках и в названиях фирм);

3) *ИЖ* — мотоцикл Ижевского завода; *Pol* — средство для полирования металла (*polish* 'полировать');

4) *Комсомолец* — угольный комбайн; *Soul* ('душа') — вино. Отметим, что переосмыслению подвергаются как корневые слова, так и слова, являющиеся результатом сложных словообразовательных процессов;

5) *Командирские* — часы; *Universal* ('универсальная') — фольга;

6) *Рapid* — клей (<англ. *rapid* 'быстрый'); *Мелодия* — американская товарная марка грампластинок и альбомов для пластинок, зарегистрированная в русской графике;

7) *Новая заря* — стиральная машина; *Less work for mother* ('меньше работы для мамы') — мясопродукты;

8) *Алюмблеск* (сокращение + словосложение) — средство для полирования изделий из алюминия; *Miny-synch* (<*mini* + *synchronizing*; сокращение + префиксация) — генератор синхронизации.

Для исследования мотивированности прагмонимов необходимо обратиться к их значению. У имен собственных мы различаем два вида значений: 1) ономастическое и 2) доономастическое.

Ономастическое значение выделяется по образцу, данному Л. В. Щербой, который писал, что в общем словаре «личные имена и клички... не могут иметь иного определения, кроме того, что это „одно из личных имен или одна из кличек”» [7, 99]. Следовательно, ономастическое значение — это информация об имени собственном, ограничивающаяся указанием на то, к какой группе имен собственных оно относится. Эта информация и должна составлять словарную дефиницию имени собственного. Например: слово *Зима* может определяться как «один из урбонимов», т. е. одно из имен собственных городов, *Нева* — один из гидронимов или «одно из названий рек». Ономастическое значение может быть подано и в сокращенном виде: *Зима* — город, *Нева* — река, *Байкал* — озеро, *Арфа* — радиола.

Доономастическим значением является значение слова, лежащего в основе имени собственного. Если слово многозначно, то это одно из его значений. Например, доономастическим значением топонима *Зима* (город) является значение имени существительного нарицательного *зима*, а доономастическое значение прагмонима *Арфа* (товарная марка радиолы) — это значение имени нарицательного *арфа*. Прагмонимы, образованные путем искусственного подбора букв, имеют только ономастическое значение, а доономастического значения не имеют. При образовании прагмонимов путем словосложения, сокращения плюс словосложения и т. п. доономастическое значение состоит из суммы значений компонентов.

Понятие семантической мотивированности трактуется в лингвистике неоднозначно, но обзор различных точек зрения не входит в задачи данной статьи. Определение мотивиро-

ванности слова, предлагаемое М. А. Черкасским, оказалось наиболее применимым к значительному числу прагмонимов. М. А. Черкасский мотивированным называет такое слово, «в котором каким-либо способом манифестируется основание номинации» [6, 21]. Семантически мотивированными прагмонимами мы называем такие, в которых средствами выражения мотивированности являются их дономастические значения.

Прагмонимы обладают разной возможностью выражения мотивирующих факторов, в зависимости от того, каким способом они образованы, и даже в пределах одной и той же словообразовательной структуры реализуют эти возможности по-разному.

Ниже мы покажем возможности выражения мотивирующего признака у прагмонимов, образованных путем словосложения (1), лексикализации (бинарных) словосочетаний (2), сокращения (3), деривации (4), переосмысления (5). Не все указанные пути образования прагмонимов находятся в одной плоскости. Сравним, например, переосмысление и словосложение: первое может быть причислено к способам словообразования лишь с оговоркой; мы же ставим эти два способа рядом, поскольку точной квалификации путей образования прагмонимов на этом этапе исследования не требуется.

Сложные и сложносокращенные прагмонимы, так же как и прагмонимы-словосочетания, по причине их многочастного строения обычно выражают два и более признака, например; *Урал-авто* — автомобильно-переносный радиоприемник. Первый компонент указывает на район, где организовано производство изделий, а корневая морфема *авто* говорит о том, где этот предмет может использоваться (в автомашинах). Классификация подобных прагмонимов по мотивирующим факторам может быть двойной.

Сложные, сложносокращенные прагмонимы и прагмонимы-словосочетания иногда имеют только один мотивирующий признак, например: в названиях десертов — *Obbly Orange* (*Оббли* + 'апельсин'), *Strumbly Strawberry* (*Страмбли* + 'земляника') — первые компоненты ничего не означают и на фруктовую основу десерта указывает только второе слово каждого из словосочетаний.

Вопрос о том, могут ли сложносокращенные прагмонимы выражать мотивирующие факторы в тех случаях, когда исходные слова представлены в аббревиатуре в виде однобуквенных сигнализаторов, является, безусловно, спорным. Д. И. Алексеев пишет: «Сложносокращенные слова в своей массе принадлежат... к производным существительным с мотивированным значением, с достаточно сохранившейся внутренней формой... Одноморфемные и однобуквенные сигнали-

заторы основ тоже способны удерживать за собой морфемное значение, но уже при более обязательном наличии различных дополнительных условий» [1, 15]. Таким дополнительным условием для определения мотивирующих факторов прагмонима может быть знание полного названия товара, например *УКМ* — это универсальная кухонная машина. В таком случае каждый компонент этой аббревиатуры можно рассматривать как указывающий на определенный мотивирующий фактор: *У* — на многообразии функций предмета (универсальная), *К* — на место использования (кухонная), *М* — на класс предметов, к которому принадлежит данный предмет (машина). Другим условием может быть контекст, в котором встречается прагмоним: текст каталога, проспекта, журнальной статьи и т. п. Отметим, что К. А. Сафарова справедливо указывает на то, что мотивировка слова «извлекается и опознается лишь путем определенных сопоставлений состава слова с его составляющими, с его значением, с его денотатом» [5, 7].

В производных прагмонимах мотивирующий признак, как правило, выражается в основе слова, например *Текстиляна* — ткань.

Иногда и основа и суффикс одновременно указывают на определенные признаки предмета, например: *Коврин*, *Алюминин* (чистящие средства) — прагмонимы, основы которых указывают на предметы, для которых предназначен товар, а суффикс *-ин* показывает, к какому классу товаров принадлежит изделие: к изделиям химической промышленности.

В ряде случаев значение части слова, к которой присоединяется аффикс, неясно: возможно, это аббревиатура с неустановленной этимологией, а возможно, искусственно созданное буквосочетание. В таких случаях эта немотивированная часть слова, которую мы называем структурным ядром, не может иметь мотивирующего фактора, и эта функция отчасти выполняется аффиксом. Например, в прагмонимах *Руспирин*, *Giatin*, *Rifadin* только суффикс *-ин (-in)* указывает на то, что предметы — носители этих товарных марок являются химическими продуктами (медицинскими препаратами).

Мотивирующий фактор может быть заключен и в лексическом значении отдельного слова, когда это слово переходит в разряд прагмонимов путем переосмысления. Возможность использования этого слова как средства выражения мотивирующего фактора основана на некоторых из семантических признаков этого слова. Например, мотивирующий фактор «форма изделия» проявляется в таких прагмонимах, как *Ракета* — электрообогреватель, *Ложка* — блесна; фактор «цвет» — в прагмонимах *Рубин*, *Сирень* — губная помада.

Разные семантические признаки одного и того же слова дают возможность использовать его для выражения различ-

ных мотивирующих признаков; например, прагмоним *Пчелка* — самолет — указывает на некоторое сходство звука, издаваемого летящим самолетом и летящей пчелой. Другой прагмоним *Пчелка* — карамель — указывает на то, что в состав карамели входит мед.

Рассмотрим русские и американские прагмонимы, созданные на базе одних и тех же мотивационных факторов:

1. Размер изделия: *Малютка* — электросварочный аппарат, *Малыш* — мотороллер, *Giant* ('гигант') — самолет.

2. Вещество, которое является составной частью изделия: *Ликерная* — конфеты, *Мятный* — ирис, *Inamel* (= *enamel* 'эмаль') — эмалированные листы железа.

3. Лицо или предмет, для которого прежде всего предназначен данный товар: *Турист* — походная газовая плита, *Tough Stuff* ('прочная ткань') — нить для тканей.

4. Место, где может применяться изделие: *Порт* — портовая радиостанция, *Jazzmaster* ('хозяин джаза') — электрогитара.

5. Качество: а) самого предмета: *Экстра* — облегченная резина, *Лучший* — чистящее средство для металлических изделий. *Ex-i-ent* (= *excellent* 'отличный') — пищевой полуфабрикат, *Purr-fect* (= *perfect* 'идеальный') — ткань, *Classic* ('образцовый') — фильтр для масла, *Select* (отборный) — соль для перезарядки смягчителей воды, *Just wonderful* ('Прямо-таки удивительная') — краска; б) работы предмета (указывается, какие нежелательные действия не допускает предмет): *Kantleke* (= *can't-leak* 'не могут протекать') — трубы, *Kant-twist* (= *can't twist* 'не может шататься') — стремянка. Последний способ выражения качества товара наблюдается только в английском языке.

6. Функция предмета: *Мехочистка* — средство для чистки цветного искусственного меха, *Дятел* — машина для срезки омертвевших стволов деревьев, *Solve* ('растворяй') — моющее средство, *Digz-all* (= *digs-all* 'копает все') — канавокопатель, *Fitz-m-all* (= *fits-them-all* 'годится всем им') — вешалка, *Stop-kof* (= *stop cough* 'Останови кашель') — средство от кашля.

В английском языке очень часто используются глагольные прагмонимы, что представляет особый интерес, поскольку глагольные имена собственные чрезвычайно редки в индоевропейских языках. Следует отметить не только разнообразие структур глагольных американских прагмонимов, но и появление структур, нехарактерных для других слоев английской лексики, как, например, сложные прагмонимы, приводимые в п. 6; см. [3, 186].

¹ В случаях преднамеренного изменения орфографии слов, используемых для прагмонимов, после знака равенства приводится их «расшифровка».

7. Место производства: *Оренбург*, *Пенза* — холодильники, *Москвич* — автомашина, *Illinois* — режущие инструменты.

8. Предприятие, выпускающее изделие: *ГАЗ* — грузовая автомашина, *Кировец* — трактор; *PPP* — пластмассовые изделия фирмы Pontiac Plastic Products.

9. Предмет того же «круга», что и носитель товарной марки (ассоциативный подтип семантической мотивированности): *Симфония*, *Гамма* — радиолы; *Gaiety* ('веселье') — электропроигрыватель.

10. Посвящение (лицу, герою какого-либо произведения, событию, географическому объекту и т. д.): *Спартак* — конфеты, *Садко* — печенье, *Октябрь* — печенье, *Антарктида* — часы, *Rubicon* — химикат, *Monte Carlo* — лодки.

Тот факт, что в языках разного строя — в русском и английском — имеются прагмонимы, созданные на основе одних и тех же мотивирующих факторов, позволяет говорить об общих семантико-мотивационных моделях прагмонимов. Эти модели мы предлагаем называть прагмоническими универсалиями (о топонимических универсалиях см. [2, 16]). (Автором этих строк в результате специального исследования были установлены прагмонимические универсалии для прагмонимов русского, эстонского и ряда тюркских языков.)

Анализ примеров показывает, что на основании одних и тех же мотивирующих факторов образуются отдельные тематические группы прагмонимов. В группе «качество» по доономастическому значению четко выделяется семантическая генерализация на основе общего понятия «хороший».

Процесс создания прагмонимов испытывает колоссальное влияние социальных факторов. Известное положение топонимики, которое гласит, что «даже если название указывает на признак объекта, то отбор этого признака продиктован только интересами общества» [4, 24], полностью справедливо и для прагмонимики. Если создатели прагмонимов стремятся товарным знаком вызвать ассоциацию с товаром, то выражаемые в названиях признаки — это часто потребительские свойства товаров, которые представляют интерес для покупателя. Важным социальным фактором в этой области является юридический закон, на основании которого регистрируются товарные знаки. Этот закон не допускает появления чисто описательных товарных знаков, идентичных знаков и т. п. Этим также кроме стремления придать марке аттрактивность объясняется частое преднамеренное изменение орфографии слов в американских прагмонимах (изменениям орфографии в американских товарных знаках посвящено исследование С. Якобсона [8]).

В мотивационных факторах советских товарных марок находят отражение такие социальные моменты, как: 1) поли-

тика мира и дружбы между народами: *Мир* — швейная машина, телевизор, холодильник и др., *Дружба* — телевизор, *Дружба народов* — духи; 2) юбилейные даты: *Юбилей Октября* — шоколад, *Зори Октября* — духи; 3) праздники международного рабочего движения: *Первомай* — духи, *Первое Мая* — одеколон.

Широко распространены прагмонимы, связанные с космической терминологией: *Космос* — приемник, часы, ткань и др., *Космонавт* — радиоприемник, *Спутник* — телевизор, часы, велосипед и др., *Moonshot* (луна + выстрел) — конфеты, *Spacesacers* (космос + иноходец) — обувь (последний прагмоним можно рассматривать как сложнопроизводный: *space* + *pace* 'шагать' + *er*, и тогда перевод может быть 'космические ботинки').

При вскрытии причин, объясняющих возникновение того или иного прагмонима, необходимо учитывать и такой фактор, как мода.

Рассмотренные здесь прагмонимы, созданные для функционирования в экономической сфере, представляют тем не менее для социолингвистики не меньший интерес, чем топонимы или антропонимы, составляющие предмет исследований более разработанных разделов ономастики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. И. Алексеев, Аббревиатуры как новый тип слов, — «Развитие словообразования современного русского языка», М., 1968.
2. Л. Г. Гулиева, Опыт исследования гидронимии Кубани, автореф. канд. дисс., М., 1969.
3. З. П. Комолова, Структура и мотивировка глагольных товарных марок, — «Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов», вып. II, ч. II, Новосибирск, 1969.
4. В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965.
5. К. А. Сафарова, Структурная мотивировка слова (на материале аффиксальных образований современного английского языка), автореф. канд. дисс., Л., 1970.
6. М. А. Черкасский, Мотивация слова в аспекте динамики языка, — «Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов», вып. II, ч. II, Новосибирск, 1969.
7. Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, — «Известия АН СССР», 1940, № 8.
8. S. Jacobson, Unorthodox Spelling in American Trademarks, Stockholm, 1966.

А. Е. БЕРТЕЛЬС

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ МЕТАФОР И ТЕРМИНОВ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ

1. Под «лексикализацией термина» мы понимаем в данной статье превращение метафоры (переноса значения), лежащей в основе специального термина, в устойчивый элемент общелитературного и разговорного языка, превращение, сопровождаемое обычно повторным изменением значения и образованием новой метафоры. Вслед за отсечением первоначального лексического значения и появлением специального переносного, которое возникает при образовании термина (например, *рубашка* в смысле 'деталь ракетного двигателя' [7, 152—153]), — в этом случае начинается новый процесс вторичного образования значения, на этот раз неспециального, разговорного, образуется новая лексическая метафора (например, *выйти на орбиту* в смысле 'выдвинуться', 'сделать карьеру').

Образование терминов на основе общей лексики и их вторичная метафоризация и лексикализация в настоящее время играют, очевидно, значительную роль в общем процессе изменения лексики и семантики живых языков. Для чешского языка, например, подсчитано, что сейчас в нем 90% новых слов составляют термины [7, 151]. Количество вторичных метафор, созданных на их основе, остается невыясненным, хотя само их появление иногда фиксируется в научной литературе (например, *река течет, как зигзаги электрокардиограммы* [7, 171 и сл.]).

Независимо от чисто количественной стороны данных явлений следует отметить, что термины представляют собой наиболее подходящий объект для изучения явления системности в лексике и семантике. Каждый термин, естественно, является членом какой-либо системы.

2. По мнению Л. Блумфилда, «исследование семантических изменений показывает в первую очередь, что отвлеченные и абстрактные значения вырастают, как правило, из более конкретных» [2, 470]. Свою мысль Л. Блумфилд подтверждает довольно фантастическим примером: «*I understand these things* 'Я понимаю эти вещи' могло первоначально значить 'Я стою среди этих вещей'», с нашей точки зрения напоминающим паронимическую аттракцию.

М. М. Маковский [8, 100—101], делая попытку построить свою типологию лексико-семантических систем, отмечает, что некоторые лингвисты (И. Трир, Я. де Фриз) придерживались точки зрения, аналогичной точке зрения Л. Блумфилда, другие, напротив, считали, что развитие семантических циклов идет от абстрактного к конкретному (Э. Бенвенист). В связи с этим М. М. Маковский приводит весьма интересное суждение Лейбница: «...мы должны... при рассмотрении возникновения смысла, присущего данному языку, постулировать первоначальное, исходное значение слова, которое нельзя признать ни чисто чувственным, ни чисто интеллектуализированным, ни чисто индивидуальным, ни просто абстрактным или общим, но следует считать потенциально заключающим в себе все эти возможности» [8, 100].

Пытаясь отделить «чисто языковое» от «логического и культурно-исторического», признавая, однако, что второе играет большую или меньшую роль «при формировании лексико-семантических наборов», М. М. Маковский предлагает свое решение проблемы семантического развития, снимающее антиномию «от абстрактного — к конкретному или от конкретного — к абстрактному». Мы не будем останавливаться здесь на этом решении, поскольку подробный разбор вывел бы нас за рамки данной статьи, и отметим только, что «разделение понятий на абстрактные и конкретные редко совпадает у различных народов» [8, 102], а приложить само разделение к языковому материалу часто бывает очень трудно.

3. Проблему формирования лексики какого-либо живого языка, изменения семантики следует, разумеется, рассматривать в рамках общей теории языкового изменения. Напомним здесь общеизвестное положение Ш. Балли: «Языки непрерывно изменяются, однако они могут функционировать, только не изменяясь» [5, 143]. Напомним также, что в средние века носители традиционных культур искусственно старались задержать лексико-семантическое развитие литературного языка, признавая новаторство лишь как вариацию на основе канона. Этот фактор сыграл большую роль в развитии ряда восточных языков (например, арабского, персидского).

4. Мы полагаем, что историческое и в то же время системное рассмотрение языкового материала, которое мы называем «этимологией семантико-лексических систем», связан-

ное с изучением культурных экстралингвистических факторов, должно помочь как филологической обработке лексического материала литературных восточных языков, так и построению общей теории семантического изменения. Отсутствие прозрачной связи между элементами семантических циклов [8, 101], очевидное при синхронном срезе лексики и неинтерпретируемое при традиционном этимологическом подходе («этимология отдельных слов»), может получить научное освещение благодаря рассмотрению смены детерминированных культурами (или фазами их развития) терминологических систем, различных таксономий, начиная с древнейших «народных таксономий», цветовых классификаций [14, 77—80]; и их словесного выражения.

5. Предпринятые нами попытки диахронического и в то же время системного рассмотрения лексики языка персидско-таджикской литературы [12], в частности его терминологических и метафорических систем, привели нас к мысли о том, что определенную часть процесса его семантического изменения можно определить следующим образом: общелитературные или разговорные значения слов и оборотов речи отсекаются и заменяются специальными, более узкими, входящими в терминологические или метафорические системы; затем эти же слова и обороты снова теряют терминологическое или метафорическое значение и обретают новое значение, общелитературное или разговорное. Этот сложный процесс имеет место, очевидно, во многих языках [например, французская приставка *dés*, означающая удаление чего-либо + *astre* 'небесное светило' → *désastre* — астрологический термин 'удаление асцендента' (счастливой звезды) → *desastre* разг. 'бедствие'].

6. Мы согласны с тем, что «язык и мышление образуют такое диалектически противоречивое единство, в котором язык, при определяющей роли мышления представляет собой относительно самостоятельное явление, в свою очередь оказывающее определенное обратное воздействие на мышление» [11, 3]. Мы придерживаемся той точки зрения, что закономерности образования семантических групп, или семантико-лексических систем, имеют неязыковой характер [18, 20, прим. 16] и что эти системы не сменяют одна другую, «как часовые», а как бы взаимопроникают друг друга [18, 69] с течением времени. С нашей точки зрения, источник закономерностей образования семантико-лексических систем следует искать в преобладающих формах мышления разных эпох, и прежде всего в господствующем представлении о субъектно-объектных связях, о соотношениях между человеком и миром, бытием и сознанием, в представлении, приобретающем в марксистском мировоззрении форму «основного вопроса философии». Всю общую систему лексики

языка в синхроническом и диахроническом планах, места в системе и ее элементы, систему вместе с ее историей, этимологией, в самом широком понимании этимологией систем, можно в известном смысле рассматривать, таким образом, как стратификацию обломков метафорических и терминологических систем разных периодов, определенных разными господствующими типами мышления. Системы прошлого в зависимости от данного конкретного текста могут находиться в тексте в разных пропорциях, в разной степени распада и осознанности носителями языка.

Отсюда вытекает огромная трудность построения общей синхронической системы семантики и лексики данного языка, испытанная, например, В. Вартбургом [25], отсекавшим диахронию; отсюда же, с нашей точки зрения, вытекает и бесплодность поисков «чисто языковых, донаучных, наивных» (В. Вартбург) лексических и семантических систем языка. И до появления науки в теперешнем смысле слова семантические системы уже были, что мы и попытаемся сейчас показать.

7. Дж. Фрезер, исходя из идей О. Конта, разделил духовное развитие человечества на три периода: 1) древнейший «магический», или «мифологический»; 2) «религиозный» и «художественный» и 3) «научный». Исследователь-марксист может рассматривать эти периоды, конечно, лишь как периоды преобладания одной из этих форм мироощущения и мышления. Так, Ф. Энгельс писал о «верховном господстве богословия во всех областях умственной деятельности» [21, 360] в средние века, а К. Маркс указывал на существование в античности и средневековье «научного фактора», получающего небывалое развитие лишь вместе с капиталистическим производством (т. е. с XVII в.) [9, 23]. Однако, для того чтобы выяснить природу неязыковых источников закономерностей образования семантико-лексических систем, важнее всего сначала определить именно преобладающую форму мышления эпохи, и потому мы считаем возможным применить здесь схему Дж. Фрезера как самую общую схему.

Для древнейшего известного нам магическо-мифологического периода, как полагают, характерно отсутствие четкого отделения субъекта от природы и общества и, по выражению Г. В. Плеханова, «недостаточное различие того, что происходит в голове человека, с тем, что совершается в действительности» [цит. по 20, 139]. В этот период зарождаются уже, однако, мифологические системы, представляющие собой в семантико-лексическом отношении, в их языковом выражении, одну гигантскую прозопопею — олицетворение, перенос на природу и космос человеческого и общественного. Для этого периода характерно «измерение собой мира», например создание антропоморфных мнемонических календа-

рей [12, 38—39], перенос — олицетворение, осуществляемое человеком к тому же неосознанно [ср. 13, 140]. Пережитки этой формы мироощущения в более поздние периоды — это различные гностические и магические традиции античности и средневековья, для которых характерно описание человека как микрокосма, а мира, преобразованного экстатическим видением, — как макрокосма и построение, вернее, даже переживание метафор, где, например, горы — это кости земли, реки — ее кровеносные сосуды, почва — мышцы, растения — волосы и т. п. Реликты этого мироощущения, его схемы, модели, системы сохраняются во внутренней форме слов (например, «растительность на лице»), в поэтических образах. Для его изучения может дать ценный материал лексикологический анализ, например, суфийских и исмаилитских текстов на персидском языке; ср. [1]; [12]; [15]; [16]; [17].

В период «религиозный» разделенность субъекта и объекта оказывается осознанной, субъект поклоняется единому богу, а в искусстве метафора уже осознается, как таковая. Развивается осознание противоположности того, во что верят, и того, кто верит, и художественная фантазия видит различие между субъектом, отражающим вещи, и самими вещами. Полное переживание слова эпохи мифа в это время исчезает.

В «научный» период мир представляется отделенным от субъекта, от сферы его полезной научной и производственной деятельности, от его вторжения в мир и развивающимся по своим объективным законам.

На протяжении всех этих трех периодов складываются сначала основанные на древнем переживании метафорические (в самом широком смысле — переносные) системы, затем терминологические системы, которые не сменяют, как упоминалось, резко одна другую, а взаимопроникают друг в друга, причем «история звуковых оболочек слов и их содержаний оказывается различной» [24, 8] и общая картина семантико-лексического изменения — необыкновенно сложной и пестрой, сохраняющей реликты мифологического переживания.

8. Во все перечисленные периоды различные системы знаний, будучи созданы и общеприняты, становятся сперва достоянием специалистов (охотников, земледельцев, ремесленников, шаманов, жрецов, философов, физиков, фрезеровщиков, лингвистов), выступающих часто также как ономотеты — «дающие имена». Затем эти системы выходят за пределы узкого круга специалистов, становятся достоянием массы носителей языка, первоначальная сложность и стройность структуры знания теряется, приобретает своего рода «научно-популярную», упрощенную форму, иногда форму искаженную, так как исчезает, например, скрещение кодов прежней си-

стемы, на котором может возникать значение. Устанавливаются меняющиеся, текучие соотношения между словом, объектом мысли и вещью, весьма осложняющие решение вопроса об отражательной функции языка [23, 104—105].

Предлагаемую нами точку зрения можно сопоставить с теорией творческого «источника языковых новшеств» К. Фосслера, однако мы в отличие от идеалистических позиций К. Фосслера, считавшего источником изменения языка индивидуальное «душевное мнение» [19, IX—X], стоим на материалистических позициях и рассматриваем проблему в историко-культурном плане.

Важно отметить, что содержание многих терминов ранних эпох направлено независимо от общей гносеологической доминанты эпохи, важной для отвлеченных понятий, на жизненно существенное значение феномена, а совсем не на его физическую структуру, интерес к которой пробудился лишь недавно. Напомним общеизвестные примеры: обилие названий всех пород и возрастов верблюда (основы жизни) у бедуинов или видов снега у эскимосов и отсутствие во многих языках точных названий непромысловых птиц, определяемых чем-то вроде содержания «маленькая серенькая или пестренькая птичка».

Таким образом, известное, предложенное, в частности, С. Д. Кацнельсоном деление понятий, к которым, по его мнению, приближаются значения (отметим, что в мифе научных понятий еще нет и, следовательно, значения в эпоху мифа к ним приближаться не могли), деление понятий на «содержательные», «научные» и «тривиальные», «наивные», с нашей точки зрения, вряд ли удачно. С. Д. Кацнельсон говорит о том, что «лежащие в основе (наивных понятий.— А. Б.) классификационные признаки недостаточно точны, иногда даже ошибочны» [3, 10], и приводит примеры: *рыба-кит* русских сказок, *солнце поднялось*. Но кита всегда ловили в море, он плавает, и потому он был, как все плавающее, согласно тогдашней классификации «по способу передвижения» — рыба (классификация животных: «плавающие», «летающие», «ходящие» и «ползающие» есть и в Библии и в Коране). Зоологическое таксономическое знание о том, что кит — млекопитающее, понадобилось лишь на ином уровне развития знания и техники китобойного промысла. То, что солнце поднимается, очевидно наблюдателю, закреплено геоцентрическими представлениями, кстати поныне практически используемыми в геодезии, и отнюдь не происходит от «глупости» древних, еще не знавших о Копернике, — это житейское значение феномена и слова. Оно кажется нам «наивным» или «расплывчатым» тогда, когда мы еще не реконструировали таксономию данной отдаленной эпохи и она нам еще неизвестна. Когда мы замечаем несовпадение дефиниций, отно-

сящихся к современному состоянию науки (кстати, весьма преходящему), с явлениями языковой семантики, сохраняющей реликты прошлого, мы не должны с интеллектуальным высокомерием определять значения словами «наивный» и «расплывчатый», а должны искать корни этой «наивности». Ф. Энгельс весьма точно отмечал, что и в религии и в философии «имеется предисторическое содержание, перенимаемое историческим периодом, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей... История наук есть история постепенного устранения бессмыслицы, или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей» [22, 419]. П. Лафарг отмечал также: «Миф, над которым мы смеемся как над нелепостью, создавшим его и верившим в него первобытным людям казался, напротив, понятным и естественным» [6, 146].

Таким образом, выражения «расплывчатый», «наивный» или «бессмысленный» должны относиться, во всяком случае, как к неполноте нашего знания о языке и мышлении древних, так и к объекту исследования, уступающему, конечно, в совершенстве теперешним вершинам прогресса.

9. С. Ульманн писал о необходимости построения этимологий групп слов, так как слово развивается не изолированно, а под влиянием соседних с ним в парадигме и синтагме [26, 29]. Явление, возникающее при ненаучном, изолированном этимологизировании, явление «народной этимологии», или паронимической аттракции, достаточно известно, и останавливаться на нем мы не будем [10, 106—107]. Приведем, однако, пример — результат эксперимента, проведенного под руководством В. В. Виноградова, который особенно хорошо показывает последствия изъятия значений слов из систем при наивном этимологизировании — последствия перенесения их в другие системы по внешнему сходству.

В 1964 г. в ряде школ опросили детей 10 лет, предъявив им слова, обозначающие исчезнувшие из жизни явления и понятия. Было получено 50 тыс. карточек. Вот выборка из них: алтарь — человек, который живет на Алтае; барышник — дядя, который ухаживает за барышнями; говенье — когда говядину продают; домовый — который все время дома сидит; цацап — который все цапает; кустарь — за садом ухаживает (кусты); лапотник — лапы у него болят; подкулачник — когда ему кулак покажут, сразу все сделает; скопидом — куда люди деньги несут, сберкасса [4].

Возникает вопрос: разве не столь же наивны иногда наши ученейшие изолированные этимологии в силу самой своей изолированности? Думается, что если нам удастся перейти от изучения истории терминологических и метафорических систем к построению общих систем, семантических и лексических, для данного языка, то семантика и этимология как научные дисциплины могут стать на более прочную основу.

10. В заключение два частных вывода из сказанного.

а) Тот «неповторимый покров» каждого языка, на который обращали внимание с разных точек зрения многие исследователи (разные формы гипотезы Сепира—Уорфа), проявляющийся также в сфере значений слов и образуемых ими лексико-семантических систем, может быть в известной и значительной мере рассмотрен и изучен как результат стратификации семантических обломков терминологических систем разных периодов культуры данного народа, причем многие «иррациональные» моменты значений могут получить таким путем историко-культурное объяснение.

б) Для выяснения «культурной этимологии» лексико-семантических систем можно привлекать «тексты информантов» — простые тексты, составленные носителями данного языка и данной культуры, например, в дидактических целях, тексты, где система терминов изложена последовательно; ср. [12]. Попытки умозрительной реконструкции системы на основе глоссариев и контекстов могут приводить к ошибкам. Это особенно важно для лингвистов-востоковедов, не являющихся носителями изучаемых языков и принадлежащих к иным культурным традициям, чем изучаемые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. Э. Бертельс, Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев, — в кн.: «Избранные труды. Суфизм и суфийская литература», М., 1965.
2. Л. Блумфилд, Язык, М., 1968.
3. С. Д. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л., 1965.
4. «Комсомольская правда», 2.VIII.1964.
5. Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.
6. П. Лафарг, Миф об Адаме и Еве, — в кн.: «Происхождение собственности в Древней Греции», М., 1926.
7. Лексика современного русского литературного языка, М., 1968.
8. М. М. Маквский, Теория лексической аттракции, М., 1971.
9. [К. Маркс], Из рукописного наследия К. Маркса, — журн. «Коммунист», 1958, № 7.
10. А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1967.
11. В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971.
12. Пять философских трактатов на тему «афак ва анфус», критический текст, указатели и введение в изучение памятника А. Е. Бертельса, М., 1970.
13. Ю. С. Степанов, Семиотика, М., 1971.
14. В. Ц. Тернер, Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу), — сб. «Семиотика и искусствоведение», М., 1972.
15. Х. Удам, Заметки о структуре образа в лирике Хафиза, — «Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 201. Труды по востоковедению I», Тарту, 1968.
16. Х. Удам, К вопросу о взаимоотношениях текста и комментария, — «Труды по знаковым системам V», Тарту, 1971.

17. Х. К. Удам, Семантические особенности суфийской поэтической лексики персидского языка, автореф. канд. дисс., М., 1971.
18. А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы, М., 1962.
19. Проблемы литературной формы, Л., 1928.
20. М. И. Шахнович, Современная мистика в свете науки, М.—Л., 1965.
21. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7.
22. Ф. Энгельс, Письмо Конраду Шмидту,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 37.
23. Язык и мышление, М., 1967.
24. H. Glinz, Grundbegriffe und Methoden inhaltbezogener Text- und Sprachanalyse, Düsseldorf, 1965.
25. R. Hallig und W. Wartburg, Begriffssystem als Grundlage für die Lexicographie, Versuch eines Ordnungsschemas, Berlin, 1952.
26. S. Ulmann, Language and Style, London, 1964.

ИЗОСЕМАНТИЧЕСКИЕ РЯДЫ

Лексика любого языка связана воедино не только в тексте, но и как некий упорядоченный запас, могущий быть размещенным по своим семантическим связям. В конечном счете эти связи представляют собой отражение вещных отношений, но опосредованное многовековым опытом, в том числе опытом осмысления места человека в мире. Этот опыт со временем устаревает, слова, отражающие старые воззрения, оттесняются, реже вытесняются новыми, а чаще переосмыслиются, но старое так или иначе остается. И это не только какое-нибудь «слава богу» в устах атеиста, но и, например, менее заметное грамматическое отнесение фетиша к разряду одушевленных. Ср. *Он купил идола*, так же как *коня, пса, голубя, сенатора* и т. д., но не как *стол, диван, дом*. Так старая лексика и ее смысловые связи вытесняются в другие уровни языка, здесь — во фразеологический и грамматический уровни.

Заманчивой перспективой было бы представить — сначала синхронно, а затем диахронически — лексику какого-либо языка на основе ее внутренних (в первом случае словообразовательных и грамматических, а во втором — этимологических) связей. Словари такого направления очень отличались бы от так называемых идеологических, а проще, тематических словарей, да и словарей словообразовательных и этимологических.

Извечные жалобы семасиологов на пренебрежение к их науке со стороны этимологов и компаративистов отчасти обоснованы, но бесполезны. Критика работы компаративистов и этимологов будет действенной тогда, когда она укажет, чего требует от них семасиология и какое значение имеют эти требования для успехов семасиологических исследований. Нам кажется, что ответ на этот вопрос в основном дает метод изосемантических рядов С. С. Майзеля.

С. С. Майзелю метод изосемантических рядов потребовался для проверки его теории аллотезы и метатезы согласных семитского корня как базы для превращения относительно небольшого первоначального числа семитских корней в огромное их множество в составе лексики всех семитских языков позднейшего времени. При помощи своего метода он проверял семасиологическую достоверность открываемых им генетических связей между корнями. Относительно изосемантических рядов (в дальнейшем обозначаемых ИР) в приложении к лексике семитских языков отсылаю к своей статье [1] и подготовляемой к печати работе самого С. С. Майзеля «Пути развития основного словарного фонда арабского и других семитических языков». При этом отмечу сходство между синхронным словообразовательным анализом и историческим, которым часто пренебрегают. Хотя временная перспектива при синхронном членении на морфемы и другая, чем при историческом, но она есть. И современное нам образование существительного *зонтик* от *зонт* — факт не меньшего значения, чем историческое происхождение *зонт* от *зонтик*.

Уже простой дихотомический анализ слова (установление последнего для данного производного слова акта словообразования) требует подтверждения изосемантическими рядами членения на две морфемы. Так, членение *стол* + *ик* в современном русском языке доказывается двумя сериями ИР:

1) для выделения суффикса *-ик*: *стол*: *стол-ик* = *вал*: *вал-ик* = *куб*: *куб-ик* = *шар*: *шар-ик* и т. д.;

2) для выделения основы *стол-*: *стол*: *стол-ик* = *стол*: *стол-ище* и т. д.

1-я серия должна быть прочитана примерно так: суффикс *-ик* со значением уменьшительности выделяется из существительного *столик* с основой *стол-*, так же как он выделяется из существительного *вал-ик* с основой *вал-*, и т. д.

2-я серия читается: основа *стол-* выделяется из существительного *столик* с суффиксом *-ик*, так же как она выделяется из прилагательного *стол-овый* с суффиксом *-ов* (*ый*), и т. д.

Такая процедура кажется бесполезной, так как мы привыкли проделывать ее автоматически в отличие от детей в период освоения родного языка и иностранцев. Но стоит взять чуть более сложный случай — и станет ясно, что без сознательного применения ИР легко впасть в ошибку. Если в моей работе «Структура семитского слова» мне удалось выделить диффикс в семитских языках, словообразовательный конфикс в ряде индоевропейских и показать отличие сложного аффикса от простого [2, 80—95], то этим я обязан в значительной степени ИР, хотя мне и в голову не приходило, что я их применял. Кажется, не велика разница в обо-

значении: префиксально-суффиксальное словообразование и образование при помощи конфикса. Однако термин «конфикс» указывает на единство значения присоединяемой части, а до понимания этого, насколько мне известно, не дошел никто из русистов, описывавших префиксально-суффиксальный способ (не составляет исключения и новейшая «Грамматика современного русского литературного языка», где лишь префиксально-суффиксальным существительным посвящены §§ 331—348). Но достаточно сопоставить разнокоренные русские существительные с одновременно присоединяемыми к корню префиксом и суффиксом *no — je*, например *по-речье, поморье, побережье*, чтобы убедиться в том, что присоединяемое к корню двусоставное образование имеет одно значение, совпадающее с общим значением анализируемых слов: нечто, находящееся вдоль предмета, названного производящей основой. А раз так, то надо и признать, что это не два аффикса, а один, хотя и разорванный. Название «конфикс» применено впервые Н. В. Юшмановым к формантам арабского спряжения. Я применил его к элементам словообразования. Нетрудно убедиться, что приведенные сопоставления не что иное, как пропорции: *берег (г > ж) : побережье = рек (к > ч)-а : по-реч-ье = мор-е : поморье*.

Во всех названных примерах из вторых слов каждой пары выделяется конфикс *no---je* с указанным выше значением. Что касается производящей основы, то надо учесть чередование *г > ж* (для *берег*), *к > ч* перед *ј* (для *река*).

Не нужно большой фантазии, чтобы представить себе, что при помощи указанного выше примера можно достаточно четко выделить падежные окончания из словоформ, послелоги и предлоги из словосочетаний, и с тем большей достоверностью, чем длиннее будут ряды.

В приведенных выше примерах каждая семантическая пропорция, т. е. каждая пара семантических отношений, связанных равенством, составляет минимальный изосемантический ряд. В случае продуктивного аффикса этот ряд практически неисчерпаем. Наоборот, ряд, имеющий в виду выделение производящей основы, может ограничиваться единственной парой. Мы видели, что и в более простых случаях применение ИР позволяет более отчетливо и с большим самоконтролем выделять морфемы и служебные слова, тем более это относится к одной из сложнейших лингвистических задач — установлению семасиологических связей и проверке с их помощью родственности слов и корней. Не буду пересказывать примеров, приведенных в моей статье [1]. Н. А. Сыромятников применяет ИР для установления родственности корней японских с малайскими и урало-алтайскими [3, 109—118]; [4].

Покажу один изосемантический ряд с момента возник-

новения мысли о нем до его составления включительно. Просматривая словарик к книге А. Унгнада [5], я обратил внимание на то, что, по-видимому, аккадский глагол 'ebēr-u 'переходить' и аккадское существительное 'eber-t-u 'дальний берег' принадлежат одному и тому же корню. Если это не совпадение, то связанность этих двух значений должна подтвердиться в других семитских языках, пусть на других корнях. По тем данным, которыми располагают соответствующие словари, в арабском и древнееврейском языках эта связь не подтверждается. Но вот в эфиопском языке она подтверждается, и даже не один раз. Одного и того же корня и эфиопский глагол 'adaw-a 'переходить', и существительное ma'dō(t) 'мост', образованное как имя орудия от этого же глагола (Ma12ō3 с суффиксом женского рода -t, aw > ō).

О том, что модель имени орудия часто обслуживает в семитских языках имена места, мне уже приходилось писать раньше [2, 52—57]. Это дает возможность составить изосемантический ряд:

	Переходить : берег
акк. 'BR	'переходить' : 'BR 'берег'
эф. 'DW	'переходить' : 'DW 'берег'
	('ebēr-u 'переходить' : 'eber-tu 'дальний берег'
	'adaw-a 'переходить' : ma'dō(t) 'дальний берег')

Но эфиопский язык имеет еще gabz 'берег', родственный арабскому ḡāza (GWZ) 'переходить'. Отношение:

араб. GWZ	'переходить' : эф. GBZ 'берег'
(ḡāza	'переходить' : gabz 'берег')

Это отношение мы можем связать с любой из двух пар, составив еще одну «пропорцию», но проще присоединить ее к двум первым отношениям. Ряд будет выглядеть так: акк. 'BR : 'BR = эф. 'DW : 'DW = араб. GWZ : эф. GBZ. Опускаем перевод и ссылки. Ряд на материале этих трех языков еще не исчерпан, еще есть акк. kibr-u 'берег', родственный арабскому, аккадскому, древнееврейскому корню 'BR (акк. 'BR). Но достаточно приведенного, чтобы видеть, как вероятность родственности значений, а затем и корней переходит в достоверность. Семантическая пропорция — это установление одного и того же семантического отношения между двумя парами лингвистических знаков, в каждой из которых один знак сравнивается с другим как со стороны содержания, так и со стороны выражения. Внутри каждой из пар взвешиваются всеми имеющимися в арсенале исследователя средствами и сходство выражения (звуковой и грамматический состав каждой единицы вместе с супрасегментными показателями), и сходство их значения.

Пропорция непосредственно удостоверяет лишь то, что семантическое отношение между двумя знаками одной пары повторяется в другой. Однако косвенно этим подтверждается и вероятность материальной родственности обоих знаков внутри каждой из пар, предполагаемой на основе фонетики. Чем новее, непривычнее соотношение звукового и грамматического состава в каждой паре, тем в большем количестве должны подыскиваться пары. Причем вместе с увеличивающимся числом пар уменьшается возможность случайного совпадения. Внутри каждой пары обычно бывает между обоими знаками нечто подобное и нечто различное как в содержании, так и в выражении. Но возможно, что одна из пар и даже обе имеют по два одинаковых значения. Так, тур. *burun* 'нос': *burun* 'мыс' = рус. *нос* (часть лица) : *нос* (мыс). Этот же ряд подтверждается еще и множеством других примеров из разных языков, что свидетельствует о его принадлежности к более широкому семантическому отношению — название части тела: название части береговой линии. Так, араб. *ra's* 'голова': *ra's* 'мыс' = ит. *capo* 'голова': *capo* 'мыс'. Достоверность таких связей очень велика.

Внутри пары сходство в выражении и в содержании обязательно; оно вызывает предположение, которое подтверждается сходными отношениями в другой паре. Между парами сходство только возможно, но вовсе не обязательно. В каждой паре один уровень, один диахронический слой; языков может быть и два.

При наличии трех членов пропорции нередко легко подыскать четвертый. Вот, например, отношение между арабским *HiNT-at^{un}* 'пшеница' и *ṬaḥaNa* 'молоть'. По-древнееврейски «пшеница» — *Ḥiṭṭā* (двойной *t* может происходить из *nt* в результате ассимиляции, подобные ассимиляции зарегистрированы). Корень для «пшеницы» в обоих родственных языках один. Как будет «молоть» на древнееврейском? Оказывается, *ṬaḥaN*. Тот же корень, что в арабском, и с тем же отношением к корню «пшеницы» (перестановка). Значит, есть пропорция араб. *ḤNT* 'пшеница': *ṬḤN* 'молоть' = др.-евр. *ḤṬṬ* (из *ḤNT*) 'пшеница': *ṬḤN* 'молоть'.

Этот ряд — название обработки злака: название злака — тем более достоверен, что он подтверждает предполагаемую в древнееврейском *ḥiṭṭā* ассимиляцию 2-го и 3-го согласных корня этимологами, которые не замечали связи между *ṭāhan* 'молоть' и *ḥiṭṭā* 'пшеница'. Из этого примера можно видеть, как много могут дать ИР для исследований семантических отношений и этимологии, но видно также, что их применение должно опираться на тщательный сравнительно-исторический анализ. Способ ИР углубляет и дополняет традиционную методику, но, конечно, не подменяет последней.

Изосемантические ряды — универсальный семантический

прием, применимый ко всем языкам во многих их ярусах и подъярусах. Он может оказать особенно большую помощь в этимологических исследованиях, но должен сочетаться и со всеми другими приемами лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. П. Старинин, К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода,—«Советское востоковедение», 1955, № 4.
2. В. П. Старинин, Структура семитского слова, М., 1963.
3. Н. А. Сыромятников, О лексике, общей у японского языка с индонезийским и тагальским,—«Вопросы японской филологии», 1, М., 1970.
4. Н. А. Сыромятников, Семантические компоненты родственных корней в японском языке,— наст. сб.
5. A. Ungnad, Grammatik des Akkadischen, München, 1949.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ РОДСТВЕННЫХ КОРНЕЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Сравнительное изучение родственных корней одного и того же языка является самой отстающей областью лексикологии большинства языков. Обычно авторы, изучающие проблемы, близкие к этой, не высказываясь прямо по этому вопросу, считают, видимо, само собой разумеющимся, что корни, отличающиеся один от другого хотя бы одной фонемой, по своим значениям не должны иметь между собой ничего общего (если эти отличия нельзя рассматривать как чередования или внутреннюю флексию). Такое мнение согласуется и с распространенным пониманием фонемы как смысловозначительного элемента морфемы; считается, что от замены одной фонемы на другую корнеслово разрушается (*дом : вол, дом : дэм, дом : дор*) или подменяется другим (*дом : том, дом : дам, дом : дон*).

Но большинство лексикологов сопоставительным изучением разных корней не занимаются и никакой проблемы тут не видят. Даже в лучших книгах по общему языкознанию и семантике обычно не говорится, есть ли в языках разные корни, близкие как по звучанию, так и по значению, или таких корней вообще не бывает. Видимо, большое число синонимов (типа *вид-еть, смотр-еть, у-зре-ть, глаз-еть*), нередко не имеющих ничего общего по звучанию, и омонимов разного происхождения и разной семантики заслоняет от исследователей ряды слов, не совпадающих полностью ни по звучанию, ни по значению, но имеющих все же много общего. Так, проф. Р. А. Будагов, говоря о происхождении русского слова *свидетель* из *сведетель* [1, 70], не отмечает, что корни *вид-* и *вед-*, имеющие общие семантические компоненты (сведения в прошлом получались большей частью зрительно), являются родственными. На подмену корня — *вед-* корнем *вид-* могло повлиять и фонетическое изменение (переход *-е-* в предупар-

ной позиции в *-и-*; ср. *свѣдения*, где такой подмены корня не произошло).

Не сопоставляли корни между собой и наиболее компетентные советские лексикологи-японисты Е. Д. Поливанов и А. А. Пашковский.

Тем самым работы по родственным корням оказываются посвященными не только малоразработанному, но в большинстве случаев просто незамечаемому вопросу.

При сопоставлении корней семантический аспект (сравнение значений) является наиболее трудным и темным. До сих пор вопрос о том, близки ли те или иные значения, или они настолько далеки, что сопоставлять их нельзя, решается произвольно, по интуиции того или иного автора. Между тем очевидно, что нельзя ограничиться сопоставлением только бесспорно близких родственных корней (далее РК) вроде *те/та-* 'глаз' и *ти-* 'видеть', так как даже в истории одного и того же языка один и тот же корень может изменить значение или приобрести новое. Так, ДЯ *nogi* 'острая кость' > новояп. 'ость (колоса)'. Еще больше таких видоизменений находим в родственных языках. В. В. Мартынов считает, что рус. *кость* и лат. *costa* 'ребро' слишком далеки по значениям, чтобы их можно было отождествить. Но ведь тут обычное сужение значения: рёбра — разновидность костей. Еще ярче близость этих значений можно подтвердить методом семантических компонентов: все компоненты значения «кость» входят в значение «ребро» (плюс еще некоторые вроде «согнутость», «парность»). Выходит, что более конкретное значение обладает большим количеством семантических компонентов.

Поскольку само наличие РК еще надо доказывать, отметим прежде всего, что существуют языки, часть корней которых имеет варианты. В них сохраняется лексическое значение корня, но видоизменяется его грамматическое значение: *в-зор* : *зре-ние*; *бер-у* : *бра-л*; *со-бир-аю* : *с-бор*; старояп. *си* 'делаю' : *shi* 'делая' : *se-* '(не) дела-'; *и* 'получаю' : *e* 'получая'; *ки* 'прихожу' : *ki* 'приходя' : *ко-* '(не) приход-'. .

Традиционное название этого явления «внутренняя флексия» не выдерживает критики [3], так как такой видоизменяющийся гласный в индоевропейских и урало-алтайских языках входит в состав корня и участвует в выражении его лексического значения [4, 46 и сл.] (в отличие от семитских, где гласными выражаются в основном грамматические значения), а не только отличает одну грамматическую форму от другой.

Перегласовка корня является также средством, используемым в самых разных языках для выражения лексических нюансов. При этом из старых корней образуются новые: *горло* > *жерло* («*жерло*... связано чередованием гласных с

жерело, горло» [10, 49]); *кас-аться, чес-аться* > *кос-тра* («касаться... с другим вокализмом: *коснуться, чесать*» [10, 206]); ДЯ *kir-u* 'резать', *kör-u* 'рубить', *kur-u* 'выдалбливать', *kar-u* 'косить' (слово относительно новое, возникшее лишь с возникновением земледелия и скотоводства, ср. бенг. *kata-* 'рубить', 'резать', 'косить'). Общее происхождение этих четырех японских глаголов 1-го спряжения настолько очевидно, что признано уже даже самыми осторожными авторами словарей [12].

Во избежание произвольных сопоставлений нужно использовать метод изосемантических рядов [5], т. е. считать, что наличие двух близких слов с подобными значениями в другом языке может быть подтверждением правильности сопоставления слов, входящих в данную пару (даже если привлекаемая для сравнения пара материально иная). Особенно убедительными являются те случаи, при которых РК одного языка соответствуют не два корня другого, а один и тот же корень (в двух значениях или с разными аффиксами). Так, бенгальский глагол *kata-* 'рубить', 'резать', 'косить', подтверждает родство между японскими корнями *kir-* 'резать', *kör-* 'рубить' и *kar-* 'косить' независимо от того, будем ли мы отождествлять бенг. *kata* с яп. *kata-na* 'нож' или нет. Важно, что ход мысли, отражающий развитие материальной культуры общества (от собирательства к полеводству), был аналогичным и у носителей другого языка. Тем самым наши предположения о близости японских корней подтверждаются наличием изосемантического ряда, т. е. вполне доказательны (другие примеры см. [9]). Важно, что при этом методе мы оперируем изменениями в лексике другого языка, происходившими примерно на том же уровне развития материального производства и сознания, что и в первом языке, т. е. не подменяем ход мысли древних своим собственным, избегаем всякой модернизации: яп. *sur-u* 'тереть': *su* 'отмель', признаем РК по аналогии с парами: рус. *мол-оть* : *мель*, др.-англ. *grindan* 'растирать': др.-исл. *grondi* 'мель' [2, 10]; ДЯ *tubu-s-u* 'дробить': *tubusa* 'подробно', рус. *дробить* : *подробно* (РК *tubi* 'зерно', 'зернышко', 'пузырьки воздуха в воде', *tubi* 'очень мелкие круглые предметы').

Но для установления родства не только двух слов, но и целого ряда их, необходимо использовать метод расчленения значения корня на его семантические компоненты. Цело в том, что мы не можем ожидать полного совпадения значений целого ряда РК одного языка со значениями соответствующего ряда в других. Если *tubi* 'зернышко': *tubu-s-u* 'дробить', *tubi-r-e* 'быть раздавленным (разрушенным)', то такая связь представляется вполне естественной, отражающей технику производства муки из зерна. Но в значении

«пузырек воздуха» по сравнению с «зернышком» мы находим только один общий компонент — «округлую форму». В значениях глагола — индонез. *tumpur* 'гибнуть', 'быть уничтоженным (разрушенным)', тюрк. *tübül-/topul-* 'быть пробитым (продырявленным)' — сохраняется лишь компонент «потеря округлой формы» (для одушевленных предметов связанная с гибелью). Но в индонез. *tabur* 'сеять', *tumbuh* 'расти', 'прорастать', 'набухать' находим действия, производимые с семенами, или действия, совершаемые ими самими (ср. РК: тагал. *tubò* 'рост', *tubó* 'сахарный тростник', тюрк. *tübün/topun* 'пшеничная мякина').

Наименьшим количеством дифференциальных признаков обладают абстрактные слова, в частности прилагательные: *tubura* 'круглый' (~ эвенк. *тугурук*, якут. *төгүрүк* 'круглый', бур. *түбэгэр* 'выпуклый', 'выступающий наружу') обладает только одним дифференциальным признаком. Но РК *tubo-mi* 'почка', 'бутон' включает и компонент «набухшее», «растущее» (~ азерб. *тумур-чуг* бот. 'почка'). Если *-mi* не входит в корень (*-m-* — глаголообразующий суффикс, ср. *tubo-m-u* 'быть покрытым почками', *tubo* 'горшок'), то вполне естественно, что в других языках этот слог не находит соответствий: РК *tuburi/tumuri* 'голова' (как шарообразный предмет) включает в свой состав и *-r-*.

Как видно, одним из самых существенных семантических признаков предметов является их форма. Но ведь не все предметы обладают определенной формой; например, слюна не обладает таковой. Тем не менее японское название слюны *tuba[ki]* включает, видимо, компонент «округлый» (по форме полости рта). Другой подобный пример: *Mizzuga zzubato gozaru* («Vocabulario...», 1603) 'Вода принимает форму сосуда (букв. округло находится)'. Возникает вопрос: все ли заимствованные слова, похожие по звучанию, близки и по значениям? Что общего, например, между слюной и ласточкой: ДЯ *tuba-mě* (*-mě* — суффикс ряда названий птиц: *suzu-mě* 'воробей', *kato-mě* 'чайка')? Тут нам могут помочь, изосемантические ряды: англ. *swallow* 'ласточка': 'глотать'; кит. *jàn* 'ласточка': 'пир', 'оскорбление': *jàn* 'слюна'. Дело в том, что дальневосточные морские ласточки делают гнезда из кусочков водорослей, скрепляя их своей слюной. Такие гнезда употребляются в пищу, считаются деликатесом. РК для *tuba-mě* — *tubasa* 'крылья', т. е. *tubamě* это 'слюнявая [птичка с большими] крыльями' (тагал. *tubig* 'вода').

Очень важно при выделении семантических компонентов членить значение на части не произвольно, а по возможности так, как это делали сами носители языка при назывании одного предмета по другому. Этого можно добиться, подбирая ряды РК, в которых будут пары корней, отличающиеся

Один от другого наличием/отсутствием только одного семантического признака. Многократное «добавление» или «вычитание» такого компонента покажет, что носители языка считали его существенным. Так, в значении *simo*² 'иней' (~ нанай *симага* 'снег') выделяем четыре компонента: 1) «белизна» (*siro/sira-* 'белый' ~ чув. *шурă* 'белый', монг. *sira* 'желтый', нен. *сыра* 'снег'; яп. *sipo* 'соль'); 2) «холод» (*samu-* 'холодный', *sam-as-u* 'остудить' ~ ман. *saməṛə* 'остужать', тюрк. *samduj* 'полуостывшая пища', эвенк. *сангун* 'прохлада'); 3) «падение вниз» (*simo*² 'низ' — полный омоним, РК); 4) «влажность» [тагал. *silong* 'подвал' (низкое место, где сыро и прохладно), яп. *simo*² 'низовые реки', фин. *Simo* 'Симо' (название ряда рек), яп. *simi* 'проникать', 'просачиваться (вниз)', *simeri* 'влажность', кор. *сыми-* 'впитываться', 'всасываться', тагал. *simsim* 'высасывание', монг. *sime* 'сок', нанай *сими-* 'впитать', 'всосать'].

Как видно, при сохранении дифференциального признака «цвет» конкретный семантический компонент может несколько видоизменяться: корень, который в японском и чувашском значит 'белый', в других тюркских и монгольских языках приобретает значение 'желтый' (тюрк. *sariç* 'желтый', 'желчь'); тюрк. *aq* 'белый' ~ ДЯ *ака-* 'красный', 'светлый'; РК находим в *aki-ra-ka* 'светлый' (значение 'светлый' имеет слово *ака-* и в ряде современных диалектов), халха *ухаа* 'кирпично-красный'. Скр. *ni:la:* 'индиго', 'темно-синий' (название краски, добываемой из растения того же названия) проникло во множество языков, в том числе и в русский (в составе слова *а-нил-ин*): индонез. *nila* 'индиго', 'темно-синий', 'сапфир', тай *нин* 'черный', 'темно-синий', 'темно-зеленый'; халха *нил* 'фиолетовый', *нял* 'фиолетовый', 'индиго', тагал. *nilá* 'манильское индиго', но *nilaw* 'желтый'. Однако древнеяпонское корнеслово *ni* (как и в бирманском) имеет значение 'красный', а *ni/ni-* 'драгоценность' (красного цвета). Видимо, утрата конечного согласного и обозначение не того цвета, что в санскритском, помешали японским лингвистам обнаружить санскритское происхождение *ni*. Многие другие названия цветов в ДЯ связаны с названиями растений, из которых добывалась соответствующая краска: *аю-* 'синий', 'зеленый', 'голубой': *аюи* 'индиго' (тюрк. *avilçii* 'дерево, дающее красные плоды'; сок из плодов этого дерева используется как краситель). Это растение считается ввезенным в Японию с материка в дописьменный период.

Лишь название черного цвета *kuro-* семантически полностью совпадает с общеалтайским *qara* 'черный'. Возникает вопрос: какие семантические компоненты содержатся в названии ворона *kara-su* (тюрк. *qar-ça*) — 'черная птица' или 'птица, [которая кричит] кар-кар?'. Или же первый корень этого сложного слова заимствован из тюркских языков (о чем

говорит огласовка на *-a-*, а не на *-u-* в первом слоге)? Хотя в древнеяпонском языке крик ворона записывался как *kōrōku* («Ман-ю:shu:», № 3521), *kara-* и *kōrō* можно считать РК, тем более что в памятниках XVII в. *кар-кар* передается как *ka:ka:*. Разные суффиксы в тюркском слове и древнеяпонском говорят против заимствования — *kuro-/kara-* относится к общеалтайским корням (тюрк. *qurun* 'сажа').

Чем же материально отличаются один от другого японские РК? Минимальным отличием может служить регистровое ударение (цифрой 1 буду обозначать повышение первого слога, цифрой 2 — второго, нулем — отсутствие повышенного слога; ударение указывается современное): ДЯ *pa*¹ 'зуб', 'лезвие', 'гребень горы': *pa*⁰ 'листва', 'перо' (плоский предмет противопоставляется плоским режущим предметам) ~ тамил. *pa*, удм., коми *пинь*, эрзя *пей* 'зуб', тагал. *pangil* 'клык', 'ядовитый зуб змеи' (ср. яп. *ki-ba* 'клык'); нивх. *пал* 'лес', венг. *fa*, коми *пу*, монгол. *баг*, нен. *пя* 'дерево', яп. *kari-pa* 'береза': тагал. *patpát* 'перо', 'щепка'; *kata*¹ 'плечо': *kata*² 'сторона', 'направление', 'особа'.

Сопоставления с другими языками показывают, что разные ударения возникли, видимо, при переходе от протояпонского языка к ДЯ как компенсация утраченного при этом конечнослогового согласного: *kata*¹ 'плечо' ~ халха *харьт* 'плечевая кость', а *kata*² 'сторона' ~ халха *халтас* 'половина', общетунгус. *калта* 'половина', кор. *кари-* 'делить'. Еще Рамстедт считал такое сопоставление очень правдоподобным [14, 13]. Но *kata*² 'взморье' (точнее, земля, заливаемая приливом и осушающаяся при отливе) ~ монг. *qata-* 'высыхать', тагал. *kati* 'отлив' (при *katihan* 'обнаженное дно после отлива'), тай *hâ:t* 'пляж, взморье'. *Kata*² 'особа' ~ монг. *qatu* 'дама'. Выходит, что даже полные омонимы могут быть разного происхождения.

Полнее всех семантические компоненты корня *kata* «плечо» отражает удэ-русский словарь: *kakta* 'половина предмета, разделенного вдоль'. Можно думать, что такие слова, как чув. *ката* 'край' и фин. *käte* 'рука', содержат общие семантические компоненты с этим японским корнесловом, которое может в составе сложного слова обозначать «один из двух парных членов тела»: *kataasi* 'одна нога'.

Положение, высказанное еще Рамстедтом, о том, что в протояпонском языке были стечения согласных в интервокальном положении, можно подтвердить на большом материале. Упрощение стечения согласных происходило путем выпадения конечнослогового: **kulda* > *kuda* 'труба' ~ кор. *культтук* '(дымовая) труба', ман. *гулдури* 'труба (закрытый желоб)', бур. *гулда* 'палка'. Основными семантическими компонентами этого корня является не назначение предмета, называемого им, а его цилиндрическая форма, продолгова-

тость, сочетающаяся с пустотой внутри (в большинстве языков): яван. *gundang* 'горло', халха *худаг*, тюрк. *qudu* γ, коми *kodem* 'колодец'. Разумеется, в других языках сочетание *-ld-* могло упрощаться и по другим законам: удэ *kula*, нивх. *к'ла* 'труба' восходит к тому же праалтайскому **kulda*, что и яп. *kuda*.

Дописьменные заимствования входили в систему РК, осмыслялись на фоне близких по звучанию цепей РК. Можно предположить, что те иноязычные слова, которые представлялось невозможным осмыслить, приписав им хотя бы часть семантических компонентов близких фонетически корней, не находили себе места в древнеяпонском языке. Но *имё* 'слива' (из кит.), очевидно, сближалось с *ита-* 'вкусный', *ата-* 'сладкий' (кор. *мат* 'вкус', эвенк. *ума:ты-* 'лакомиться свежим мозгом', удм. *умой* 'хорошо', бур. *амта* 'вкус', эвенк. *амта* 'вкус', 'отведать', кхмер. *ает* 'сладкий', халха *амтат* 'вкусный', 'сладкий'); *ита* 'лошадь' — с *ими* 'море' (как средством передвижения — лат. *aqua* 'вода', 'река', 'море': *equus* 'лошадь'; подобный изосемантический ряд С. С. Майзель нашел и в семитских языках); *ара* 'чумиза' (~ тюрк. *арра* 'ячмень', халха *арвай*) — с *арё* 'угощение', *ипи* 'вареный рис' (~ кор. *ип* 'рот'); *туги* 'злаки', 'зерновые', (~ тюрк. *budçaj*, ман. *мучжи* 'пшеница', нанай *муди* 'овес', тагал. *munggo* 'бобы') — с *тик-* 'обдирать', *мог-* 'отрывать', 'сдирать', *тиго-* 'страшный' (~ тюрк. *тиг* 'потребность', 'страдание'; ср. рус. *страда* : *страдание*); *адук* 'красная фасоль' (< *ака* + *тук* ~ тюрк. *tüki* 'пшено') — с *тук* 'толчение' и т. п.

Но если лексика японского языка так системна, состоит из рядов РК, смыкающихся один с другим, то почему же это не было давно замечено? Во-первых, отдельные проницательные лексикологи высказывали подобные догадки [11]. Во-вторых, сильно мешал нелингвистический подход к сравнению корней, при котором сравнивались не корни и их значения, а сами предметы и их названия, которые могли выражать даже в близкородственных языках разные признаки и, уж во всяком случае, могли обладать не во всем одинаковым набором семантических компонентов. Так, *тук* 'луна' включает компоненты: «сияющий» (*ту* 'роса' ~ тюрк. *tujil* 'сияющий'; ДЯ *ту* 'блеск' ~ бур. *туя* 'луч', 'сияние'); «изменяющийся по фазам» (*тук* 'иссякать', 'истекать' ~ тюрк. *tükä-* 'кончатся', 'иссякать'); «мера времени» (*тук* 'месяц': *töki* 'время': *tökö* 'вечный' ~ тюрк. *tuçi* 'всегда': *tuş* 'время'); «круглый» (индонез. *tukil* 'горшок').

Подобные сопоставления, проведенные в большом числе [6]; [7]; [8], приводят к выводу, что нередко наиболее близкий фонетически корень в другом языке может не обладать всем набором семантических компонентов данного корня (*тук* 'луна': тюрк. *tujil* 'сияющий'). Но для отождествления

этих корней полного семантического совпадения и не требуется. Но зато следует выдвинуть другое требование: для обнаружения общего древнего пласта лексики необходимо найти во всех сравниваемых языках сходные цепи РК, т. е. сравнение должно быть не «атомарным», корни надо сравнивать не порознь, а целыми рядами, как бы на «молекулярном уровне». Трудность такой методики состоит в том, что фонетическая разница между РК в одном языке обычно является уникальной, отражая уникальное различие между предметами реальной действительности, которые эти корни называют. Так, в языках с постоянным местом ударения мы не найдем прямых соответствий парам и тройкам японских слов, различающихся только ударением: *asi*² 'нога': *asi*¹ 'тростник': *asi*- 'плохой' (ноги — самая низкая часть тела, отсюда 'плохой'). Слова, являющиеся точными фонетическими соответствиями, не совсем совпадают по семантическим компонентам: эвэнк. *асилга/ашилга* 'след ног зверя', тюрк. *ашуқ*, тур. *aşık* 'лодыжка', тюрк. *aşaq* 'подножие горы', ман. *акшунь* 'плохой', ср. также *ајақ* 'нога', *ајіқ* 'злой', там. *ари* 'нога', халха *адаг* 'конец', 'плохой' (по качеству) восходит по значению к «нога». Но сравнивать *asi*² с кор. *pal* 'нога' не приходится [ср. 13, этимология № 87], так как *pal* ~ ДЯ *pagi* 'голень', нанай *налган* 'ступня', эрзя *пильге* 'нога' (корейский удерживает *l*, японский его утрачивает как конечно-слоговой). Ср. и тагал. *раа* 'нога', тюрк. *ақsun* 'свирепый'.

Близкий к *asi* ряд РК начинается на *p*-: *pasi*¹ 'палочки (для еды)': *pasi*² 'мост': *pasir-u*² 'бежать' (ударение как в *asi*² 'нога') ~ хак. *nac*- 'давить', 'ступать', 'шагать' [компонент «давящий» содержится в значении «палочки» (*pasam-u* 'сдавливатель', *pasama* 'узкая долина, сдавленная горами')], коми *пос* 'мост', тагал. *пасуал* 'прогулка'.

Выводы

1. Во всех языках имеются комплексы РК, близких по звучанию и значению. В славянских языках их наличие фактически признано. Так, *кол*, *клык* и даже *колод-а* М. Фасмер сближает пометами «от колоть» [10, 293, 256]. В статье *колос* сказано: «...сюда же *колоть* и родственные» [10, 295]. Между тем очевидно, что в системе лексики славянских языков письменного периода это четыре разных корня. Точно так же М. Фасмером признано родство корней слов *зелье*: *зола*: *зелень*: *золото*; в статье «желтый» сказано: «С рефлексом другого заднеязычного сюда относится группа слов *золото*, *зеленый*» [10, 44].

В японском языке под влиянием иероглифики РК, пишущиеся различными знаками, осознаются как этимологически разные. Между тем китайская письменность привнесена из-

вне, она не могла отражать близости между исконными японскими корнями, которая существовала и в дописьменный период.

В области сравнения корней в японистике наметилось сильное отставание по сравнению с индоевропеистикой, где давно признаны «перегласовка» и так называемые «детерминативы», т. е. разные конечные согласные сходных в остальном корней, возводимые к праиндоевропейским суффиксам (типа *глух: глуп* или *кол: колос*), как средства древнего корнеобразования.

2. Метод семантических компонентов оказывает большую помощь при сравнении значений РК. Его следовало бы взять на вооружение не только при научном анализе, но и при практическом преподавании языка.

3. Запоминание «японских чтений иероглифов», под видом которых изучаются корни японского языка, не восходящие к китайским, будет значительно облегчено, если они будут преподноситься не в одиночку, а в виде целых рядов РК. Это создаст необходимые мнемонические ассоциации, отсутствие которых превращает изучение лексики в бессмысленную зубрежку.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

азерб.	— азербайджанский	нивх.	— нивхский
англ.	— английский	новояп.	— новояпонский
бенг.	— бенгальский	РК	— родственный корень
бот.	— ботанический	рус.	— русский
бур.	— бурятский	скр.	— санскритский
венг.	— венгерский	старояп.	— старояпонский
др.-англ.	— древнеанглийский	тагал.	— тагальский
др.-исл.	— древнеисландский	там.	— тамильский
ДЯ	— древнеяпонский	тунгус.	— тунгусский
индонез.	— индонезийский	тур.	— турецкий
кит.	— китайский	тюрк.	— древнетюркский
кор.	— корейский	удм.	— удмуртский
кхмер.	— кхмерский	хак.	— хакасский
лат.	— латинский	фин.	— финский
ман.	— маньчжурский	чув.	— чувашский
монг.	— среднемонгольский	эвенк	— эвенкийский
монгор.	— монгорский	яван.	— яванский
нен.	— ненецкий	якут.	— якутский
		яп.	— японский

ЛИТЕРАТУРА

1. Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958.
2. Э. А. Макаев, Проблема детерминативов в индоевропейском и общегерманском, — «Вопросы языкознания», 1969, № 1.
3. И. А. Мельчук, О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках, — «Вопросы языкознания», 1963, № 4.
4. В. М. Солнцева, Язык как системно-структурное образование, автореф. докт. дисс. М., 1970.

5. В. П. Старинин, К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзеля),— «Советское востоковедение», 1955, № 4.
6. Н. А. Сыромятников, Методика изучения общих морфем в алтайских языках,— «Проблемы общности алтайских языков», Л., 1971.
7. Н. А. Сыромятников, О лексике, общей у японского языка с индонезийским и тагальским,— «Вопросы японской филологии», 1, М., 1970.
8. Н. А. Сыромятников, Определение родственности корней,— «Вопросы языкознания», 1972, № 2.
9. Н. А. Сыромятников, Теории изосемантических рядов и родственных корней как необходимые методы для этимологии японского языка,— «Studies in General and Oriental Linguistics», Tokyo, 1970.
10. М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967.
11. Ando: Masatsugu, Kodai-kokugo-no kenkyu:, Tokyo, 1924.
12. Jidaibetsu-kokugo-daijiten, Tokyo, 1967.
13. S. E. Martin, Lexical Evidence Relating Corean to Japanese,— «Language», 1966, № 2.
14. G. J. Ramstedt, A Comparison of the Altaic Languages with Japanese (1924),— «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 55, Helsinki, 1951.

СЕМАНТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В ПОМОЩЬ ДЕШИФРОВКЕ
МЕРОИТСКОГО ЯЗЫКА

1. Тексты на мероитском языке, подобно текстам некоторых других полностью недешифрованных языков древности, как, например, этрусский, читаются, но смысл их остается недоступным на 80—85%.

Поэтому нам важна каждая возможность расширить наш горизонт и сократить ареал «белых пятен». Одну из таких возможностей предоставляют обильные имена собственные, которые иногда пропадают без утилизации их в целях дальнейшей дешифровки. В самом деле тезаурус мероитской лексики однообразен и краток. Только две или три «исторические надписи» (царя Таньизамани, царевича Акинидада) достаточно пространны, чтобы позволить анализ языковых средств мероитов. Основная масса надписей состоит из надгробных стел и жертвенных алтарей, испещренных заупокойными формулами. Они-то и содержат имена собственные умерших, их близких и связанных с ними лиц. Это положение очень напоминает положение с этрусским языком: с одной стороны, громадное число документов, а с другой — наиболее для нас интересные с точки зрения информации отдельные словотипы — в весьма ограниченном количестве.

Известны имена собственные людей, как мужчин, так и женщин, а также имена богов и богинь. Последние входят в состав первых, и тогда возникает возможность объяснить и понять одни с помощью других.

2. Ключ к дешифровке какой-то части мероитского языка, стало быть, содержится в самих именах собственных.

В противоположность семитским языкам, в которых способ сложения слов мало развит, в мероитских текстах мы часто встречаем составные слова. Это касается преимущественно имен собственных. Все длинные слова, т. е. состоящие из 4—5 согласных и более, должны подвергаться анализу на расчленение.

При этом надо иметь в виду, что сложные слова могут быть двух видов: такие, в которых все части или элементы ясно членятся, и такие, в которых наличествуют апокопы, гаплогонии, ассимиляции и другие фонетические явления, затрудняющие чтение и распознавание таких слов с первого взгляда.

Наряду с ономастическим материалом встречается много титулов: божественных, жреческих, гражданских. Это наиболее труднодоступная для нашего понимания часть лексики, ибо сетка человеческих взаимоотношений полностью ускользает от нас. Только египетские и отчасти нубийские и греческие аналогии позволяют кое-что угадывать.

3. Имена собственные людей включают иногда в себя слово *МК* 'бог' < **miuku* ~ **munku*¹ как составной элемент. Оно встречается одинаково часто в мужских и женских именах.

Следует помнить, что, поскольку рода как грамматической категории в мероитском нет, слово *МК* может значить не только 'бог', но и 'богиня'. Оно может находиться в начале, в середине или в конце слова: *МКŠTME*, *МКŠUR-MLULI*; *WUḤMKŠ*, *ḤRMLUMKŠ*, *VI. I. ḤNMKŠ*; *ḤPEZMK*.

3.1. Как составной элемент *МК* может включаться и в имена богов, и в титулы.

3.1.1. *ḤPEZMK* 'Апезамак' (львиное божество) членится на два компонента: *a'pədʷə-mk* '? + бог'. Первый компонент этого слова, возможно, представляет собой топоним *PEZEME*. Тогда *PEZEM(EM)K* с гаплогонией одного *EM* 'Пеземе — бог', т. е. 'пеземский бог'. Это название Ибрима (араб.) или древнего Премниса (Премнис Страбона).

3.1.2. *МКЕ ŠḤE* — священный титул, вероятно, состоит из двух частей *mk* + *šahə* 'бога поющий' (тот, кто поит, кравчий, архитриклин).

3.2. Что касается конечного элемента *МКС* в женских именах собственных, то, поскольку *МК* означает 'бог', весь термин мог бы служить для того, чтобы обозначать богиню. «Этот термин мог бы обозначить по-мероитски божество» (Ce terme pourrait servir à désigner une divinité en méroïtique, éventuellement), — пишет проф. Жан Леклан [2, 183]. Я не могу согласиться с этим замечанием, так как существуют начальные формы с тем же элементом, с одной стороны, и притяжательные значения для *S* — с другой. См. 6.3.

4. В тех же условиях, что и слово *МК*, встречаются имена совершенно конкретных и определенных богов. Среди конкретных имен богов, включаемых в имена собственные людей, удается в первую очередь распознать имена египетских бо-

¹ Ср. суахили *tingu*.

гов, вошедших в мероитский пантеон, таких, как Амон, Осирис, Исида, Гор, Мут, Хонс и др. (см. таблицу).

Имя бога	Эквивалент	Мероитские имена людей	Мероитское имя бога
Амон	<i>imn</i>	ⲄMNI	'amani
Осирис	<i>ws-ir</i>	MKŠURMLULI WUŠMKS	šur
Исида	<i>ese</i>	WUŠSL MLIWUŠ	wuš
Гор	<i>hr</i>	HRMLUMKS ⲄRBRYƏ	br 'r
Мут	<i>mw. t</i>	MUTBR	mut
Хонс	<i>hnsw</i>	HŠUTƏLI	hunšu
?		YI. I. NMKS	yi. i. n.

4.1. Имя Амони входит в царские теофорные имена, которые с него начинаются (*Амани-каташан, Амани-таракиде, Амани-тенмемиде, Амани-халика*) или им оканчиваются (*Акрак-амани, Йесбехе-амани, Лахиде-амани, Тамелерде-амани, Текериде-амани*) (список дается по И. С. Кацнельсону [1, 233]).

4.2. Имя Амони также входит в состав имен богов Аменофиса или Аменопе, т. е. Амона Напатского: ⲄMNP < *'amani + napata.

5. Некоторые имена содержат титулы «таме», «круп» (принц): MKSTME [3] см. 6.3.3.; ⲄWEZEQRUR (REM 1020); ⲄRKHRUR (REM 1005) — hrur-qrur.

6. Ряд имен включает эпитеты MLI ~ MLU, нисбы на -LI ~ -TELI или частицу принадлежности -S.

6.1. MLI ~ MLU 'хороший, достойный', 'хороший для'.

6.1.1. Имя MLWUS (REM 1049) — имя собств. ж. * < (1) mli- (2) wuš '(1) достойная (2) Исиды', 'хорошая (для) Исиды'.

6.1.2. MKSURMLULI — имя собств. м. < * (1) mak (2) šur- (3) mli- (4) l- (5) i '(1) бога (2) Осириса (3) достоин (= хорошо для) (4) этот... [человек] или '(1) богу (2) Осирису (3) хорошему (4) этот [человек принадлежит] (посвящен)'.

6.1.3. HRMLUMKS [3] — имя собств. ж. < (1) Hr- (2) mli- (3) mk- (4) s '(1) Гора (2) хорошего (3) бога (4) его (эта женщина)'. Вариант 'достойна' здесь не подходит!

6.1.4. MELIKZIYE [3] — имя собств. ж. (1) mēli - (2) kad^hi- (3) yə '(1) хорошая (2) женщина (3) суффикс имени собственного'.

6.2. Нисбы на *-LI* или *TəLI* без различия рода встречаются в именах собственных, например: *HSUTəLI* = (1) *hun-šū*- (2) *tə*- (3) *li* 'богу Хонсу посвященная'; *MKSURMLULI* см. 6.1.2.

6.3. Наконец, очень важный элемент — наличие частицы *S*, выражающей принадлежность: *WUŠSL*, *WUŠMKS*, *MKSTME*, *YI.I.ŃMKS HRMLUMKS*. Эта частица стоит в любом месте слова, но всегда после имени бога или слова *MK*. Она встречается в именах как мужчин, так и женщин, ср. 3.2.

6.3.1. Имя *WUŠSL* состоит из элементов (1) *WUŠ-* (2) *s*- (3) *l* и значит '(1)Исида (2)ее (-ей принадлежит) (3)этот (эта) мужчина (женщина)'

6.3.2. Имя собственное женщины *WUŠMKS* состоит из (1) *wiš-* (2) *mk-* (3) *s* '(1) Исида (2) богини (3) ее (-ей принадлежит) эта женщина', т. е., по сути, она ей посвящена.

6.3.3. Имя собственное мужчины *MKSTME* 'Макастеме' может быть понято как: (1) *mak-* (2) *s-* (3) *tamə* '(1) богу (2)принадлежащий (3)таме' (это функция, нам не понятная) или '(1)бога (2)его (3) таме'

6.3.4. *YI. I. ŃMKS* приводится как имя собственное женское (REM 1052), часть слова до элемента *MK* может представлять собой имя божества.

6.3.5. *HRMLUMKS* см. 6.1.3.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. С. Кацнельсон, Напата и Мероэ, М., 1971.
2. J. Leclant, Ecole pratique des Hautes Etudes, Sciences religieuses, t. 78, Paris, 1970—1971.
3. F. Ll. Griffith, Karanòg, Philadelphia, 1971.

Т. М. ГАРИПОВ

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КОРРЕЛИРУЮЩИХ СЛОВ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

(по данным кыпчакских языков Урало-Поволжья)

Сравнительная семасиология в востоковедческой, и в частности тюркологической, лингвистике делает свои лишь первые шаги. Это связано с устоявшимся представлением о генетической близости звукового состава, грамматического строя и семантической системы большинства тюркских языков, что, видимо, сдерживало изучение их несходных, частных и аномальных явлений.

Действительно, основные значения почти всех исконных корней и многих производных словоформ, как правило, совпадают в различных тюркских языках, например: др.-тюрк. *аб* 'охота на зверей', огуз. *ав*, уйг. *ов*, кыпч. *ау* 'охота'; др.-тюрк. *ар* 'уставать, утомляться', чув. *ыр*-, башк. и тат. *ары*- в том же значении; др.-тюрк. *аз*, кирг. *ач*, тат. (тобольское наречие) *ач*, каз. *аш*, башк. *ас*, чув. *выҫа* в одинаковом значении 'голодный' и т. д.

Факты семантических расхождений, подчас довольно значительных, даже в пределах близкородственных групп тюркских языков менее общеизвестны. Между тем для сравнительно-семасиологических изысканий существенны случаи — пусть не всегда многочисленные — смысловой дифференциации в отмеченных языках. Думается, что результаты подобных наблюдений могут представить известный теоретический и, уж во всяком случае, общетюркологический интерес.

Исходным материалом для исследования послужили факты, выявленные при сравнительном анализе семантики однопорядковых структурных единиц в кыпчакских языках Урало-Поволжья. Исследуя в ходе работы над темой «Историческое развитие кыпчакских языков Урало-Поволжья» семантические ряды основных корнеслов, их дериватов и ком-

позиций в таких близкородственных языках, как башкирский и татарский, и привлекая в необходимых случаях типологические параллели из остальных кыпчакских языков (чаще других — казахского) и отдаленно родственного, но непосредственно соседствующего с ними чувашского, мы пришли к следующим предварительным выводам.

Исконно первичная лексика вместе с обладающими самостоятельными значениями (семемами) ближайшими производными, но без явных заимствований и позднейших искусственных образований (равно как и регулярных грамматических форм) насчитывает в каждом из кыпчакских языков очерченного региона до 3000 словарных единиц¹.

Свыше двух третей данного количества составляют практически адекватные лексемы, отличающиеся (и то далеко не всегда) лишь звуковым, графическим и морфологическим оформлением, тогда как на долю принципиально разнящихся слов остается примерно по несколько сот единиц в каждом языке. Сюда относятся прежде всего проявления межъязыковой полисемии, или так называемые «разносемные слова»; немногие спорадически совпадающие слова, или межъязыковые омонимы; далее, коррелятивные слова, или межъязыковые синонимы; и, наконец, своего рода «разностные слова», специфически наличествующие в одном языке и соответственно отсутствующие в другом.

Забегая несколько вперед, можем констатировать, что наряду с установленным ранее типологическим сходством в сфере грамматики и системными соответствиями в области фонетики это неопровержимо свидетельствует о едином для рассматриваемых языков источнике происхождения в далеком прошлом (тюркская языковая общность), а также об общем импульсе развития в сравнительно недавнюю эпоху (интенсивное кыпчакское этнолингвистическое воздействие).

Какие же семантические процессы лежат в основе внутриязыковых и межъязыковых смысловых сдвигов и частичных уточнений в значениях однопорядковых структурных единиц? Это уже обозначенные выше универсальные или почти универсальные для языков мира явления полисемантизации, омонимизации и синонимизации при одновременном сохранении и таких констант родства языков — реже их сродства или свойства (Affinität в терминах Н. С. Трубецкого), — как изосемия и унисемия.

Последнее обозначение, хотя и вводится в pendant к традиционной моносемии, существенно отличается от нее, как отличались бы друг от друга их русские эквиваленты «едино-

¹ Для сравнения укажем на 535 (правда, только односложных) корней на уровне пратюркского языка, предложенных А. М. Щербаком [3, 193—198], и примерно 2600 слов, включая заимствования, у В. Г. Егорова [2, 4].

значность» и «однозначность». Два слова в двух или более языках будут унисемантичными, если все их значения — от одного до нескольких — совпадают между собой. Меньшая же степень близости значений в указанных словах дает нам только изосемию.

Параллелям, обнаруживаемым в составе, казалось бы, по сути своей однородных семантических полей башкирского и татарского языков, можно найти подтверждение и на материале других тюркских (и не только тюркских) языков.

В группе обозначений родственных отношений семантически полностью совпадают термины: башк. *эсэ*, вокатив *эсэй*, *эсәһе*, диал. *иней*, *инэ*, *инэй* и тат. *ана*, вокатив *эни*, *энисе*, диал. *анай*, *инэ*, *инэй*, *нәнэ*, *нәнэй* 'мать, мама'; башк. *ата*, вокатив *атай*, *атаһы*, диал. *атый*, *этей*, *этэй*, деминутив *эткэй* и тат. *ата*, вокатив *эти*, *этисе*, диал. *атай*, *эткей*, *этки* 'отец, папа'; башк. и тат. *ул*, уст. *уғыл*, вокатив *улым*, деминутив *ул(ы)кайым*, диал. *у(ғ)лан* 'сын'; башк. *кыз*, вокатив *кызым*, деминутив *кызыкай* и тат. *кыз*, вокатив *кызым* 'дочь'.

Ср. также примеры на унисемию в других параллельных семантических полях, в частности обозначения цвета: башк. и тат. *ак* 'белый', *ал* 'алый', *йәшел* 'зеленый', *күк* 'синий, сизый', *кара* 'черный' и пр.; то же в подсистеме наименований мастей животных: башк. и тат. *ала* 'пегий', *көрән* 'бурый', *кашка* 'с белой метиной на лбу', *коба* 'светло-бурый', *кола* 'буланный, саврасый', *туры* 'гнедой' и т. п.

В сфере лексико-тематических групп глагола унисемантичны следующие пары: башк. и тат. *абайла-* 'быть осторожным', *абын-* 'спотыкаться', *ал-* 'брать, взять', *алда-* 'обманывать', *арын-* 'выпутаться', *ат-* 'бросать, стрелять', *атла-* 'шагать, ступать', *айа-* 'жалеть' и многие другие.

Сходны по смыслу некоторые разряды других слов. К ним относятся: дейктические местоимения и наречия [*бик* 'очень', *кем* 'кто', *мин* 'я', *ни* 'что', *таман* 'как раз, впрору', *ул* 'он(о), она', *шул* 'то(т), та', *эле* 'ныне, сейчас еще']; связочные элементы типа послеложных и провербов-заместителей глагола (*ал* 'перед', *арт* 'зад', *аша* 'через', *мә* 'на, возьми', *тыш* 'кроме, сверх', *әллә* 'либо, может быть', *йан* 'бок, сторона'); междометно-подражательные слова (*абау* 'ой', *ай-һай* 'ой ли', *ай*, *аһ* 'ах') и др.

Вместе с тем в каждом из этих классов можно обнаружить и существенные различия, характерные лишь для одного из рассматриваемых языков. Так, межтюркскому термину родства *аға*, *ака* 'старший родственник по мужской линии' в башкирском соответствует *ағай* 'старший брат, дядя', а также 'дядюшка' как обращение к старшему по возрасту мужчине; в татарском же сохранилось только последнее значение 'дядя, дядюшка' — как вежливое обращение к стар-

шему, а первое перешло к термину *абый* 'дядя, старший брат' (в диалектах, впрочем, встречается и 'старшая сестра', например *Зөлэйха абый* 'тетя Зулейха'). В свою очередь *абый* по-башкирски употребляется лишь в говорах, вероятно, испытавших определенное воздействие татарского языка, к примеру, в айском говоре это обращение школьников к учителю. В роли синонима к нему выступает тат. *абзый* 'просвещенный, грамотный (в прошлом чаще всего о мулле)', но в мелекесском говоре и как устарелое обращение невесты к единственному младшему брату жениха — в контексте *бергенә абзый*. Кстати, этимология *абзый* пока еще неясна. С одной стороны, тюркологи, и среди них исследователь терминологии родства Л. А. Покровская, хотели бы видеть в нем межтюркский корень *аба* 'старший родственник', начиная от отца и деда и кончая матерью и бабушкой, а также медведем в табуированном смысле. С другой стороны, ориенталисты широкого профиля (Л. Будагов, например) возводили *абзый* к арабскому причастию действительного залога I породы глагола «охранять» в значении «лицо, знающее наизусть Коран».

Еще два парных термина единого происхождения обладают весьма пестрой полисемией: башк. *эбей* 'баб(уш)ка', 'всякая пожилая женщина, старше отца или матери', 'старшая сестра', разг. 'повитуха', диал. 'обращение мужа к жене' — ср. русск. просторечн. *старуха* в качестве обращения; тат. *эби* 'бабушка', диал. 'теща', разг. 'повитуха, домашняя акушерка', окказ. 'обращение жениха к матери невесты'; башк. *анай* 'старшая сестра', 'тетя', а также вежливое обращение к пожилой женщине, диал. обращение к младшим братьям и сестрам, а также к мачехе; тат. *ана* диал. — обращение к уважаемой женщине независимо от возраста, но образованной; обращение невестки к старшей сестре мужа.

Та же форма в башкирских диалектах наполняется уже иным содержанием: 'старший брат отца, свекор', а также вежливое обращение к старику и обращение школьников к учительнице.

Ср. также *баба* башк. 'лицо, занимающееся обрезанием' — тат. 'дед(ушка)'; *бабай* башк. 'старик', 'дед(ушка)', 'дядя старше родителей', 'тесть' — в татарском первые четыре семемы совпадают, а пятая, диалектная, довольно неожиданна — 'бабушка с отцовской стороны'.

Подобные факты дали основание известному исследователю чувашского языка В. Г. Егорову предположить, что в древности тюрки, да и монголы, различали родственников не по полу, а по возрасту [2, 18]. К этому следует присовокупить мнения многих авторитетов, и в их числе Ю. Покорного, автора индоевропейского этимологического словаря, о том, что

звукосочетания *ап, па, аб, ба, ам, ма* и их контаминации в ряде крупных языковых семей мира являются лепетными словами с почти универсальной семантикой «обращения детей к родителям» [4, 52].

Приведем еще несколько иллюстраций межъязыковой полисемии, используя метод компонентного анализа. При этом совпадающие значения полисемантических слов ради экономии места мы опускаем. В расходящихся же семемах, как обычно, выделяются общие и дифференциальные семы (в дальнейшем ОС и ДС).

Анализ значений проводится по двум уровням — внутрисловному и межсловному. На первом из них вскрывается структура отдельной семемы (другие же значения слова могут не приниматься в расчет). На втором противопоставляется семантика целых словесных рядов, связанных отношениями синонимии, антонимии, омонимии, а также смысловых полей в ипсеновском понимании их как обобщения итогов сравнительно-исторического изучения лексики родственных языков [1, 55].

По соотношению общих и дифференциальных компонентов смысла в классе существительных наиболее закономерен и употребителен тип семантической соотносительности, при котором общими оказываются родовые семы, а различительными — видовые, частные.

Так, башк. *арса* 'вереск' и тат. *арча* 'можжевельник' объединяются признаками принадлежности к кустарниковым, а отличаются мелколиственностью в первом случае и хвойностью во втором.

Башк. *бәрзе* 'хариус' и тат. *бәрде* 'пескарь' имеют общий компонент смысла — принадлежность к классу рыб — и дифференциальные семы, называющие разные семейства (лососевых и карповых соответственно).

Башк. *йәтмә* 'сачок' и тат. *йәтмә* 'бредень' относятся к орудиям лова, отличаясь «мешковидностью» и «сетевидностью».

Башк. *һарайак* 'осенний теленок' и тат. *сарайак* 'первотелок' принадлежат к «детенышам коровы», различаясь конкретными смысловыми признаками.

Иногда в качестве общей семы выступает признак формы, а в качестве дифференциальных — признаки функций: *кыйык* башк. 'лоскут' и тат. 'косынка' (ОС — косовидность, ДС — назначение), *күтәрмә* башк. диал. 'каблук', тат. 'передок телеги' (ОС — приподнятость, ДС — назначение).

Часто в роли общих выступают семы, выражающие идеи вещественности в значении слова, а в роли различительных — наряду с конкретными — компоненты категориальной принадлежности к той или иной части речи: ср. башк. *бошман* 'унылый' и тат. *пошаман* 'беспокойство' из перс. *пйшиман*

‘раскаивающийся’; башк. *казылма* ‘ископаемый’ и тат. *казылма* ‘раскопка’; *маймык* башк. ‘слабый, хилый’, тат. ‘малёк, малявка’; башк. *сыт* ‘навес’ и тат. *чыт ит-* ‘закрывать глаза’ и др.

В особый вид семантической соотносительности необходимо выделить противопоставления моносемантических слов в одном языке полисемантическим словам в другом, т. е. случаи количественных смысловых расхождений.

Таковы *ил* башк. ‘народ’, тат. еще и ‘рой пчел’; башк. *комһар-* ‘измениться в лице’ и тат. *комсар-* ‘вылинять’, а также ‘жадничать’; *лыка* башк. ‘до отказа’ и ‘возвышенность’, тат. ‘доверху’ и т. п.

Межъязыковые омонимы чаще всего являют собой созвучия-омофоны, вызванные к жизни известными фонетическими соответствиями между названными языками (обычно по линии башк. *с* — тат. *ч*).

Таковы *ас* башк. ‘голодный’ и тат. ‘горноста́й’; *ас-* башк. ‘открывать’ и тат. ‘вешать’; *кис* башк. ‘вечер’ и тат. ‘режь’; *өс* башк. ‘три’ и тат. ‘верх’; *сабан* башк. ‘ленивая (лошадь)’ и тат. ‘плуг’; *сак* башк. ‘время, пора’ и тат. ‘осторожный’; *сал* башк. ‘седина’ и тат. ‘плот’; *усак* башк. ‘очаг’ и тат. ‘осина’ и т. п.

Омоморфными являются аффиксы башкирского деминутива и татарского квалитатива на *-сак* с вариантами: башк. *колонсак* ‘жеребеночек’ и тат. *ашамсак* ‘любитель поесть’; на *-сыл* с вариантами: башк. *ваксыл* ‘мелочный’ и тат. *сусыл* ‘сочный, водянистый’. Кроме них встречаются и случайные совпадения по форме, не имеющие смыслового единства: *акма* башк. ‘болезнь желез’ и тат. ‘проточная вода’; *маймак* башк. ‘малёк’ и тат. ‘шип, тормоз’.

Из межъязыковых синонимов отметим несколько коррелятивных пар, главным образом на уровне диалектов и говоров: башк. *ағуна* — тат. *көртлек* ‘куропатка’; *илә-* — *эрлә-* ‘прясть’; *кесәртке* — *кәлтә* ‘ящерица’; *комак* — *күсе* ‘крыса’; *нимә* — *нәрсә* ‘что’; *олон* — *кәүсә* ‘ствол’, *оләсәй* — *дәүәни* ‘бабушка’; *сикак* — *очкылык* ‘икота’; *тап* — *йомыкка* ‘стружка, щепка’ и др.

Особенно любопытны случаи так называемой «перекрестной» синонимии, охватывающей по преимуществу различные реалии; башк. *гөбөргәйел* — тат. *ташбака* ‘черепаха’, но тат. *гөберле бака* — башк. *эрмәнде* ‘жаба’. Или башк. *карағай* — тат. *нарат* ‘сосна’, но тат. *карағай* — башк. *карағас* ‘лиственница’.

В результате указанных процессов семантическая система обоих языков обогащается новыми значениями, которые либо генерализуются, либо специализируются по линиям социальной, профессиональной, стилевой, жанровой и прочей дифференциации.

Нередки и метонимические изменения между такими семемами, как «часть» и «целое», «родовое» и «видовое», «процессуальность» и «орудийность», «материал» и «продукт» и т. п. Помимо уже рассмотренных можно было бы сослаться и на такие примеры; башк. *кәпсәк* 'ступица' и тат. *кәпчәк* 'колесо, маховик'; *кәпәс* 'шапка' и *кәпәч* 'тюбетейка, чеплашка'; *кәшәкә* — род травяного хоккея и 'клюшка, кий'; *кула* 'ведро' и 'жесть' и др.

Мы стремились в ходе исследования уяснить причины возникновения анализируемых семантических соответствий и переходов в кыпчакских языках Урало-Поволжья, а также установить системный характер их взаимодействий.

Надо полагать, не последнюю роль среди факторов исторической изменчивости семантики двух родственных языков сыграли: неодинаковость условий, в которых складывались и функционировали эти языки; разная степень воздействия на последние со стороны материально близкого болгарского и иноязычных иранского и финно-угорского субстратов и, наконец, самобытность развития башкирского и татарского языков, отдалившего их от общекыпчакского состояния, что привело в итоге к появлению в каждом из них специфических слов, отсутствующих в лексике другого языка.

Так, известно, что до 40% территории Башкирской АССР занимают горно-лесные районы. Не удивительно, что в башкирском лексиконе чрезвычайно развиты системы обозначения рельефа, лесных промыслов, не говоря уже о многочисленных терминах отгонно-пастбищного животноводства.

Имеются отличительные особенности и у татарского словаря, отражающего жизнь народа, истари связанного с оседлым земледелием, городским бытом, занятиями ремеслами и торговлей. Весьма ощутим пласт книжных слов, восходящих к старотюркской письменной традиции.

По-разному реагировали в своей истории башкирский и татарский языки на такой внешний импульс развития своих структур, как лексико-семантические заимствования из арабского, персидского, монгольского, а также славянских языков. В наших материалах представлено по несколько сот единиц подобной межъязыковой идиолексики. В частности, в составленном нами структурно-сопоставительном словаре башкирского и татарского языков особо выделены группы слов, присущих только одному из указанных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы теории языка в зарубежной лингвистике, М., 1961.
2. В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
3. А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970.
4. J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern und München, 1959.

ОПЫТ ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ-МОДИФИКАТОРОВ
В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркских и монгольских языках существуют так называемые служебные глаголы или, иначе, глаголы-модификаторы, «которые помимо своего обычного употребления выполняют специфические служебные функции» [2, 67], а именно, сочетаясь с причастными и деепричастными формами «основного» глагола, образуют сложные перифрастические формы с видовым или модальным значением [5, 6—9]. Количество глаголов-модификаторов в отдельных языках может достигать до 30, однако наиболее употребительных из них только около 15, см. ниже список глаголов-модификаторов (см. таблицу).

В списке не приведены глаголы-модификаторы, основное значение которых совпадает с модифицированным смыслом (тюрк. *бүт-, бит-*, монг. *дууса-* 'кончаться', тюрк. *башла-* монг. *эхлэ-* 'начинать' и др.). Случаи употребления остальных, более редких глаголов-модификаторов часто напоминают фразеосхемы. Вообще, модификационное значение, по видимому, является производным от их фразеологической функции, т. е. дальнейшим обобщением и абстрагированием их фразеологического смысла.

Собственные значения идентичных глаголов-модификаторов в разных языках в большинстве случаев совпадают до мельчайших оттенков. Ср. тюрк. *кара-* 'смотреть, испытывать, пытаться' и монг. *үзэ-* 'смотреть, испытывать, пытаться'; тюрк. *кой-* 'ставить, отпускать, подпускать, довершить' и монг. *тав-* 'ставить, подпускать, запускать, довершить'; тюрк. *йаз-* 'лишаться, промахнуться, ошибаться, грешить', в роли служебного глагола соответствует русскому выражению *чуть было не...* и монг. *алда-* точно в тех же значениях.

Тюрк.	Монг.	Основное значение	Модификационное значение
<i>йат-</i>	<i>хэбтэ-</i>	лежать	продолжительность, непрерывность
<i>олтур-, утыр- тур-</i>	<i>суу-(сагу-)</i>	сидеть, осесть	интенсивная продолжительность
		стоять	прерывистая продолжительность
<i>йур-</i>	<i>яв-(йабу-)</i>	ходить	интенсивная и прерывистая продолжительность
<i>кел-</i>	<i>ире-</i>	приходить	продолжительность начиная с некоторого момента в прошлом
<i>кет-</i>	—	уходить	продолжительность с некоторого момента в настоящем
<i>бар-</i>	—	поехать, пойти	продолжительность с некоторой постоянной тенденцией
<i>туш-</i>	<i>буу-</i>	спускаться, спуститься	вступление в действие (с некоторой тенденцией)
<i>чык-</i>	<i>гар-</i>	выходить, подниматься	выход из действия
<i>кой-</i>	<i>тав-</i>	поставить	интенсивная законченность
<i>ташла-</i>	<i>орхи-</i>	бросить	очень интенсивная законченность
<i>ал-</i>	<i>ав-</i>	взять	свободная законченность (в свою пользу)
<i>бер-</i>	<i>ог-</i>	дать	свободная законченность (в пользу кого-либо)
<i>йаз- кара-</i>	<i>алда- үзэ-</i>	промахнуться посмотреть	чуть было не... пытаться

Внутри самой тюркской группы языков и диалектов синонимичные или совпадающие по структуре значений глаголы часто употребляются и в идентичных модификационных значениях, ср. тат. лит. *кара-* и диал. *бак-* 'посмотреть' идентичны и во вспомогательной функции ('попытаться'); тат. *ташла-* и чув. *пйрах-* 'бросить', тат. *йат* и чув. *вырт-* 'лежать' точно совпадают во всех оттенках значений, хотя и не являются исторически однокоренными словами. Более того, некоторые исследователи такие соответствия находят в целой группе неродственных языков, в которых имеются глаголы-модификаторы [3]; [4, 247—259].

Причины образования таких устойчивых структур значения, очевидно, следующие: а) общезыковые закономерности переходов значения; б) периоды двуязычия соседних народов (Махмуд Кашгарский, например, сообщает, что в X в. многие племена и народы, в том числе татары, «говорят по-тюркски, но имеют свои особые языки», т. е. они были двуязычными): языковая интерференция и стремление к аналитичности на стыке двух языковых областей чаще всего осуществлялись в древности на основе таких факторов, как дуально-родовая система (жена из другого племени) [1, 33—72]; в) изначальное сходство строя, например, алтайских языков (агглютинация и постпозиция аффиксов, сингармонизм и одинаковый характер слога и т. п., что облегчает калькирование значений слов).

Перейдем теперь непосредственно к семантике. Собственные значения глаголов-модификаторов выражают наиболее часто встречающиеся в жизни человека состояния и действия: лежать, сидеть, стоять, ходить (приходить, уходить), поехать, ставить, бросить, взять, дать, посмотреть... Нетрудно увидеть причинную связь между собственным значением глагола и употреблением его в качестве модификатора в определенной функции. Например, для образования формы несовершенного вида употребляются глаголы со значением продолжительности действия или состояния (лежать, сидеть, ходить и пр.), а для образования формы совершенного вида — глаголы моментального действия: ставить, бросить, взять, дать и пр. Именно в силу обычности и характерности данных действий и состояний выражающие их глаголы стали употребляться для дополнительной характеристики любых других действий. Причем видовая характеристика путем применения глаголов-модификаторов в алтайских языках выражается намного образнее, нагляднее и тоньше, чем синтетическая корреляция глагольных видов в других языках, ср.: тат. *язып йата* 'пишет (несовершенный вид) медленно, так что конца не видно'; *язып утыра* 'пишет энергично'; *язып тора* 'записывает (многократный несовершенный вид) по мере поступления информации'; *язып йөри* 'записывает по мере нахождения информации (т. е. ищет информацию и записывает)' и т. п.; см. [6].

Словосочетания *язып йата-*, *язып утыра-*, *язып тора-* и т. п. можно идентифицировать со сравнительными оборотами «пишет, как лежит», «пишет, как сидит», «пишет, как стоит» и т. п.

Такая «метафорическая» связь между основным значением глагола-модификатора и его вспомогательной функцией ценна в том отношении, что она делает особо устойчивой семантическую структуру, способствуя сохранению древнейших значений. Ведь грамматикализованное значение должно быть

более определенным и постоянным, чем значение чисто лексическое.

Анализ семантической структуры глаголов-модификаторов *түш-* (*буу-*), *чык-* (*гару-*), *йаз-* (*алда-*) приводит к выводу, что собственное значение этих глаголов в древности было более характерным и обычным, чем сейчас. Из сопоставления пар *түш-* (*буу-*) 'спускаться, войти, остановиться на ночлег; по дороге заходить в гости (*қонаққа түш-*); идти на уступки; попадать в яму; сдаваться (в плен)' и *чык-* (*гар-*) 'подниматься, всходить; выходить; возникать, появляться' возникает предположение, что в эпоху тюрко-монгольской общности (или тесного соседства этих племен) обычным жилищем служила землянка, куда иногда запирали также пленных. Землянки были довольно глубокими — такой вывод можно сделать из сопоставления семантики других тюркских слов, таких, как: тат. *ындыр* < *ырдан* 'ток, гумно', чув. *итем* 'ток', тат. *итэн*, *идэн* 'пол' и ногайск. *ыдан* 'яма для пленных' — все из **ыртаң* 'копаная яма' [тат. диал. *ыр-*, *ырт-* 'копать, долбить твердую почву, делать паз', ср. тат. *бас-* 'копать' и *баз* 'копаная яма, яма для пленных, подполье, землянка, погреб' — из болгарского *базы* с теми же значениями; тат. *басу* 'поле', первоначально только копаное, ср. чув. *позы* 'копаное (место)']. Ср. также общетюрк. *эшик*, *эшэк* 'дверь и крышка' (в некоторых языках), т. е. дверью служила крышка, что возможно только в случае, если жилище расположено ниже поверхности земли.

В семантике глагола *йаз-* (монг. *алда-*) 'промахнуться, ошибаться, грешить, чуть не попасть в беду, чуть не сделать какое-либо действие' угадывается типичная ситуация для охотника на крупного зверя: в случае промаха охотник рисковал жизнью. Анализ семантики других слов подтверждает гипотезу о том, что в эпоху тюрко-монгольского единства соответствующие племена жили охотой (главным образом облавой) на крупную дичь, ср. тюрк. *тут-* и монг. *бари-* 'держать, ловить дичь, строить ограду'; общеалт.: *аң* // *ағ* // *аб* // *ав* // *ау* 'охота, дичь, облава, ограждение, большие рыбацкие сети'; общетюрк. *кон-* 'сесть на дерево или другой возвышающийся предмет (о птицах)' и 'ночевать вдали от дома' (первоначально, очевидно, речь шла об охотнике, устраивавшемся на ночь в засаде на ветвях дерева). Интересно отметить, что в номенклатуре мастей лошади в тюркских и монгольских языках имеется слово *кэгэр*, *кэр*, *кир* 'буроватый, желто-бурый', которое у сибирских татар обозначает также кости мамонта. Следовательно, *кэгэр* может означать 'цвет мамонта' [7]; [8].

Как известно, с древнейших времен, а в некоторых местах и поныне тюрки занимались и занимаются кочевым скотоводством. Кочевничество во многих отношениях определило ис-

торическую судьбу тюркских народов: их расселение на огромных территориях в течение V—XIII вв.; войны тюрок между собой и с соседними народами; постепенное ослабление роли тюрок в мировой истории начиная с XV в. и т. п. Основные звенья кочевого цикла — зимовка в одном месте, летовка в другом; смена пастбищ весной и осенью и т. д. — обусловили все особенности кочевого быта (жилище, утварь, навыки и обычаи). Естественно, кочевничество должно было найти свое отражение и в языке, особенно в лексике. Мы вправе ожидать, например, разветвления и абстрагирования значений «сняться с места», «прибыть на новое пастбище» и т. п.

Однако на деле мы этого не находим: в ряде тюркских языков даже нет слов с основным значением «прибыть на новое пастбище». Лишь путем некоторых разысканий нам удалось определить, что глагол *қоп-* 'начинаться, подниматься (о каком-либо сильном движении, о буре и т. п.); вставать, отрываться' в древности означал 'сняться с места зимовки'. Эта основа, действительно, довольно продуктивна: от нее образованы общетюрк. *кобур-* 'отрывать, приводить в движение', *кобурға-*, *кобузға-*, **қозға-* 'интенсивно приводить в движение, сдвигать', др. монг. **қорға-* 'сдвинуть с места', монг. *хубис-*, *хубила-* 'превращаться, изменяться', бурят. *хубисхал* 'снятие с места летовки или зимовки; революция'.

В значении «прибыть на новое место, на новое пастбище» в общетюркский период, по-видимому, употреблялось слово *бай-*, *байы-*, ср. кирг. *байы-* 'перестать доиться; уменьшаться; перестать (о сильном наводнении, о шуме и т. п.)', др.-кыпч. *байау* 'оседлое житье, спокойствие', монг. *байаут* — название племени, тат. *байы-* 'заходить (о солнце и луне)', монг. *бай-* 'находиться в одном месте, располагаться', *байдал* 'состояние (покоя), спокойный' (откуда тюрк. *байтал* 'кобыла, еще жеребившаяся или переставшая приносить жеребят'), *байр* 'положенный, расположенный' и т. д. В современных тюркских языках глагол *байы-* не очень употребителен, но, вероятно, от него образовано слово *байрак* 'знамя; войско, полк; селение, квартал', первоначально — 'место оседания, сборный пункт войск', ср. тат. диал. *байрак* 'гора, возвышенность' в говорах и 'сухой овраг', ср. также русск. *буерак* из чув. *пуйрак* 'сухая долина'. Для оседлого образа жизни в степях удобны, конечно, долины рек, а место сбора войск обозначалось знаменем, водруженным на высоком месте. В некоторых языках (например, в казахском) *байрақ* обозначает также 'приз', но это значение восходит к значению 'состязание, сбор для состязаний', что, как и сбор войск, обозначалось знаменем, поднятым на высоком месте, на вышке или столбе (*сырған*, *сыңаул*). Подъем знамени был обязательным элементом начала сабантуя и у татар; само слово

«сабантуй» — *сабан туй* означает не 'свадьба плуга' (как это переводят), а 'знамя плуга' (*ту, туг, туй* 'знамя').

С корнем *бад-*, *байы-*, возможно, связано также слово *байрам* 'праздник торжество'.

Как видим, несмотря на заметную продуктивность в словообразовании, глаголы *қоп-* и *байы-* не стали глаголами-модификаторами, как и другие глаголы, обозначающие характерные элементы кочевой жизни. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в период сложения алтайских или по крайней мере тюркских языков кочевое скотоводство не было характерным для их носителей. В дополнение ко всему сказанному приведем еще один факт: общетюрк. *йэк-*, *дэк-* 'запрягать' в чувашском имеет параллель *сак-* 'подвесить, навьючить на спину лошади'. Не упряжка, а вьюкование было способом использования лошадей в общетюркскую эпоху! А этот способ характерен для лесных, лесостепных народов. Процветание кочевого хозяйства без телеги невозможно, по крайней мере в степях Евразии с их суровой зимой.

Таким образом, семантический анализ глаголов показывает, что предки алтайских или, во всяком случае, тюркских народов были охотниками лесостепной зоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ф. Генинг, Этнические процессы в первобытности, Свердловск, 1970.
2. Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, ч. II. Глагол, М., 1963.
3. М. П. Чхеидзе, Спаренные глаголы в марийском языке, Йошкар-Ола, 1960.
4. М. П. Чхеидзе, О происхождении и функциях марийских и удмуртских спаренных глаголов, — сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967.
5. А. А. Юлдашев, Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965.
6. Ф. А. Ганиев, Видовая характеристика глаголов татарского языка, Казань, 1963; его же, К вопросу о сложном глаголообразовании в тюркских и монгольских языках, — сб. «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971.
7. С. В. Иванов, Мамонт в искусстве народов Сибири, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», XXI, М., 1949.
8. А. И. Новиков, Некоторые аналогии к мамонту из области алтайской этнографии, — «Сборник Музея антропологии и этнографии», XXI, М., 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Солнцев. К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия)	3
--	---

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ

И. Ф. Вардуть. Место семантики в лингвистическом описании	12
Г. П. Мельников. Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка	25
С. К. Шаумян. Абстрактная семантическая теория естественных языков и генотипический язык	35
Ю. В. Ванников. О некоторых актуальных проблемах семантики	41
Ю. К. Лекомцев. Принципы лингвистической синхронической семантики	47
И. П. Сусов. Глубинные аспекты семантики предложения	58
Л. А. Киселева. Коммуникативные языковые функции и семантическое строение словесного значения	66
Г. П. Щедровицкий. Смысл и значение	76
М. П. Папуш. Проблема единства семиотики и схема «семиозиса» Ч. Морриса	112
В. Б. Касевич. О соотношении незнаковых и знаковых единиц в слоговых и неслоговых языках	120

ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

В. С. Храковский. Пассивные конструкции: определение, значение, исчисление, типология	127
Б. Ю. Городецкий. Проблема инвентаризации синтагматической семантики	136
Б. Ю. Норман. «Описательная» передача семантической специфики и универсальные грамматико-семантические потенции	144
Ю. В. Большова. О синсемантичности местоимений	150
В. С. Гимпелевич. К вопросу об асемантических морфемах в русском языке	159
<u>Ю. А. Горгониев</u> . Глаголы с двойной дистрибуцией в кхмерском языке	167
Н. В. Омелянович. Зависимость грамматического значения конструкции от лексического значения ее членов	175
Е. Е. Корди. О грамматических значениях аналитической формы <i>être+participe passé</i> во французском языке	181
Н. А. Козинцева. Значения армянских глагольных форм, образованных при помощи суффикса <i>-v-</i>	189
Л. И. Шкарбан. К семантической характеристике пассивных залогов в тагальском языке	196
В. П. Липеровский. О денотативной значимости категории рода имен существительных языка хинди	214

Н. П. Голубева. Синтаксическая сочетаемость переходного турецкого глагола	221
Е. А. Поцелуевский. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними	229

ВОПРОСЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

А. А. Леонтьев, Т. Н. Наумова. О соотношении семантики отдельного слова и семантики целого высказывания	248
А. Е. Супрун, Б. А. Плотников. Манифестация значения и его исследование	255
Б. М. Лейкина. Семантические переменные и контекст	263
Л. В. Малаховский. О возможностях сравнительно-типологического исследования омонимии	272
Л. Б. Никольский. Свернутая знаковая ситуация, значение слова и его мотивированность	279
Р. С. Манучарян. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий	286
Н. Д. Финкельберг. О соотношении генетического и функционального в подходе к семантическому значению слова	296
А. Л. Семенов. О семантике копулятивного сложения в китайском языке	303
Ю. А. Рубинчик. Некоторые вопросы семантической структуры фразеологизмов	308
В. Д. Ушаков. Некоторые замечания об экспрессивности идиоматических единиц	317
Р. Р. Юсипова. Формирование смысловой структуры некоторых глагольных фразеологизмов турецкого языка	323
Абд эль-Сасие Фавзи Аттиа (АРЕ). О смысловой структуре арабского фразеологизма	330
З. П. Комолова. Семантическая мотивированность прагматиков	333

СЕМАНТИКА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Е. Бертельс. Лексикализация поэтических метафор и терминов и ее значение для процесса формирования лексики	340
<u>В. П. Старинин</u> . Изосемантические ряды	349
Н. А. Сыромятников. Семантические компоненты родственных корней в японском языке	355
Ю. Н. Завадовский. Семантика имен собственных в помощь дешифровке мероитского языка	365
Т. М. Гарипов. О семантической дифференциации коррелирующих слов в близкородственных языках	369
Р. Г. Ахметьянов. Опыт историко-семантической интерпретации некоторых глаголов-модификаторов в алтайских языках	376

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Г. А. Давыдова*
Младший редактор *Н. И. Платонова*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Л. П. Письман* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 21/XII 1973 г.
Подписано к печати 24/V 1974 г.
А-08052. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 24. Уч.-изд. л. 24,69
Тираж 1750 экз. Изд. № 3248. Зак. № 1100
Цена 1 р. 98 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4